

ХРАМ ТЕМНОГО ПРЕДКА

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Annotation

Сама Судьба преподнесла Екатерине Петровской и Гектору Борщову незабываемый свадебный подарок – расследование дела пропавшей экспедиции... В 1931 году профессор Велиантов и его друзья обнаружили грандиозную находку в горах Тянь-Шаня. Понимая всю важность открытия для мировой науки и опасность, грозящую экспедиции в тех диких тогда местах, профессор отправляет разным адресатам отрывочные записи, фотографии и... самое главное «доказательство». Произошло то, что предвидел ученый – экспедиция бесследно сгинула в горах.

Спустя почти сто лет загадочная смерть научного сотрудника Зоологического музея Елены Красновой и еще двух человек всколыхнула сведения о пропавшей экспедиции. Эти убийства расследуют полковник Гуцин, Катя Петровская и Гектор Борщов. А чтобы найти преступника и обнаружить то самое бесценное сокровище, сокрытое от людей почти столетие, им нужно отправиться на Тянь-Шань...

Татьяна Степанова – подполковник полиции, бывший сотрудник Пресс-центра ГУВД Московской области и следователь, поэтому в ее остросюжетных романах так правдоподобно и детально описывается расследование криминальных загадок. Татьяна ежедневно работает с информацией о реальных преступлениях, и ее детективные истории максимально достоверны.

- [Татьяна Юрьевна Степанова](#)

-

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)

- [Глава 45](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

Татьяна Юрьевна Степанова

Храм темного предка

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Степанова Т. Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

*Если ночь в горах застала, разведи
большой костер,
Вместо дров меня брось, и я сгорю в огне.*

Билал Назым^[1]

Глава 1

Недальний восток. Синяя птица

1931 г. Где-то на Тянь-Шане

– Дэв-хан, они уходят. Абдулла уводит своих людей, они говорят: после случившегося они не могут остаться. Их догадки темны и смутны. Они боятся тебя.

Дэв-хан проигнорировал слова помощника, своей правой руки и доверенного лица. Эмоции, эмоции... Его помощник взволнован и, кажется, тоже напуган. И не одобряет в душе его поступка. Дэв-хан неотрывно смотрел на Небесную гору. Отсюда на нее открывался прекрасный вид при любой погоде. За свои тридцать лет он не встречал зрелища более величественного и великолепного. Божественного! В вечернем воздухе разливалось некое невидимое, но остро осязаемое его обостренными чувствами волшебство – закатное солнце окрашивало пик совершенной формы в багрянец. На фоне остальных вершин Тянь-Шаня он напоминал царский рубин в драгоценной оправе.

В вечернем воздухе витали запахи хвои и крови.

Один из людей Дэв-хана наступил на труп китайца и поднял за косу его отрубленную голову. Показал трофеем. Кровь пропитала чесучевую безрукавку китайца и надетый сверху ватник. Дэв-хан оторвался от созерцания горы, покосился на обезглавленное тело. Трупы убитых валялись на земле. Головы отсекали китайцам: пятерым кули-носильщикам, одетым в грязное тряпье, и проводнику – предателю в безрукавке из чесучи. Именно он вел экспедицию. Навьюченные скарбом лошади чужаков сбились в кучу и тревожно ржали, чуя запах мертвецов и крови. Люди Дэв-хана потрошили вьюки, выкидывая на землю ящики с чучелами птиц, научное оборудование, продукты, консервы и носильные вещи. Труп их главного начальника обыскивала лично младшая сестра Дэв-хана – пятнадцатилетняя Айнур.

Айнур – Лунный свет...

Она родилась ночью по дороге из Синьцзяна в Пекин под луной и получила от родителей имя в ее честь. Дэв-хан любовался своей ловкой и бесстрашной сестрой. «*В бирюзовом чапане с солнечным лицом ты явилась, как цветок, что в зарю вплетен...*^[2] – строки Билала Назыма словно о ней написаны», – меланхолично думал он. Назыма почитал их отец, а они с сестрой с детства знали многие стихи великого поэта всех уйгуров наизусть.

На Айнур были голубой чапан (ватный халат, подпоясанный мужским кушаком), сапоги и шаровары; черные смоляные волосы она заплела в две тугие косы. Ее точеную головку украшала допа – расшитая шелком тюбетейка, а за спиной через плечо болталась винтовка. Из нее она собственноручно застрелила их *главного*. Чужак даже не успел ничего понять, когда она внезапно появилась из зарослей арчи и, подобно газели, вскочила на валун у горной тропы, вскинула винтовку. Ее меткий выстрел выбил мозги из ученой головы чужака. А потом они застрелили всех остальных. Без всякой пощады.

Айнур достала из кармана суконного пиджака их главного очки и блокнот. Пиджак чужак носил по-городскому, прямо на шерстяной свитер, несмотря на июльскую жару. Он был уже в годах. А записки его на русском языке...

– Все надо сжечь дотла, брат, – деловито, совсем по-взрослому заявила пятнадцатилетняя Айнур – Лунный свет. – Трупы всех этих собак. Их вонючее барахло. Ящики, чучела птиц. Бумаги. Лошадей зарежем и тоже сожжем. От них вообще не должно ничего остаться – ни горстки пепла. Ведь экспедицию станут искать.

– Дым костра увидят из долины, – ответил сестре Дэв-хан.

– Решат – лесной пожар где-то в горах. Мы, уходя, подожжем окрестный кустарник, пепел потом развеем с гор, – ответила Айнур и вырвала из рук одного из членов отряда теплые кальсоны и ботинки чужаков. – Не смей брать! Брось! Нам их тряпок не надо. Мы не воры и не грабители. Все предадим огню!

– Ты сама пламя, сестра, – заметил с восхищением Дэв-хан. – Благодарю тебя за меткий выстрел и за смелость. Хороша, девчонка, а? – обернулся он к своему помощнику.

Тому перевалило далеко за сорок. Умный и осторожный, он пришел с Дэв-ханом с той стороны гор, из Китая. Он служил еще покойному отцу Дэв-хана. И знал некоторые тайны их рода.

– Хочешь ее в жены? – насмешливо спросил Дэв-хан помощника. – Я же не слепой.

– Шад^[3], тебе ведомы мои чувства, ты всех видишь насквозь, – ответил тот, думая о поразительном сходстве брата и сестры – обоих небо наградило редкой красотой и умом, но поскупилось на доброту и милосердие.

Помощник часто называл его Шад – принц... И он не льстил Дэв-хану. Тот имел права на высокий титул по происхождению.

– Тогда оставайся верен мне. Не бери пример с глупца Абдуллы. Эй, Абдулла! – Дэв-хан окликнул вожака отряда местных басмачей, присоединившихся к ним месяц назад из корысти за деньги, а теперь позорно и трусливо бежавших прочь, когда дело дошло до главного. – Доброй дороги, друг! Не споткнись! Крепко держись в седле!

– Мне говорили умные люди: не связывайся с идолопоклонником даже за мзду, – ответил бородатый Абдулла-басмач в ватном халате. – Что ты натворил? Ученых начнут искать. Я рискнул головой сторонников – все ради тебя, идолопоклонника! А ты сам – чужак в здешних местах. Правоверному мусульманину не по пути с тобой, Дэв-хан. Ты из Нижнего мира, шайтан – верны слухи о тебе! Ученые, которых ты прикончил, наблюдали за птицами – только и всего. Блаженные люди... Во многих кишлаках мои земляки их встречали гостеприимно. Они расспрашивали моих земляков о Синей птице, замеченной в горах. Они искали только ее. Птицу!

– Нашли. Здесь. На свою беду. – Дэв-хан указал на ящик с выброшенным из него на землю чучелом птицы, похожей на дрозда. В закатных лучах солнца ее перья сверкали словно сапфир – синим, небесным цветом...

Бородатый Абдулла-басмач махнул рукой – что с тобой говорить? Дэв-хан наблюдал, как его отряд садится на коней и уезжает.

– Абдулла, они все мертвы! – крикнул он вдогонку. – Никто из них ничего не расскажет, я заткнул им рты кровью и камнями! Гляди в оба, пусть твои люди не проболтаются! А то я доберусь и до вас. Ученый из Москвы, его помощник и фотограф – они отныне падаль, корм для грифов и волков... Пес-фотограф сдох. Собаки-кули китайские и проводник-шакал... Они – прах!

– Не все! – Абдулла обернулся, остановил коня. – Мальчишка сбежал, младший брат фотографа!

– Он ушел еще позавчера утром, – ответил Дэв-хан. – Его отослали домой с поклажей. Он не знает о случившемся с остальными. И он – глухонемой! Я не воюю с калеками. Мальчишка не поднимался сюда в горы, и он не сможет ничего никому рассказать, ведь Небо лишило его языка!

Абдулла ему не ответил. Когда отряд басмачей скрылся из виду, помощник снова обратился к Дэв-хану:

– Шад, Абдулла и его люди не поняли, к счастью, почему некие места в горах – запретная территория. И ты приносишь жертвы, ограждая ее от посторонних. Но они начнут распускать нелепые и зловещие слухи.

– Для них Небесная гора просто вершина в снегах, – ответил Дэв-хан. – Но не мне же объяснять тебе – что, почему и как. Для чего я иду на жертвы и убийства в общем-то невинных людей. Ученых.

– Ты сам все осознаешь, Шад. И мое сердце рвется в печали и тревоге за тебя. Ты не Абдулла, он из простых, родился в кишлаке. А ты учился в Бэйда – Пекинском университете, – слушал лекции по философии, много путешествовал. Но ты сейчас расстрелял целую экспедицию: двух русских ученых и местного фотографа, носильщиков, проводника, разыскивающих Синюю птицу. На юге ее полно, но в здешних горах, говорят, она великая редкость. Если все откроется, тебя обвинят в варварстве и жестокости. Ладно, пусть с китайцами у нас свои давние счеты – твоего отца подло убили и обезглавили в Запретном городе, хотя он служил маленькому императору и регенту верой и правдой...

Помощник бросил взгляд на обезглавленные трупы китайских кули и проводника, на остальные тела. Всех убитых люди Дэв-хана начали обкладывать хворостом и валежником, готовя огромный костер. Пятнадцатилетняя Айнур командовала ими.

– Мы не варвары, – со страстью ответил Дэв-хан. – И мы не продажные бандиты, подобно Абдулле и его швали. Мы чужие? Наверное, да. Наша земля за синими горами. Но наш рассеянный народ живет и здесь. Мы – скитальцы... Так уж вышло, что великая тайна... бесценное сокровище моего рода скрыто по эту сторону гор. Веками наш род хранил ее. Разве не является запретным для досужих чужаков место моего предка? Стража Небесной горы? О, Великий, Темный... Только Тебе я служу и поклоняюсь! Отдам свою жизнь и

всю свою кровь до последней капли за Тебя, мой Бесценный, без которого не было бы ни моих предков, ни меня, ни сестры, ни наших потомков...

Помощник сразу опустил глаза. Умолк. Когда Шад – его принц и хозяин – *«ставил на свой личный граммофон подобную заезженную пластинку»*, с ним было бесполезно спорить, что-то доказывать или возражать. Так его воспитали с детства. Они с сестрой с молоком матери всосали все это. Он фанатик? В какой-то степени – да. В самом крайнем своем проявлении, когда дело касается Небесной горы и тайны их рода скитальцев, потомков уйгурских принцев из Синьцзяна и Желтых уйгур, издревле почитающих Великого Темного предка.

Помощник представил Дэв-хана в Бэйда – Пекинском университете: этакий лощеный европеизированный молодой человек с идеальным пробором, в визитке, брюках в полоску и лакированных туфлях. Со своими наложницами на вечеринках он танцевал танго и новомодный чарльстон. И сравнил его с Дэв-ханом нынешней ипостаси – в грязном чапане, подбитом ватой, с «маузером», заткнутым за кушак, и винтовкой за спиной. Бедность и небрежность походной одежды лишь подчеркивали его мужскую статью. Кровь древнего рода наградила его красотой, но вместе с ней вселила в его просвещенную, жаждавшую знаний душу некое странное безумие, не поддающееся рациональному объяснению.

Ведь он и правда верит в то, о чем говорит с таким пафосом. Ради чего убивает столь жестоко и страшно.

Но это лишь сказка, темная, жуткая легенда!

Или все же правда?

– Никто больше не должен узнать о том месте, – твердо заявил Дэв-хан. – Никто. Никогда. И все останутся живы.

– А глухонемой братишка фотографа? – осторожно спросил помощник.

Дэв-хан лишь глянул на него. И отвернулся к Небесной горе.

На ее склоны идеальной пирамидальной формы уже наплывали клочья густого тумана. Но заходящее солнце освещало самый пик – словно утес облили свежей жертвенной кровью. И он смаковал ее соленый вкус...

Лучи солнца погасли.

И все окутало тьмой.

Помощник вспомнил байки старого шамана, накурившегося травы-дурмана, колдуна из дальних степей, где обитают желтые уйгуры. Мол, именно в сумеречный пограничный час ОН, ТОТ, КТО ХРАНИТ НЕБЕСНУЮ ГОРУ, и выходит из тайного логова на свою лютую охоту.

Глава 2

Незнакомец

Наши дни

– Они оба в его крови. Взгляните на них. Какие еще доказательства их вины в убийстве вам нужны?

К полковнику Гущину пафосно обращался начальник местного полицейского управления. Стояла тихая теплая сентябрьская ночь. Пялилась луна – небесный фонарь. Другое освещение на старой бетонке, соединявшей подмосковные Липки с железнодорожной станцией Воробьевка, напрочь отсутствовало. Полицейским пришлось включить фары патрульных машин на месте происшествия. Причудливые тени метались вокруг – появлялись внезапно, множились, словно угрожая, и расточались в дым.

На обочине бетонки приткнулась старая ржавая «Лада». Возле нее в пыли лежал окровавленный труп.

Полковник Гущин никогда прежде не бывал в Липках. Место недалеко от Москвы, но сушая глухомань – заброшенные песчаные карьеры, маленькая станция, вокруг лишь закрытые склады и две грандиозные стройки новых жилищных комплексов в чистом поле. Дальние огни прожекторов и башенных кранов во тьме.

– Их застукали прямо на месте убийства, – продолжал местный начальник полиции. – Хорошо, я распорядился маршрут ночного патрулирования изменить и включить бетонку. А то бы тело до утра пролежало. Здесь вообще мало кто сейчас ездит из-за новой развязки с федерального шоссе к стройкам.

Полковник Гущин молча созерцал труп, возле которого хлопотали два местных криминалиста-эксперта. Гущин вечером возвращался из Наро-Фоминска с совещания, выезжать на происшествие в район он вообще не планировал – адски устал, голова трещала. Мечтал вернуться домой и завалиться спать. Сообщение об убийстве застало его в пути, он находился от Липок всего в десяти километрах. Его сразу оповестил дежурный по главку: убийцы задержаны с поличным

– группа лиц. Причем среди них есть несовершеннолетние. Поэтому Гущин и решил отправиться в Липки лично.

– Жертва – гастарбайтер, мигрант, – убежденно вещал местный коллега. – Наверняка со стройки. И машина его – рыдван с ржавым кузовом. Правда, при нем никаких документов. Но видно же невооруженным глазом – мигрант-азиат со стройки! Среди ночи за бухлом рванул. И попался здешним щенкам. Они его прикончили ради забавы. Зарезали.

– У машины калужские номера, коллега, – заметил полковник Гущин.

– Ну и что? – Начальник полиции пожал плечами. – Федор Матвеевич, на стройках наших кого только нет, мигрант в Калуге пошабашил, потом к нам перелетел. Контингент мобильный.

Полковник Гущин отвернулся от самоуверенного подчиненного и шагнул к труп, нагнулся. В свете фар полицейских машин он видел перед собой мужчину лет за пятьдесят, азиатской внешности, смуглого, волосы темные с проседью. На лице его застыла маска страдания. Его одежда – летняя ветровка, рубашка и даже бежевые сатиновые брюки – потемнела от крови.

– У него два ножевых ранения, – сообщил Гущину местный криминалист-эксперт. – В спину, в область левой лопатки. И в шею, глубокая резаная рана.

Полковник Гущин надел резиновые перчатки, низко нагнулся. Начал осматривать кисти рук убитого.

– Что у него с пальцами? – спросил он эксперта.

– Сломаны на правой руке – средний и указательный, – эксперт рукой в перчатке тоже пощупал кисть жертвы.

– Подозреваемые могли ему причинить повреждения, защемив руку дверью машины? – спросил полковник Гущин.

– Затрудняюсь сказать, – честно признался эксперт.

– На следы пыток похоже, – тихо заметил Гущин. – Я уже видел подобное. Пальцы ломают жертве. Коллега, – он обратился громко к местному полицейскому начальнику, – посмотрите. Ни мозолей у него, ничего, указывающего на работягу-строителя. Кожа ладоней мягкая. Руки вполне интеллигентного человека.

– Они в рукавицах на стройке пашут, в перчатках. Мигранты ко всему приспособляются, – отрезал недовольно начальник полиции. –

Я не понял – что там про пытки, а?

– Давайте расстегнем ему рубашку, – попросил эксперта полковник Гуцин.

Криминалист расстегнул пеструю хлопковую рубашку на груди убитого, и они сразу заметили следы жестоких побоев, а также неглубокие ножевые порезы.

– Били, ножом полосовали. – Начальник полиции, наклонившись над трупом, шумно сопел – ему мешал внушительный живот, перетянутый ремнем. – Федор Матвеевич, в салоне машины полно крови. Его именно там приканчивали задержанные моим нарядом ППС типы. Да вы с сотрудниками моими поговорите, сразу все вам станет ясно!

– Пока мне не все ясно, и я продолжу осматривать тело, – возразил полковник Гуцин. – Обе раны, в спину и шею, жертве нанесли одну за другой одновременно или с определенным временным интервалом?

Криминалист глянул на Гуцина, затем на начальника местной полиции – своего командира. Не зря полковник Гуцин – высокое главковское начальство, шеф уголовного розыска – задает подобный каверзный вопрос.

– Поворачиваем тело, осматриваем рану на спине, – приказал полковник Гуцин. – Раз-два взяли – аккуратно.

Они втроем – полковник Гуцин и два эксперта – повернули тело на бок, задрали ветровку и рубашку.

– Могу определить сейчас визуально – рана на спине большей давности, чем на шее, – ответил эксперт. – Видите? На спине на краях раны кровь запеклась. Она темного, почти черного цвета. А из раны на шее при надавливании она все еще выступает.

– Обе раны, по сути, смертельны, – заметил полковник Гуцин. – Проникающий удар ножом под левую лопатку, в область сердца. И глубокая резаная рана шеи, точнее горла, слева. Я думаю, сначала его ударили ножом в спину. И, возможно, не в машине. Где-то еще. Затем положили тело в салон, считая нашего незнакомца мертвым, однако нож сердца не задел. Потерпевший спустя какое-то время начал подавать признаки жизни. Тогда убийца ударил жертву ножом в шею. Пытался добить в салоне – отсюда обильные потеки крови на сиденьях

и на полу. Но незнакомец наш умер опять-таки не сразу, он жил еще какое-то время. Возможно, у него сильный организм.

– Вы просто слышали вопли задержанных. Их наглуго ложь, – начальник местной полиции начал раздражаться. – Мол, они его не убивали, а хотели спасти. Чушь! Они увивают от ответственности. А вы, Федор Матвеевич, при всем моем к вам уважении, сейчас ведетесь на их вранье. Мои парни из ППС, между прочим, их прямо у «Лады» застукали. Они окружили труп сворой, а увидев патрульную машину, сразу бросились наутек. Моим ребятам пришлось стрелять в воздух и даже по колесам их драндулетов.

– Наш убитый не походит на гастарбайтера, коллега, – возразил полковник Гуцин. – И возраст у него солидный. Хотя, конечно, если жизнь заставит, можно и в полтинник на стройке кирпичи класть. Но... если ваши сотрудники ППС застукали на месте происшествия его убийц – где всё?

– То есть? – спросил недовольно начальник полиции.

– Его документы, личные вещи – хотя бы портмоне, мобильный, карты, – если, по-вашему, он среди ночи рванул за водкой. В округе есть круглосуточный супермаркет? Или частный шланбой?^[4]

– Круглосуточного нет, но спиртное мигранты достанут – у своих же земляков. Миф, что узбеки не пьют, – усмехнулся начальник полиции.

– Мне кажется, он не узбек. Хотя я могу ошибаться, – парировал полковник Гуцин. – Патрульные сработали хорошо, задержали подозреваемых оперативно. Но тогда у них должны были изъять какие-то вещи убитого. И самое главное – окровавленный нож, орудие преступления, раз на их одежде его кровь. А нож где же?

– Они пытались бежать. Наверное, выбросили нож в траву.

– Ищите в траве вещдоки, – сурово приказал полковник Гуцин. – Хватит заниматься демагогией, коллега. На месте убийства отрабатываются абсолютно все версии. А не одна – для вас наиболее удобная и простая. Ищите! До утра еще далеко. Луна высоко. Задача ясна?

– Так точно, – буркнул начальник местной полиции. – Найдем, Федор Матвеевич. А вы перед допросом задержанных переговорите с моими патрульными.

Гущин отошел от тела, давая криминалистам возможность продолжать осмотр и собирать улики. На подмогу прибыл еще один криминалист-эксперт, срочно вызванный из дома. Он возился у «Лады», осматривал салон, брал образцы крови с сидений и пола. Затем обошел машину. Что-то привлекло его внимание на земле.

– В кювете бензин разлит. Федор Матвеевич, чувствуете запах? – спросил он.

Гущин вдохнул. Теплый ночной ветер... Вокруг много машин, и запах бензина ощущается в воздухе – неудивительно.

– Дальше на траве тоже следы бензина, – долговязый эксперт, согнувшись в три погибели, щупал землю. – Здесь канава сырая после дождя. Не пойму – где бензин, где природная влага.

К полковнику Гущину уже спешили двое патрульных – совсем юные, зеленые полицейские в экипировке и бронежилетах.

– Докладываем, товарищ полковник, обстановку, – бодро начал рапортовать старший. – Осуществляли согласно инструкции ночное патрулирование по маршруту. На развилке нам посигналил водитель «Газели», заявил, мол, его четверть часа назад подрезали недоумки, устроившие гонки на двух машинах. Он чудом избежал аварии, ругался почему свет. Сказал – вроде молодые мальчишки за рулем, пьяные. Указал он в сторону заброшенной бетонки – мол, туда они рванули, во тьму. Но мы, конечно, потратили какое-то время на его опрос, задержались. А эти... подозреваемые... видимо, рванули напрямик через пустырь, поэтому оказались на месте происшествия сразу после инцидента с «Газелью». Короче, временем для убийства они располагали.

– Ясно, и что вы увидели? – спросил полковник Гущин с большим интересом. Ему и правда было любопытно.

– Тьма-тьмушая, – пожаловался второй патрульный. – В свете фар три машины на обочине. «Лада» – корыто, и еще две – «Гранта» и «Киа». И группа парней – четверо, и девчонка с ними, как оказалось, несовершеннолетняя. А из парней один несовершеннолетний – тот, на ком следы крови, ему шестнадцать. Его приятелям по восемнадцать. «Киа» принадлежит одному из них – объявил, мол, подарок родителей. А «Грантой» владеет отец другого пацана. Он сказал нам, что тайком взял ее покататься, у него самого нет прав. И на нем тоже имелись

следы крови – на толстовке. Ну и труп мы увидели, без признаков жизни, на земле, рядом со старой «Ладой».

– То есть вы оба лично не видели непосредственно сам момент убийства потерпевшего? – уточнил полковник Гуцин.

– Нет. Но они все кружились возле лежавшего на земле человека. Суетились вроде... Нехорошо как-то... Может, следы заметали? Услышав нашу сирену, бросились к своим машинам.

– Я из патрульной нашей старушки стрелять не стал, – объявил другой полицейский. – Сами понимаете, товарищ полковник, серьезная движуха – труп и группа молодежи. Девушка... Я выскочил – кричу: «Полиция, всем стоять на месте!» И уже дальше по уставу применил табельное оружие, пресек попытку удрать. Они застыли в ступоре у тачек с пробитыми колесами. Мы их с напарником задержали и сразу вызвали наших из отдела – разбираться с трупом.

– Вы, конечно, сразу обыскали ребят? – задал новый вопрос полковник Гуцин.

– Действовали и далее по инструкции. Ножа у них мы не обнаружили. И личного имущества потерпевшего тоже – наверное, они его ограбить не успели. Но на двоих – повторяю, несовершеннолетнем и его приятеле – была кровь. Мы и на суде это подтвердим, – твердо ответил патрульный. – Все они тряслись, оправдывались. Но мы особо не вникали. Ждали наших из отдела. А девчонка сразу в слезы. Умоляла нас отпустить их всех домой.

– Но вы на ее слезу не поддались. – Полковник Гуцин смотрел на юнцов-полицейских, почти ровесников задержанных. Они очень-очень старались. И не ему – циничному закоренелому профи – подшучивать над ними.

– У пацанов вся одежда и руки в крови! И вообще ничего не ясно! – пылко воскликнул юный полицейский. – Но они хором орали: «Мы его не убивали! Наоборот, пытались ему помочь!»

– От машины в сторону пустыря ведет дорожка из бензина! – громко оповестил опергруппу криминалист, осматривающий старую машину с калужскими номерами. – «Ладу» пытались поджечь!

Глава 3

Что сказал покойник

Задержанных охраняли полицейские. Полковник Гуцин подошел, глянул: испуганные пацаны и девчонка в спортивных бомберах, кроссовках. От них за километр разило пивом. На толстовках и штанах двух парней расплылись обильные пятна крови.

– Мы его не убивали! – загалдела вся компания наперебой. – Мы его, наоборот, спасти пытались! Остановились на дороге ради него!

Полковник Гуцин выбрал двух окровавленных фигурантов и девушку, с троицей под охраной отошел подальше.

– Вы аварию с «Газелью» на развилке едва не устроили? – прямо спросил он.

Парни закивали, бормоча: «Мы не нарочно! Водила дорогу не уступил».

– А здесь что натворили? – Гуцин указал на старую «Ладу» на обочине. – Тоже не уступил вам мигрант дорогу? Подрезал вас? И вы с ним посчитались? Наказали его?

– Да нет же! Мы полицейским объясняли! Они нас послали! Схватили, обыскали! Выслушайте хоть вы нас, – горячо возразил парень постарше. – Мы ни в чем не виноваты!

– Это он все сделал! – выпалил фальцетом его несовершеннолетний приятель. – Мы с Лерой вообще ни при чем!

Гуцин вздохнул – поплыли ребятки. Юнец уже сливает корешка, сейчас наперебой начнут валить один на другого. Нервы, нервы, нервы... Зумеры в передрягах народ нестойкий.

– Он зарезал мигранта? – Гуцин, обращаясь к подростку, кивнул на его старшего приятеля.

– Вы что? Нет! Послушайте меня, – завопил юнец испуганно. – Кирка тоже ни при чем, и я, и все наши... Мужика убил тот, кто был там! – И он указал в сторону пустыря.

Гуцин глянул – в свете фар бурьян, заросли редких кустов и деревья, вроде чахлая придорожная рощица, даль тонула во тьме.

– Рассказывайте, только не врите, – велел он.

– Мы просто катались ночью, свернули на Липки, – сбивчиво начал старший парень. – Олег мне крикнул вдруг: «Смотри! Трава горит!»

– Я увидел на обочине бегунок! – подросток сильно волновался. – А в свете фар впереди машину на обочине. И я сразу подумал: словно в фильме – кто-то разлил бензин, поджигая тачку. Я крутанул руль и съехал в кювет, чтобы колесами загасить огненную дорожку, не дать распространиться! И остановился! Я не думал, не боялся, что наша машина загорится. Я сделал все на автомате!

– То есть ты, в свои шестнадцать, утратив инстинкт самосохранения, в состоянии алкогольного опьянения управлял чужой машиной без прав? – уточнил невозмутимо полковник Гущин.

– Да! Но это не важно сейчас. Выслушайте нас! – Подросток придвинулся к Гущину почти вплотную. – Мы выскочили из тачки. Лера закричала: «Смотрите, у леса кто-то есть!»

Полковник глянул на девушку Леру. Косметику на ее личике размыли обильные потоки слез.

– У деревьев в траве еще тлел огонь. И я заметила темную фигуру, – всхлипнула Лера. – Я толком не разглядела. Огонь на земле вспыхнул и погас. А тень метнулась за деревья. Ой, нет, все было не так!

Гущин хмыкнул: подозреваемые в групповом убийстве традиционно начинают путаться в показаниях. Во лжи?

– А как все проистекало, Лера? – терпеливо спросил он.

– Человек стоял в темноте, он видел нас, все длилось примерно минуты две. Он ждал, колебался – напасть на нас или же скрыться. К счастью, подъехали наши, вторая машина, они ведь чуть отстали. Мы их обогнали! Он просто понял – нас много, он не справится со всеми. И огонь его погас в траве. Он не решился запалить бензин снова. И юркнул во тьму.

– Ясно, – подытожил спокойно полковник Гущин. – Дальше?

– Мы все бросились к машине, – заявил парень постарше. – Олег рванул заднюю дверь, и на него буквально вывалился оттуда тот мужик, весь в крови. Он захрипел, грохнулся на землю, мы с Олегом пытались ему помочь, у него горло было перерезано!

– Потерпевший находился в салоне «Лады» на заднем сиденье? – уточнил полковник Гущин. – И он на тот момент еще подавал

признаки жизни?

– Да! Да! – завопила хором троица. – Мы его не убивали!

– Олег мне крикнул: «Звони в „Скорую“!» – Лера начала плакать. – Я достала мобилу, но, по закону подлости, мой телефон разрядился. Наши все обалдели... тот узбек... или таджик... он забился в конвульсиях и заорал...

– У него началась агония, он вцепился в нас с Киркой, притягивал к себе близко, я испугался, – сказал глухо Олег. – У него на губах кровь пузырилась, потом потекла изо рта прямо на меня... Он бормотал...

– Что? – полковник Гущин насторожился.

– Про тигра вроде. Тигри... Или тигр... И сказал слово «хан».

– Тигр Шер-Хан? Мигрант вспомнил перед смертью книгу Киплинга? – удивленно уточнил Гущин.

По недоуменному взгляду зумеров он понял: они не слышали про Редьярда Киплинга.

– Маугли? – сделал еще одну попытку Гущин.

– Не знаю... наверное... Он бормотал, но я не понял, он говорил на своем языке.

– Он схватил меня за волосы, когда я наклонилась, – прошептала Лера. – Давясь кровью, прохрипел мне по-русски: «Небесная гора».

Мальчишки закивали: точно!

– А потом он умер, – Лера уже рыдала. – Его пальцы вцепились в мои волосы клещами, но он уже не дышал. Олег начал разжимать ему пальцы. Мы услышали вой полицейской сирены, патрульная машина примчалась. Мы еще больше испугались, только мертвяк держал меня за волосы, я пыталась освободиться при помощи мальчишек.

– Вы ему сломали пальцы? – спросил полковник Гущин.

– Нет! – Лера глянула на него – дикий взгляд сквозь слезы. Затравленный.

– Наши, остальные, бросились к тачке, но мент выстрелил в воздух, потом по колесам, – заявил Олег. – Пальцы у мертвого сами вдруг разжались. Лера освободила волосы. Но патрульные нас уже повязали.

– Какой рукой потерпевший вцепился вам в волосы? – полковник Гущин задавал важные вопросы невозмутимо. –левой или правой?

– Правой... ой, нет, левой! Я уже не помню! – Лера всхлипывала. – Какой-то сюр... кошмар, и мы внутри!

Гущин кивнул патрульным: стойте здесь с троицей, охраняйте их, – а сам направился к криминалисту-эксперту. Итак, задержанные пытались дать логическое объяснение факту наличия крови на их одежде и сообщили, что трогали старую «Ладу» – по крайней мере, дверную ручку снаружи. Их отпечатки пальцев найдут и проверят. И факт сей тоже не в их пользу.

– Две бензиновые дорожки от машины – от переднего правого колеса и заднего левого, сливаются в одну, – сообщил криминалист Гущину. – Поджог пытались устроить с умом, однако он все равно не удался.

Они вместе двинулись по бензиновому следу вдоль кювета к черной «Киа» – именно ее колесами безбашенный зумер якобы пытался погасить огненную змейку, не страшась сам взорваться. Внимательно осмотрели грунт, траву, канаву, выбрались на пустырь. Внезапно эксперт обо что-то споткнулся в темноте и осветил фонарем.

– Канистра! – Криминалист поднял ее и осмотрел: пустая, пластиковая, пробка отсутствует.

– Вызываем кинолога, – решил Гущин. – Задержанные упоминали человека у роши. Отработаем след.

Эксперт позвонил в дежурную часть насчет кинолога. Тот примчался на патрульном «газике».

– По бензину работаем? – осведомился он. – Это не есть хорошо, да, Солнышко?

Его напарник-овчарка в наморднике глухо, басовито тявкнула, подтверждая. Полковник Гущин дал им обоим полный карт-бланш, он никогда особо не вникал в тонкости работы четвероногих помощников полиции. Его интересовал лишь результат.

– Я еще вам одну вещь хочу сказать. Я вспомнила! – тоненьким голоском крикнула ему девушка Лера.

Гущин вернулся к задержанным.

– Я дергала волосы из его пальцев, – тихо произнесла девушка. – Он умирал на моих глазах. Мы ничем не могли ему помочь, он истекал кровью. Но я слышала его самое последнее слово.

– И что сказал покойник? – осведомился полковник Гущин.

– Жегич.

– А что это?

– Я не знаю, – Лера зябко передернула худенькими плечами. – Но я не забуду нынешней ночи.

Кинолог с овчаркой вернулся быстро.

– Солнышко отказывается работать в адских условиях, – пояснил он. – Бензин. Но у деревьев она нашла вещицу.

Он держал в руках смятый кусок черного шелка. Так сначала показалось полковнику Гущину. Он забрал его и, надев перчатки, рассмотрел в свете фар. Предмет оказался расшитой узором, ношеной и засаленной изнутри тюбетейкой, мокрой от бензина.

Глава 4

Окно напротив

День спустя

– Федор Матвеевич, здравствуйте! Я очень рада вас видеть!

Екатерина Петровская, криминальный обозреватель пресс-центра подмосковного полицейского главка столкнулась с полковником Гуциным в вестибюле у КПП.

– Здравствуй, Катя. Ты домой? – Гуцин, судя по выражению его лица, тоже обрадовался их неожиданной встрече.

Часы на стене вестибюля показывали четверть седьмого. Прежде Катя не помнила, чтобы полковник Гуцин покидал свой рабочий кабинет столь рано, обычно он засиживался в главке допоздна, а то и до утра. Они давно не виделись с полковником – он долго и тяжело болел, затем восстанавливался после очень серьезного ранения при задержании преступника. Перенесенный ковид и рана оставили глубочайший след и в его душе, и во внешности и отразились на здоровье. Катя отметила с тревогой, насколько изменился полковник Гуцин – сильно похудел, осунулся и постарел. Зачах могучий дуб... Обращаясь к ней, он слегка подкашливал. Краем уха Катя слышала в главке сплетни: оперативная удача по-прежнему верна Гуцину, хотя из-за ухудшения здоровья он все реже выезжает на места преступлений, больше занимается кабинетной аналитикой. И еще коллеги говорили: Гуцин теперь постоянно работает в связке с молодыми напарниками с гражданки. Обоих его новых помощников – Макара Псалтырникова и Клавдия Мамонтова – Катя отлично знала, судьба прежде сводила ее с ними. Она безмерно поражалась их крепкому профессиональному и дружескому союзу с полковником – слишком уж они разные люди и по возрасту, и по характеру. Как-то они все вдруг взяли и подружались за ее спиной, сплотились. А ее даже в известность не поставили! Ну надо же!

Впрочем, она особо не вникала в ситуацию – все ее мысли и чувства занимал Гектор. Ее Гек... С трагических и кровавых событий в

Кашине и Чурилове миновало десять дней^[5]. За это время они вместе с Гектором снова побывали в клинике на Воробьевых горах. Пожилой доктор, прозванный Катей Асклепием, осмотрел Гектора, проверил анализы и заявил им обоим – осталось подождать еще чуть-чуть, активное заживление продолжается. Расчувствовавшись, доктор обнял Гектора и Катю, пожелав им еще немного терпения.

Катя упростила, буквально умолила Гектора пока уезжать на ночь домой в Серебряный бор. Но она ведь еще и трудилась в пресс-службе! Правда, и ее любимая некогда работа, средоточие всех ее амбиций, постепенно отходила на второй план. Катя ловила себя на мысли: она постоянно думает о Гекторе и теряет профессиональный интерес к криминальным происшествиям. Без него все пусто для нее, все лишено смысла. Гектор, скрепя сердце согласившись покинуть ее лишь на ночь, в восемь утра каждый день являлся за ней из Серебряного бора на Фрунзенскую набережную и отвозил из дома на работу. Потом, по его признанию, маялся и считал минуты до вчера. Ровно в шесть он приезжал за Катей в Никитский переулок, забирал из главка. Они вместе ужинали в кафе, разговаривали, строили планы и не могли наглядеться друг на друга. И сейчас Катя, общаясь с полковником Гуциным, постоянно поглядывала в мобильный – нетерпеливый Гектор заблаговременно явился на Большую Никитскую час назад, ждал ее. Написал ей сообщение: «Сдыхаю от тоски. Выходи уже, а?»

– Я домой, Федор Матвеевич, я подписала рапорт на отпуск, – объявила Катя полковнику Гуцину. О другом своем важном решении она пока не хотела ему сообщать. Позже расскажет все. Неизвестно ведь, как он воспримет ее новости, еще начнет отговаривать. Она ответила Гектору: «Иду».

– И я домой, – вздохнул полковник Гуцин. – Устал. Надоело над бумагами корпеть. Ты далеко машину поставила? Пойдем, я тебя провожу до парковки, а потом прогуляюсь немного, воздухом подышу.

Они вышли из главка. Сентябрьский вечер встретил их почти летним теплом и духотой. Катя сняла пиджак своего делового костюма, осталась в топе без рукавов и брюках. В кабинете она сменила привычные лодочки на высоких каблуках на удобные лоферы. С работы она забрала свои вещи, на плече ее болтался тяжелый шопер.

– Отпуск – милое дело, – меланхолично заметил полковник Гуцин. – А ты изменилась, Катя.

– Как ваше здоровье, Федор Матвеевич? – заботливо спросила Катя. – Как вы себя чувствуете?

– Превосходно, весел я и бодр! – Гущин опять начал подкашливать. – А ты просто сияешь...

Он, видимо, хотел продолжить комплимент. Но в этот момент они услышали резкий звук... стук... треск, донесшийся со стороны Зоологического музея. В узком и тенистом Никитском переулке здания подмосковного главка полиции и Зоологического музея располагались прямо друг напротив друга.

Катя подняла голову и увидела открытое окно на третьем этаже, в самом конце здания музея. Почти напротив окна кабинета пресслужбы, где обычно сидела она сама, но значительно выше. Здание подмосковного главка – пятиэтажное, а Зоологический музей, имеющий высоченный фундамент, вмещающий обширный подвал-хранилище и музейные залы с грандиозными по высоте потолками, внешне имеет три этажа, однако высота обоих зданий практически одинакова: окна музея на третьем идут вровень с окнами пятого этажа главка подмосковной полиции. Сколько помнила себя Катя, никакие окна в Зоологическом музее никогда прежде не открывались – даже в июльскую тридцатиградусную жару. Но сейчас на третьем этаже в конце здания, где к зоомузею примыкает его более низкая пристройка-флигель, расположенная напротив бюро пропусков главка, окно оказалось распахнутым.

Однако Катя не успела даже удивиться небывалому событию – она увидела Гектора на углу Никитского переулочка: он быстро шел к ней и полковнику Гущину. Тот тоже его заметил – высокого, широкоплечего, атлетического сложения шатена, на вид чуть за сорок, с серо-синими глазами, одетого в серые потертые джинсы и темно-серую рубашку.

– Привет! Еле дождался тебя. – Гектор, подойдя, сразу забрал у Кати тяжелый шопер и закинул себе на плечо. – Ну как дела наши? Удачно?

Наблюдательный полковник Гущин отметил: незнакомец сильно взволнован, он в каком-то всепоглощающем, отчаянном и вместе с тем радостном смятении пребывает. И в нетерпении. И Катя тоже разом вспыхнула. Полковник внезапно почувствовал себя ужасно лишним.

– Гек, это Федор Матвеевич Гуцин, – Катя тем не менее представила своего коллегу Гектору. – А это мой...

– Здравствуйте. Катя мне о вас рассказывала, вы работали раньше вместе. А я полковник Гектор Борщов.

Гуцин воззрился на него:

– Слышал о вас. Вы тот самый полковник Гектор Игоревич Борщов?! – Гуцин уже не мог скрыть своего изумления. Слухи про полковника Гектора Троянского – Троянца, как его окрестили в их общих дальних и ближних профессиональных кругах, и на Кавказе, и в Сирии... – не вязались с обликом того, кого он сейчас видел перед собой. Бывший спецгент. Бывший наемник экстра-класса – гроза террористов. Бывший консультант серьезных структур... Бывший, бывший... Много всякого разного болтали о нем в кулуарах силовиков – и хорошего, и плохого. И вот он перед Гуциным собственной персоной и по виду, ну, этакий Джерард Батлер! Лучезарная улыбка!

– Смотря что вы подразумеваете, полковник, – Гектор усмехнулся уголком рта.

– Вы прежде работали в 66-м отделе ФСБ, и отдел тот гикнулся... то есть его расформировали и ликвидировали с вашей подачи, – Гуцин с досадой укорил себя за высказанные вслух досужие профессиональные сплетни. – А вас потом перевели в советники...

– Я уволился из конторы, финита, – лаконично бросил Гектор Борщов.

– Каждый хозяин своих поступков. Признаться, утрата одиозного 66-го отдела меня мало огорчила, земля ему стекловатой, – в тон ему ответил полковник Гуцин. – Хотя я далек от интриг: мы – полиция – черная кость, а вы кость белая...

– Я теперь служу только ей, – сказал Гектор и на глазах Гуцина демонстративно взял Катину руку, поцеловал в запястье.

Катя руку у него не отнимала. И полковник Гуцин опять ощутил себя абсолютно лишним в их компании... Все с ними ясно. Поцелуй в запястье – чего уж больше надо? И теперь его вопросы про прошлое полковника Гектора Борщова более чем неуместны. Он их, может, и не слышит уже, он занят только Катей, поглощен целиком... А она им. Как они смотрят друг на друга!

– Рапорт подписала на отпуск и другое важное дело тоже сделала, – сообщила Катя Гектору.

– Отлично. Отпразднуем. Я столик зарезервировал в ресторане на Твербуле, пойдем, – Гектор все не отпускал Катиной руки.

Вновь пронесся над Никитским переулком странный звук – то ли приглушенный вопль, то ли стон, но его перекрыл громкий вой сирены «Скорой» на Тверской. Они втроем направились по переулку к Большой Никитской улице. Полковник Гуцин решил распрощаться с ними на углу. Они поравнялись с входом в Зоологический музей, и Катя машинально оглянулась. Она вспомнила про распахнутое окно на третьем этаже музея под крышей. Гектор оглянулся тоже: он, подобно подсолнуху за солнцем, поворачивался вслед за Катей – куда она смотрит, туда и он. Полковник Гуцин плелся рядом, он не оглядывался. В сердце его угнездилась гнетущая тоска: «Я старый больной солдат, донна Роза, и не знаю слов любви...»

Внезапно оглянувшаяся назад Катя резко остановилась.

На ее глазах из распахнутого окна на третьем этаже Зоологического музея вылетел человек.

Женщина в платье, с растрепанными, развевающимися по ветру темными волосами.

Ее тело сначала задело верхнюю часть фонаря на тротуаре под окнами музея. Перевернулось в воздухе и с силой ударило грудной клеткой о железный барьер, выставляемый полицейскими на проезжей части Никитского переулка, где запрещали любую парковку машин. Тело несчастной, выпавшей из окна женщины опрокинуло барьер и грохнулось на землю. Бедняга упала навзничь.

Катя бросилась к ней. Гектор ринулся за Катей – он тоже все видел. А полковник Гуцин пропустил момент падения незнакомки из окна. Обернувшись на возглас Кати, он узрел женщину уже лежащей на проезжей части Никитского переулка.

– Федор Матвеевич! Она из вон того открытого окна музея упала на моих глазах! – крикнула Катя Гуцину.

– Сами люди так не падают, – объявил Гектор. – Ее сейчас вышвырнули с третьего этажа!

Вот так и вышло, что у тела несчастной они оказались втроем самыми первыми. В Никитском переулке сначала никто ничего даже не понял – прохожие отсутствовали, а полицейские из службы внутренней охраны главка выскочили минут через пять уже на шум и крики с улицы. Сотрудники главка начали выглядывать наружу из окон

– многие собирались домой с работы, их привлекла суeta в переулке. Однако в зоомузее не открылось больше ни одного окна.

Катя, подбежав, рухнула на колени рядом с упавшей. Она думала лишь о помощи ей. Гектор и полковник Гуцин склонились над телом.

– Федор Матвеевич, она жива. Но могла себе спину сломать, ее нельзя сейчас трогать, переворачивать. Вызывайте «Скорую»! – объявил Гектор. Поднял голову, внимательно осматривая распахнутое окно на третьем этаже музея.

– Гек, я никого не вижу, – и Катя глянула вверх. – Внутри вроде пусто.

– Но кто-то находился с ней. Ее вытолкнули! – убежденно ответил Гектор. – Заметила траекторию падения?

Женщина застонала от боли, захрипела.

– Ххххаан...

– Что? – Катя низко наклонилась к несчастной, уловив аромат дорогих люксовых духов незнакомки. Платье на ней было скромное – офисное, а вот духи потрясающие, шлейфовые.

– Хан...

– О чем вы? – Полковник Гуцин вздрогнул – он уже слышал про какого-то Хана. Подростки на ночной дороге, зарезанный мертвец-мигрант, якобы его предсмертные слова...

– Умираю... – незнакомка хрипела.

– Нет, нет, держитесь! «Скорая» уже в пути! Сейчас врачи приедут, помогут вам! Держитесь! Пожалуйста! – Катя пыталась ее ободрить, но не знала способа облегчить ее страдания.

– Кто вас вытолкнул из окна? – громко спросил Гектор. – Кто с вами находился в музее? Его имя!

– Хан... Хан-Тенгри... – Незнакомка, казалось, искала кого-то невидимого, она глядела сквозь Катю. И та заметила что-то странное у нее с глазами. Они красные, налитые кровью. Будто отсветы багрового пламени в них – не закатное солнце.

«Он говорил про тигра... Тегри... или Тигр... – пронеслось в голове Гуцина. – Хан... Тигр Шер-Хан?»

– Кто вас выбросил? Скажите мне! Я его сейчас найду! – Гектор добивался своего.

– Ссокровище... – шептала незнакомка. – Они все его искали... их всех тогда убили, и я умираю... вы должны его отыскать... Скорее,

может, он еще там...

– Кто? – спросила потрясенная Катя.

– Доказательство... он привез... Шалаево... на развилке... у станции... Бесценное сокровище!

– Кто привез? Какое сокровище? – Гектор тоже опустился на колени рядом с пострадавшей.

– Шалаево на развилке у станции! Сообщите...

– Кому? О чем? – Катя ловила ее шепот, наклонившись к самому ее лицу. Каждое слово давалось незнакомке с великим усилием. Жизнь едва теплилась в ней.

– Сообщите... – Глаза несчастной закрылись.

Со стороны Большой Никитской послышался вой сирены «Скорой».

– Федор Матвеевич, вы оставайтесь с ней, врачи на подходе. Сюда ведь Петровка нагрянет разбираться, ваши сотрудники здесь не смогут работать, да? – Гектор поднялся и подал руку Кате. Он брал ситуацию под свой контроль и дерзко командовал самим полковником Гуциным.

– Дежурный по главку уже позвонил московским, а с начальником МУРа я сейчас сам свяжусь. – Полковник Гуцин словно оправдывался, он все никак не мог опомниться. Снегом на голову на них обрушились события! Ведь ничего не предвещало!

– Пока ваша полицейская канитель не завертелась официально, я с Катей в музей, – объявил Гектор. – Он там. Человек, выбросивший ее из окна. Я смотрел все время – входные двери музея не открывались. А если он через запасной выход дернул в сторону Моховой – в музей камеры. Вычислю. Но я думаю, он все еще в музее прячется. И я его достану, подонка. Допрошу и отдам вашим и Петровке. Катя, мы с тобой в зоомузей.

– Гек, музей, кажется, закрыт сегодня. Понедельник. У них выходной, я вспомнила, – сообщила Катя.

– Пусть попробуют не впустить. Фауна, блин! Зверррюшки... А у них из окон людей среди бела дня швыряют. О-бал-деть! – Гектор сдернул с плеча нагруженный шопер Кати, всучил его слегка растерявшемуся в вихре непредвиденных событий полковнику Гуцину.

В Никитский переулок заворачивала «Скорая помощь», ее встречали полицейские из службы охраны главка. Сотрудники

высыпали на улицу. Врачи спешили к лежавшей на тротуаре женщине.
Собиралась толпа.

Гектор с Катей устремились к дверям зоомузея.

Двери дубовые, крепкие, закрытые наглухо. Монолит.

Глава 5

Фауна. Переполох!

Гектор громко постучал в запертые двери Зоологического музея.

– Откройте, полиция! – возвестила Катя.

Гектор заколотил по двери кулаком, сразу что-то треснуло. Щелкнул замок, и одна из створок приоткрылась.

– Прекратите ломиться! Музей закрыт, выходной! – послышалось из-за двери.

– Откройте немедленно! Га-ааа-сударственные органы. У вас убийство в музее! – гаркнул Гектор.

Дверь распахнулась. Катя и Гектор увидели пожилого охранника, он что-то жевал, вытирал рукой губы.

– Убийство? У нас в музее?!

За спиной охранника возникли две пожилые дамы-сотрудницы и еще один охранник.

– Что случилось? – спрашивали они наперебой.

Гектор и Катя вошли в знаменитое сводчатое фойе Зоологического музея, выкрашенное зеленой краской, отделанное дубом, с потрясающими анималистическими фресками на стенах. В фойе у кассы рабочий в комбинезоне монтировал стенд: «День Хомячка в нашем музее! Отмечаем с пользой! Информация для родителей дошкольников и младшекласников». За стендом на одной фреске тигр охотился в джунглях, а на другой – взлетали над Нилом священные алые ибисы. Пахло мастикой для полов, нафталином и анисом. Атмосфера фойе – чисто академическая, торжественная. Даже Гектор сразу сбавил тон.

– Вы разве не слышали шум в переулке? – спросил он.

– Слышали, не глухие. Типичный полицейский хайп, нам не привыкать, раз полиция с нашей альма-матер окна в окна, – скрипучим голосом возвестила мятежно одна из ученых дам – с седой укладкой помпадур, в черном пончо и с костылем хай-тек.

– Из окна третьего этажа вашего музея только что упала женщина, разбилась, – сказала Катя. – Я из полиции, мы хотим осмотреть помещение на третьем этаже. Срочно.

– Из какого окна? Из нашего?! – музейные сотрудники в фойе сразу переполошились.

– Окно крайнее к торцу здания музея, где пристройка, – заявил Гектор. – Какие помещения на третьем этаже?

– Архивный фонд библиотеки и рабочие кабинеты, – ответила другая пожилая ученая дама в мохеровой кофте. – Боже мой, но кто... кто упал?!

– Женщина. Темноволосая, худощавая, лет сорока пяти, в темно-синем платье-рубашке. У нее прекрасный парфюм, – Катя описала несчастную незнакомку. – Кто она? Сотрудник музея или технический персонал?

– Лена?! Это ведь она. – Пожилая дама потрясенно обернулась к своей коллеге, глянула на охранников.

– Елена Станиславовна, похоже... Она пришла сегодня около двух, я ей дверь открывал, – ответил охранник. – По описанию вроде она. Но я ее видел в плаще бежевом, затрудняюсь насчет платья.

– Да что вы такое плетете? Зачем Елена Станиславовна могла броситься из окна?! – грозно рявкнула басом пожилая ученая дама, опирающаяся на костыль хай-тек. – Вы на что намекаете, а?

– Может, и самоубийство. Но я дико сомневаюсь, мадам, – ответил ей Гектор. – Вашу сотрудницу... кстати, ее фамилия?..

– Краснова, – подсказал охранник.

– Ее вытолкнули, пытались убить. – Гектор окинул взором моментально притихшую компанию музейных работников, стенд «День Хомячка», фрески, зеленые стены, сводчатый потолок фойе. – Расклад следующий. Не пререкаться! Базар оставить. Нас с коллегой немедленно проводить на третий этаж – в библиотеку или кабинет, определим на месте. Мне сию минуту подготовить полный видеобзор текущих суток с ваших музейных камер – всех без исключения. И внутренних в залах, и наружных, смотрящих в Никитский переулок, на главный вход и на запасной выход во дворы к Моховой.

– А камеры у нас сегодня все отключены, и внешние, и внутренние, – растерянно ответил охранник.

– Почему? – Гектор обернулся к нему.

– Работы у нас профилактические, проводка... Здание старое, перегородки наверху деревянные... Необходим ремонт. Электричество отключали, систему кондиционеров и камеры наблюдения. Сегодня

выходной, посетителей нет. И завтра мы закрыты на санитарный день. До сих пор электрики со щитком возятся. Но я двери главного входа и аварийных выходов запер строго по инструкции. Ключи у меня.

– То есть музей в течение последнего времени никто не покидал? – уточнил Гектор.

– Сотрудники не обязаны являться в выходной день, только дежурная музейная смена, – объявила дама в кофте. – Сегодня я и Адель Викторовна – хранитель оссуария, мы на месте... и техники, конечно. Руководство музея в полном составе на расширенном симпозиуме во Владивостоке, посвященном природным заповедникам, они прилетят лишь на следующей неделе. Елена Станиславовна пришла сегодня в музей по своей личной инициативе. Но я до сих пор поверить не могу! Какая-то ошибка! Я ей сейчас позвоню! – Она выхватила из кармана кофты мобильный.

– Не нужно, оставьте, проводите нас скорее на третий этаж, – терпеливо и вежливо заметила Катя. – Мы уже много времени потеряли.

В фойе, словно фантом, возник еще один сотрудник – гораздо моложе всех остальных. Долговязый мужчина лет сорока, однако уже лысый, в сером худи с засученными рукавами и джинсах.

– По какому поводу митинг? – Он изумленно взирал на собравшихся в фойе.

– Сева, к нам полиция нагрянула! – воскликнула басом властная ученая дама с костылем. – Дело нам шьют об убийстве!

– Адель Викторовна, вы меня пугаете.

– Где Елена Станиславовна? Ты ее видел сегодня?

– Конечно, – лысый Сева кивнул. – Она забрала материалы из фонда библиотеки и осталась наверху, кабинеты все свободны сегодня.

– Когда вы ее видели? – уточнила Катя.

– Наверное, в обед или позже. А что? – Сева растерянно моргал.

– Они вломились и твердят, что она – либо самоубийца, из окна бросилась, либо ее выкинул кто-то! – Ученая дама Адель Викторовна ткнула костылем в сторону высокого Гектора. – Кто-то из нас, понимаете, Сева? Языками метут, словно помелом... Уголовку шьют!

– Мадам, криминальный жаргон? Я плакал! – Гектор поднял брови. – Я *прямо поражаюсь* вашему лексикону. Оссуарий – это, кажется, кости? Винтаж?

– Экспонаты, молодой человек. А я, к вашему сведению, в лагере родилась на Колыме. У меня маму гэбэшники посадили в пятидесятом – беременную мной, – отрезала пожилая ученая дама, целясь костылем хай-тек прямо Гектору в живот. – Не вам учить меня лексику. Сейчас найдем Леночку живой и невредимой, и вы уберетесь восвояси со своими нелепыми оскорбительными подозрениями!

– Пожалуйста, проводите нас скорее на третий этаж, в кабинет Красновой. – Катя обратилась к сотруднику Севе, казавшемуся ей наиболее адекватным из всего негостеприимного окружения.

– Идите за мной. – Сева сделал приглашающий жест, и они вслед за ним отправились по музейному лабиринту навстречу неизвестности.

Но компания хранителей преследовала их по пятам. Ученые дамы быстро передвигаться не могли, обмениваясь гневными тревожными репликами, они спешили изо всех сил. В арьергарде находились охранник и рабочий, монтировавший стенд. Он зачем-то вооружился молотком.

Сева провел Катю и Гектора по фойе мимо чучела знаменитой слонихи из зоопарка – персонажа московских легенд и мемов, – затем по всему Нижнему залу. В стеклянных витринах их встречали чучела животных, пресмыкающихся и насекомых со всего света.

– На лестницу прямо за Жориком!

«Жорик» оказался скелетом ископаемого мамонта в углу Костного зала. Лестница, скрывающаяся за ним, вела на второй этаж в Верхний зал. Они очутились в царстве птиц. Когда пересекали зал, Катя обратила внимание на одну витрину: декорации ручья на фоне нарисованных гор со снеговыми вершинами и на ветках чучела небольших птиц удивительного глубокого синего цвета. Инсталляцию создали с редким искусством и правдоподобием, оперение птиц в электрической подсветке сверкало драгоценным сапфиром. Катя даже замедлила шаг, любуясь. Несмотря на всю серьезность и трагичность момента, она ощутила в душе смутное сожаление – каждый рабочий день она ходила в главк мимо Зоологического музея, но не посещала его – лишь в детстве, в школьные годы...

Они быстро миновали галерею Верхнего зала. Прошли по коридору с фотоэкспозицией, посвященной истории зоомузея.

– На служебную лестницу теперь за Вовиком – за мной, прошу. – Сева открыл скрипучую дубовую дверь с надписью «Посторонним

вход воспрещен».

«Вовик» – притаившийся на лестничной клетке еще один гигантский, устрашающий взор скелет мастодонта, словно допотопный страж охранял путь на третий этаж. По винтовой лестнице они поднялись под самую крышу музея. Шли по коридору, Гектор распахивал двери всех кабинетов. Катя достала из своей сумки кросс-боди салфетки, и они касались дверей через них. Окна везде закрыты. Последняя дверь. Гектор потянул ручку, обернутую салфеткой, на себя, и дверь распахнулась.

Катя увидела открытое окно. Очень низкий подоконник. На хлипкой приставке сбоку, заложеной книгами, стоял горшок с декабристом. Его аккуратно переместили с низкого подоконника. Не скинули на пол. Не разбили вдребезги, сломав комнатный цветок.

Они с Гектором вошли.

– Вы оставайтесь снаружи, – велел Гектор Севе.

Тот устремился за ними.

– Нет Елены Станиславовны! – растерянно констатировал Сева. – Она упала? Отсюда?! Из кабинета? Но она жива?!

– Она, к счастью, жива, – ответила ему Катя. – Ступайте к лестнице, передайте остальным, пусть не заходят даже в коридор. И ничего не трогают. После нас наши коллеги – полицейские и эксперты – еще раз проведут во всех помещениях третьего этажа тщательный осмотр. Не стоит вашим сотрудникам искушать судьбу, навлекать на себя лишние подозрения. Предупредите их, пожалуйста.

Гектор подошел к окну и выглянул наружу.

– «Скорая» отчалила, – сообщил он. – Краснову везут в больницу. Кипеж внизу в самом разгаре. Петровка, 38 пожаловала, я их вижу. Коллега Гуцин отдувается за всех в окружении конкурентов. Скоро они и сюда нагрянут, надо нам торопиться. Итак, все случилось именно здесь. Отсюда ее вышвырнули из окна.

– Гек, никаких следов борьбы, – Катя осматривала кабинет. – И обстановка не нарушена. Полный порядок.

– Заценил уже, Катенька, но... Заметила, здешние «божьи коровки» *прямо* ополчились на нас! Есть что скрывать им? Нервы нам мотали в фойе, тянули резину. А здесь, наверху, кто-то мог скоренько убрать все, зачистить улики. Шик-блеск-кrrrrрасота!

– Все не уберешь, – резонно ответила Катя. – Давай раму оконную осмотрим. Когда жертва сопротивляется убийце, на раме часто заметны следы – царапины, сколы.

Они оглядели окно, раму, подоконник – и ничего подозрительного не увидели. Кроме приставки в тесном кабинете имелись лишь стол и два стула. На стуле у двери лежал небрежно брошенный бежевый тренч, на спинке висела дамская сумка с потертыми ручками и расстегнутой молнией.

– Гек, здесь никто ни с кем не боролся, – объявила Катя, чуть поколебавшись. – Приставка дряхлая на двух опорах, вплотную к подоконнику. Краснова – женщина высокого роста, если бы ее кто-то насильно выталкивал из этого окна, она бы в борьбе непременно задела ногами приставку и опрокинула. Подоконник очень низкий и широкий. На него удобно садиться. Цветок заботливо переставили с подоконника, когда открывали створки. Чувствовал ты спертую духоту в музейных залах, когда мы шли? Они отключили не только камеры, но и кондиционеры по всему зданию. Кондиционер над дверью, – Катя указала на белый короб над притолокой. – Он не работает. В коридоре третьего этажа просто нечем дышать, сегодня плюс двадцать пять, и на солнце к концу дня крыша музея сильно нагрелась. Ничто не указывает на насилие – наоборот, все факты свидетельствуют об обратном. Краснова из-за духоты сама распахнула окно. Мы с Гущиным слышали стук или шум в переулке со стороны музея, когда вышли из главка. Потом еще звук... может, стон? Но если бы Краснову выталкивали, она бы кричала, звала на помощь.

– Катенька, все зависит от сноровки и навыков нападающего, смотря как творчески подойти к вышвыриванию. Способы разные есть. – Гектор усмехнулся уголком губ, словно вспомнил что-то. – В ученой норке все подозрительно чисто. И меня полный ажур настораживает. Мы же с тобой видели траекторию падения тела.

– Краснова упала не под окна музея, а на проезжую часть, ударившись о фонарь, а затем о парковочный барьер, – ответила Катя. – Здесь нет ни малейших признаков борьбы и насилия. Но на суицид тоже не похоже. Мы же с ней говорили, какая она самоубийца? Она пыталась нам что-то сообщить, непонятно, правда, о чем ее слова. Но она не назвала тебе имени убийцы! Она бы сказала, ведь убийцу, находившегося с ней в кабинете, она точно знала. Если не убийство и

не суицид, остается лишь несчастный случай. Ей внезапно стало плохо? Поэтому она начала открывать окно, запертое десятилетиями? Сама переставила декабрист, распахнула створки и... села боком на подоконник. Она могла потерять сознание, отключиться и наклонилась. Дальше уже сила тяжести увлекла ее вниз.

Гектор показал Кате большой палец.

– Впечатлен логикой твоей, Катенька, но... останусь пока при своем. Ты заметила вид ее глаз?

– Красные глаза, кровью налитые, – ответила Катя. – Я еще подумала, она их травмировала при падении.

– Нет, никаких синяков, она не ударялась лицом. Точечные *петехиальные кровоизлияния* я разглядел. Разрыв микрососудов. Случается при сердечных приступах и еще по ряду причин.

Катя слушала внимательно – Гектор всегда подмечает неведомое другим. И выводы его о скрытом почти всегда верны.

– Все же, по-твоему, Краснову убили? – спросила она.

– Не знаю пока, очень мало информации. Но в кабинете, где она провела последние часы перед падением, картина подозрительно мирная. – Гектор обернулся к рабочему столу. – Даже ноутбука нет. Ну, фауна! По старинке все в музее зоологии – бумажки, бумажки, листочки, клочки... Вроде старые письма. Короб с номером – библиотечный файл, она забрала материалы из архива, так нам поведали злые «божьи коровки»... Ба, ее мобильник! – Гектор рукой, обернутой в салфетку, сдвинул вбок пожелтевшие листы, исписанные выцветшими от времени синими чернилами. – Смартфон крутой. – Он коснулся экрана, тот остался темным. – Запаролен, Face ID.

Он достал свой навороченный смартфон и начал быстро фотографировать бумаги на столе. Катя заметила на одном пожелтевшем листе внизу дату 1931.

– То, с чем она работала, у нас сейчас времени нет изучить. Петровка в двери музея лбом стучится. – Гектор продолжал быстро профессионально фотографировать документы. – Если признают попытку суицида, то никому этот бумажный хлам будет не интересен, но если я прав, то... К тому же в ее последних словах крылось нечто чрезвычайно загадочное. Хотелось бы мне разобраться подробнее.

В коридоре слышались шум, голоса.

– Закругляемся, – объявил Гектор. – Последний штрих.

Он потянулся к стулу и через салфетку дотронулся до сумки Красновой, скинул одну потертую ручку со спинки. Из-за открытой молнии стало видно содержимое – пудреница, ключи, косметичка, солнечные очки, пачка салфеток, кошелек. Боковое отделение, чем-то набитое, плотно закрывала вторая молния.

– Она не замужем, – уверенно заявил Гектор. – Обручального кольца на пальце нет и приперлась в музейный выходной на работу. Типичный синий чулок.

– Как я, – сказала ему Катя.

Гектор посмотрел на нее. Взгляд его сразу изменился, потемнел.

Шум в коридоре усилился. Они быстро покинули кабинет. «Божьи коровки» не вняли предупреждению Кати – ученые дамы, охранник, Сева и рабочий с молотком двигались по узкому пространству коридора сплоченной группой.

– Елена действительно бросилась из окна? – взволнованно обратилась к Гектору и Кате ученая дама с костылем хай-тек. – Почему? В чем причина? Личное? Она пребывала в длительной депрессии... Она мне жаловалась.

– Мы пока не можем сказать точно, что именно произошло с вашей сотрудницей, – честно призналась Катя. – Надеюсь, она сама нам расскажет. Ее увезли в больницу, она жива.

– А я вспомнил! – воскликнул тревожно охранник. – Не знаю, наверное, не важно, но все же... Сегодня днем она шла к музею другой дорогой, чем ходит всегда, годами.

– То есть? – поинтересовался Гектор.

– Она живет за городом, в поселке, ездит на электричке, затем на метро до «Библиотеки имени Ленина», самая к нам ближайшая станция, потом пешком до музея. Обычный ее многолетний путь. Сегодня в два часа я открыл дверь музея рабочим и увидел Елену Станиславовну, она спускалась вниз по Большой Никитской, причем по противоположной стороне мимо Консерватории, пересекла улицу и вошла, поздоровалась со мной. Она не выглядела подавленной или расстроенной. Скорее немного рассеянной, словно задумалась о чем-то. А лицо у нее было просто землистым.

Глава 6

Шалаево

Явившиеся в Никитский переулок на место происшествия полицейские Петровки, 38 остановили Катю и Гектора на выходе из Зоологического музея. Полковник Гуцин вмешался и объяснил: наша сотрудница, отправленная мной в музей для проверки, и полковник Гектор Игоревич Борцов, оказавший ей активную помощь. У Гектора больше не имелось всесильного бейджа правительственного «консультанта», но старший оперативной группы Петровки лишь глянул на него оценивающе-внимательно – и отпустил его и Катю.

Катя быстро рассказала Гуцину об увиденном и услышанном в зоомузее. Гектор забрал у него Катин шопер с вещами, он о чем-то думал. Гуцин до сих пор не мог прийти в себя. Он, выезжавший на сотни происшествий, убийств, кровавых разборок, видевший всякое, пребывал в смятении. Годами он глядел из окна кабинета на голубое здание музея напротив – оно казалось ему вечным, незыблемым символом покоя и стабильности. Гуцин, ревниво относившийся к Петровке, 38, сравнивал частенько в душе: они, Петровка, отгородились от всех стеной, заперлись от города и мира. А подмосковный главк не строил стен и заборов, окна в окна с ним – старинный прекрасный особняк, музей в переулке, – средоточие учености и академизма. Чисто московское интеллигентное сосуществование. Единство полных противоположностей. Но, оказывается, покоя и мира нет и в оплоте учености, в музей проник вездесущий темный хаос. Полковник Гуцин воспринимал происшедшее крайне болезненно, с разочарованием. Он внимал словам Кати – она старалась не упустить ни одной детали.

– Краснова больше ничего не сказала, – поинтересовался Гектор, – когда ее забирали врачи?

– Нет, я находился все время рядом, – ответил Гуцин. – Я тоже ждал – вдруг она назовет имя вытолкнувшего ее из окна. Но, выходит, не очень похоже на попытку убийства?

– А на суицид совсем не похоже, – заметил Гектор. – Интересные она вещи бормотала.

– А кто это может быть – Хан-Тенгри? – спросил полковник Гущин. – Имя напавшего на нее?

– Хан-Тенгри – гора на Тянь-Шане. Пик неземной красоты, полное совершенство. – Гектор неотрывно смотрел на Катю. Она поправляла растрепавшиеся густые волосы, подкалывала их высоко японской шпилькой.

– Гора в Средней Азии? – уточнил полковник Гущин озадаченно.

– На самой границе Киргизии, Казахстана и Китая, округа Синьцзян. Место силы. – Гектор улыбнулся Кате. – Хан-Тенгри переводится как Небесная гора.

– Как... как вы сказали, Гектор Игоревич? – Полковник Гущин резко повернулся к нему.

– Небесная гора. А что?

Гущин молчал.

– Елена Краснова упомянула про сокровище, – заметил Гектор. – Бесценное сокровище. Его кто-то якобы искал, и всех прикончили. И она при смерти. Надо же, музейная «божья коровка» – и сокровище... Пиастррры!

В его серых глазах вспыхнули и погасли яркие синие искры. А Гущин внезапно вспомнил сплетню в кулуарах про полковника Гектора Борцова – Гектора Троянского. Мол, бывший элитный спецгент, экс-наемник – законченный авантюрист. Работал за крупный процент денежным вышибалой в интересах одиозного бб-го отдела.

– А Шалаево – это... – небрежно бросил Гектор.

– Заброшенная железнодорожная станция в шестидесяти километрах от Москвы, я выезжал как-то туда на разбойное нападение на водителей фур, – ответил полковник Гущин. – Место глухое, старая железнодорожная ветка больше не используется. Когда-то служила главным перевалочным пунктом у наркоторговцев из Средней Азии. Давненько.

– Краснова нас именно туда настойчиво посылала, – заметил Гектор. – По ее словам, кто-то еще там. Какое-то доказательство привез... Чего? Существования сокровища?

– Небесная гора, – полковник Гущин глянул на Катю, потом на Гектора. – Хан-Тенгри... я слышал о ней совсем недавно.

– А что случилось? – с любопытством спросила Катя. Она потихоньку приходила в себя после невероятных событий в родном

Никитском переулке.

– Я вам расскажу, – полковник Гуцин колебался, он явно хотел им предложить...

– Давайте рванем прямо сейчас в Шалаево, а, Федор Матвеевич? – Гектор его опередил.

По выражению лица Гуцина Катя поняла: их планы с Гектором полностью совпали.

– Нельзя же не откликнуться на просьбу несчастной женщины о помощи, – продолжил Гектор. – Узнаем, кто ждет в Шалаево, и про докажем. Ну, раз бесценное сокровище упомянуто...

– Ночью на месте окажемся, пробки. – Полковник Гуцин еще колебался.

– Катенька, решение за тобой. – Гектор смотрел на Катю.

– Поехали в Шалаево! – воскликнула Катя. – Подумаешь, пробки, потерпим, доберемся и узнаем. Нельзя просто оставить все... Я, например, до сих пор не опомнилась толком. В случившемся на наших глазах – не просто неясность. Тайна!

– И у тайны имеются дополнительные странные обстоятельства, – заметил полковник Гуцин. – Я вам по дороге расскажу о них.

Они дошли до Леонтьевского переулочка, где Гектор припарковал свой черный «Гелендваген».

– Солидная машина у вас, Гектор Игоревич, в традициях конторы, – пошутил Гуцин. – Пословица ваша конторская: «Кто как, а мы скромненько на „Гелендвагенах“». Да?

– Избавиться мне от тачки? Раздражает *публикум*? – усмехнулся Гектор, помогая Кате взобраться на пассажирское сиденье рядом с собой.

Полковник Гуцин сел сзади, глянул в зеркало заднего вида на Гектора.

– Нет, зачем же? Она вам, Гектор Игоревич, чрезвычайно подходит, – ответил он.

Катя не вмешивалась в их пикировку. Гектор крепко взял ее за руку. Он выкрутил руль одним пальцем, вырулил с парковки, и они двинулись по вечерней Москве в Шалаево – навстречу неизвестности. По пути полковник Гуцин сообщил им о событиях на дороге в подмосковных Липках, когда впервые услышал про Небесную гору.

Дело с убийством мигранта застопорилось. За сутки местные стражи порядка не сумели установить его личность. Они провели тотальный рейд на окрестных стройках ЖК, задержали десяток нелегалов, руководителям и прорабам показывали фотографию зарезанного в старой «Ладе», однако его никто не опознал. Следователь не стал слушать доводов разума и сомнений, он с ходу задержал обоих парней – тех, на ком обнаружили кровь убитого. Родители наняли мальчишкам адвокатов, те начали собирать улики в пользу невиновности подозреваемых. Следователь упирал на следы крови и на показания патрульных. Но против доводов следователя, как доложили полковнику Гущину, выступали факты, установленные криминалистами-экспертами и патологоанатомом при вскрытии трупа неизвестного. Ножевые раны оказались разной давности. Рану под левую лопатку потерпевшему нанесли, как и предполагал Гущин, первой, а рану в область шеи спустя примерно два часа. Именно она и оказалась смертельной. И еще имелась крупная нестыковка: машина «Киа», принадлежавшая отцу одного из задержанных парней, стояла прямо на бензиновой дорожке. То есть показания подростков о попытке погасить зажженное пламя, наехав на него колесами, полностью подтверждались.

Обо всем этом Гущин и поведал Кате и Гектору.

– Раз пацаны действительно старались загасить огненный бегунок к «Ладе», практически рискуя самим загореться и взорваться, зачем им было убивать мигранта? – спросил он сам себя в раздумье. – И еще деталь – «Лада» угнана накануне из двора в Калуге. Наши установили по базе данных. Принадлежит пенсионеру, он ранее сообщал об угоне. По-моему, не потерпевший мигрант ее угнал, нет. Его на «Ладе» перевозили раненого и потом в ней же добились. Тогда при чем здесь арестованные мальчишки?

– Мигрант сказал им про Небесную гору – Хан-Тенгри? – Гектор смотрел на Гущина в зеркало заднего вида.

– Получается, да. Еще он произнес слово «жегич». Что оно может значить?

– Понятия не имею, – ответил Гектор. – Федор Матвеевич, скиньте мне его фотографию посмертную. Я постараюсь разузнать о нем подробнее.

– Два звонка – три мейла? – улыбнулась Катя.

– Ага, – Гектор обернулся к ней. – Подключу *кой-кого*, они мне в покер должны, продулись в пух. Поживее дело двинется, чем у коллег полковника из Липок.

Он продиктовал Гущину номер своего мобильного. Тот отыскал в медиатеке фотографию, присланную ему криминалистом-экспертом. Поколебался секунду – а надо ли? – но отправил Гектору снимки мертвеца.

Они медленно ползли в потоке машин по столичным пробкам. На проспекте Гектор остановился у кофейни, вернулся быстро с картонными стаканами в подставке.

– По нашей традиции мятный капучино – тебе. – Он протянул Кате стаканчик. – Мне двойной эспрессо. Федор Матвеевич, вам я взял макиато и эспрессо. На выбор.

Он протянул оба стакана Гущину.

– Гектор Игоревич, спасибо, но я...

– Не нарушать же нашу с Катей традицию, – Гектор Троянский лучезарно ему улыбнулся.

Полковник Гущин подарок принял. Поймал себя на мысли – он пока не знает, как ему относиться к полковнику Гектору Борщову. Этаким симпатяга! Но что он за человек? Судьба столкнула их в Никитском переулке. И они невольно стали соратниками в странном деле, имеющем весьма зыбкие, неопределенные контуры. Он реагировал на Гектора осторожно.

Вырвались за МКАД, пробки лишь усилились. Окрестностей Шалаево они достигли около одиннадцати. Гектор вбил в навигатор название заброшенной станции. Полковник Гущин совсем не помнил местности – вечность прошла с его выезда на разбой в Шалаево. Они медленно двигались вдоль заброшенной железнодорожной ветки, свернув с шоссе на разбитую бетонку. Навигатор не помогал. Мрак окутывал округу, угадывались лишь смутные очертания: разрушенная платформа станции, за ней темный лес, с другой стороны – пустырь. Они миновали станцию, бетонка перешла в грязный проселок.

– Что, если Красновой стало плохо, и она сама выпала из окна? – заметила Катя. – Все сказанное ею мы могли бы счесть бредом, но к чему тогда отнести слова мигранта из Липок? Федор Матвеевич, а Липки далеко отсюда?

– Совсем в другой стороне, километров сто к востоку от Шалаево, – ответил Гуцин.

Он устал до крайности. Ловил себя на мысли: ему уже вообще ничего не хочется. От изматывающего пути, через пробки, тело его ломило, голова трещала от дорожного шума. А здесь они ничего не найдут. Куда их понесло? Если и явился кто-то сюда, в сущую дыру, он давно уже не здесь. Если у Красновой была назначена встреча с кем-то в Шалаево, почему она торчала до вечера в музее? Ехала бы на электричке до Пяткино, затем на рейсовом автобусе, потом пешком. Машины у нее своей, кажется, нет – по словам музейных сотрудников, она на работу ездила на электричке. Нет, пустота... дурь... зря они поперлись в такую даль, поддавшись внезапному порыву...

– Развилка, – объявил Гектор.

Он остановился. Вышел из машины, Катя – за ним. Полковник Гуцин очнулся от скучных дум. Тьма. Фары дальнего света «Гелендвагена» – желтые полосы во мраке ночи.

– Никого нет, – Гуцин огляделся. – Проселок, пустырь, деревенская тропа.

– Барак заброшенный. – Гектор указал на темный силуэт здания недалеко от ржавых путей.

Он открыл багажник, извлек из армейского баула, который постоянно возил с собой, фонарь.

– Единственное укрытие здесь – барак, айда проверим его, – скомандовал он.

Они с Катей направились через пустырь к руинам. Полковник Гуцин плелся следом, остановился, кашляя. Начал накрапывать мелкий дождик. Вместе с ним по окрестностям разливался густой сырой туман, усиливавший гнетущую и мрачную атмосферу.

– Катя, ты внутрь не заходи, я сам сначала взгляну, – объявил Гектор, когда они приблизились к бараку. Свет их фонаря выхватил из тьмы сгнившие бревна стен, черный пролом, некогда служивший окном. Гектор у пролома оттолкнулся рукой от бревен и легко запрыгнул внутрь. Катя осталась снаружи, она зорко вглядывалась во тьму, готовясь в душе при малейшей опасности для Гектора послушаться его просьбы и прийти на помощь. Пятно фонаря ползло по грязным оштукатуренным стенам, исписанным граффити, по грудам мусора и щебня внутри барака. Подошел полковник Гуцин.

– Как внутри?

– Пусто, – ответил Гектор. – И спрятаться особо негде.

– Зря ехали. – Гуцин подтвердил худшие свои предположения. –

Мало ли что Краснова плела в травматическом шоке, ударившись об асфальт.

Катя медленно двинулась вдоль стены барака, стараясь во тьме не споткнуться о наваленный мусор. Ее офисный брючный костюм начал промокать под мелким сентябрьским дождем. Она достигла второго пролома в стене. Заглянула – Гектор все еще находился внутри, светил фонарем. Катя обернулась: пустырь, кроме развалин барака, действительно негде спрятаться. Краснова ничего, однако, не говорила про барак, она упоминала лишь развилку. Но можно ли считать развилкой пересечение проселка и деревенской тропы? А вдруг они приехали не туда? Она завернула за угол барака. У стены – сплошной бурьян. В темноте ноги Кати запутались в сухой траве, под подошву лофера что-то попало. Камень?

Катя низко наклонилась – белая пластиковая бутылка без пробки. Бутылка выглядела новой, без следов грязи. Катя достала из сумки салфетку и обернула руку, подняла бутылку. Прочла на этикетке: «Дюфалакс 600 мл». Слабительное? Внутри бутылки плескались остатки лекарства.

Дальше за бурьяном что-то белело.

Катя сделала несколько шагов и...

Из тьмы и тумана, словно в фильме ужасов, выплыли очертания человеческого тела, распростертого на земле.

Абсолютно голое тело!

Услышав возглас Кати, Гектор выскочил из пролома, обогнал полковника Гуцина на углу барака. Посветил армейским фонарем.

– Мертвец!

Они смотрели на труп голого мужчины – темноволосого, низкорослого, по облику азиата. Тот лежал, уткнувшись лицом в землю. Тело источало тошнотворный смрад. На мертвце полностью отсутствовали одежда и обувь. Кожа на смуглой спине и ягодицах блестела от дождевой влаги. Полковник Гуцин наклонился и коснулся головы мертвеца.

– У него волосы слиплись от крови, – произнес он тихо.

Полковник Гуцин вытащил из кармана пиджака резиновые перчатки – он носил их с собой постоянно – и осторожно повернул голову мертвеца. Свет фонаря Гектора уперся в разбитый окровавленный висок несчастного. Полковник Гуцин пощупал затылок.

– Ему череп размозжили несколькими ударами. Кровь в волосах и на височной ране густая, вязкая, свернулась, но не полностью засохла. Его убили часов пять назад максимум.

– 23.10. – Гектор глянул на свои часы. – Выходит, его прикончили в то самое время, когда Краснова вылетела из окна, или немного раньше. Ну и вонь от него.

– Сфинктер расслабился в момент смерти, – бесстрастно пояснил полковник Гуцин.

– А я бутылку нашла в траве. – Катя все еще держала в салфетке пузырек с лекарством. – Дюфалакс, сильное слабительное. И емкость наполовину пустая.

Полковник Гуцин забрал у Кати бутылку, рассмотрел сам.

– Он по виду из Средней Азии, – Гектор изучал мертвого. – Не таджик. Скорее киргиз или казах. На теле никаких татуировок. Чем его по голове били? Рядом с телом ни камня, ни арматуры, ни дубинки.

– Убийца забрал с собой оружие. На мой взгляд, его именно здесь приканчивали, ударами по голове. – Гуцин снова оглядел темные окрестности. – Возможно, нападение произошло неожиданно. И не голый же сюда он явился. Его раздели после смерти.

– Шарахнули по башке, когда он пил слабительное? – хмыкнул Гектор. – Его пузырек, да?

– Тот, к кому нас посылала Краснова в Шалаево на развилку, вез какое-то доказательство, – напомнила Катя. – Обнаруженный нами мужчина раздет и убит. У него что-то искали. Забрали его вещи с собой. Не нашли здесь, сразу, решили проверить одежду, обувь, может, еще и его сумку – более тщательно в спокойной обстановке, вдали от места убийства.

– Похоже, – согласился Гектор. – То есть бедолага, киргиз или казах по виду, – именно тот, к кому нас и посылала Краснова? С ним музейная «божья коровка» жаждала встретиться на развилке у заброшенной станции одна?

– Я думаю, да, хотя звучит диковато и фантастично. – Катя отвернулась, потому что полковник Гуцин, невзирая на вонь, источаемую мертвецом, осторожно повернул его на бок, осматривая на предмет ран на груди, на животе и в паховой области. Незнакомец был неопределенного возраста, низкорослый, худощавый, изможденный, но его большой живот выпирал, словно незадолго до смерти он очень плотно наелся. – Я не верю в совпадение после событий в нашем переулке. Но не понимаю одного: почему Краснова оставалась до вечера в зоомузее и не отправилась на запланированную встречу?

– Возможно, сдрейфила баба и передумала. Место зловещее, глухое. И не зря она испугалась – мужика-то прикончили, – ответил Гуцин. – Да и она поплатилась, едва с жизнью не рассталась.

– А зачем он пил слабительное? – спросила Катя с недоумением. – Можно понять, если приспичило внезапно, зов природы. Но самому выпить триста миллилитров дюфалакса, когда кого-то ждешь и нечто привез... Да еще опасность подстерегает. Несуразно все.

– Может, не его бутылка, – возразил Гектор.

– Его. Я почему-то уверена. Она новая, не грязная. И в ней остатки лекарства. К тому же от трупа близко лежала. Он выпил и зашвырнул бутылку в кусты. Подобная лошадиная доза слабительного срабатывает очень быстро.

– А на него взяли и напали, – объявил полковник Гуцин. Он достал мобильный и позвонил дежурному в главк. Сообщил о трупе в Шалаево и приказал немедленно вызвать на место происшествия дежурную опергруппу из ближайшего отдела полиции.

– Насчет слабительного у меня есть одно соображение, – объявил Гектор тихо. – Но пока помолчу. Интересны мне выводы криминалистов и патологоанатома. Федор Матвеевич, а вы видите его живот?

– Метеоризм, газообразование, вспучивание после такой дозы слабительного – если он его действительно принял. – Полковник Гуцин чуть отвлекся от разговора с дежурным, а затем снова начал раздавать цеу подчиненным.

Гектор отошел от тела, он светил в заросли бурьяна фонарем.

– Ржавое корыто для бетона, кирпичи... а здесь арматура, железок полно, – показал он притихшей Кате. – Любой предмет мог стать подручным средством для убийства. Или же...

– Что, Гек? – спросила Катя.

– Убийца принес оружие с собой. Заранее подготовился к встрече на развилке.

– Еще один мигрант убитый у нас, неопознанный, без документов. – Полковник Гуцин закончил разговор и снова наклонился над трупом, осматривал и ощупывал кисти и ладони мертвеца. – Мозоли у него, в отличие от убитого в Липках. У того руки интеллигента. А этот вроде как работяга.

– Дехканин? – криво усмехнулся Гектор. – Нет, Федор Матвеевич, не похож он на хлопкороба с братского Востока.

– А на кого, по-вашему, он тянет? – спросил Гуцин.

Но Гектор промолчал. Он снова о чем-то размышлял, прикидывал различные версии и догадки в уме, пока не озвучивая их.

Глава 7

Дорога на работу

Катя и Гектор вернулись в Москву в четыре утра. Полковник Гушин остался в Шалаево вместе с криминалистами и следственно-оперативной группой. Труп незнакомца увезли в местный морг, Гушин планировал лично присутствовать на вскрытии. Полицейские обследовали барак и прочесали окрестности. И не нашли ни улики, ни доказательств, указывавших на убийцу.

На Фрунзенской набережной Катя и Гектор расстались на пороге Катиной квартиры.

– Спи, отдохай, невероятный вечер нам с тобой выпал, да? – Гектор смотрел на Катю. – Я хотел отметить начало твоего отпуска и свободы в ресторане, а мы с тобой, Катенька, опять влипли в историю. Ты ведь уже не бросишь это дело – по глазам вижу. И я тоже. Ты спи, а я кое с кем встречусь – делопуты наши выползают из закрытых «клубков» на рассвете, продувшись в пух. Я нагряну – они мне должны. Надо навести справки и для начала установить личности обоих покойников. Полиция чухается до сих пор с идентификацией.

– Гек, тебе тоже надо спать, хоть иногда! – сказала Катя. Если честно, она валилась с ног – столько всего страшного произошло!

– Катеньш, за меня не тревожься. Я в норме. Ты проснешься, а я уже рядом с тобой и с новостями, – Гектор мягко улыбался.

Он уехал. Катя приняла горячий душ и рухнула на постель.

Небесная гора... Отправляйся с ним вместе туда...

Словно чей-то голос настойчиво, властно шепнул ей на ухо, когда Катя уже погружалась в сон. Она взяла мобильный, лежавший рядом с подушкой. Набрала в поиске «Хан-Тенгри» и увидела много фотографий. Она листала их: если Хан-Тенгри такова на снимках, сколь великолепна она должна быть в реальности! У Кати появилось предчувствие: они с Гектором на пороге очень важного, главного в их общей судьбе. Но некие невероятные, загадочные, пугающие события – впереди. Тайна? Опасность? Шок и трепет!

Она спала и не слышала: Гектор вернулся спустя полтора часа, сам открыл дверь (ранее он вручил Кате ключи от своего дома в

Серебряном бору, а она отдала ему вторые ключи от своей квартиры). Он успел побывать в круглосуточном супермаркете и на рынке – уже в пять утра у торговцев, выкладывавших товары, можно приобрести все необходимое: фрукты, овощи, цветы. Гектор бесшумно прошел по коридору, стараясь не потревожить Катин сон, загрузил картонные сумки с едой в холодильник. Оставил и на пороге спальни сюрприз для Кати.

Ее волосы разметались по подушке, дыхание было ровным. Гектора захлестывала волна нежности к ней. Он смотрел на нее, спящую, долго. Затем повернулся и столь же бесшумно покинул квартиру.

Катя проснулась в десять. Встала и увидела на пороге спальни коробку с белыми орхидеями. Их и привез Гектор. В цветах она нашла от него записку:

Своей прекрасной розе с веткой миртовой она так радовалась. Тенью волосы ниспадали ей и на спину. Если все же ее мог коснуться я! Меж стеблями свежераскрытых цветов я положил ее... Я поступлю как велишь; желание влечет меня под верх венечный...^[6]

Архилох, античный поэт, любимый Гектором Троянским, как и Гомер. Катя спрятала лицо в белые орхидеи. В дверь раздался звонок – она полетела открывать Гектору. Он не воспользовался своим ключом, хотел быть встреченным ею на пороге.

– Привет, как обещал. Ты проснулась – я здесь.

Он переоделся в черный костюм и белую рубашку. Галстука нет, ворот расстегнут. «Значит, успел и домой заглянуть, – отметила Катя, – неугомонный. Сто дел разом...»

– Гек, спасибо за орхидеи. Мои любимые, белые. Где ты их взял на рассвете? – спросила она.

– Я тебе звезду с неба достану, не только цветы.

Он не улыбался, он был серьезен. Смотрел так, что у Кати внутри все переворачивалось. Вдруг, решившись, шагнул к ней вплотную.

– Гек, Гек... Пойдем завтракать. – Катя старалась удержать его, иначе они... Стихами любимого грека он высказал ей то, о чем думал

уже постоянно, неотступно, а она пока не разрешала ему выразить вслух.

Он все смотрел на нее. Опустил по привычке взор, усмехнулся – нежность, боль, свет, печаль, тьма, жажда... Нет, нет, все еще нет, от ворот поворот, отвергаешь пока... понял... Ждать, ждать еще... Пока не заживет у меня...

Храня молчание, за тобою вслед иду, Милая, не отвергай! В богатом травмами саду причаляю...^[7]

– Гек, ну пожалуйста, замечательный мой, Гектор Троянский! – Катя сама коснулась его сумрачного лица, заглядывая в глаза.

– Ладно, понял. Весь в твоей воле. Итак, первый пункт нашего плана – *завтракневопостель!* – объявил он хрипло, театрально своим изменчивым голосом. – В супермаркете плюшек набрал с корицей, с пылу с жару, яблочный штрудель, ягоды – тебе. И котлет свежих, и суп!

Суп – мне.

– Конечно, тебе, – Катя улыбалась, чувствуя – они миновали порог в бурном водовороте. – Лишь ты ешь утром борщ и свой ужасный суп с перловкой.

– Тебе – клубнику. Я ж в командировках приучен – суп-концентрат в любое время суток.

На кухне он подошел к кофемашине. Катя доставала из пакетов готовую еду, накрывала на стол. Поставила и орхидеи, любовалась ими.

– Новости есть, – объявил Гектор. – Не хотелось мне с грустного начинать. Но ты должна знать. Краснова умерла.

– Она умерла? Из-за падения? – Катя обернулась от стола.

– Ее вчера повезли в Склиф, она скончалась в приемном покое. Я звонил в Склифосовского рано утром, навел шорох, мне сказали: предварительный диагноз – острая сердечная недостаточность. Ну, естественно, предстоит вскрытие.

– Сердечный приступ у нее? – Катя раздумывала. – Гек, она точно сама упала из окна, раз у нее стало плохо с сердцем. Приступ начался в кабинете, она не могла дышать, распахнула окно, села на подоконник, потеряла сознание и выпала наружу. Теперь ясно, отчего она не отправилась на встречу с тем человеком в Шалаево. Она скверно себя

чувствовала. И ты первый заметил точечные кровоизлияния в ее глазах – симптом нарушения дыхания при инфаркте.

– Похоже. Но вдруг нечто иное с ней случилось? – ответил Гектор. – Подождем результатов судмедэкспертизы. Катя, я подумал – а не нагрянуть ли нам еще раз в логово зверской фауны, а? Позавтракаем – и двинем. В зоомузее сегодня санитарный день, посетителей нет, начальство их в отъезде, но те, кто вчера там ошивался, скоро узнают о смерти Елены Красновой. Любопытна мне их реакция. И еще – материалы, взятые ею из музейной библиотеки... Нам с тобой стоит их изучить.

– Ты же их сфотографировал, – напомнила Катя.

Гектор протянул ей чашку капучино, добавив мятного сиропа. Готовил себе двойной эспрессо.

– Насколько я понял, она читала перед смертью старые письма или отчеты почти столетней давности. Мелькает фамилия Велиантов – профессор Велиантов, отчет им подписан. Но почерк неразборчивый, на фотках при укрупнении текста все расплывается. А речь про Тянь-Шань вроде. Давай ознакомимся с бумажками в натуре, а?

– Поедем в зоомузей, – согласилась Катя. – Федор Матвеевич вернется из Шалаево, свяжемся с ним. Интересны и его новости, если есть.

Они завтракали, Гектор наворачивал суп с котлетами. Ему на мобильный пришло сообщение.

– Ба! Первые результаты моих утренних выволочек продувшимся в покер должникам. Зашевелились черти. О-о-о-о-о! Плюсуют! Чудненько! – Он набрал ответный текст. Позвонил кому-то и – по своему обыкновению, без здрасти и до свидания – велел приказным тоном: – Скинь мне запись с камер.

Ему сразу пришло новое сообщение.

– Ну, совсем другой расклад, факты косяком, зашибись! – Гектор хищно засунул за щеку половину котлеты. – *Щаасс!* Глянем...

– С каких камер, Гек? – спросила Катя. – Музейные же все они сами отключили вчера.

– Помнишь слова охранника: Краснова пришла на работу не своим обычным путем, от метро «Библиотека имени Ленина», а спускалась вниз по Большой Никитской, по стороне, где Консерватория? Я подумал: она шла от бульвара, а может, и от Арбата.

Надо проверить уличные камеры между девятью утра и двумя часами дня. Мне скинули видео. Где твой комп? Мой в тачке остался.

Они забрали кофе и пошли в комнату. Катя принесла ноутбук. Они сели рядом на диване. Гектор синхронизировал навороченный мобильный с компьютером. Открыл файл с записью с камер. Он был без пиджака, в одной рубашке с засученными рукавами. Положил руку на плечи Кате, обнимая ее, притягивая плотно к себе.

– Гек, запись с конца! Краснова на видео, я ее узнала, она входит в музей, – объявила Катя, стараясь отвлечь его.

– Отмотаем потихоньку назад, – Гектор, обнимая ее, кликал мышкой, укрупняя изображение. – Время 13.45 вчера, Краснова шествует по Большой Никитской.

Катя увидела Елену Краснову: в бежевом тренче, с сумкой, она шла по улице, поравнялась со зданием кафе «Кофемания». Гектор снова отмотал запись назад. Краснова теперь двигалась мимо театра Маяковского.

– 13.30 – «божья коровка» нигде не останавливается, чешет в музей. Назад, назад! – Гектор перематывал запись. – Откуда она ползет? – Гектор снова отмотал запись. – С Арбата? Или с Гоголевского бульвара?

Елена Краснова на записи миновала желтый особняк Музея Востока на Никитском бульваре. Катя не заметила в ее облике ничего необычного. Интеллигентная горожанка, сотрудница музея, одета просто, но элегантно. И нет никаких признаков ее плохого самочувствия – сердечники часто останавливаются, задыхаются. Она же идет размеренным шагом.

– Черт, слепая зона! По закону подлости! – Гектор указал на внезапно посеревший экран ноутбука. – Камер нет на отрезке. Давай подождем, я включу реверс-автомат записи.

Они ждали. По экрану ползли серые полосы. Затем возникло изображение: Елена Краснова неторопливо шла мимо посольства Эстонии.

– Время 11.40. – объявил Гектор. – Пауза затянулась. А где «божья коровка» провела полтора часа, прежде чем выползла на Никитский бульвар? Посольство... Оно в Калашном переулке. – Он сверился с мобильным.

– Калашный идет параллельно Никитскому бульвару, – пояснила Катя. – Я там сама порой хожу к Арбату и Воздвиженке. Гек, но в Калашном вроде ничего нет, где можно скоротать полтора часа – я имею в виду кафе.

– А давай перед музеем заглянем в Калашный, – предложил Гектор. – Смотри, Краснова на видео первый раз попала на камеру, когда поднялась из подземного перехода. Она приехала на метро и отправилась пешком целенаправленно прямо в Калашный переулок. Система распознавания лиц работала с ее образом. Я ее ведь тайком сфоткал на мобильный вчера, когда она с тобой говорила. Словно чувствовал – изображение нам пригодится. В Калашном переулке у нее имелось дело, занявшее почти полтора часа. Проверим на месте, куда она могла зайти.

Ради похода в зоомузей Катя оделась подобно Гектору – в черные брюки и белую рубашку, – прихватила с собой черный жакет.

– Мы с тобой, Катеньш, сегодня *Люди в черном*, да? Отправляемся на поиски космического таракана. – Гектор любовался ею, шутил, но дыхание у него перехватило. – Кстати, видела вчера стенд в музее?

– Всемирный день Хомячка? – Кате хотелось запустить пальцы в его каштановые волосы. Он наклонялся к ней близко-близко с высоты своего роста. Их неудержимо влекло друг к другу.

– Другой. Насекомые – хозяева нашей планеты. О-бал-деть! А кккукарааа-ча! А кккукарааа-ча! Айййяяя черный тараканнн! – пропел Гектор своим изменчивым голосом.

Добравшись на «Гелендвагене» Гектора до Калашного переуллка, они поняли причину серой зоны на камерах: несколько зданий выломали, за грандиозными заборами кипели стройки – очередной новодел.

Глава 8

«Комок Ностальжи»

В Калашном переулке Гектор моментально сориентировался.

– Краснова шла со стороны Арбата, – объявил он, когда они припарковались в начале переулка и направились к Большой Никитской. – Здесь уличные камеры бдят, они ее засекли. Дальше строительный бедлам. Отсюда начинается слепая зона вплоть до посольства и «Геликон-Оперы».

Катя посмотрела в конец Калашного, куда выходило красное здание музыкального театра, занимавшего почти полквартала между переулком и Большой Никитской. Гектор тоже огляделся по сторонам:

– Справа по курсу лавочка с разной дребеденью и автошкола.

Катя увидела вывеску «Комок Ностальжи. Винтажная лавка». Напротив, за желтым забором, располагалась автошкола.

– Здесь Краснова зависла, – Гектор уверенно указал на винтажную лавку.

– А вдруг у нее был урок вождения? – Катя кивнула на автошколу.

– Нет, Катенька, она завернула в «Комок». – Гектор взял Катю за руку и повел к винтажной лавке. – Ставка моя девять к одному. Комиссионная дыра. «Божья коровка» вознамерилась что-то продать? Заткнуть дыру в бюджете?

Катя помнила: Гектор всегда точно определяет направление на местности, пункты назначения вычисляет профессионально. И не стала спорить – все равно сейчас выясним. Если не повезет в комиссионном, проверим автошколу.

Когда они вошли, над дверью винтажной лавки звякнул колокольчик. Два торговых зала с подслеповатыми окнами бывшего одноэтажного купеческого особняка. Стеллаж, столы из сосны, на них электрические самовары, мутный хрусталь, радиола на ножках у стены, телевизор «Темп» на столе, стенка «Спутник», шкаф «Хельга» с биркой «требуется ремонта» – атрибуты «шика по-советски». Во втором зале висели картины с бирками «уценка», на столе лежали кейсы «дипломаты», по ним советские граждане сходили с ума в восьмидесятых, покупали у армянских спекулянтов. Между

уцененных пейзажей, рядом с жанровым полотном «Утро сталевара», на стене красовалась огромная сова, связанная в технике макраме, она явно нуждалась в химчистке. Сова охраняла закрытую дубовую дверь в смежное помещение.

– Добрый день! – Из-за стеллажа выплыла брюнетка в черном, одетая в стиле панк-рок, с чокером, браслетами и кольцами в виде черепов. Возраст ее угадывался с трудом из-за броского макияжа. – Посмотрите нашу коллекцию, у нас имеются весьма интересные предложения.

Она не сводила глаз с высокого статного Гектора.

– Я из полиции, мы расследуем происшествие с сотрудницей Зоологического музея Еленой Красновой, – заявила ей Катя. – По нашим данным, она могла заходить к вам в комиссионный магазин вчера между двенадцатью и половиной второго.

– У нас постоянно клиенты, – ответила брюнетка. – Мы не следим по часам.

Гектор достал из кармана пиджака мобильный, открыл фотографию Красновой и показал продавщице «Комка Ностальжи».

– Вспоминайте, вспоминайте, она заходила к вам вчера, – бросил он небрежно. – Узнали? Бежевый тренч, темные волосы, стоптанные туфли. Она хотела продать вещи? Тайком? Предмет из музея? Не стесняйтесь, вам ничего не будет, если вы расскажете правду о вещи, принесенной ею. Она же ее украла в музей, не вы. Вы – коммерческое предприятие, комиссионный магазин. А «Вербилки» все еще кто-то берет? – Он кивнул на сахарницу, расписанную розами, ужасную на вид. – Вам из вторсырья присылают чашки-плошки после сортировки мусора?

– Вам лучше переговорить с Анатолием Анатольевичем, – продавщица бросила взгляд на фотографию Красновой и вновь уставилась на Гектора. – Пройдите в его кабинет.

Она указала на дверь под охраной плетеной совы.

– Как его фамилия? – осведомился Гектор.

– Ковальчук. Он владелец нашего антикварного магазина, – продавщица повысила ранг «комка».

– Но вы узнали Краснову? Она заходила вчера к вам? – не отступал Гектор.

– Да, эта особа нас посетила вчера.

– Что она принесла на комиссию? – задала вопрос Катя. – Документы, письма старые? Или личное из дома?

– Спросите у Анатолия, – брюнетка кивнула на дверь. – Я не в курсе.

Гектор решительно направился через зал-вернисаж к двери, открыл ее без стука:

– Государственные органы! Вы Анатолий Ковальчук?

Крепкий ладный темноволосый зрелый мужчина с проседью повернулся. Он стоял посреди маленького кабинета, заставленного шкафами, сейфом, двумя кожаными диванами, кальяном. На столе перед ним – фарфоровые царевна-лебедь и пионер с горном, бюст Сталина и фигурка бородатого козла с большими рогами.

Он слышал звук колокольчика, но не отвлекся на явившихся клиентов. Анатолий Ковальчук был поглощен воспоминаниями, переживаниями.

Ковальчук помнил козла с детства – точно такая же фарфоровая фигурка имелась у его бабки. Перед глазами Ковальчука возникла картина.

Бабка, на коленях на полу, с ожесточением роется на нижних полках серванта, выбрасывает оттуда наволочки, белое пикейное одеяло, что-то бормоча себе под нос. Она, кряхтя, поднимается на ноги. Сморщенное лицо ее перекошено от ярости. «Воровка!! – кричит она, потрясая кулаками. – Обворовала меня, тварь! Родную мать обокрала!! Где мое пикейное одеяло белое? А где мой башка-козел? Куда ты его дела? В комиссионку снесла?!» Мать, раздеваясь в прихожей, не реагирует. «Бабушка, вот же козел твой! На серванте!» – кричит школьник Толик. Он не понимает случившегося со старухой, хотя мать объяснила ему: у бабушки стало совсем плохо с головой, маразм, она обвиняет, подозревает близких. Бабка кидается к матери: «Воровка проклятая! Обокрала меня!» Мать закрывается от нее руками, отворачивается. Толик пытается помочь матери, он нарочито грубо, с силой пихает бабку в спину, и та неожиданно валится плашмя на пол. Ноги в носках с дырками на пятках дергаются. Внезапно она затихает, вытянувшись на полу. Мать и Толик пугаются. Мать наклоняется: «Толик, она не дышит... умерла!» И обессиленно опускается прямо на пол рядом с телом. Толик возвышается над ними обеими. Он помнит, как толкнул бабку в спину... Фарфоровый козел с

рогами пялятся на него своими белыми зенками. «Никому не говори, – шепчет мать. – Бабушка просто упала. И скончалась».

– Чем могу служить? – вежливо спросил Анатолий Ковальчук Гектора и Катю, окидывая их оценивающим взглядом.

– Я из полиции, – Катя представилась официально. – К вам вчера днем заходила клиентка. Некая Елена Краснова, сотрудник Зоологического музея. Ваша продавщица нам подтвердила – Краснова побывала здесь. Продавщица ее опознала по фотографии.

– К чему сии сложности? Оpozнание? – спросил вежливо Анатолий Ковальчук. – Клиенты заходят, делают покупки, обычный процесс, мы же торгуем антиквариатом. – Он взял в руки фигурку фарфорового козла, рассматривал – есть ли заводское клеймо.

– Спустя несколько часов после посещения вашей комиссионки Краснова упала из окна с третьего этажа зоомузея, – продолжила Катя.

Анатолий Ковальчук медленно поднял на нее взор.

– Она умерла в больнице, врачи ее не спасли, – закончила Катя.

Бах!

Фарфоровая фигурка козла выскользнула из пальцев Ковальчука и разбилась на куски. Голова отлетела к его ногам.

– Лена? Умерла? Выбросилась из окна?! – Ковальчук, подавшись вперед, наступил ботинком на голову козла, она хрустнула у него под подошвой. Он даже не заметил.

Гектор наблюдал за его реакцией.

– Так вы знакомы с Красновой? – уточнил он.

– Ох, подождите. В глазах темно. – Анатолий Ковальчук шагнул к дивану и сел, провел рукой по вспотевшему лицу. – Новости с ног валят. Вы садитесь. Прошу. Как же так? Почему она выбросилась из окна?

– Полиция пока устанавливает все обстоятельства, мы проводим проверку, – вежливо сообщила ему Катя. – Итак, вы знали потерпевшую?

– Лена – моя бывшая соседка. Приятельница школьных лет. Мы жили в одном дворе и учились в одной школе, но в разных классах.

– Где? – спросил Гектор.

– В Красном Железнодорожнике, поселок недалеко от Пушкино. Лена там по сей день живет... То есть жила. – Ковальчук водил рукой

по дорогой толстовке люксового бренда, массировал грудь слева. – Я в себя не могу прийти.

– Вы состояли с ней в интимных отношениях? – в лоб спросил Гектор, понизив свой изменчивый голос, в котором возникли низкие доверительные нотки. – Ваша подруга навестила вас вчера по дороге на работу?

– Мы поддерживали исключительно дружеские отношения, – ответил Ковальчук. – Никакого романа! Я давно покинул Красный Железнодорожник. Мы просто...

– Что? – Гектор-лицедей взирал на него с сочувствием. – Ничего не скрывайте. До вашей супруги не дойдет. Гарантирую вам полную конфиденциальность информации.

– Я разведен. А ваши предположения ошибочны. Мы с Леной виделись изредка. Мой магазин недалеко от ее музея, и она порой заглядывала ко мне поболтать. Мы вспоминали детство, юность.

– «Комок Ностальжи». – Гектор обвел взором кабинет, забитый старыми вещами. – Ностальгирующие по прошлогоднему снегу.

– Нет, с моей стороны чистая коммерция. Лена, бедная Лена... она моложе меня на шесть лет, жить бы ей да жить...

– А где вы обитаете сейчас? – осведомился Гектор.

– После развода я покинул Москву и вернулся в Пушкино, построил дом на реке Серебрянке. Ремонт нескончаемый высасывает все мои доходы от магазина. – Ковальчук говорил быстро, словно отвлекшись от охватившего его горя. Но Катя видела – он взволнован и его мысли поглощает новость о смерти приятельницы детства.

– Краснова за городом вас не навещала? Вы по-прежнему соседи, хоть и дальние теперь. Пушкино – прекрасное место, – Гектор-лицедей продолжал гнуть свое вкрадчиво и настойчиво.

– Нет. Что ей делать у меня на Серебрянке? Рыбу она не ловит. Это я с удочкой выходные после развода коротаю, успокаиваю нервную систему. А ее занимал музей – работа, дом. Долгие годы она ухаживала за больной матерью. И не привыкла к вечеринкам. Она даже к сестре практически не ездила.

– У Красновой есть сестра? – спросила Катя.

– Старшая. Вероника. Но они очень разные с Леной. Ее сестра весьма обеспеченная женщина, ей оставил наследство покойный муж.

Даже два ее покойных мужа. Первого лет двадцать назад убили бандиты.

– У вас нет контактов Вероники Красновой? – продолжила Катя. – Мы обязаны связаться и побеседовать с ней.

– Нет у меня ее мобильного. Адрес ее я не знаю. Мы и в юности с ней не особо ладили. А потом вообще не встречались. И у нее фамилия сейчас не Краснова, а ее второго мужа. Я не знаю точно. – Ковальчук смотрел на осколки разбитого фарфорового козла. – Но все же почему Лена бросилась из окна? Какова причина, спровоцировавшая суицид?

– Вы ее видели за несколько часов до смерти – вы нам скажите, – тихо заметила Катя. – Она вам не жаловалась? По словам ее коллег, она находилась в затяжной депрессии.

Ковальчук вздохнул:

– Коллеги ее музейщики... Может, они ее довели?

– Краснова подвергалась на работе травле? – Катя осторожно допытывалась.

– Она со мной не делилась. Но что могло ее заставить броситься из окна музея?

– Мы еще точно не установили, суицид ли это или несчастный случай, – ответила Катя. – Проверку проводим, собираем больше информации у людей, знавших Краснову. Поэтому и к вам пришли, Анатолий Анатольевич. А она вчера не жаловалась, например, на самочувствие?

– Нет, – Ковальчук покачал головой.

– Краснова посещала Среднюю Азию? – спросил Гектор. – По делам музея, например, в командировку, в экспедиции или в отпуск, может быть, ездила?

– В Азию? Нет. Она заведовала отделом в зоомузее, называла мне его, но я забыл – где экспонаты заспиртованные в банках хранятся. Ужас, я бы не смог, например, – ответил Ковальчук.

– А вы сами бывали в Средней Азии? – задал Гектор новый вопрос.

– Несколько раз. Одно время к искусству Востока вспыхнул интерес. Но затем угас. Мода переменчива.

– Краснова вчера не упоминала о встрече за городом? – продолжал интересоваться Гектор.

– Дома в Красном Железнодорожнике? А с кем? Ничего не говорила мне. Какая встреча? Она и с соседями по дому не дружила. В ее старой пятиэтажке проживают теперь сплошные мигранты, снимают квартиры, комнаты. Красный Железнодорожник совсем захирел, да и в годы нашего детства в поселке обитали в основном работяги с «Серпа и Молота». Моя бабушка работала на заводе, квартиру ей дали в хрущовке.

– Все же Краснова общалась с мигрантами из Средней Азии? Раз соседствовала с ними, – быстро уточнила Катя.

– Вряд ли, если только на лестничной площадке столкнется, – ответил Ковальчук. – Домработницы она не имела, ей зарплата не позволяла. Сиделок-узбечек для больной матери ей оплачивала старшая сестра. Лена мне сама говорила. И сестрица проявляла вечное недовольство прислугой из Узбекистана. Увольняла ту часто.

Катя отметила: Ковальчуку известны подробности жизни приятельницы юности и ее семьи. Но ведь они общались, пусть от случая к случаю... Их последняя беседа заняла в магазине целых полтора часа.

– Значит, она не упоминала о вечернем randevу – не в своем поселке, а в другом месте? За городом? – Гектор настойчиво гнул свое.

– Нет. С кем ей встречаться? – усмехнулся печально Ковальчук. – Она ко мне завернула по пути в музей. На работу отправилась от скуки в свой выходной. Повторяю – ее угнетало домашнее одиночество. Мы выпили кофейку здесь, в моей берлоге, поболтали, и она пошла на работу. Все как обычно.

– Ее влекло в музей, а вы нам сказали – ее коллеги могли довести до самоубийства, – снова осторожно заметила Катя. – Хотелось бы разобраться подробнее в противоречии.

– У кого нет проблем на работе? – Ковальчук пожал плечами. – Напрямую мне Лена не жаловалась на травлю со стороны коллег. Но упоминала – на ее место в музейном хранилище немало охотников. И к ней порой цепляются.

– Она никогда не предлагала вам купить у нее винтажные вещи? – спросил Гектор.

– Винтаж? У нее? Они с матерью жили очень скромно. Это у ее старшей сестрицы Вероники загородный коттедж под медной крышей,

полный люксового барахла. Ника не привыкла себе ни в чем отказывать, а Лена сэкономила на всем.

– Музейные раритеты она вам приобрести не предлагала? – в лоб очень жестко, разом изменив свой тон, бросил Гектор.

– Да вы что! – взвился Ковальчук. – За кого вы нас принимаете?

– Вы сами признались – у вас чистая коммерция. – Гектор-лицедей лучезарно ему улыбнулся и продолжил своим изменчивым голосом, точно копируя артиста Юрского в роли Остапа Бендера: – Вы читите Уголовный кодекс? Не надо мелочиться.

Ковальчук вздрогнул – наглый шатен с яркими серыми глазами вещает голосом персонажа из его любимого фильма детства. Ну и тип...

– Я никому не позволю оскорблять память Лены беспочвенными подозрениями, – заявил он громко. – За нее теперь некому заступиться. А я заступлюсь. Лена посвятила всю себя науке!

– Зоологии? – уточнил Гектор невинно.

– Да! Но вам подобного не понять.

– Отчего же? – Гектор уже загрустил. – Просветите меня. Pleee-aaase!^[8]

– Вы не ученые, а полицейские. У вас с Леной разный уровень интеллекта.

– Мы стараемся в расследовании сопоставлять разные точки зрения и смотреть на ситуацию глазами множества свидетелей. Очень помогает для установления объективной картины случившегося, – вежливо вмешалась Катя, стараясь скорее погасить возникающую конфронтацию, ибо Гектор Троянский, по своему обыкновению, начал, словно в покере, повышать ставки.

– Лена была исключительно порядочным и честным человеком! – Выпавив похвалу усопшей, Ковальчук умолк. Возможно, решила Катя, его душило пламенное желание не только постоять за репутацию покойной подруги детства, но и выгнать внаше дерзких посетителей.

– Смурной мужичок, уклончивый, подобный маятнику в ходиках с кукушкой, тик-так... То так, то сяк наперекосяк, – хмыкнул Гектор, когда они покинули «комок». – Я б его, конечно, щассс разломил аки сгнившее яблочко. Но ты меня всегда, Катенька, удерживаешь от крайностей и самоуправства. Хмырь болотный, блин!

– Гек, еще неясна даже причина случившегося с Красновой. А вдруг правда несчастный случай? Зачем нам «разламывать» ее друга юности и бывшего соседа? – спросила Катя. – Ковальчук для первого раза поведал нам немало.

– А в чем польза от его трепачки? «Нет, нет, не знаю...» Завел свою шарманку. А «божья коровка» специально чесала на электричке именно к нему в свой законный выходной из Красного Железнодорожника, трепалась с ним полтора часа и затем двинула в музей. Нас же на грани смерти послала в Шалаево, где мы наткнулись на голый труп проходимца без документов и с расколотым черепом. Интересно мне, во сколько Ковальчук вчера покинул лавочку древностей, а?

– Но ты его не спросил.

– Я непременно поинтересуюсь, – пообещал Гектор. – Но мы зададим животрепещущий вопрос не уклончивому торговцу барахлом, а кое-кому другому. Чуть позже. Солнце еще не склонится к закату, а мы все узнаем. Катенька... – Он вдруг наклонился с высоты своего роста. – Прядь у тебя выбилась... Можно, я сам поправлю?

Он искал любую возможность прикоснуться к Кате.

– Мы в музей? Прогуляемся пешком? – Она старалась вернуть ему деловой настрой, а то он отвлекся...

– Ага, вместе снова глотнем музейной пыли. Сейчас, подожди... – шепнул Гектор, занятый ее волосами.

Глава 9

Пропавшая экспедиция

В Зоологическом музее – пустом по случаю санитарного дня – их встретил в дверях знакомый охранник:

– Вы снова к нам? Но ваши коллеги вчера все осмотрели и опрашивали нас всех дотошно допоздна. Кабинет наверху полицейские опечатали лентой.

Гектор ответил:

– У нас свое расследование, особой важности, у Петровки – свое. Не пререкаться.

Хотя он говорил очень вежливо и спокойно, охранник моментально прекратил возражать. Катя всегда поражалась умению Гектора подчинять себе людей. Его харизма доминировала. У него и документов никто никогда не спрашивал, все сразу брали под козырек, а ей вечно приходилось доставать удостоверение. Наверное, внешне Катя совсем не походила на полицейского в представлении обывателей. Правда, это ее никогда не огорчало.

Весть о смерти Елены Красновой уже облетела музей.

– Звонили из полиции, – сообщил охранник. – Наши в шоке. Бедная Елена Станиславовна!

Катя попросила проводить их прямо в библиотеку. На пороге библиотечного зала их встретила ученая пожилая дама в мохеровой кофте. Она оказалась хранительницей анналов. Фамилия ее была Покровская. Катя спросила ее:

– Где материалы, с которыми Елена Краснова работала вчера? Нам необходимо взглянуть на бумаги.

– Коробку с документами полицейские мне разрешили забрать из опечатанного кабинета. Я вернула ее в библиотеку. – Ученая дама кивнула на заваленный книгами и альбомами стол. – Когда Лена обратилась ко мне с неожиданной просьбой найти архив профессора Велиантова, я четыре дня искала. С великим трудом обнаружила среди хлама за шкафом, задвинутую в угол. На моей памяти коробку не доставали, а я в музее сорок с лишним лет.

– А давно Краснова обратилась к вам с просьбой насчет архива? – уточнил Гектор.

– Примерно месяц назад она явилась ко мне, вознеслась из своего подвала и спросила насчет профессора Ивана Велиантова – располагает ли архив сведениями о нем? Я сверилась с каталогом в компьютере и увидела лишь общий обзор о профессоре и длинный перечень его научных работ. Я подняла архивную опись – в ней значилась коробка с номером. Но повторяю, я ее искала несколько дней. Коробки не оказалось в шкафу на нижней полке, где она числилась в описи под номером. Обнаружила я ее совсем в другом месте.

– Кем Краснова работала в музее? – спросила Катя с любопытством. Они ведь до сих пор точно не знали ни должности покойной, ни сферы ее интересов.

– Елена руководила отделом влажных хранилищ. Он в подвале музея, – ответила важно Покровская.

– Отдел, где экспонаты заспиртованы в банках? – усмехнулся Гектор. – Здешняя кунсткамера?

– Святая святых музея. Во влажных хранилищах никогда не проводят экскурсий. Зрелище не для слабонервных. И дилетантам во влажном хранилище делать нечего. – Покровская смерила взглядом собеседника – великолепный Гектор Троянский покорял даже окостенелых ученых сухарей, которым за семьдесят.

– Как в фильме «Чужой: Завет»? Рукотворные монстры и чудовища? – Гектор лучезарно улыбнулся хранительнице библиотеки и продолжил голосом актера Майкла Фассбиндера в роли андроида Дэвида: – *The devil finds work for idle hands to do*^[9]. Краснова собственноручно препарировала образцы?

– Иногда. Без вскрытий в научной работе не обойтись. У нас говорят – потроха и требуха. А «Чужой», молодой человек, *its not my cup of tea*^[10].

– Разрешите, пожалуйста, нам взглянуть на материалы из коробки, – вежливо попросила Катя. Она отметила: Покровская, зная о смерти Красновой, не проявила в разговоре своих чувств. Она не скорбела о коллеге или не демонстрировала эмоции при посторонних? – Вы сами читали документы?

– Я их, естественно, проглядела, когда обнаружила за шкафом: мне стало интересно, зачем старье потребовалось Елене. Велиантов умер чуть ли не столетие назад, и он был выдающийся орнитолог. Лена орнитологией никогда не занималась, – ответила Покровская Кате. – Архив разрозненный, фрагментарный, бестолковый. Смотрите сами. – Она показала на коробку из серого, пыльного, разошедшегося картона, древнего на вид. – Лена спрашивала, откуда поступили материалы. Я сказала: архив формировался уже после смерти Велиантова, часть корреспонденции, судя по содержанию, направлялась им руководством музея, но он писал и своим друзьям – преподавателям университета. Я нашла в обзоре сведения о его сестре – наверное, и она передала какие-то бумаги в архив. Но все случилось давно. Письма профессора относятся к 1931 году, последнее поступление в журнале – 1958 год, Велиантов к тому времени был уже мертв 30 лет, его младшая сестра скончалась в «оттепель».

– Еще кто-то, кроме Красновой, интересовался архивом? – Гектор забрал коробку.

– Горбаткин сунул свой любопытный нос, – усмехнулась ученая дама. – Ему до всего есть дело.

– Что за Горбаткин? – уточнил Гектор. – А у вас чудесный шелковый платок. Удивительно освежает цвет лица!

Ученая дама поправила яркий шейный платок, повязанный под мохеровую кофту.

– Скажите еще – молодит. Сын мне подарил, когда я с его семьей ездила во Флоренцию, путешествовали мы по Италии. Словно в другой жизни приснилось нам, мда... Всеволод Горбаткин – он вас привел вчера в кабинет на третьем этаже.

Катя вспомнила долгоязого проводника в музейном лабиринте.

– Краснова рассердилась на Горбаткина – зачем он лезет, куда не просят. Она отсканировала все материалы, – продолжила Покровская. – Она купила дорогой телефон. У нас в музее есть сканеры, но она воспользовалась своим мобильным. Проходите сюда, вам никто не помешает. – Она указала на читальный зал библиотеки.

Они проследовали в зал – пусто, светло, тихо. Сегодня, в отличие от вчерашнего вечера, во всем музее работали кондиционеры, окна по традиции оставались плотно закрытыми. Гектор выдвинул стул, Катя села, он снял пиджак, засучил рукава белой рубашки, начал доставать

из коробки бумаги. Их оказалось немного. На пороге читального зала опять возникла Покровская.

– Краснова совершила самоубийство? – спросила она. Кате померещился в ее тоне чисто сухой научный интерес.

– Мы пока не можем сказать – самоубийство или несчастный случай, – ответила Катя.

– Или убийство, – брякнул Гектор. – Вы, например, вчера в музее где находились между шестью вечера и половиной седьмого, а?

– Я встретила вас в фойе, молодые люди, когда вы вломились к нам в альма-матер.

– Краснова уже лежала на асфальте в Никитском переулке. Я спрашиваю, где вы были раньше? Библиотека на третьем этаже.

– Я ничего не слышала и не видела. Кабинет расположен далеко по коридору. Я упорядочивала компьютерный каталог, у нас все современные материалы отцифрованы, со временем дойдут руки и до столетних завалов. Услышала шум и спустилась вниз, – ответила Покровская. – Адель вчера предупреждала нас: полиция попытается свалить смерть Лены на музейный коллектив.

– Дама с палочкой, страж оссуария – костницы, родившаяся в лагере на Колыме? Она меня чуть костылем сгоряча не пронзила, ай-яй-яяййй, чем я заслужил ее гнев? – Гектор укоризненно покачал головой. – А она... где она находилась вчера между шестью и половиной седьмого, а?

– Рискните, молодой человек, поинтересуйтесь у нее сами, – съязвила Покровская. – Адель Викторовна – вдова академика, физика-ядерщика, она никого не боится, на нее разная нечисть строчит доносы, но Адель не страшится клеветников. И режет в глаза правду-матку. Адель сейчас с палкой передвигается, из-за своего колена!

– Мы никого ни в чем не подозреваем, ни вас, ни вашу подругу, – заверила Покровскую Катя поспешно. – Скажите, пожалуйста, Краснова ведь неоднократно работала с архивом, да? И отсканировала его для себя. Но документов немного. Хватит дня для изучения. Зачем она к нему возвращалась?

– Почти каждый день являлась в библиотеку, выкраивая час-полтора от своей непосредственной работы. И вчера, в выходной, забрала коробку в свободный кабинет. Она мне не объясняла свою

цель, я не спрашивала. Думаю, она собирала материал для научной монографии. Писанина – кропотливая вещь.

– Вы правы, – согласилась Катя.

Гектор аккуратно разложил на столе бумаги, сел рядом с Катей, закинул руку на спинку ее стула, подвинулся вплотную, и они начали читать архив.

Бухгалтерская ведомость с датой наверху листа: 10 апреля 1931. В графах ведомости синими чернилами столбец с перечислением: мука – 2 мешка, рис – 4 мешка, мясные консервы, соль, сахар, спички, дрова, керосин, чеснок, препараты и оборудование для полевых исследований и консервации собранных образцов, фонарь, деревянные ящики, вьюки, наем лошадей, зарплата носильщиков, проводника и фотографа, фотоматериалы, пленка, бумага, проявители, почтовые услуги, телеграф и пересылка собранных экспонатов, теплая одежда, сапоги, палатки, прочие непредвиденные расходы. Против позиций в столбце отсутствовало указание денежных сумм. Внизу синими чернилами расплывалась подпись: руководитель экспедиции профессор И. В. Велиантов.

– Копия, – объявил Гектор уверенно. – Документ в те времена составляли в двух или трех экземплярах от руки или же печатали на машинке под копирку, но не в нашем случае. Первый отправляли главбуху и руководству музея на подпись, ими уже и проставлялись выделенные суммы из музейного бюджета.

Катя читала дальше. Несколько пожелтевших разрозненных листов из блокнота. Синие чернила, выцветшие от времени.

Gyps himalayensis – снежный гриф, или кумай. Эндемик Памира, Гималаев, Тибета по описаниям. Замечены нами с Павлом экземпляры и здесь, на Тянь-Шане. Гнездится в горах, по словам проводника, местные встречают его весьма часто. Мы же с Павлом видим крупную птицу-падальщика впервые. Сколько мощи и красоты в великольном создании! Кумая считают подвидом белоголового сипа, но я лично не разделяю подобную точку зрения. Надо еще его понаблюдать, чем мы с Павлом активно займемся. Если повезет, добудем экземпляр для музейной коллекции. Павлу уже не терпится трудиться над

чучелом. Дело непростое! Тянь-Шань – не Кавказ, место нашей с Павлом прошлой экспедиции. Здесь все иначе, намного сложнее, в том числе и сбор образцов.

Гектор открыл в мобильном программу и отсканировал лист.

– Сам Велиантов пишет, – объявил он. – Нам теперь, Катя, известен его старомодный почерк с завитушками. Сразу видно – образованный человек с «раньшего времени до исторического материализма». Профессор орнитологии.

Новый лист. Пожелтевшее от времени письмо. Тот же витиеватый почерк. Катя читала внимательно.

Дорогой Саша! Пишу тебе при свете походного костра, глядя на дикие горы. От их красоты захватывает дух. Но я вспоминаю Москву, скучаю о доме. Как наш университет? Твои лекции? Как здоровье Наташи? Пишу кратко, мы торопимся рано утром отправить почту и ящики с образцами, необходимо их еще подготовить для транспортировки и пересылки. Неделю я провел на озере Иссык-Куль, изучая озерных птиц-эндемиков, без Павла. Он вместе с частью отряда Миши Погребецкого^[11] отправлялся в краткий поход к долине Иньльчек на разведку местности. Нашего фотографа Юсуфа Шахрияра Погребецкий уговорил идти с ними – снять панораму местности, горы. Миша и его люди ищут удобные подходы к Хан-Тенгри. Погребецкий полностью сосредоточен на своей задаче – он собирается совершить восхождение на пик. Павел вернулся бодрый, а наш чудесный фотограф – донельзя несчастный, со стертymi до волдырей ногами. Юсуф – сын купца-фармацевта из бывшего Верного, он уйгур из богатого рода, привык к комфорту и прислуге. Еще в гимназии в Верном он пылко увлекся фотографией. Счастье выпало нам его повстречать и включить в состав нашей маленькой исследовательской группы. Он делает отличные снимки. Миша Погребецкий мне завидует: он и его товарищи снимают подготовку к восхождению исключительно сами. Но Юсуфа Шахрияра он у меня не переманит. Они все еще ищут удобные проходы в горы к озеру Мерцбахера, леднику через долину Иньльчек. Я оставался на озере Иссык-Куль вместе с младшим братом Юсуфа, мальчик в свои пятнадцать тоже весьма способный фотограф, как и брат, хотя он

глухонемой от рождения. Я тщательно обдумывал дальнейшие действия. Наши пути с отрядом Погребецкого в скором времени разойдутся. Им к Небесной горе – наверх. Мы же изучаем птиц. У нас свои цели и задачи. Мы присоединились к отряду альпинистов из-за сопровождения красноармейцами. Вооруженная охрана солидная, потому что в окрестных горах снова объявился Дэв-хан. Он наводит ужас на местных жителей – киргизов, казахов и своих соплеменников-уйгуров. Местные распускают о нем множество нелепых слухов – якобы он потомок горного демона, а он активно поддерживает небылицы ради устрашения суеверного населения. В прошлом месяце отряд красноармейцев имел с ним стычки в горах. Но поймать Дэв-хана не удавалось никому. Китайцы охотятся за ним и в Синьцзяне, и по всему Китаю после убийства его отца. Мстя за того, Дэв-хан беспощаден к китайцам. Он грабит ювелиров, торговцев золотом, жемчугом и шелком, совершает налеты на почтовые станции, торговые караваны, магазины, лавки. По слухам, он несметно богат. Копит капитал для большой войны с Китаем ради независимости уйгуров. Что-то его постоянно заставляет переходить границу на нашу сторону, и не только преследующие его по пятам гоминьдановские войска. Местные утверждают – он хранит награбленное здесь, у нас, а не в Китае. Но все это досужие сплетни. Местные вообще при разговоре о Дэв-хане, потомке горного шайтана, крайне пугливы и уклончивы. И есть причина – за собой Дэв-хан оставляет сожженные деревни в Китае, а в наших горах жуткие обезображенные и обезглавленные трупы китайских кули... Я видел, Саша... До смерти не забуду. Дэв-хан предъявил отряду Погребецкого подобный знак, запрещающий восхождение на Хан-Тенгри. Он поклоняется горе и считает Тянь-Шань по обе стороны границы своей вотчиной. Охранники-красноармейцы пойдут вместе с отрядом Погребецкого. Мы же с Павлом, если отделимся от них, останемся без военной защиты. Но какой прок грозному Дэв-хану убивать нас, ученых? Я не испытываю страха. Если встречу с ним в горах, объясню цель нашего прибытия в его горы. Он, по слухам, не только садист и убийца, грабитель с большой дороги, но и просвещенный человек – учился в университете в Пекине...

Следующее письмо я постараюсь отправить быстрее, с оказией. Материалов у меня скопилось чрезвычайно много. Главная сложность

– консервация образцов в полевых условиях, их сохранность в жаркое время. Шлю сердечный привет всем нашим в университете. И есть у меня к тебе просьба – навещайте с Наташей Полину. Она тревожится за меня и за Павла... Моя сестра его старше, но сердцу ведь не прикажешь. Хотя Павел всегда вел себя рыцарски, не давая никаких поводов для сплетен в университете... Ладно, ты и сам все знаешь. До следующего письма! Обнимаю крепко тебя и Наташу!

Гектор взял письмо профессора Велиантова – без даты, занимавшее обе стороны листа – и перевернул его. Катя заметила, что он перечитывает самый верхний абзац: некий Дэв-хан несметно богат и хранит награбленное у китайцев в горах, по другую сторону границы.

А Катя придвинула к себе пачку листов, прошитых суровыми нитками. Подробное описание разных птиц. Приписка: наблюдение озерных эндемиков. Почерк профессора Велиантова. Черноголовый хохотун, скопа, колпица, орлан белохвост, кудрявый пеликан, малый баклан... Велиантов делился личными наблюдениями, фиксировал, где видел птицу, писал о районе гнездований на озере. Катя дотошно прочла все пятнадцать страниц, полагая – речь идет об упомянутом уже озере Иссык-Куль.

Между двумя последними страницами лежал желтый листок из блокнота, исписанный теми же синими чернилами, однако почерком, отличным от профессорского, – энергичным, угловатым, резким.

Полгрота усыпано костными останками. Но наш факел погас. Юсуф внезапно чего-то сильно испугался и закричал – надо уходить! Я пытался нашарить спички в вещмешке и успокаивал его – можно ли ему, образованному человеку, поддаваться диким суевериям и сказкам? Но он вцепился в меня и тянул назад. Я чиркнул спичкой – из грота ведет проход дальше, возможно, в следующий грот. Спичка тоже погасла. Другие отсырели, мешок мой промок насквозь под дождем. Я так и не смог добыть нам с Юсуфом огня, а он ни секунды не хотел оставаться в крошечной тьме в гроте. Он впал в истерику от страха, нес разную околесицу. Мы протиснулись сквозь узкую щель, через которую и попали

внутри. Снаружи все еще хлестал ливень. Мы, конечно, в следующий раз полностью обследуем грот, несмотря на советы Юсуфа убираться подальше. Я пристыдил его, он выглядел расстроенным и напуганным, но твердо стоял на своем: якобы мы с ним очутились в «очень скверном месте, приносящем беду».

Гектор читал текст, близко наклонившись к Кате, затем отсканировал его и длинный перечень птиц. Следующий документ из коробки оказался листом, вырванным из тетрадки в клетку. Катя и Гектор снова узнали почерк профессора Велиантова:

*Невероятное событие. Я сначала решил – у меня галлюцинация от лихорадки. Она прилетела ниоткуда и уселась на ветку у брода в десяти шагах от меня. Ее синее оперение искрилось на солнце. Я услышал ее голос. Голос Синей птицы... Метерлинк грезил о ней, создавая образ вечной погони за счастьем. А я испытал счастье, узрев ее воочию на ветке барбариса... Слова старика в аиле – истинная правда. Синяя птица прилетела из-за синих гор. Никто никогда прежде не видел ее на Тянь-Шане. И вдруг она появилась. *Myorhopus caeruleus* – горный дрозд. Подотряд – певчие воробьиные. Она живет в Юго-Восточной Азии, в Китае, в королевстве тайцев, в горах Тибета. Но здесь, недалеко от Хан-Тенгри? Синяя птица запела, и я понял – она не призрак. Редчайший случай, научное открытие! Синяя птица пожаловала к нам. О, мой маленький Метерлинк! Мое синее счастье! Я осторожно поднялся на ноги и... она улетела! Я едва не разрыдался. Я ударил в медный гонг, я разбудил всех – Павла, Юсуфа, маленького Дауда, носильщиков-кули, нашего проводника Ли. Я сказал – мы немедленно идем за Синей птицей! По описаниям, в Южной Азии она обитает у горных потоков и водопадов, она большой любитель воды. Мы начнем искать ее сначала у горных ручьев, в речных зарослях, потом везде по округе. Я не знаю, сколько времени потребуется нам на ее*

поиски. Но я ее отыщу – ведь это научное открытие всей моей жизни.

Следующий лист. Катя обратила внимание, что это был... белый ватман. Она усомнилась – пользовались ли ватманом в 1931 году?

– Совсем другой почерк, – заметил Гектор озадаченно. – Похоже на официальное заявление. И дата... Катя, ты взгляни на нее!

Уважаемый Сергей Сергеевич! Прошу разрешить мне пятидневный отпуск для поездки из Университета Бэйда в Гуаньчжоу для встречи с ученым секретарем Ксанг Линг Бо. Делегация музея останется в связи с моим отъездом на короткий срок без услуг переводчика. Но я вернусь быстро. Товарищ Ксанг наконец ответил на мое письмо и назначил мне встречу сам. Он в настоящее время находится в Гуанчжоу в полевой экспедиции, и наш контакт в Пекине из-за его отсутствия в столице и сложившейся острой политической ситуации невозможен. Мой визит к нему связан с публикацией его научных работ в СССР, их переводом с китайского, о чем я уже имел устную договоренность с руководством факультета и нашего музея. Правда, при текущих международных проблемах все усложняется. В любом случае музей и университет обязаны прояснить ситуацию. Мне – переводчику с китайского – побеседовать с ученым секретарем намного проще. О результатах поездки руководство нашей научной делегации в пекинском университете будет извещено.

С уважением,

Юрий Велиантов 2 июля 1960

– Еще один Велиантов, – объявила Катя. – Профессор – Иван Венедиктович. Здесь – Юрий. И разница между документами почти в тридцать лет. Сын профессора? Переводчик с китайского.

– В письме к университетскому товарищу профессор не упоминает жену и сына. Лишь сестру Полину. А должен был, правда? И «ученая мумия» Покровская в разговоре с нами тоже говорила о

сестре профессора, скончавшейся в шестидесятых годах, – ответил Гектор. – *Здрасссте*, еще и китайский ученый секретарь товарищ Ксанг всплыл из мутного потока времени.

Катя придвинула новый лист из картонной коробки. Уже знакомый витиеватый почерк. Профессор Велиантов писал на вырванном и запачканном листе блокнота.

Чувство – будто мы попали в пещеру Али-Бабы. Воистину – небывалое, невиданное сокровище. Юсуф при факелах сделал снимки грота внутри и снаружи. Панораму местности. Вход в грот замаскирован самой матушкой-природой. Главный ориентир – потрясающий, уникальный вид на Хан-Тенгри. Если встать лицом к Небесной горе, справа расположены черные скалы. Вход – и дальше, дальше внутрь... Я смотрю на Хан-Тенгри. Белые снега его вершины... Гора – указатель к невероятному сокровищу. Я слишком волнован сейчас, чтобы писать дальше. В любом случае наших лошадей и носильщиков не хватит для вывоза всего находящегося в гроте. Нам потребуются еще носильщики, лошади и дополнительная помощь.

Гектор глянул на Катю. Она заметила: с каждым новым документом, прочитанным ими, он выглядел все более заинтересованным и сосредоточенным. Он придвинул последний лист – тетрадь в клетку, почерк профессора Велиантова.

Дэв-хан оставил нам страшный знак, подобно экспедиции Погребецкого. Мы ничего не слышали ночью на биваке у костра. И лошади вели себя спокойно. Кто-то появился из тьмы, когда мы спали. Один из наших китайских кули пропал. Мы с Павлом обнаружили его тело у реки. Бедного китайца обезглавили. Его труп висел в развилке дерева кверху ногами. Отрубленную голову водрузили на валун. Она смотрела на меня мертвыми глазами. Длинная коса китайца расплелась. Ствол дерева почернел от его крови. Синяя птица... Она вдруг выпорхнула из кустов и уселась прямо на валун рядом с отрубленной головой. Синяя

птица начала петь. Мы с Павлом, потрясенные, взирали на нее, а затем Павел не выдержал и заорал, взмахнул рукой, стараясь ее прогнать. Учитывая все наши усилия и пройденные нами многие километры в горах в поисках Синей птицы, его поведение крайне нелогично... С точки зрения ученого, исследователя... Но Павел не мог сдержаться. Синяя птица взмахнула крыльями, намереваясь улететь, но ее лапки запутались в волосах отрубленной головы. Китайская коса сыграла роль силка. Птица трепыхалась, билась, осыпая синими перьями отрубленную голову. Прибежавший на крик проводник Ли выстрелил в нее из своей винтовки. Мы добыли долгожданный научный образец, редчайший... Но у меня до сих пор трясутся руки. Мы сняли тело несчастного кули с дерева и похоронили его вместе с головой, насыпали камней, дабы горные волки не сожрали труп и кумай – гриф – не добрался до его головы.

Катя молчала. Последняя запись потрясла ее. Она даже на минуту забыла обо всем другом.

– Действительно архив фрагментарный, разрозненный, – объявил Гектор после паузы. – Неясно, какие именно события следуют одно за другим. Кроме заявления от июля 1961 года, вся остальная корреспонденция относится к 1931-му? Или написано позже? Все, с чем мы познакомились, требует больших пояснений. Постараемся получить их сейчас в музее. Если не удастся, я наведу дополнительные справки по своим каналам. Текст пестрит весьма любопытными эпизодами.

– Про сокровище? – спросила Катя. – По-твоему, Елена Краснова заинтересовалась архивом профессора Велиантова из-за него?

– Нам же она заявила – сокровище, – напомнил Гектор. – *Прям* куда ни глянь – сплошной Остров сокровищ. Но как-то мне стремно, Катенька.

– А глаза уже засверкали... – Катя ему улыбалась. – Кстати, Гек, у тебя отличный английский. Зря ты скромничал.

– Стараюсь тебе соответствовать. Не разочаровать тебя ни в чем. – Гектор поднялся и хищно потянулся всеми мускулами накачанного тела, расправил плечи. – Бумаженции любопытные. Сведения в них

тоже достойны внимания. Однако туман пока полнейший. С кем бы еще потолковать нам, раз мы зависли в музее? Руководство их в отъезде. Некий Горбаткин Всеволод, интересовавшийся подобно Красновой архивом и разозливший ее. Я его попытаюсь раскрутить, *щассс* узнаю, где он прячется.

– В пасти мастодонта Жорика своего, – подсказала Катя. После чтения записки об обезглавленном кули-носильщике ей было не по себе, и она хотела переключиться. Хотя бы шуткой изгнать из памяти *ту картину*.

– Заметила здешнюю атмосферу, когда мы шли через залы? – спросил Гектор. Он, напротив, вдруг стал серьезен. – Огромное здание, полное чучел, трупов животных... Но каково здесь ночью? Музей – пристанище призраков, духов мертвых животных, птиц, пресмыкающихся... Все они – чьи-то тотемы и божества. Их души гневны и мстительны. При свете дня чучела мертвых зверей следят за нами исподтишка. Они наблюдали и за Красновой, когда она бродила по музею... А чего вдруг испугался в том гроте фотограф Юсуф, член экспедиции профессора Велиантова, когда погасли их факел и спичка?

Катя глянула на Гектора – он иной сейчас. Он разный. Она постепенно открывает в нем все новые и новые грани. Он заинтригован... Архив Велиантова – последнее, чем занималась Елена Краснова перед смертью, – сильно зацепил и его...

Всеволода Горбаткина не пришлось долго искать. В зоомузее – на ловца и зверь бежит. Катя и Гектор увидели своего бывшего проводника в коридоре второго этажа, открытом для экскурсий, где стены занимала фотоэкспозиция, посвященная истории музея. Горбаткин стоял у одного стенда и внимательно его разглядывал.

– Добрый день, – поздоровалась с ним Катя. – Не уделите нам несколько минут?

– Полиция снова ведет розыск в музее? Что все же произошло с Еленой Станиславовной? На взгляд полицейских? Суицид? – долговязый Горбаткин стремительно обернулся от стенда. Катя отметила – он ловок, жилист, подвижен, хотя вчера в общей неразберихе и показался ей рохлей.

– Она умерла, – ответил ему Гектор. – А вы интересовались архивом профессора Велиантова, вызвав ее недовольство.

– Пропавшая музейная экспедиция 1931 года, – Горбаткин указал на стенд.

– Велиантов и его коллеги тогда не вернулись с Тянь-Шаня? – быстро спросила Катя.

– Исчезли без следа. Единственные две фотографии остались в историческом отделе музея. – Горбаткин указал на снимки на стенде. – Здесь Иван Велиантов, его ассистент Павел Ланге и фотограф Юсуф Шахрияр среди членов экспедиции альпиниста Погребецкого, совершивших первое восхождение на Хан-Тенгри. Потому что сначала обе группы шли вместе, а затем разделились. На втором снимке сам профессор Велиантов и Павел Артурович Ланге, а также члены их отряда – носильщики, проводник, младший брат фотографа, его помощник. Снимок сделан, наверное, самим Юсуфом Шахрияром, раз его нет в кадре. Фотографии летом 1931 года музей получил вместе с отчетом экспедиции по почте.

Катя и Гектор при тусклом освещении коридора тщательно рассмотрели оба снимка. На первом – большая группа людей: альпинисты, местные проводники в халатах и киргизских шапках, носильщики с тюками. На втором снимке – мужчина лет под шестьдесят, высокий, слегка сутулый, в круглых очках, в теплом свитере и пиджаке, чем-то напоминающий Паганеля, с полевым биноклем и подзорной трубой в чехле на груди – крест-накрест. Рядом с ним – статный молодой блондин в кожаной куртке летчика и армейских галифе, заправленных в сапоги. За его плечами – винтовка. Фон снимка размытый, серый – вроде склон горы.

– Фотограф Юсуф Шахрияр, он рядом с альпинистом Погребецким, – Горбаткин указал на первый снимок.

Катя увидела молодого мужчину азиатской внешности в модной в 1931 году толстовке и черной шапке – ей показалось, китайской, из шелка. За его спиной – надетый подобно рюкзаку на ляжках – большой черный кофр: фотооборудование. Футляр от фотоаппарата, болтавшийся на ремне на его шее, – пуст. Наверное, он одолжил свой фотоаппарат альпинистам для группового снимка. Рядом с ним подросток в гимнастерке не по росту и в расшитой тибетейке. Он держит в руках треногу для фотоаппарата. Рядом с ним стоят еще два кофра.

Так вот какие они были... Катя разглядывала членов пропавшей экспедиции.

– Иван Венедиктович Велиантов – выдающийся орнитолог, – пояснил Горбаткин. – Ученый энциклопедист, он знал восемь языков, помимо научной и преподавательской деятельности в университете занимался литературой – переводил Байрона, Шиллера, Гете, Гофмана, Метерлинка. Кроме орнитологии обладал глубокими знаниями в лесоведении, почвоведении, дендрологии. Он близко дружил с сыном географа Семенова-Тян-Шанского Андреем, тоже географом и переводчиком. Павел Ланге – его помощник и ученик. Не только зоолог, но очень способный таксидермист, обогативший наш музей настоящими шедеврами.

– Снимки сделаны, судя по всему, малоформатной «лейкой», ее с середины двадцатых начали выпускать, – определил Гектор. – При каких обстоятельствах погибла экспедиция – известно?

– Никто не знает, за все годы ничего не выяснили. Вроде их всех убили басмачи. Но даже тел не нашли, – ответил Горбаткин. – Три года назад музей планировал отметить стопятидесятилетний юбилей Велиантова, но из-за ковидных ограничений празднование отложили. Архив, обнаруженный Красновой в библиотеке, тогда даже не стали разыскивать. В сущности, пропавшая экспедиция 1931 года долгие десятилетия оставалась забытой и закрытой страницей истории нашего музея. А ведь, судя по письмам профессора Велиантова, поднятых Еленой Станиславовной, они тогда совершили удивительное открытие – первыми обнаружили экземпляры Синей птицы на Тянь-Шане.

– Мы видели в Верхнем зале витрину с Синими птицами, – сказала Катя. – Экземпляры, добытые тогда Велиантовым и Ланге?

– Нет, витрину оформили гораздо позже. Первые экземпляры *Muorhonus caeruleus* орнитологи начали наблюдать на Тянь-Шане в конце сороковых – пятидесятых годах. Тогда она еще считалась большой редкостью, ее ареал обитания далеко на юге, в тропиках. Затем она распространилась дальше на север и сейчас обычна в Средней Азии. Но пропавшая экспедиция видела Синюю птицу на Тянь-Шане в 1931 году – настоящая научная сенсация! К сожалению, из-за гибели всех участников музей не располагает подробными данными об их выдающемся открытии.

Катя смотрела на фотографию пропавшей экспедиции. Подобно героям пьесы Метерлинка, они шли в неизведанное. *Синяя птица рядом с отрубленной головой китайского носильщика. Лапки, запутавшиеся в расстрепанной китайской косе...* Катя на мгновение закрыла глаза – картина из письма Велиантова всплыла перед ее мысленным взором. *Символ счастья, попавший в силос смерти и крови...*

– Вы сами по профессии орнитолог? – спросил Горбаткина Гектор.

– Так точно. – Горбаткин глянул на него. – И с «лейкой» вы тоже угадали профессионально. Я заведую хранилищем коллекции птиц. – Он указал на стенд на противоположной стороне: на фотографиях – трупки птиц, утыканные булавками. С бирками на столе.

– Вы таксидермист, как Павел Ланге? – уточнил Гектор.

– Нет. Мне до Ланге очень далеко. Он был ас своего дела. У нас работает специальная команда профессионалов для консервации образцов.

– В коробке с бумагами мы нашли заявление от некоего Юрия Велиантова, переводчика с китайского, – объявила Катя. – Вам известно, кто он? Родственник профессора?

– Племянник. Двоюродный, – раздался скрипучий голос.

Они обернулись. К ним по коридору шествовала, опираясь на костыль, Адель Викторовна – хранитель оссуария.

– Лена меня дотошно расспрашивала, порывшись в пыли библиотеки. Уговорила поднять директорский административный архив. Зачем ей все понадобилось – не сочла нужным мне пояснить, ускользала угрем, но умоляла горячо. И я сдалась, – заявила ученая дама.

– Краснова собиралась написать монографию о пропавшей экспедиции, ревниво реагировала на любой интерес со стороны, копала материалы для себя, – быстро ввернул Горбаткин.

– Она вам сама призналась, Сева? – Адель Викторовна зорко оглядела их, разом притихших, стенд со снимками. – Юрий Велиантов – переводчик из университета и родич профессора, единственный его потомок. В начале шестидесятых, согласно ведомости о зарплате, он поступил на службу в музей, ездил с делегациями музея в Китай, пока тот от нас не закрылся при Хрущеве.

– У Велиантова имелась еще сестра Полина, – напомнил Гектор. – Адель Викторовна, вам трудно стоять, присядем и поговорим?

– Некогда мне с вами рассусоливать. Нам надо готовить некролог Красновой и насчет похорон ее определяться. Насколько я выяснила для Лены, Юрий Велиантов недолго проработал переводчиком в нашем музее – летом шестьдесят второго года он погиб, находясь в отпуске. Я обнаружила в директорском архиве справку о его смерти.

– Где он проводил отпуск? – спросил Гектор.

– Понятия не имею. А насчет сестры профессора, молодой человек... Мама мне рассказывала о ней, они сидели в одном лагере с Полиной Велиантовой. Ее дважды арестовывали после смерти брата – в тридцать пятом и тридцать седьмом. Первый раз отпустили с Лубянки. А в тридцать седьмом впаяли десять лет без права переписки. В сорок шестом еще добавили срок. Она была поэтесса и переводчик. Мама мне говорила – написала сатирические стихи о вожде всех народов, не побоялась. Но, как у Булгакова в романе, всплыла вдруг бдительная морда – стукач, гнусавивший: «Закон об оскорблении величества». Вам интересно, отчего пропавшая экспедиция оказалась забытой на долгие годы? Да все поэтому. Боялись коллеги проявить интерес к родственникам врага народа. Предали остракизму даже безвинных мертвецов. А Пауль Ланге вообще был немец с Поволжья – куда уж больше... Вам, молодой, человек, ничего не напоминает? Ассоциации не посещают вашу красивую голову?

Гектор молчал.

– Теперь мы знаем правду, – сказала Катя. – Спасибо вам большое, Адель Викторовна.

У хранильницы оссуария внезапно зазвонил мобильный.

– Алло! Здравствуйте... примите самые искренние и глубокие наши соболезнования... Мы сами искали способ связаться с родственниками... с вами... Безусловно, окажем помощь с похоронами. Музей не останется в стороне. Елена Станиславовна – наша коллега и соратник, невосполнимая утрата... Конечно, конечно...

Катя поняла, кто звонит ученой даме. И ее догадка подтвердилась.

– Сестра Елены – Вероника Станиславовна, – объявила Адель Викторовна, отключившись. – Насчет похорон и участия в них музея.

– Пожалуйста, дайте мне ее номер, – смиренно попросил Гектор. – Нам с ней тоже необходимо связаться.

– Она звонила в музей и лично мне. Частная информация. – Хранительница оссуария опиралась на костыль. – Если я откажусь, вы силой отнимете у меня мобильный? Под пыткой выбьете из меня, старухи, пароль?

Катя ждала, что Гектор, по обыкновению, бросит свое «не пререкайся!», но он хранил молчание. Мрачный, с резко обозначившимися скулами на лице...

– Имя моего друга – Гектор, в честь героя Гомеровской Трои, – Катя смотрела хранительнице оссуария в глаза. – Он не заслужил ваших оскорблений, Адель Викторовна. Он в жизни многое совершил, защищая и меня, и вас, и альма-матер – музей, и ваше неотъемлемое право тихо-мирно заниматься научной работой. Спасибо, телефон родственницы Красновой мы сами узнаем. Нам не привыкать.

Адель Викторовна в свою очередь смерила и ее долгим взглядом и начала громко, скрипучим голосом диктовать номер Вероники, сестры Елены.

Глава 10

Вскрытие

Полковник Гуцин присутствовал в прозекторской на вскрытии трупа неизвестного из Шалаево. Остаток ночи и все утро он потратил на осмотр места убийства вместе с оперативной группой. Местных полицейских Гуцину пришлось погонять. Они никак не могли взять в толк – почему вроде бы рядовое убийство мигранта вызывает у замначальника главка столько эмоций? И вообще, с чего он вдруг сам оказался ночью на глухом пустыре вместе с полковником Гектором Борщовым, не имеющим отношения к полиции, и криминальным обозревателем пресс-службы главка Екатериной Петровской? О последних словах Елены Красновой Гуцин коллегам из Шалаево не сообщил. А те, не зная подоплеки, работали вяло – они уже заранее списали дело в полный «глухарь».

– Обычная история, Федор Матвеевич, мигранты разборки свои вели в тихом месте, вдали от глаз, бакшиш не поделили – бабло – или просто поссорились. Одного пристукнули ударом по башке, раздели, ограбили. Они нищие, для них и кроссовки ношенные с курткой ценность представляют, – вещал старший опергруппы. – Теперь ищи ветра в поле – они уже у казахской границы. Я образно выражаюсь, но, сами понимаете, подобные дела раскрываются со скрипом.

Полковник Гуцин приказал снять с бутылки со слабительным отпечатки и немедленно проверить мертвеца. Отпечатки совпали – неизвестный действительно принял слабительное на пустыре, больше к бутылке никто не прикасался.

– Что же он во время драки с соплеменниками наглотался дюфалакса? – спросил Гуцин старшего опергруппы. Тот лишь плечами пожал: мигранты, кто их знает...

Проверка окрестностей тоже ничего особенно не дала. В семи километрах от заброшенной железнодорожной станции имелась действующая, при ней поселок и швейная фабрика. На фабрике работали гастарбайтеры из Таджикистана. Жили они в бывших фабричных бараках, переделанных под общежитие. Проверкой барачников занимались все утро, никто из рабочих не опознал мертвеца по

фотографии. Если неизвестный не приехал на машине, то мог добираться до Шалаево лишь электричкой и автобусом. Или же пришел пешком? Но Гуцин не верил в последнее – слишком далеко. Опросили водителей автобусов – те тоже не помогли, многие признавались, что вообще с трудом различают людей азиатской внешности и не запоминают их.

Гуцин настоял на скорейшем вскрытии жертвы – местные судмедэксперты особо не торопились, есть и поважнее дела. Они тоже не могли уразуметь – с чего вдруг большой главковский начальник порет горячку. В чем особенность убийства на пустыре? Где подвох? Они не спорили, но Гуцин ощущал глухое подспудное сопротивление. Его распоряжения и приказы вызывали у местных полицейских скрытую досаду и непонимание. Делиться с ними информацией о событиях прошлого вечера в Никитском переулке и словах Красновой он по-прежнему категорически не желал. Коса нашла на камень...

Направляясь в местный морг, полковник Гуцин скрепя сердце позвонил коллегам с Петровки, 38 – он очень не любил у них одалживаться информацией. Но ситуация требовала узнать, провели ли судмедэкспертизу тела Елены Красновой.

Оказалось, провели. Зам начальника МУРа сообщил: дамочка из музея сама выпала из окна в результате несчастного случая. Причина ее смерти по результатам вскрытия – острая сердечная недостаточность, прежний диагноз врачей подтвержден полностью. В ее крови обнаружили следы антидепрессанта «Каликста» и транквилизатора, принимаемого при панических атаках. Еще в крови нашли и следы нейролептика. «По словам врачей, нейролептик этот прописывают при сильных страхах и тревоге, вместе с антидепрессантами и транквилизаторами не сочетают, – объявил Гуцину столичный коллега. – Но дамочка, видимо, врачей не слушала, глотала все таблетки подряд. У нее в сумке во внутреннем отделении, застегнутом на молнию, где лишь ее отпечатки пальцев, мы обнаружили и „Каликсту“, и нейролептик, и транквилизатор, все упаковки наполовину пустые. Она пила все без разбора. И спровоцировала себе инфаркт».

Полковник Гуцин спросил про осмотр кабинета в музее. И столичный коллега подтвердил слова Кати и Гектора Борщова: чисто, никаких следов борьбы, насилия, ничто не указывает на нападение на

Краснову в кабинете. «Отпечатки пальцев на двери, подоконнике, оконной раме, ручке рамы и цветочном горшке принадлежат самой Красновой, – сообщил он Гущину. – Выявлены при осмотре еще и множественные отпечатки на столе и стульях, принадлежащие другим людям. Но они большей давности, чем отпечатки на оконной раме и подоконнике. Уборщица, возможно, хваталась за мебель – сотрудники музея кабинетом ведь пользовались регулярно. Короче, несчастный случай, будем отказывать в возбуждении дела».

Полковник Гущин задал последний вопрос: «Раз Елена Краснова пила таблетки, плохо сочетающиеся между собой, есть ли в кабинете чашка, бутылка воды, электрический чайник с водой? Все, чем можно таблетки запить?» Катя и Гектор о них не упоминали, но он решил уточнить. Замначальника МУРа ответил: «Нет, не обнаружили мы ни посуды, ни воды, она могла наглотаться таблеток раньше – по пути на работу. Воду в бутылке либо купила, либо везла с собой, а потом бутылку выбросила. Вечно вы, Федор Матвеевич, все усложняете. А для нас дело ясное – несчастный случай. Не убийство. Работы нам меньше».

В прозекторской морга трудился совсем молодой патологоанатом. Полковник Гущин сначала отнесся к нему с великим недоверием – недавно с институтской скамьи, опыта с гулькин нос. Но затем, наблюдая за спорой и профессиональной методикой вскрытия, свое мнение изменил. Они стояли у стола в прозекторской над обнаженным телом – оба в масках и защитных костюмах. После ковида и тяжелого ранения полковник Гущин, прежде падавший в обморок в прозекторских, словно окреп духом. Он переносил ужасы вскрытия теперь более стойко и отстраненно.

– Мужчина азиатской внешности, возраст примерно сорок лет, средней упитанности, рост 158 сантиметров, размер ноги сорок первый. Причина смерти – закрытая черепно-мозговая травма, – констатировал эксперт. – Ему нанесли три удара по голове сзади и сбоку, предположительно железным прутом или палкой. Уже первый удар оказался смертельным, но его продолжали бить. Удары наносились с большой силой сверху вниз. То есть нападавший гораздо выше жертвы – рост от 175. Кроме черепно-мозговой травмы иных повреждений – ран, ссадин, царапин, синяков – на теле нет. Да вы и сами отметили при осмотре, товарищ полковник.

– Он работяга? Или белый воротничок? – уточнил полковник Гуцин.

– Не офисная моль уж точно, но и не пролетарий, – заявил молодой патологоанатом. – Видели его руки?

– Мозоли на ладонях, я решил – строитель, дворник...

– Физический труд для него тяжел, взгляните на его деформированные суставы на фалангах пальцев рук и ног. Ему на вид сорок с небольшим, а он, судя по состоянию суставов, страдал жесточайшим артритом. Генетическая предрасположенность, наверное.

Полковник Гуцин уже с уважением воззрился на молодого патологоанатома – умница, все подмечает. В отличие от шалаевских полицейских, патологоанатом работал увлеченно, явно стараясь произвести впечатление на знаменитого полковника Гуцина. А тот стоически терпел вскрытие, шедшее своим чередом. Анализ крови оказался готов – следов алкоголя не выявили, наркотиков тоже. На очереди оставалась гистология желудка.

Полковник Гуцин отвлекся – под маску он надел наушники, чтобы можно было свободно говорить по мобильному. Звонили из Липок: угнанную в Калуге «Ладу» один из обнаруженных местными полицейскими свидетелей – водитель-дальнобойщик – заметил тем вечером на перекрестке в десяти километрах от старого шоссе. «Лада» двигалась с выключенными фарами, фура едва в нее не врезалась. Затем «Лада» включила фары и юрко свернула на просеку. И ее фары снова погасли. Водителя дальнобойщик не разглядел в темноте, но он явно спешно покидал перекресток, где едва не устроил аварию. Просека вела к популярному кемпингу, по ней ездили туристы даже ночью. И тот, кто управлял «Ладой» и вез на ней раненого азиата, видимо, вскоре и с нее свернул, отыскав безлюдную дорогу, где на него наткнулись юные гонщики.

Молодой судмедэксперт за спиной полковника Гуцина внезапно придушенно вскрикнул. Гуцин обернулся – в чем дело?

– Вы видите?! Вот черт... – патологоанатом указывал рукой в перчатке в лоток...

Полковник Гуцин не сразу понял – *что же предстало его взору.*

– Я слышал на лекциях и читал в учебнике о подобном. Но сам никогда... еще никогда... – патологоанатом низко наклонился над

лотком и сразу резко отшатнулся. – Какой ужас!

Полковник Гуцин ощутил – выдержка стремительно покидает и его, тошнота подступает к горлу клубком. Он вот-вот на глазах юнца все ж таки грохнется в обморок. Он с силой ударил ребром ладони о край оцинкованного стола. И лишь боль привела его в чувство, рассеивая туман в глазах.

– Мне надо в туалет! – крикнул юный патологоанатом, сдернул маску с лица и, зажимая рот рукой, пулей вылетел из прозекторской.

Глава 11

Калашный переулок

Катя сама позвонила сестре Красновой. Та сначала приняла ее за сотрудницу музея, начала сбивчиво объяснять – у нее на руках нет пока никаких документов, свидетельства о смерти. Голос ее звучал с надрывом. Катя представилась официально.

– Вероника Станиславовна, нам бы хотелось встретиться с вами сегодня, как с ближайшей родственницей Елены Красновой, в интересах проверки, проводимой по факту ее смерти.

– Хорошо, раз вам нужно. Только я сейчас в запарке, мечусь по делам, опомниться никак не могу. Документы на участок на кладбище ищу, куда-то запропастились. Ох, Лена, Лена... – Вероника Станиславовна зарыдала. – Если вечером, а?

– Конечно, вы не волнуйтесь – мы подъедем, куда вам удобно. Вы живете в Красном Железнодорожнике, где квартира вашей сестры?

– У меня дом на Пахре, – плача, ответила Вероника Станиславовна. – Нет, я сейчас в Москве, домой попаду поздно. Бывший офис моего мужа и компаньонов на улице Вальной, угол Садового кольца. После восьми он пуст, а у меня ключи. Если мы в нем встретимся и поговорим с вами?

– Отлично, в восемь у вас в офисе, сбросьте мне в сообщении адрес, пожалуйста. И примите наши искренние соболезнования.

Гектор проверил адрес, пересланный Вероникой Станиславовной Кате, в Google, убрал мобильный. Он был тих и сосредоточен, глянул на голубой фасад Зоологического музея – они стояли возле его дубовых дверей, на углу Никитского переулка и главка. Катя почувствовала: слова хранительницы оссуария сильно задели Гектора.

– Гек, Краснова после падения с третьего этажа, испытывая болевой шок, изъяснялась врезавшимися ей в память штампами – языком прочтенных писем Велиантова, когда твердила про «бесценное сокровище». Это же почти слова профессора из письма! Не ее собственная фраза. Мы должны учитывать подобные вещи. И еще одна странность.

– Какая? – Гектор смотрел на Катю.

– Помимо Красновой с архивом Велиантова успели ознакомиться орнитолог Горбаткин, хранительница библиотеки Покровская и, я думаю, хозяйка оссуария – они же с Покровской подруги, и Краснова обращалась к Адель Викторовне с вопросами о родственнике Велиантова – Юрии. Но никто из них в разговоре с нами ни единым словом не упомянул о гроте, где, судя по тексту, пропавшая экспедиция якобы что-то нашла. Горбаткин сказал лишь о несостоявшемся открытии Велиантова – о Синей птице и ее новом для тех лет ареале обитания.

– Не желают привлечь наше внимание или же считают выдумкой... Нет, скорее отрывочными непроверенными данными, недостойными пока их ученого внимания. Или же... частью неразгаданного, навеки утраченного за столетие пазла, не поддающегося разгадке. Есть ли еще его фрагменты? А вдруг они лишь ждут своего часа?

– Где? – спросила Катя.

– Поищем. Вместе. Ты и я. Катя... а ты меня защищала в музее.

– И всегда буду, – твердо сказала Катя. – Ты ради меня жизнью рисковал.

– Вся моя жизнь – ты. Катя, я люблю тебя.

Городской шум, уличная суeta разом отключились, угасли... Полный вакуум... Солнечный свет. Лицо Гектора... его взгляд...

– Вот сказал тебе, – произнес он. – Хотел сразу... еще в Староказарменске. Я полюбил тебя с первого взгляда. Покалеченный, на что я мог надеяться? Говорю сейчас. Крикну, громко объявлю всем – пусть знают. Я люблю тебя!

Катя шагнула к нему вплотную.

Стоило ли проявлять привычную сдержанность?..

Или уже нет?

Гектор обнял ее, крепко прижимая к себе. Катя поднесла его руку к губам и сама поцеловала в ладонь. Он приподнял ее другой рукой. Они замерли. Прохожие обращали на них внимание. Оглядывались.

В Никитском переулке открылись ворота главка, из них вырулили сразу две машины с синими мигалками. Лишь вой полицейской сирены заставил Катю и Гектора очнуться. Он опустил ее на асфальт, но не размыкал кольца своих рук. Окружающий мир вновь наполнился

шумом, гамом, суетой, голосами, обрывками музыки с летних террас кафе...

«Открыто проявляем свои чувства при посторонних, уже никого не стесняемся... – пронеслось в голове у Кати. – Как же хорошо... Безоглядно. Безрассудно. А я и не представляла себе подобного раньше. Я с ним полностью свободна. Счастье быть с ним, слушать его, смотреть на него... Счастье любить его... Я с ним настоящая. А он необуздан, рвет все путы, все оковы...»

Вой полицейской сирены – не фанфары рая. Реальность звала назад, им пришлось пока подчиниться обстоятельствам.

– Пойдем, Гек, – Катя не отпускала его руки. – Я знаю, кого ты хотел расспросить о Ковальчуке. Ты считаешь, его сейчас уже нет в магазине? Она осталась одна в «Комке Ностальжи»?

– Продавщица? – Гектор шумно выдохнул. – Да... наверное, она уже одна... если не там, я ее все равно достану... Катенька... Ну, подожди... Еще минутка наша – и в Калашный.

Они рассчитали все верно. В «Комке Ностальжи» их снова встретила дама в черном и серебряных украшениях. Ковальчук отсутствовал, покупатели тоже.

– У нас остались вопросы в связи со смертью Красновой – знакомой вашего босса, – объявил Гектор продавщице. – В том числе и к вам, уважаемая. Вы, думаю, уже в курсе ее гибели. Ваш босс вам сообщил, да? Как ваше имя-отчество?

– Меня зовут Инна, – продавщица разглядывала их. – Анатолий мне сказал. Надо же... из окна она вроде выбросилась... Вот дура.

– Речь, возможно, идет о замаскированном убийстве. – Гектор выдержал эффектную паузу. Продавщица изменилась в лице: любопытство, страх, брезгливость – все, кроме жалости и сострадания к Красновой.

– Я ничего не знаю, – ответила она, поджав накрашенные вишневой помадой губы.

– Вдруг вспомните что-то полезное, а? Нам в копилку. Он когда слинял? – не отступал Гектор.

– После вашего ухода. Сидел у себя. Я заглянула – он на диване, лицо закрыл руками. Я ему про дела магазина, он даже не слушал меня. Собрался и ушел.

– Переживает сильно о своей подруге детства, – заметил Гектор.

– Она его пассия, – заявила продавщица Инна.

– Ковальчук отрицал личные отношения с Красновой, – вмешалась Катя.

– Обманывает. Типичный мужик. Появилась она у нас чуть больше месяца назад. Приходила – они сразу в его кабинете на ключ запирались. Они наедине в преферанс играли? В кабинете есть где порезвиться. Два дивана. И вне магазина они встречались, я убеждена. Она ему давала по первому требованию. – Продавщица с кривой усмешкой кивнула на распахнутую дверь кабинета Ковальчука, охраняемого плетеной совой.

– Ковальчук нам сказал – они вчера пили кофе с Красновой, – вспомнила Катя.

– Ну, пили. Кофеварка в зале на подоконнике, – Инна указала на кофемашину. – Сначала кофеек, затем опять дверь на ключ. Не верите моим словам?

– По-вашему, Краснова была любовницей Ковальчука? – уточнил Гектор.

– А то кем же? Он ей делал дорогие подарки, – сообщила Инна, усмехаясь. – Духи. И меня не постыдился... Курьер прямо в магазин приволок коробку.

Катя созерцала продавщицу – ясно все с вами, Инна... *И меня не постыдился...*

– Айфон крутой ваш босс Красновой, случаем, не дарил? – бросил небрежно Гектор.

Продавщица глянула на открытую дверь кабинета.

– Я ж говорю – она его пассия. Чем она его только взяла? Мымра. Дешевка. И старше меня. Явилась потом к нам, надушившись его духами до одури. Меня едва не стошнило. – В темных глазах продавщицы мерцали зависть и злость. – Вы сказали – речь об убийстве. Он ее прикончил? Надоела ему, жеребцу? И она тоже?

– А еще кто? – спросил Гектор.

Инна не ответила. Ее лицо под слоем косметики покрылось красными пятнами.

– Вы слишком скоры в своих выводах, – заметила Катя. – Пока продолжается полицейская проверка всех фактов и версий.

– А вы, Инна, затаили на босса обиду, да? Подозреваете его? – многозначительно спросил Гектор.

– Нет. Вы меня неправильно поняли, – продавщица сразу дала задний ход. – Я вообще ничего не знаю, мое дело сторона.

– Одна вещь вам точно известна, – не отступал Гектор. – Когда вчера Ковальчук покинул магазин?

– Уехал после ее ухода. Около половины третьего. Мне сказал – дела, бизнес. Но в магазин потом явился наш VIP-клиент, коллекционер, я без Анатоля не могла с ним решить вопросы о заинтересовавшей его картине. Набрала его – он мне не ответил и сам не перезвонил.

Глава 12

Гонец

– Обед мы с тобой пропустили – не критично, зато ужин у нас никто не отнимет, – объявил Гектор с воодушевлением, когда они покинули «Комок Ностальжи». – Или полдник. Айда питаться! Гущин наверняка вернулся в главк. Надо у него новости узнать да и своими его огорошить. *Щасс* я ему сам звякну, поужинаем в компании сурового коллеги.

– Федор Матвеевич по дорогим ресторанам не ходит. Если только на официальный банкет пригласят... Помнится, он недолюбливал китайские заведения из-за специй, и суши он категорически не ест, – известила Гектора Катя.

Она отметила: после своего признания Гектор Троянский пребывает в эйфории. Подобно гордому орлу, он раскинул над ней свои мощные крылья. Он счастлив. Он – буря и натиск. Он снова завоевывает ее – никак не может успокоиться, хотя все уже между ними предельно ясно. Она, Катя, и сама взволнована и счастлива безмерно.

– Федор Матвеевич, доброе время суток. Полковник Гектор Борщов, – небрежно бросил Гектор. – У нас с Катей немало новостей по интересующему всех нас делу. А ваши новости не подкачали? Хотел с вами обменяться мнениями и подискутировать. Вы в главке уже? Отлично. *Неееааа*, мы в главк ни ногой. Скука, официоз, интриги... Для нас с Катей – пройденный этап. К тому же мы с голоду умираем. Если нам вместе перекусить сейчас, а? Лады... Напротив Консерватории кафешка прикольная, хипстерская – лозунг: простая понятная еда. Паста, бургеры, митболы... Вам подходит? Отлично! Через двадцать минут в кафе. И я сейчас вам любопытные документы сброшу, проглядите их, пожалуйста, не откладывая. Музейный архив 1931 года профессора Велиантова. С ним перед падением из окна и работала Краснова. Подробности от нас с Катей за ужином.

До хипстерского кафе Гущину было намного ближе: выйти из главка, завернуть за угол, миновать бюро пропусков министерства МВД – и он уже на месте. Катя и Гектор застали полковника во

внутреннем дворе кафе на увитой зеленью террасе за угловым столиком. Он уткнулся в мобильный – изучал присланные Гектором сканы архива Велиантова.

– Труп из Шалаево. Вскрытие? Результаты? – Гектор, выдвигая стул, заботливо усаживая Катю, лаконично кидал вопросы.

– Поешьте сначала, – велел Гущин устало. – Затем расскажете мне свои новости по порядку, у вас пицца уляжется, и тогда я вам выдам все по Шалаево.

Полковник Гущин заказал себе овощной суп и куриную котлету. Ел нехотя, ковырял котлету вилкой. Катя с тревогой наблюдала: ужасно изменился полковник Гущин после болезни и ранения, прежде он обожал вкусные обильные застолья. А теперь глотает через силу – похудевший, осунувшийся, сникший. Однако «сникший» Гущин заказал себе к супу минестроне вместо ресторанной хлебной корзины двойной коньяк. Гектор его примеру не последовал. Он взял для Кати по ее просьбе ризотто, а себе бургер. Они с Катей довольствовались минералкой. Катя начала выдавать на-гора новости из зоомузея и Калашного переулка. Полковник Гущин внимал молча. Затем сам поведал о вердикте столичной полиции насчет гибели Елены Красновой.

– Ждем еще ваших новостей из Шалаево, – напомнил Гектор. – Судмедэкспертиза...

– При мне патологоанатом провел гистологическое исследование. Вскрыл его желудок. Оттуда горохом посыпались капсулы. – Гущин залпом хлопнул коньяк. – Мужик наглотался их досыта. Его желудок буквально был забит ими.

– Резиновыми контейнерами для перевозки? – Гектор подался вперед. – Наш незнакомец из Шалаево – «мул»? Я нечто подобное заподозрил, когда мы нашли слабительное.

Катя ощутила тошноту.

– Ага, «мул» – перевозчик наркоты. – Гущин кивнул, его лицо перекосила гримаса брезгливости. – Капсул у него в брюхе черт знает сколько, взвесили потом с экспертом – почти килограмм. Он бы лопнул воздушным шаром.

– Нехилую дозу перевозил. – Гектор выглядел удивленным. – Вот зачем он хлебал слабительное. А какой наркотик в капсулах – установили?

– Нет, их надо вскрывать осторожно, все в слизи, в крови – жуть кромешная. Патологоанатом – мальчишка, ему стало плохо, я его час валерьянкой в морге отпаивал.

Катя великим усилием воли заставила себя остаться за столом – слушать дальше. «Беседа истинных профессионалов! Не смей распускаться! Терпи!»

– «Мулов» использует криминал, их непросто найти, завербовать. В нашем деле замешаны еще и уголовники? Азиатский наркокартель? – Гектор все сильнее удивлялся или прикидывался, лицедей. – И к гонцу наркомафии нас посылала «божья коровка» из Зоологического музея Краснова?

– Она просила нас спешить на развилку в Шалаево на встречу с человеком, везущим некое доказательство, – Катя старалась взять себя в руки. – Ясно помню ее слова. Доказательством чего могут служить наркотики?

– Отвратительный голыш нам уже ничего не скажет, – заявил жестко полковник Гуцин.

– Ну да, для вас, полицейских, подобные люди – отбросы. Полиция с мигрантами из Средней Азии вообще не церемонится, да? – Гектор смотрел на Гуцина через стол. – Мужик, по диагнозу вашего эксперта, с врожденным артритом, не способный к тяжелому труду на стройке или на хлопковом поле. А в курсе вы, Федор Матвеевич, жизни «мулов» в Оше, в Чуйской долине? «Мул» – почти всегда инвалид, калека, обитает в кишлаке в глинобитной хибаре без удобств... У него огромная многодетная семья либо куча родственников-несовершеннолетних. Пять, шесть, десять девчонок – дочерей, сестер или юных теток, – их всех надо выдавать замуж, на свадьбу необходимы деньги. Иначе труба, позор роду, скандалы, самоубийства девушек – ведь семья считает их обузой. «Мул» – единственный добытчик, за деньги он вынужденно соглашается стать гонцом, глотает контейнеры и не знает, доберется ли до места живым или сдохнет в пути. Если он выживает, ему платят – до следующего раза, – и все повторяется в его нищей замордованной бесправной жизни.

– Вы, Гектор Игоревич, в Сирии подобных сведений набрались? – осведомился полковник Гуцин. – У развалин Пальмиры?

– Да. И в других местах волшебного Востока.

с лабораторией на колесах? Федор Матвеевич, он – чудо, суперпрофи! Я сама свидетель. Надо его подключить! Гек вам поможет с ним.

– Ну, хорошо, хорошо, я же не отказываюсь. – Гущин начал слегка раздражаться. Он не любил, когда его учили.

Пауза.

Гущин подозвал официанта и заказал себе еще коньяка. Гектор невозмутимо подлил Кате в бокал минеральной воды.

– Слушала я вас и думала: не верится мне в связь Красновой и наркоторговцев, – молвила Катя, нарушая молчание за столом. – Сведения из музея не вяжутся с наркобизнесом. Если Краснова контактировала с криминалом из Средней Азии, зачем она нас послала в Шалаево? Забрать контейнеры у курьера? Абсурд.

– Федор Матвеевич, вы ознакомились со сканами архива Велиантова? – спросил Гектор.

– Прочел наискосок, – ответил Гущин. – Ни черта не понятно: птицы, орнитологи, басмачи-бандиты, тридцать первый год, гора на Тянь-Шане и альпинисты-ударники, еще пещера Али-Бабы и обезглавленный китаец.

– Прочитали о пещере. О гроте. – Гектор кивнул. – Федор Матвеевич, а «мулы» ведь не только дурь в желудке возят, но и другие вещи в резиновых капсулах.

– Например? – осведомился Гущин заинтересованно.

– Камни. Алмазы. Изумруды. В Индии, в Пакистане... Рейс из Дели в Дубай. Из Исламабада в Каир. *Не сссчесссть алмазов в каменныых пещееерах*, – в устах лицедея Гектора знаменитая оперная ария Индийского гостя из «Садко» прозвучала подобно уличному шансону.

Гущин хмыкнул. Но достал мобильный и открыл сканы документов, углубился в них.

– Катенька, и снова слово за тобой. – Гектор смотрел на Катю.

– Я все вспоминаю тексты архива Велиантова. – Катя осторожно подбирала слова. – Я подумала – кому мог писать профессор Велиантов, кроме зоомузея и своего университетского друга Саши, неизвестного нам? Ведомость предназначалась музею. Заявление его дальнего родственника Юрия Велиантова дирекции стоит особняком. Еще имеется лист из блокнота, исписанный другим почерком. Я уверена – это писал Павел Ланге. А кому? В письме к приятелю

Велиантов упоминает вскользь об отношениях между его сестрой Полиной и Ланге, хотя сетует на их разницу в возрасте. Я думаю, Ланге писал именно Полине. Профессор тоже писал своей сестре. Если, обращаясь к другу, он делится с ним сведениями о Дэв-хане, затрагивая политику, то сестре он повествует об эмоциях: о Синей птице, радости открытия, о своих страхах – он не стесняется. Покровская из библиотеки говорила нам: некоторые бумаги попали в музей именно от сестры Велиантова. Все тексты на листах блокнота и тетради в клетку. Тетрадные всегда ведь двойные, да? А в архиве по одному листу, второй всегда отсутствует. Кто их оторвал? Сама Полина? Например, в тексте имелись сведения личного характера и она не желала предавать их гласности. После многолетнего срока в лагерях она помнила об осторожности. Листы из блокнота – тоже обрывочный фрагмент повествования. Ни адресата, ни окончания текста. Это лишь часть некоего целого.

– Криминальный обозреватель, я восхищен! – Гектор улыбался Кате. – Журналистский анализ текстов при весьма скудных исходных данных. Могу лишь добавить: пропавшая экспедиция 1931 года не только слала письма до момента исчезновения без следа, но и делала фотографии. Два фото они летом успели отправить в музей – они на историческом стенде. Я их переснял. Федор Матвеевич, взгляните, я скинул.

Полковник Гущин нашел среди входящих мейлов фотографии, показал через стол Кате. Она пояснила ему быстро – кто есть кто на снимках.

– Старье, – Гущин не проявлял особого интереса.

– Фотографий экспедиции наверняка было намного больше, – продолжал Гектор. – Они птичек щелкали, изучали. И важная деталь – они путешествовали в малонаселенной дикой местности в горах. Обратите внимание, на групповом снимке с альпинистами Погребецкого у фотографа Юсуфа Шахрияра и его брата Дауда три больших кофра с оборудованием, тренога. А в ведомости на расходы указаны фотоматериалы, проявители, бумага. Сдается мне, отправляясь в дальний путь, фотографируя сначала обе экспедиции – музейную и альпинистов, – Юсуф Шахрияр не удовольствовался только негативами. Они – вещь ненадежная. Экспедиция могла вернуться к цивилизации и обнаружить брак негативов, и все их

документальные подтверждения находок в орнитологии пошли бы насмарку. Вряд ли бы Юсуф не подстраховался.

– И? – бросил Гущин, его слегка вело от выпитого коньяка.

– Юсуф Шахрияр печатал фотографии прямо в полевых условиях – судя по двум снимкам с исторического стенда музея, – уверенно заявил Гектор. – Да, сложновато в тридцать первом году было возиться с передвижной фотолабораторией, но возможно для хорошего фотографа. Они прихватили треногу; я думаю, они взяли с собой в экспедицию два фотоаппарата – вдруг один сломается? Печать в полевых условиях производилась при помощи обоих, в кассету одного заряжали в те времена бумагу и вторым проецировали изображение. Можно все проверить даже в закрытой палатке. Или затемненной пещере. Процесс не из легких, но делали, выкручивались. Где же фотографии экспедиции?

Катя слушала Гектора. Сколько он всего знает!

– Почти век миновал, вопрос чисто риторический – кто ответит? – хмыкнул полковник Гущин.

– Я, – сказал Гектор Борщов. – Катя...

– Да, Гек?

– Очень постараюсь узнать для тебя.

Полковник Гущин хмуро взирал на Гектора Троянского. Ну и тип... Но надо отдать должное – они яркая пара. И чертовски подходят друг другу. В душе он дал себе слово разузнать о Троянце больше донесенного до него слухами и сплетнями в кулуарах.

Глава 13

Сестра

Катя сообщила Гущину о договоренности с сестрой Красновой – Вероникой Станиславовной – о встрече, и он решил поехать с ними, лично взглянуть на родственницу жертвы. На Валовую улицу они пробивались по вечерним пробкам – Гектор петлял по переулкам Замоскворечья, стараясь объехать заторы, пару раз проезжал даже под «кирпич».

В пустом офисе на первом этаже их ожидала сестра Красновой. Они позвонили в дверь, и она открыла им. Катя сравнила обеих женщин. Несмотря на ухоженность и лоск, Вероника Станиславовна выглядела гораздо старше Елены – лет на пятьдесят пять. Невысокая, начинающая полнеть, однако затянутая в потертые джинсы и черный топ-корсет с открытыми плечами. Ее крашенные волосы отливали золотом, на шее блестели золотые цепочки, на руках – браслеты. Она носила на себе невероятное количество ювелирных изделий. Ее круглое энергичное лицо с ярким макияжем опухло от слез. Катя еще раз выразила ей самые искренние соболезнования. Вероника пригласила их сесть.

– Съезжаете? – спросил Гектор, оглядывая пустой, почти лишенный мебели офис.

– Нашим бывшим компаньонам больше не по силам платить аренду, задушила, – ответила Вероника Станиславовна. – Что случилось с моей сестрой? В больнице мне сказали – инфаркт. Но как... как она могла упасть из окна?!

– Либо сама, либо ее кто-то вытолкнул. – Катя села рядом с Вероникой на диван, Гущин устроился в кресле, Гектор остался стоять. – Несчастный случай – ей стало плохо, и она упала. Или... ей кто-то помог.

– Но это же окно музея! – Вероника Станиславовна воззрилась на них растерянно. – Полицейские мне позвонили – покончила жизнь самоубийством. Я просто села... Лена? Самоубийство? Почему?! Потом уже в больнице врач сказал: острая сердечная недостаточность.

А теперь вы говорите: помогли ей... Кто? И где? В музее?! Лена проработала в нем двадцать лет!

– Мы пока разбираемся, много неясностей, поэтому и к вам приехали, – объяснила Катя. – Вы давно виделись с сестрой?

– В пятницу. Я приехала с Пахры в Москву, Лена мне позвонила с работы, она очень поддерживала меня. Предложила встретиться вечером. Мы посидели в кафе, а потом я повезла ее домой и осталась у нее ночевать – в нашей бывшей маленькой квартире. Вспоминали жизнь нашу давнюю, маму покойную... Утром мы с ней вместе вернулись в Москву на моей машине, я по делам, она в свой музей – он же открыт в субботу. Ничего не предвещало... как же так... Я теперь совсем одна осталась на белом свете. Одна беда за другой.

И Вероника Станиславовна горько заплакала.

– У вас еще горе? – спросила Катя.

– Муж скорострительно умер полгода назад. Моложе меня – здоровый, крепкий... Тромб оторвался. Упал прямо в торговом центре, мы за покупками с Пахры ездили в Москву. – Вероника заливалась слезами. – Сначала он, теперь Лена.

Они терпеливо ждали, когда она успокоится.

– А вы сами где и кем работаете, Вероника Станиславовна? – осведомился полковник Гушин.

– Мы с мужем в прошлом вели инвестиционный бизнес, вкладывались в недвижимость, муж играл на бирже. Затем занялся криптовалютой. Мы пытались держаться на плаву. Муж меня старался оберегать от неприятностей, а когда он умер, оказалось – у него масса долгов. Я отдала почти все. Накоплений солидных мы не делали – жили раньше в свое удовольствие. Много путешествовали. Муж увлекался парусным спортом, мы месяцы проводили на Кипре, в Мармарисе. Шесть лет назад даже на Камчатку путешествовали, и Лена ездила с нами. Я ее взяла с собой, она радовалась каждому дню – мы видели на Камчатке ее любимых животных. Даже медведей в заповеднике!

– То есть ваша сфера – бизнес, не наука, – уточнил Гектор. – Зоомузей не находится в области ваших интересов.

– Совсем не мое. Ленино царство – ее любимый музей. Она всегда фанатела от него. И раньше сутками на работе пропадала, а в

последнее время музей вообще стал ее прибежищем от переживаний и страхов. Она сильно переживала перемены в нашей жизни.

– У Елены в сумке обнаружены сильнодействующие препараты для лечения тревожных расстройств и антидепрессант, – сказал Гектор. – Глотала колеса?

– Лекарства, – сухо поправила Вероника. – Она последние два года жить не могла без таблеток, привыкла их пить. На «Каликсту» и меня посадила после смерти мужа. Я страдала бессонницей. Она мне еще всучила другие таблетки – «Ника, прими, хорошо снимают стресс». Я попробовала парочку – у меня началась дикая мигрень. Я сразу бросила.

– А где она брала нейролептики? – не отступал Гектор.

– Ходила по частным врачам. Транжирила последние деньги. Обращалась к психологу. Один умный мозгоправ посоветовал ей выключить к черту телевизор и меньше читать новости в интернете. Я ей: «А что я тебе советовала? То же самое – и бесплатно!»

– Доктор, часом, не из Средней Азии? – задал новый вопрос Гектор.

– Я не знаю. Какое имеет значение, откуда он?

– Ваша сестра рассказывала вам о своей работе в музее? – Катя решила повернуть беседу в иное русло.

– Иногда нечто забавное. Про экскурсии и посетителей. Старалась меня растормошить, повеселить, когда я кисла от своих мрачных мыслей.

– О старом музейном архиве профессора Велиантова она не заговорила? – поинтересовалась Катя.

– Лена не занималась архивами, она заведовала хранилищем, где все экспонаты в банках в спирту. Знаете, она ведь была прирожденным ученым – помню, в детстве она однажды принесла домой в литровой банке препарированную на уроке биологии лягушку. Тайком похитила эту дрянь у биологички в классе. И наша мама застала ее на кухне заливающей настойкой – ну, водкой на лимонных корках – выпотрошенную лягушку. Мама чуть в обморок не хлопнулась, призвала меня: «Ника, воспитывай сестру! Образумь ее!» А Ленка нам с мамой: «Я ради науки, это эксперимент!» Мама выкинула лягушку на помойку, настойку вылила в унитаз. И велела мне отвести Лену в Зоологический музей в Москве на экскурсию. Тогда Лена впервые

переступила его порог – школьницей. А я была там тогда единственный раз. И мне не понравилось в музее. Лену же он околдовал. Она записалась в кружок юного натуралиста при музее, ездила самостоятельно из нашего поселка каждую субботу на электричке заниматься, затем слушала лекции в музее. Начала очень хорошо успевать по всем предметам – особенно по химии, математике и биологии. И поступила сама, без всякого блата, на биофак МГУ. Наши пути тогда с сестрой надолго разошлись: она стала зоологом, а я жила со своим первым мужем – человеком состоятельным, он владел ночным клубом в Балашихе, мы переехали туда. Через несколько лет его убили в сауне братки. И мне пригрозили смертью, если не перепишу клуб на них. Они ограбили меня внаглую. А Лена тем временем писала свою диссертацию, защищала кандидатскую, мечтала о докторской. Много позже мы с сестрой снова сблизились – мама заболела, слегла, я к тому времени уже снова вышла замуж. Лена жила с мамой, я им помогала материально. Нанимала маме сиделок, оплачивала счета – Лена ведь работала и не могла ухаживать за ней постоянно. Мы с мужем часто путешествовали, и я не брала маму к себе, хотя должна была – я ведь старшая сестра. Лена огорчалась. Но после смерти мамы она великодушно простила меня. А когда умер мой муж, Валера, она стала мне опорой в жизни.

– У вашей сестры имелись знакомые из Средней Азии? Я не имею в виду сиделок для вашей мамы, – сказала Катя. – Коллеги-ученые? Зоологи?

– Естественно, были. Она мне хвалилась – они проводили крупный семинар по животному миру, к ним нагрянула целая делегация... я не помню точно... вроде из Казахстана. Она готовила семинар вместе с коллегами из музея.

– Последний месяц она тесно общалась с Анатолием Ковальчуком – владельцем комиссионного магазина в Калашном переулке, – объявил Гектор многозначительно. – Он нам признался – якобы они с Леной приятели с детства. Он вам знаком?

– Толик? – Вероника Станиславовна подняла брови. – Конечно, я его знаю. И он сказал вам правду. Лена сама мне вдруг объявила: заглянула в «Комок Ностальжи» к Тольке, он дико изменился, постарел... Уйма времени пролетела с тех пор, когда она и он...

– Что? – спросил Гектор. – У них была связь?

– Толик – первая и, наверное, единственная настоящая любовь моей сестры-одиночки, – объявила Вероника Станиславовна. – Сколько мы из-за него пережили с мамой!

– Несчастливая любовь? Пылкая страсть? – спросил Гектор-лицедей бархатным баритоном. – Но браком все не закончилось?

– Каким еще браком? Он никогда и не собирался на ней жениться! А Лена – бедняжка... Понимаете, он наш бывший сосед по двору. Лены он старше на шесть лет. Но все детство во дворе вместе. Столько воспоминаний! Ленка вдруг влюбилась в него без памяти в свои пятнадцать. Соседка застала их целующимися в подъезде, сообщила маме. Та вспомнила фильм «Маленькая Вера», перепихоны в подъезде тайком, пришла в ужас... Выпытывала у Ленки: дошло у вас с ним до главного? Сестра редко ссорилась с мамой, но тогда начала огрызаться: «Не лезь в мои дела, отстань, я уже взрослая!» Мама, как всегда, призвала меня: «Ника, воспитывай сестру, повлияй на нее, а то не уследим! Она от Тольки забеременеет». Ковальчук учился в Институте культуры. Вертопрах, первый парень в нашем задрипанном Красном Железнодорожнике. Не хулиган, нет, щеголь, денди и этакий деляга, великий комбинатор... Он уже крутил свой первый мелкий бизнес тогда, еще студентом.

Вероника на секунду умолкла. Яркая картина всплыла перед ее глазами. Она спускается по узкой лестнице в подвал котельной, где Толик Ковальчук с друзьями устроил мастерскую по вывариванию джинсов. Она только вернулась из ночного клуба под утро. На ней джинсы, косуха в заклепках, кожаные митенки в шипах, высокие берцы. На шее болтаются чокеры и амулет, подаренный мужем. От нее за версту шибает табаком и духами. Она полна решимости разобраться с Толиком Ковальчуком за сеструху Ленку, которую тот обаял и мурыжит. Сеструха вроде девственница пока – кажется, они с Толиком еще не переспали. Он взрослый, для него связь с несовершеннолетней закончится статьей. И он, возможно, осторожничает. Однако Ника не уверена – Ленка по уши влюблена в Тольку. К возникшей семейной проблеме Ника намеревалась сначала подключить мужа, пусть проучит Тольку. Но отказалась от своей идеи: муж отсидел в тюрьме за драку, он может искалечить Ковальчука при разборке – и дело опять кончится для него тюрьмой. С Толькой Ника сейчас сама разберется. Отвадит его от спятившей, словно мартовская кошка, Ленки-дуры.

Ранним утром Толик перед лекциями в институте наяривает в своем подвале – варит джинсы в хлорке. Варенку они затем толкают с друзьями-студентами на вещевом рынке. В подвале на трех электроплитках клокочет кипяток в бельевых баках, плавают в белесой воде джинсы. Толик Ковальчук в майке-алкоголичке и боксерах помешивает длинной палкой чаны. Он в подвале один.

– Привет, Ника. Ты чего? – Толик замечает ее на пороге. Он удивлен. Полуголый, он чертовски привлекателен. Хорошо сложен.

Ника знает: она, в отличие от недотепы Ленки, сильно и давно нравится ему. Но он для нее мелок и глуп, не сравним с ее мужем – настоящим взрослым мужиком с амбициями, татуировками и нехилыми деньгами.

– Я из клуба ночного, – говорит Ника и, виляя бедрами, шествует прямо к нему. – Знала, ты здесь по утрам ошиваешься.

– Из клуба? Круто у вас в клубе. Пригласила бы.

– Приходи. – Ника уже возле него.

– А муж твой не приревнует? – Толик Ковальчук оглядывает ее, оценивает. – Классная ты, Ника. Подкараулила меня здесь?

– Ага, – Ника кивает ему, смотрит в его наглые глаза с поволокой.

На лице Толика Ковальчука появляется весьма сложное выражение – алчность, желание...

– Я здесь все утро один.

– Стояк на двенадцать? Завелся с полоборота? – Ника протягивает руку и гладит его трусы.

– Ника, сумасшедшая... классная... шальная... духи у тебя – шикарные, – Толик Ковальчук в душном паре обнимает ее, пытаясь поцеловать.

А она с силой ударяет его кулаком в пах. Он отпускает ее, визжа от боли, сгибается пополам, зажимая промежность обеими руками. Ника наносит ему удар ногой в колено, и он валится на бетонный пол рядом с электроплиткой с баком. Ника ногой в берце сдвигает бак, полный кипятка, на самый край, он нависает над телом распростертого на полу Толика Ковальчука.

– Клянись мне, тварь, – внятно и громко произносит Ника. – «Никогда впредь я не стану приставать к Лене Красновой».

– Я к ней не приставал! На... она мне сдалась! Она сама мне проходу не дает! Вешается! – Толик корчился на полу от боли. –

Прекрати!! Ты че... ты че творишь?!

– Яйца тебе отшибла, урод. А сейчас скину бак с кипятком. Сварю заживо! – Ника еще дальше сдвигает с плитки бельевой бак. – Хочешь жить – повторяй за мной! «Клянусь не причинять Ленке зла!»

– Клянусь! – орет Толик. – Оставь бак, стерва! Он сейчас на меня свалится!

– «Клянусь не трахать Лену Краснову! Никогда не прикасаться к ней!» Повторяй!!

– Да нужна мне твоя сеструха! Мышей она потрошит, живодерка долбаная! От нее воняет!

Ника с силой бьет ногой в берце сбоку в бак с кипятком, опрокидывая его на другую сторону от визжащего на полу Толика Ковальчука. Из бака хлещет кипяток, лужа растекается по бетонному полу. Ковальчук, несмотря на боль в паху, вскакивает и отпрыгивает в сторону. Вот он уже мелькает на пороге, устремившись к лестнице, вон из подвала. Ника остается одна. Пар окутывает ее подобно горячей пелене. В ее сердце клокочет ярость.

– Я тогда Ковальчука серьезно предупредила насчет его приставаний к Лене, ей же всего было пятнадцать, – произнесла Вероника Станиславовна. – Он меня понял. И отстал. Их пути с Леной надолго разошлись. Он, насколько я знаю, дважды женился – неудачно, разводился. Уверяю вас, у Лены с Ковальчуком не происходило ничего интимного и в настоящем. Просто тени прошлого мелькали... Хотя Ковальчук и первая любовь моей сестры, у нее не имелось причин кончать с собой из-за него. Ну, если все же суицид... если она сама распорядилась жизнью, выбросившись из окна музея... Хотя лично я отказываюсь верить в подобную версию ее смерти.

Глава 14

Красная роза

Покинув офис, Катя и Гектор расстались с полковником Гуциным на углу Садового кольца – тот спустился в метро и отправился домой. На прощание Гектор снова напомнил Гуцину о необходимости назначения токсикологической экспертизы останков Красновой.

В конце беседы Вероника продиктовала Кате свой адрес в дачном поселке на Пахре, где они с покойным мужем построили зимний коттедж. Она носила фамилию мужа – Заборова. Гектор повез Катю на Фрунзенскую набережную. По пути у него то и дело сигналил мобильный – прилетали сообщения.

– Два звонка – три мейла, Гек? – Катя улыбалась.

– Новости – зашибись! – Гектор, управляя «Гелендвагеном» одной рукой, листал сообщения. – Катенька, пишут: в принципе доступна информация по личностям обоих убитых. Если они из Средней Азии – Киргизии или Казахстана, – они при пересечении границы заполняли миграционную карту, отражали в ней полезные для нас сведения. Порой, правда, карта не требуется, существуют исключения, но вдруг повезет? Проблема одна – система распознавания лиц на погранконтроле будет работать с фотографиями мертвецов. Есть риск сбоев, ошибки. Но все же я попытаюсь. Гуцин пошел бы аналогичным путем: послал запросы и ждал у моря погоды, проверяется ведь все часом – аэропорты, наземные погранпереходы. Он получил бы отписку: установить не представляется возможным. Мне же пообещали в счет долгов в покер сделать к утру и скинуть информацию. Загвоздка теперь в цене.

На пороге Катиной квартиры на Фрунзенской набережной Гектор медлил, хотя его ждали неотложные дела.

– Лично надо обговаривать цену. С глазу на глаз. Загляну в одну нашу дыру. Они там рады до судорог, но торгуются, крохоборы, – он усмехнулся. – Никаких особых секретов, всего-то фамилии двух мигрантов пробить – и сразу треть долга долой. Я же в прошлом денежный вышибала в интересах Конторы. Уж долги-то в покер я с

них без всякой пощады... верну информацией по-нашему, Катенька, общему, весьма любопытному делу.

– Гек, осторожнее с ними, – попросила Катя.

– Все путем. Не бери в голову. Это моя забота. – Гектор смотрел на нее. – Завтра утром проснешься – а я уже здесь, с тобой.

Гектор вернулся на Фрунзенскую набережную в восемь утра. С ворохом новостей. Но он до девяти ожидал в машине у дома Катиного пробуждения. Пользоваться ключами от квартиры не желал, не хотел бесшумно заходить в ее дом, подобно вчерашнему визиту, когда она еще в постели – спящая, нежная, желанная и... целиком в его власти. Он уже не ручался за себя. Не надеялся на выдержку и разум. Какой, к черту, холодный разум? Лихорадка...

Рядом на сиденье лежала темно-красная роза – подарок Кате. Гектор сидел в «Гелендвагене», думал: «Раб на пороге рая... Как пацан, мальчишка, ошалевший... Покалеченный... теперь вот с пластикой после операции, исполосованный шрамами, заклеянный ожогами...» Он вспоминал свое прошлое. Непосильный груз. То, что сделали с ним чеченские боевики у подножия горы Тебуломсты на Кавказе, захватив их с братом-близнецом раненых в плен. Свою жизнь – после... Отчаяние, жгучий стыд, жажду мстить, сводить счеты. Командировки на Восток, бои, кровь, боль, новые раны. Потом тибетский монастырь, где его приняли – он ведь рассказал настоятелю ламе о себе всю правду, – научили боевому искусству Маг-Цзал. Еще эффективнее и страшнее убивать, убивать, убивать... Без оружия, голыми руками, в поединке против многих противников сразу. Вспоминал он и свою службу в Конторе... Маленький городок Староказарменск, захлестнувшую его волну митингов протеста из-за строительства мусорозавода. Они с Катей познакомились в Староказарменске в местном следственном изоляторе, набитом под завязку арестованными горожанами, певшими песни в камерах. Помнится, он, Гектор, сидел тогда в подвале ИВС и под протестный «камерный» хор прикидывал в уме комбинации: кому достанется бабло убитого прокурорского сына – строителя мусорозавода. Услышал шаги... Катя спускалась в ИВС вместе с дежурным – расстроенная, целиком на стороне бунтующих горожан. И – удар в сердце! Гектор навсегда запомнил миг, когда увидел ее впервые^[12].

Он же в Староказарменске убил человека, стараясь любым способом сохранить свою главную тайну от нее! И пусть тот тип – подонок, шантажист, последняя тварь, шипевший: «Такие, как ты, женщинам не просто не нужны, они им противны», – все равно убийство есть убийство. А тайна выплыла наружу. Катя узнала о нем правду. И не оттолкнула его, она спасла его от самого себя. Именно с того момента начался их настоящий роман. Любовь с его стороны – безграничная, испепеляющая, преданная, готовая на любые жертвы. С ее стороны сначала *не любовь*, нет, к чему себя обманывать? – нежность, доброта, понимание, участие, сострадание... жалости он бы от нее не принял, нет, нет... Но нежности и доброты ему было мало, он добивался страсти, обладания. Он хотел навсегда забрать Катю себе. Сделать своей женой до скончания дней.

Он ощущал почти физическую боль от воспоминаний. Взял розу с сиденья, начал отрывать острые загнутые шипы, повернулся за рулем, стебель задел его, острый шип вонзился в кожу на груди.

Катя открыла дверь на его звонок. Она давно проснулась и ждала его с великим нетерпением.

– Привет. – Гектор протянул ей красную розу: – Тебе.

– Спасибо, Гек. Доброе утро...

Катя приняла подарок. Орхидеи вчера... роза сейчас. Всем известно значение красной розы на языке цветов.

– Все сделал, – произнес Гектор вроде своим обычным тоном.

– Ты узнал, кто наши незнакомцы?

– Курьер с контейнерами в желудке – некий Мирлан Омуралиев. Прилетел charterным рейсом киргизской авиакомпании Бишкек – Москва в Домодедово за сутки до смерти на пустыре. Заполнял миграционную карту, указал профессию – сельхозработчий, цель приезда – поиск заработка, типа трудовой мигрант... И семейное положение: женат, имеет на иждивении семерых несовершеннолетних детей.

– Ты еще говорил нам с Гуциным – многодетная семья на руках, – вспомнила Катя.

– Ага. Батрак с врожденным артритом. Типичный «мул»... Место жительства – поселок Чолпон-Сары. Я проверил в интернете – он у озера Иссык-Куль в курортной зоне. И больше о нем ничего. Оно и

понятно, гонец с товаром. Они стараются не светиться. А со вторым мертвецом все намного интереснее.

Гектор снял пиджак. Катя отметила – он снова одет официально, в черный дорогой костюм, но без галстука. На его белой рубашке мелькнуло алое – на хлопке расплылось пятно крови.

– Гек, кто тебя поранил?

– Сам случайно... Напоролся. Не бери в голову. – Он сразу надел пиджак, даже застегнул пуговицы. – Человек, зарезанный в старой «Ладе», некто Нур Абдулла Шахрияр, пятидесяти пяти лет, по национальности он уйгур. Тоже авиапассажир, прибыл регулярным рейсом Аэрофлота в Москву из Бишкека неделю назад. В миграционной карте указал цель приезда – туризм. Якобы... Место его жительства – город Каракол в Киргизии, место работы – Научная библиотека Иссык-Кульского университета имени... – Гектор, выдававший наизусть сведения, лишь сейчас сверился с мобильным, – Касыма Таныстанова.

Катя поразились: он держит в голове восточные фамилии и названия сел и городов – легко!

– Университет расположен в Караколе, а сам город тоже недалеко от Иссык-Куля, – продолжил Гектор.

– Ученый из библиотеки местного университета! – воскликнула Катя. – И у него фамилия Шахрияр, как и у фотографа пропавшей экспедиции.

– Уйгуры не имеют фамилий, у них в ходу родовые имена, – ответил Гектор. – Надо навести дополнительные справки об ученом из Каракола.

– Где навести справки? – спросила Катя.

– В посольстве Киргизии в Москве, например, – спокойно ответил Гектор. – Не откладывая в долгий ящик. Сегодня.

– Кто нас примет в посольстве Киргизии? – печально усмехнулась Катя.

– Я вечером созвонился с одним типом...

– Снова два звонка, три мейла? – Катя взирала на Гектора Троянского с нескрываемым восхищением. Он ее сражал наповал!

– Наивный хапал у меня бабло в долг, еще в конторе. И до сих пор рассчитывается. Он знаком с внештатным советником атташе по культуре киргизского посольства Абдулкасимовым. Уговорил его нас

принять в половине двенадцатого в гостевом доме посольства на Большой Ордынке. Меня – знакомого своего знакомого, тебя и полковника Гущина в лице представителей подмосковного полицейского главка, занятых делом о расследовании убийств граждан Киргизии.

– Гек, у меня нет слов! – призналась Катя. – У Федора Матвеевича челюсть отвиснет, когда ему расскажем.

– Сначала завтракаем неспешно в нашем кафе напротив Нескучного сада, – Гектор кивнул в сторону окна, выходящего на набережную Москвы-реки.

Катя оделась ради официального визита в посольство строго – в лучший свой брючный костюм. Пока она собиралась, Гектор позвонил Гущину и поделился новостями. Гущин внимал.

– Мне бы ваши связи, Гектор Игоревич, – с нескрываемой завистью произнес он. – Спасибо! Очень помогли с установлением личности жертв.

– Всегда пожалуйста, полковник, – ответил Гектор и сообщил о возможности посетить посольство Киргизии.

Гущин поражался все больше.

– Конечно, приеду на Большую Ордынку к назначенному времени!

Гектор снова настойчиво спросил насчет токсикологической экспертизы. И Гущин начал перед ним почти оправдываться: с утра связывался с бюро судмедэкспертиз, упрашивал их, но они уперлись, без официального постановления с Петровки делать токсикологическую экспертизу трупа Красновой не станут – больно затратно, кто оплатит все без постановления? Гектор, выслушав, объявил:

– Черт с ними, не нам им кланяться в ноги, правда, Федор Матвеевич? Мой спец-токсиколог с вами свяжется напрямую. Сделаем забор образцов тканей негласно. Он лично займется. Ваша задача – обеспечить ему доступ в морг к трупу музейной «божьей коровки». Без шума и пыли.

Катя, уже полностью собравшаяся, слушала их беседу. Взяла красную розу.

– Прелесть, даже оставлять дома не хочется. – Глядя в зеркало, она приложила бутон, словно брошь, к белой рубашке, надетой под

черный пиджак (снова они с Гектором люди в черном).

– Не оставим. Заберем. Раз тебе по душе. – Гектор убрал мобильный, отломил у розы, окропленной собственной кровью, бутон. Он сам продел короткий стебель бутона, лишенный шипов, в петельку пуговицы Катиной рубашки у ворота.

Глава 15

Дипломатия

Посольство Кыргызской Республики располагалось на Большой Ордынке, вплотную к нему примыкал маленький уютный особняк, где обосновался Гостевой дом. Гектор припарковался в соседнем переулке и уверенно повел Катю прямо к нему. У подъезда посольства маячил полковник Гушин – ждал с нетерпением. В Гостевой дом они попали через калитку ограды в переулке и служебный вход, где у них проверили документы. В вестибюле их встретил посольский клерк – так вначале показалось Кате, – мужчина лет тридцати с небольшим, в отличном синем костюме при галстуке, черноволосый, стройный, ловкий и очень красивый, словно сошедший со страниц «Тысяча и одной ночи». Они представились ему, поздоровавшись.

– Приветствую вас в стенах нашего посольства, – произнес радушно встречавший. – Я Адиль Кашгаров, переводчик посольства, я провожу вас в белую гостиную.

Через вестибюль он провел их в небольшой светлый зал и, попросив немного подождать, скрылся в боковой двери. Катя огляделась: танцевальный зал московского купеческого особняка, типичного для Замоскворечья, декорировали национальным орнаментом – одна стена напоминала убранство киргизской юрты; а на противоположной стене нарисовали фреску – голубое озеро в обрамлении заснеженных пиков далеких гор. Катя узнала Иссык-Куль, где некогда профессор Велиантов наблюдал своих птиц. «Кудрявый пеликан, скопа, черноголовый хохотун, гриф кумай... Велиантов видел его в тех горах», – вспоминала Катя. Среди снеговых гор на фреске она не узнавала Хан-Тенгри.

В зал в сопровождении Кашгарова вошел кряжистый, плечистый здоровяк в строгом дорогом костюме – внештатный советник Абдулкасимов. Он созерцал окружающий мир невозмутимо и спокойно, без эмоций. Произнес длинную фразу на киргизском языке и сделал приглашающий жест в сторону диванов и кресел, обтянутых белым китайским шелком.

– Господин советник приветствует вас. Располагайтесь, – лаконично перевел Кашгаров.

Гектор усадил Катю в кресло напротив советника, а сам устроился вместе с Гуциным на диване. И Катя поняла – ее делегируют выступать, задавать нужные вопросы. Кашгаров остался стоять рядом с креслом советника.

– У вас замечательный дом, – похвалил Гектор и кивнул на фреску: – Иссык-Куль. Помните, у писателя Чингиза Айтматова? «Сколько земли, сколько простора и света...»

По непроницаемому лицу господина советника скользнула легкая улыбка, и он ответил фразой на родном языке.

– «А человеку все равно чего-то недостает»^[13], – перевел Кашгаров. – Наш великий Чингиз. Второй после Чингиза Первого. Завоевателя земель.

Господин советник Абдулкасимов, слушая перевод, наблюдал за Гектором. Он сразу его узнал: Троянец пожаловал к ним! Шесть лет назад в Каире, подвизаясь в государственной службе безопасности, Абдулкасимов видел его в знаменитом отеле-дворце «Омар Хайям Казино» в образе скучающего туриста – в поло с распахнутым воротом, бермудах, дорогих кроссовках, с браслетом на запястье в виде тибетских четок. Троянец пил свой двойной эспрессо за столиком на веранде. Бабы обращали на него внимание, а он лишь порой рассеянно лучезарно улыбался. По слухам в кулуарах спецслужб, Троянец объявился в Каире из-за Хусейна по прозвищу Кривая Морда – чеченского террориста, организатора взрывов в российских городах, прилетевшего из Катара в знаменитую мечеть Мухаммеда Али. Гектор-Троянец не таился – этакий загорелый, расслабленный, умиротворенный преуспевающий бизнесмен на веранде самого знаменитого исторического отеля Каира. Узнав о его появлении в городе, Хусейн Кривая Морда в панике моментально съехал из апартаментов и скрылся, по слухам, в дальнем оазисе в Нижнем Египте на арендованной вилле. Через неделю Абдулкасимов из новостей узнал: Хусейн и трое его личных телохранителей из числа чеченских боевиков обнаружены убитыми на вилле. Абдулкасимов по своим спецканалам узнал и подробности происшествия, не попавшие в прессу. В инциденте пострадали двое сторожей виллы, местные египтяне, осуществлявшие наружную охрану периметра. Их обоих

оглушили, оставив в живых. Киллер-профи сначала полностью обесточил виллу, вырубив свет и камеры. Полиция нашла внутри множество следов пуль, но все от пистолетов и автоматов охраны Хусейна – они палили в темноте вслепую. И ни единой гильзы от оружия нападавшего. Всем троим личникам проломил виски мощным ударом ногой в голову, словно в боях без правил. Хусейн Кривая Морда пытался спрятаться в туалете, его обнаружили со сломанной шеей возле унитаза в собственном дерьме.

– По какому вопросу вы обращаетесь в наше посольство? – на великолепном русском языке без акцента осведомился Абдулкасимов.

Катя очень вежливо начала излагать: в Подмоскowie в течение недели произошли убийства двух граждан Киргизии. Она назвала фамилии жертв. Господин советник ответил витиеватой фразой на родном языке.

– Прискорбный факт, – лаконично перевел Кашгаров. – Посольство поставит его на контроль и окажет любую помощь в расследовании.

– Огромное спасибо, – поблагодарила Катя. – Помощь нам необходима. Один из убитых – Нур Абдулла Шахрияр – ученый из Иссык-Кульского университета в Караколе. Мы выяснили – он сотрудник Научной библиотеки университета и проживал в Караколе. Нам бы хотелось получить информацию от властей о его семье, ближайших родственниках и о нем самом. Что привело его в Москву? При пересечении границы он указал цель поездки – туризм, но, возможно, он, ученый из университета, имел и другие планы. Например, встречу с коллегами из столичных научных учреждений. Из Зоологического музея.

Господин советник взирал на нее с непроницаемым лицом. Словно ждал еще пояснений.

– Погибший по национальности уйгур, – Катя тщательно подбирала слова. – Его родовое имя Шахрияр. В 1931 году на Тянь-Шань вместе с экспедицией альпиниста Погребецкого, покорившего Хан-Тенгри, отправилась группа ученых из Зоологического музея под руководством профессора Ивана Велиантова. В число участников его экспедиции входил фотограф Юсуф Шахрияр, потомок известного уйгурского купеческого рода. Мы бы хотели узнать – нет ли

родственных связей между этими людьми? Возможно, жертва – правнук фотографа?

Господин советник не произносил ни слова. Молчал и переводчик. Катя думала: зачем Абдулкасимову переводчик, раз он отлично изъясняется по-русски? Дипломатическая церемония, ритуал? Или же он в паузах перевода следит за их реакцией?

Абдулкасимов произнес ответ на киргизском.

– К нам уже обращались по поводу потомков Юсуфа Шахрияра, члена научной экспедиции 1931 года, – перевел Кашгаров. – Запрос поступил в наше посольство в Москве, и мы наводили справки на родине. Имя Нур Абдулла Шахрияр нам с господином советником знакомо – оно значилось в ответе на наш запрос. Только он не ученый, уверяю вас.

– А кто он? – спросила Катя. – Тоже фотограф? И кем он доводится Юсуфу Шахрияру?

– Не прямой потомок, нет, родство по мужской линии. Так Нур Абдулла убит? – переводчик покачал головой. – Печальная весть. А что произошло?

– Проводится расследование, – ответила Катя. – Мы в начале пути. Кто же потерпевший по профессии?

– Инженер технической службы университета, ремонтные работы в библиотеке шли под его руководством, – на русском языке произнес господин советник Абдулкасимов. – На наш запрос ответили из правоохранительных органов Каракола. Они сами проявляли к господину инженеру законный интерес.

– В связи с чем? – спокойно поинтересовался Гектор. К облегчению Кати, он наконец вмешался в беседу с восточными дипломатами. – Уйгуры... разделенный народ... город Каракол, рядом граница с Китаем... Случайно, не Служба по борьбе с экстремизмом им интересовалась?

– Не столько инженером, сколько его сыном, – бесстрастно ответил Гектору на русском Абдулкасимов. – Он студент-айтишник, уехал в Китай на учебу. Выложил в TikTok несколько видео из округа Синьцзян. Был арестован китайцами и вот уже год находится в тюрьме. Его отец обращался к властям, писал во все инстанции с просьбой выволить сына. Прилагались большие усилия по

дипломатическим каналам с нашей стороны. Но, согласно русской поговорке, воз и ныне там.

– Великий китайский сосед, – усмехнулся Гектор. – Не рискуете наступать ему на больную синьцзянскую мозоль? Господин советник, большое спасибо за информацию, – он приложил руку к сердцу. – Но у нас еще важные вопросы.

– Кто, кроме нас, интересовался потомками фотографа Юсуфа Шахрияра? – спросила Катя, поняв – очередь снова за ней.

Абдулкасимов ответил ей на киргизском.

– Уважаемый человек, мы не могли ему отказать, – перевел Кашгаров.

– Кто-то из ученых Зоологического музея? – уточнила Катя.

Абдулкасимов поднял черные брови, скользнул взглядом своих узких монголоидных глаз по Кате, сидевшей напротив него в кресле.

– Председатель торговой ассоциации сельхозпоставщиков Казахстана господин Нурсултанов, он позвонил лично и спросил. Он находился в Москве на инвестиционном форуме, – на русском ответил Абдулкасимов Кате.

– Он уйгур? – быстро ввернул Гектор.

– Казах. – Господин советник глядел на Гектора и думал: Троянец все тот же, совсем не изменился, даже помолодел. В жизни же господина советника после Каира наступила серая полоса – власть в Бишкеке сменилась, и его засунули простым внештатным советником атташе в посольство.

– В связи с чем бизнесмен из Казахстана интересовался потомками уйгурского фотографа? – задала Катя новый вопрос. – Он как-то пояснил свою просьбу? Он сам не поддерживает связи с учеными Зоологического музея в Москве?

– Я знаю лишь, что Нурсултанов – страстный охотник, – ответил ей Абдулкасимов на русском. – Он никак не объяснил. Просто личная просьба, мы пошли ему навстречу. Очень уважаемый и богатый человек, у него бизнес и в Алматы, и в Оше.

– Когда именно он к вам обратился? – не отступала Катя.

Абдулкасимов глянул на переводчика.

– Примерно месяца полтора назад. Достаточно давно, – ответил тот. – У вас все, уважаемые?

Катя вежливо поблагодарила и поднялась с кресла. Абдулкасимов простился и покинул белую гостиную.

– Я провожу вас, – переводчик Кашгаров вежливо улыбался им.

Они проследовали за ним в вестибюль.

– Посольство будет держать ситуацию с расследованием убийства обоих наших граждан в поле зрения, – повторил он. – Можно мне взять ваши контакты, если нам потребуется связаться с полицией?

Полковник Гуцин, игравший в белой гостиной роль безмолвного статиста, продиктовал ему номер мобильного. Кашгаров сразу позвонил ему, и его номер отразился в телефоне Гуцина.

– Вы, Адиль, штатный переводчик посольства? – поинтересовался Гектор.

– Нет, я волонтер, помогаю нашим при случае, а вообще-то я учусь в школе бизнеса в Сколково, – ответил Кашгаров. – Что все же случилось с инженером Шахрияром? Он приехал в Москву. И его убили. Почему? Его смерть связана с его сыном – узником китайских спецслужб?

– Не знаю. Вы сообщили нам весьма неожиданную новость о его сыне, совсем иной задали вектор, – признался Гектор.

– Инженер приехал искать в Москве связи для освобождения сына, я уверен. В Бишкеке он обошел все инстанции. Тщетно. Отчаяние двигало отцом. Нам сообщила милиция Каракола – он обращался за помощью не только к официальным властям, искал поддержки даже у криминала.

– Неужели? – удивился Гектор. – Скромный инженер из университетской библиотеки имеет связи с уркаганами?

– Милиция сообщила нам: его молочный брат – знаменитый криминальный авторитет Ильяс Алтынбеков по прозвищу Черный Ильяс. Авторитет, сын бывшего председателя аттестационной комиссии при ЦК компартии Кыргызстана, тот рулил в семидесятых. Взял жене-балерине для новорожденного сына кормилицу-уйгурку – мать Шахрияра. Всю жизнь молочные братья поддерживали отношения.

– На месте убийства нами обнаружен головной убор. Тюбетейка. – Полковник Гуцин решил наконец-то сам спросить молодого переводчика. Он достал мобильный и показал Кашгарову фотографию

тюбетейки, найденной кинологом на пустыре недалеко от старой «Лады».

– Допа. – Кашгаров глянул на снимок. – Уйгурская шапочка. Узор красивый, разные уйгурские рода имеют свой собственный орнамент.

– Это узор рода Шахрияров? – уточнил полковник Гуцин.

– Я не знаю. – Кашгаров подвел их к дверям гостевого дома и явно спешил распрощаться.

– Еще один вопрос, последний, – спохватился полковник Гуцин. – Что означает слово *жегич* на уйгурском языке?

– На киргизском.

– А как переводится?

– *Людоед*, – ответил Кашгаров.

Глава 16

Дэв-хан и К^о

– Федор Матвеевич, ваши впечатления? – поинтересовался Гектор, когда они втроем покинули Гостевой дом и шли по Большой Ордынке.

– Позитивные, было полезно, – скрепя сердце признался полковник Гуцин.

– Правда? Перед вами не мигранты – постсоветские кули, бесправные и замордованные. Национальная элита нас принимала. Достоинство, образование, интеллект, стиль, спесь... Да, а как же без гонора? А мы у них в роли не *бааальших* начальников, а смиренных просителей. Если мы хотим добиться успеха, надо с ними договариваться и впредь. Абдулкасимов – серьезный мужик. Роба словно у якудзы из боевика. – Гектор улыбался, в его серых глазах мелькали синие искорки-чертики. – Но, по слухам, умница большой и профи. С ним вам, полковник, придется очень даже церемониться, наступив на горло ментовской неприязни ко всем понаехавшим инородцам.

– Вы учите меня, Гектор Игоревич, азам профессии? – осведомился Гуцин. От быстрой ходьбы он закашлялся. А в белой гостинной взмок от пота, несмотря на работавший кондиционер.

– Никак нет. Вы меня гораздо старше и опытнее, вы *бааальной эй! Начальник!* Просто по-дружески... информацию довожу – в реале, без пафосной трескотни.

– Заливайте своим... нинзя хреновым... у которых роби якудзы! – выпалил Гуцин раздраженно. – А я обойдусь.

– Мы куда сейчас направимся? – Катя решила прервать их перепалку, а то далеко зайдут.

– Катенька, позарез теперь нужна подробная историческая справка о Дэв-хане и компании, – Гектор моментально обернулся к ней. – Я позвонил вчера вечером Лапшевникову Яну Дмитриевичу, он рад нас сегодня видеть. Навестим его?

– Кто он, Гек?

– Историк. Соратник моего деда, – ответил Гектор. – Дед мой, Федор Матвеевич, – Гектор теперь снова обращался к Гущину, – занимался античной военной историей, преподавал в академии. А Ян Дмитриевич специализируется на Востоке. Туркестан – его давний конек. Он нас ждет с нетерпением.

Полковник Гушин вспомнил слухи из кулуаров: Гектор – сын отставного генерал-полковника Борщова, неудачника Чеченской кампании, сошедшего с ума после зверской казни боевиками своего второго сына – близнеца Гектора.

– Вы с нами, полковник, ворошить исторические анналы? Или вернетесь в главк читать унылые рапорты-отписки? – осведомился Гектор, ослепляя Гущина улыбкой.

– Послушаю вашего консультанта, все польза расследованию, – буркнул Гушин, буквально давясь гневной отповедью, рвущейся с уст.

Лапшевников обитал на Смоленской площади в старой кирпичной многоэтажке напротив МИДа, в отдаленном прошлом его соседом по площадке был актер Олег Даль. Историк оказался крохотным старичком, похожим на гнома из сказки, – лысым, с окладистой белой бородой, облаченным в бархатный домашний кардиган и клетчатые брюки. Высокому Гектору он едва доходил до груди. Кроме него их встретили его молодая жена (полная дама лет за шестьдесят) и два игривых тайских котенка.

– Гектор, ты не один, с друзьями! Проходите в мой кабинет! – суетился Лапшевников.

– Ян Дмитриевич, это Катя – моя невеста, – сказал Гектор. – И наш коллега полковник полиции Гушин.

Лапшевников кивнул Гущину, а Катю цепко ухватил за обе руки, потрясая, восклицая:

– Пре-кра-сно! От-ли-чно! Катенька... Гек... Ну, наконец-то ты... Новость – радость! Молодцы вы!

Катя глянула на Гектора. Он был серьезен, собран и окрылен. Он впервые публично объявил: моя невеста...

В трехкомнатной квартирке историк оккупировал под рабочий кабинет самую большую комнату. Стены занимали стеллажи, набитые книгами и папками. Одну папку Лапшевников забрал со своего письменного стола, и они уселись кружком на диване и креслах в углу. Жена историка принесла на подносе чай, чашки, вазочки с домашним

вареньем. И забрала котят – один уже полз по ногам Кате на колени, второй запрыгнул со спинки дивана Гущину на плечо и трогал лапкой его покрасневшее ухо, искоса воровато наблюдая реакцию. Полковник Гущин сопел, терпел «домогательства котейки».

– Дэв-хан вас интересуется, – сразу заявил Лапшевников. – Заметная фигура, весьма неоднозначная, пугающая и сложная. Впрочем, вся история восточного Туркестана времен, когда жил Дэв-хан, противоречива и трагична.

– Ян Дмитриевич, расскажите нам о нем подробно, – попросил Гектор.

– Ты вчера упоминал экспедицию 1931 года альпиниста Погребецкого на Хан-Тенгри в Тянь-Шане.

– Вместе с альпинистами часть маршрута прошла экспедиция Зоологического музея, ею руководил профессор Велиантов, известный орнитолог. С ним в походе находились его помощник Пауль Ланге и фотограф Юсуф Шахрияр с юным братом, носильщики, проводник-китаец. Они все пропали без вести летом 1931 года. Никто до сих пор не знает причины и обстоятельства их гибели. Альпинисты же Погребецкого благополучно покорили пик Хан-Тенгри, вернулись и прославились, – пояснила Катя. – Из архива Велиантова мы узнали: в горах по пятам за ними следовал именно Дэв-хан. Он оставлял им страшные знаки – обезглавленных мертвецов.

– Могла быть его вина в гибели экспедиции, на ваш опытный взгляд? – закончил Катин посыл Гектор.

– Весьма возможно, именно он их убил. Хотя в начале тридцатых в горах Тянь-Шаня бродили и другие отряды басмачей. Например, знаменитый Абдулла Насреддин.

– Эй, Абдулла, не много товару ли взял? – бросил хрипло полковник Гущин. – Он, что ли? Ходжа Насреддин?

– Нет. Настоящий, не киношный. Его застрелили наши пограничники при попытке прорыва. Наверное, смерть орнитологов тогда приписали ему. Потому что Дэв-хан осенью тридцать первого года ушел с Тянь-Шаня. В Китае после великого наводнения началась гражданская война, и Дэв-хан принял в смуте самое активное участие, пытаясь отвоевать свой родной Синьцзян у китайцев. Я лично об экспедиции Велиантова ничего не знаю. Я вам расскажу о Дэв-хане. Абдулхамит Имин Кашгари Хислат – его настоящее имя. Дэв-хан – прозвище. Он

сам его себе взял, кстати. Окружение именовало его еще и титулом Шад – принц, ибо он принадлежал к великокняжескому тысячелетнему уйгурскому роду. По легенде, среди его предков – составитель словаря тюркских языков одиннадцатого века великий Махмуд ибн аль Хуссейн. Но я сомневаюсь в достоверности сего факта.

– Почему? – поинтересовался Гектор.

– Писатель и филолог одиннадцатого века – мусульманин. А весь род Дэв-хана веками придерживался тенгрианства и язычества. Они никогда не принимали ислам, не пускали к себе мулл, общались исключительно с шаманами с Севера. В их род входили ветви так называемых желтых уйгуров, традиционных тенгрианцев-язычников. Они почитали духов земли и неба, Верхнего и Нижнего миров. Пик Хан-Тенгри являлся для них священным местом.

– Небесная гора, – сказала Катя.

– Именно. Вечный наглядный символ, подобный Олимпу, Фудзи, Анапурне в Гималаях. Предки Дэв-хана веками преданно служили Китаю. Их род империя Цинь выбрала именно из-за их языческой религии, ведь подавляющее большинство уйгуров – мусульмане. Китайцы поставили над исламским населением начальниками уйгуров-язычников. Отец Дэв-хана честно служил китайскому императору, однако в 1926 году из-за интриг и доносов генералы убили его в Запретном городе. Молодой Дэв-хан тогда тоже находился в Пекине, изучал философию и европейские языки в Университете Бэйда, а раннюю юность он провел в тенгрианском монастыре в Ладакхе, путешествовал в английские колонии Макао и Гонконг, завязывал связи с колониальной администрацией. После убийства отца он взбунтовался. Скинул итонскую визитку, облачился в уйгурские одежды и сколотил отряд из соплеменников. За несколько лет он совершил немало зверских убийств китайских чиновников, военных и буржуа и наградил огромное состояние. Он не рисковал держать свою казну в Китае – якобы он ее переправил через границу на нашу территорию в горы у пика Хан-Тенгри.

– Профессор Велиантов слышал рассказы о его богатствах, – осторожно заметила Катя. – Мог Дэв-хан убить ученых экспедиции, скрывая тайну своего клада в горах?

– Легко. А вы, моя красавица, вместе с вашим женихом, – Лапшевников молодецки подмигнул Гектору, – ищите старинный клад

Дэв-хана? Коллега-полицейский тоже в доле?

– У нас убийства в Подмоскowie. Одна жертва – киргиз, вторая – уйгур. Из тех мест. Связь пока эфемерная. Мы проверяем все версии, в том числе самые фантастические, – коротко обрисовал ситуацию полковник Гуцин. – Вынуждены погружаться в разную замшелую дребедень.

– Отчего же дребедень? – старичок-гном воззрился на него сквозь круглые очки, выпятил бороду. – История Восточного Туркестана полна загадок. А Дэв-хан, несмотря на всю свою жестокость, фигура весьма колоритная.

– Он отрубал людям головы, – Гуцин вспомнил прочтенное письмо Велиантова.

– Запад есть Запад, Восток есть Восток, им не сойтись никогда, лишь у подножия престола божья... – Лапшевников, воздев палец, назидательно процитировал Редьярда Киплинга. – Китайцы поступили с ним не менее ужасно, когда он, раненый, попал к ним в плен в 1934 году. Тогда пала их Тюркская Исламская Республика, возникшая в результате уйгурского восстания в Синьцзяне. Их войска разбила наголову. Дэв-хана выдал ближайший соратник, советник, его правая рука. Он был гораздо старше своего господина и ловил рыбу в мутной воде, предательством пытался выторговать себе жизнь у гоминьдановцев. А Дэв-хан всегда на него полагался и даже женил его на единственной сестре Айнур. Китайцы устроили плененному Дэв-хану «сад мучений».

Старичок замолчал. Гектор тоже не произносил ни слова. Катя ждала.

– А что это? – спросил полковник Гуцин тоном настоящего полицейского на допросе.

– Самая, наверное, страшная казнь-пытка, – ответил Лапшевников. – Ему раздробили суставы на руках и ногах и привязали спиной к бамбуковой трубе. Внутри трубы посадили голодных крыс. Те прогрызли тело Дэв-хана насквозь, стремясь вырваться на свободу.

Катя содрогнулась.

– Сестра Дэв-хана Айнур – Лунный свет, – узнав о предательстве брата мужем, поступила следующим образом... – тихо продолжил Лапшевников. – Еще подростком она принимала участие в боях отряда брата. Но затем, выйдя замуж за советника, родила ему близнецов,

носила короткие модные платья, французские туфли, красила губы помадой и танцевала под патефон. Даже собиралась в Париж. Она приказала своим охранникам схватить мужа-предателя и привязать его за ноги к двум лошадям. На его глазах она сначала собственноручно застрелила их общих маленьких детей – объявив, мол, кровь предателя не осквернит их древний род. Затем отдалась телохранителю, занималась с ним сексом, муж смотрел. А после она хлестнула кнутом коней, и те бросились галопом в разные стороны, разорвав ее мужа пополам. Сейчас трудно поверить, но подобное творилось в Синьцзяне в середине тридцатых.

– Что с ней самой стало потом? – спросила Катя.

– Один из лидеров исламской республики бежал через границу в Киргизию, в СССР. Его приняли наши власти. Тогда разыгрывалась крупная геополитическая карта. Сестра Дэв-хана Айнур якобы ушла с его соратниками. Но ее следы на нашей территории полностью затерялись. Скорее всего, позже ее репрессировали и отправили в сталинские лагеря.

– Профессор Велиантов писал: Дэв-хана на Тянь-Шане окружают страшные зловещие слухи, – после паузы продолжила Катя. – Я понимаю теперь почему... Их род, его казнь, сестра Айнур... мрак... Но слухи плодились еще до событий тридцать четвертого года.

– Мужика называли сыном шайтана, Дэв ведь злой горный дух, – подхватил Гектор.

– Отголосок их древнего родового предания, – ответил Лапшевников. – По легенде, их праmaterь из рода желтых уйгуров бежала от гнева ханов на Тянь-Шань. И повстречала в горах настоящего Дэва в образе ужасного кровожадного зверя. Он взял ее в жены, они совокуплялись и рожали детей. Дэв был стражем Нижнего мира, он охранял Небесную гору от врагов тенгрианства. Вместе с праmaterью он стал основателем рода. Великим Темным предком. Типичная легенда Восточного Туркестана и Китая. Среди пращуров почитают дракона и тигра... Ну, а здесь для разнообразия звероподобное чудовище – горный Дэв. Наш Абдулхамит Имин Кашгари Хислат распускал сам о себе сказки, вселяя ужас в жителей горных кишлаков. Местные дали ему еще одно прозвище, намекая на его страшные пристрастия в стиле звероподобного предка – чудовища.

– Какое прозвище? – спросил Гектор.

– Людоед, – ответил Лапшевников. – По-киргизски *Жегич*.

– Он действительно ел... был каннибалом?! – полковник Гуцин подался с кресла вперед.

– Ну, нет... студент Пекинского университета, воспитанник монастыря в Ладакхе... Просвещенный уйгур. – Лапшевников покачал головой и сдернул очки. – Он сам подобными бреднями пускал пыль в глаза простаков. И добился своего: на Тянь-Шане его имя боялись упоминать к ночи – вдруг его предок горный Дэв явится и сожрет с костями и внутренностями? Но у оголтелого безумного устрашения оказалась и обратная сторона – уйгурское мусульманское население отвернулось от потомка чудовища, дьяволопоклонника, по их исламскому мнению. Когда Дэв-хану потребовалась настоящая помощь в уйгурском восстании против Китая, немногие из соплеменников встали на его сторону.

Глава 17

Адель

– Сестра Красновой упоминала о семинаре в Зоологическом музее, проводимом Еленой с делегациями из Средней Азии, – вспомнила Катя, когда они неторопливо шли от дома Лапшевникова к месту парковки внедорожника Гектора. – Предположим, она сама через коллег-зоологов из республик вышла на того казахского бизнесмена, Нурсултанова, интересовавшегося в посольстве потомками фотографа Шахрияра. Или к Нурсултанову обращался кто-то еще из музея? Но кто? Читавшие архив Велиантова: Горбаткин, хранительница оссуария Адель Викторовна и Покровская из библиотеки?

– Нурсултанов – явно местная шишка в Казахстане. В принципе он мог и без наводки интересоваться родственниками фотографа. – Гектор о чем-то думал. – Федор Матвеевич, сами достанете его через дружественные правоохранительные органы Казахстана, а? Или мне опять подключаться?

– Через министерство направлю официальный запрос в Астану, попрошу пригласить толстосума на беседу, задать вопросы под видеорегистратор, – сухо ответил полковник Гуцин. – Дело небыстрое. Шкурная бюрократия.

– Плюс^[14]. Чудненко. Катенька, интуиция твоя подсказывает – «музейные хомячки» нас вежливо пошлют из-за расспросов про казахского доброхота? Не добьемся мы от зоологов правды?

– Сама не знаю, Гек. Интуиция меня часто обманывает, к сожалению, – призналась Катя. – Во время нашего появления в музее они особо не желали сотрудничать с полицией, сам видел.

– Ладно. Я насчет Нурсултанова наведу справки. Покинул ли он Москву? Может, здесь еще ошивается? И мы к нему сами нагрянем без запроса, – Гектор хмыкнул. – Итак, наш расклад *на сейчас*? Убитый Нур Абдулла Шахрияр из Липок, коего зарезали и пытались сжечь в машине, оказывается, и правда дальний родич фотографа экспедиции. У того ведь имелся младший брат. Куда делся мальчик? Погиб ли вместе со всеми или же нет? – Гектор помолчал. – А сестрица Дэв-хана

Айнур – сушая железная леди. Какова ее судьба, если она все же нашла убежище от китайцев в СССР в тридцатые? Тоже призрачная ниточка во тьме десятилетий... Еще непонятна причина визита в Москву самого Нур Абдуллы Шахрияра. Он прилетел, и его грохнули. Сынок его в китайской тюрьме. Из-за него он явился в Москву? Нас в посольстве уверяли – да, они владеют ситуацией с его сыном, хотя и не говорят нам полной правды. Или же инженер Шахрияр имел некую другую важную цель?

– Связанную с пропавшей экспедицией? – спросила Катя.

– О нем Нурсултанов наводил справки именно в связи с событиями 1931 года. Инженер мертв, Краснова, отправившая нас на встречу с гонцом-«мулом», тоже мертва. И сам гонец убит в Шалаево на пустыре. О нем в посольстве узнали от нас и особо не заинтересовались даже. Но «мул» – личность знаковая.

– Проживает вроде в тех местах в деревне, да? – осведомился полковник Гуцин. – Я никогда не бывал в Киргизии, и их география и названия для меня темный лес.

– Привыкайте, Федор Матвеевич, фишки того стоят, – объявил ему Гектор. И усмехнулся. – Топонимы запоминайте и басурманские их мигрантские имена. Мы недоумевали: где связь между «мулом» с наркотой, Красновой, нас к нему пославшей, музеем и пропавшей экспедицией? Ниточка есть, очень тонкая.

– В чем связь? – бросил Гуцин, ощущая себя мухой в паутине.

– В молочном братце Шахрияра – криминальном авторитете Черном Ильясе, – ответил Гектор быстро, явно прикидывая комбинацию в уме. – Только Ильяс способен найти, завербовать, оплатить и зарядить «мула» контейнерами для вояжа авиарейсом в Москву.

– По просьбе брата Шахрияра? – уточнила Катя.

– Почему нет? – Гектор снова что-то обдумывал.

– Они толкали совместно в Москве крупную партию наркоты? – озадаченно осведомился полковник Гуцин. – Набив гонцу брюхо капсулами?

– Слышали Лапшевникова, Федор Матвеевич? – Гектор обернулся к Гуцину. – Он нам подтвердил со знанием дела: Дэв-хан был несметно богат, переправлял награбленное в свой Тянь-Шань на нашу сторону. А в капсулах, я ж вам говорил, возят не только кайф.

– Алмазы... Павлины, говоришь. – Хмыкнул полковник Гущин. – Не верю я в сокровища столетней давности. Если бы и был клад басмача, его давно бы нашли. НКВД за грош удавился бы в те времена, а то оставили б чекисты клад басмача, казненного в Китае, неразысканным.

– Ну, дело темное пока, – Гектор пожал широкими плечами. – Криминалисты ваши вскроют резиновые штучки из желудка гонца, и малость все прояснится. Ждать нам недолго. Ниточки трех смертей – двух убийств и загадочной пока для нас гибели Елены Красновой – тянутся к старине Дэв-хану, упоминаемому в архиве, и к потомку одного из членов пропавшей экспедиции. Факт? Бесспорный для меня уже. Катенька, твое мнение?

– Ты прав, Гек, – Катя кивнула. – Согласна с тобой полностью.

– А через молочного братца Нур Абдуллы Шахрияра – криминального авторитета – можно предположить и связь всех известных фигурантов с «мулом» – второй жертвой. Краснова нам ведь твердила о доказательстве и сокровище. Но есть крупная проблема.

– В чем она, Гек? – Катя слушала Гектора с великим интересом. Да, они еще блуждают в потемках, но он... Гек нащупывает путь движения дальше.

– Нам известны не все фигуранты. Дело очень сложное, многослойное, разноплановое. Оно затрагивает отрезки времени, разделенные годами, десятилетиями. В центре событий – пропавшая экспедиция и музей. И некая тайна. Я вообще никогда с подобными вещами не сталкивался.

– А в Сирии, в Пальмире? – полковник Гущин покосился на Гектора. – Неужели, полковник?

– Я в Пальмире не только воевал, я пытался сохранить древний памятник от полного уничтожения. Террористы угрожали его взорвать, завозили боеприпасы. Мне поставили задачу – не допустить.

– Вас отправили в Пальмиру, помня о вашем деде – знатоке Античности? – Гущин почти допрашивал Гектора с холодным профессиональным любопытством.

– Почти угадали. – Гектор выпрямился.

– И Пальмира цела, Федор Матвеевич, – заявила Катя. – Знаете, есть люди, чьи таланты, отвага и сила духа превосходят возможности

обычных людей. Если подобное раздражает обывателей... даже опытных профессионалов-коллег, их остается лишь пожалеть.

Гектор метнул взгляд на Катю – синие искры. Крепко сжал ее руку в своем кулаке. А полковник Гушин стушевался – вот так они стоят друг за друга. Она за него, он за нее. Горой.

Он хотел немедленно с ними распрощаться прямо на Смоленской площади. Пусть катятся к черту оба... Расследуют вдвоем, сладкой парочкой. А он и сам разберется. Если возникнет надобность, свяжется... потом, позже, когда его раздражение утихнет.

У Кати сигналил мобильный.

– Алло, я слушаю.

– Это Горбаткин из музея, помните меня? День добрый.

– Здравствуйте, Всеволод. – Катя включила громкую связь. Ранее в зоомузее, записав в мобильный продиктованный хранительницей оссуария номер сестры Красновой, она сама вручила пожилой ученой даме и Горбаткину визитки со своим телефоном.

– Я вас беспокою по поручению Адели Викторовны. Вы все еще занимаетесь трагедией, произошедшей с Еленой Станиславовной? – осведомился Горбаткин вполголоса.

– Да. Что-то случилось?

– В музей сегодня заглянул участковый, объявил нам – дело закрыто. Адель Викторовна с ним повздорила, обвинила в некомпетентности. Приказала мне звонить вам. Она желает побеседовать лично с вами, вы ей понравились. И с вашим дерзким напарником. Она пообещала потерпеть в музее его присутствие. Сможете приехать сегодня?

– Мы недалеко, с радостью снова посетим музей, – ответила Катя.

– Выдвигаемся к вам. Горячий привет Адели Викторовне! – оповестил Горбаткина Гектор по громкой связи.

Они дошли до припаркованного «Гелендвагена». Полковник Гушин, минуту назад собиравшийся отчалить, следовал за ними по пятам. Что еще не так в Зоологическом музее? С чего снова всполошились тамошние «божьи коровки»? Его душило профессиональное любопытство, несмотря на смурное, минорное настроение. К тому же он планировал вернуться в главк, а музей – напротив его места работы. «Черт с ним, с Троянцем и его гонором...

пусть подбросит меня хоть до Никитского переулка», – думал Гущин, переводя дух.

В результате их всех встретил Горбаткин в зеленом фойе музея.

– Адель Викторовна ожидает вас в Инфернальном, – кратко сообщил он.

– Где-где? – полковник Гущин с чисто детской непосредственностью взирал на фрески фойе, на чучело слонихи, приткнувшееся в дальнем углу. Он опять вспомнил – в летний зной в музее распахивали дверь настежь, из недр несло вонюю нафталина. И на солнечный свет из музейной тьмы выпархивала моль...

– В Костном зале сравнительной анатомии, – пояснил Горбаткин. – Он сегодня закрыт на профилактику. Я вас провожу.

Они следовали за ним через Нижний зал, посетителей было немного, музей казался полупустым. Горбаткин открыл двери Костного зала, сняв с ручки табличку «Посторонним вход воспрещен». Они очутились в царстве скелетов. В лесу из гигантских костей и черепов можно заблудиться... И это ощущение лишь усугубляли грандиозные панно на стенах, изображающие реконструкции ископаемых позвоночных. Давно вымершие создания, некогда населявшие нашу планету. Хранительница оссуария Адель Викторовна восседала на стуле у окна. На коленях у нее – бумаги, на подоконнике – та самая серая коробка. Адель Викторовна читала архив профессора Велиантова.

Они поздоровались, Адель Викторовна кивнула, разглядывая их сквозь очки. Ее костыль, прислоненный к стулу, соскользнул и грохнулся на пол. Эхо в Инфернальном зале поразило Катю. Гектор быстро нагнулся и поднял палку, подал ее ученой даме.

– Мерси, – ответила она своим скрипучим голосом. – Я секу с лета – вы с московскими ментами из разных ведомств. Так?

– Совершенно верно, – ответила Катя. – Мы ваши соседи из областного ГУВД. Полковник Гущин – замначальника главка. На наших глазах Елена Краснова упала тогда из окна, и мы пытались ей помочь. Действовали по горячим следам. Но проверку по факту ее смерти сейчас ведет Петровка. И территориальная полиция.

– Умывают они руки. Признали инцидент несчастным случаем, а на уме у них самоубийство Лены. Я по глазам участкового видела: он

считает, мы сотрудницу довели до суицида. Позор нам, – ответила Адель Викторовна. – Честь зоо музея для нас превыше всего.

– Сразу понял, Адель Викторовна, вы здесь все очень серьезные и суперкрутые люди, – ввернул Гектор непередаваемым тоном.

– Вы! – ученая дама нацелила на него палец. – Я на вас накричала давеча. А сейчас вижу – на мента вы абсолютно не похожи. Они все зашоренные, недалекие и страх занятые. А у вас, красавца-колоброда, проблеск разума в очах.

– Я, считайте, в отставке, вольный стрелок. Точно, колоброд! – Гектор улыбнулся пожилой даме мягко, по-дружески.

– Он не полицейский и никогда к МВД не принадлежал, – моментально поставил точки над *i* полковник Гуцин, решив поквитаться с Троянцем, – хоть здесь, в музейном царстве скелетов, чучел, нафталина и моли, но быть первым, а не вторым, ведомым!

– Разговариваю с вами, милочка, – Адель Викторовна обратила свой царственный взор на Катю. И сделала великодушный жест Гектору и Гуцину: – Вы слушайте. Лена наша... Елена Станиславовна что-то нашла.

– Здесь, в музее? В архиве пропавшей экспедиции? – уточнила Катя.

– Может, где-то еще. Помела по другим сусекам. Лена наша. Выясните источники и сообщите музею.

– А предмет ее интересов, кроме записок почти столетней давности? – спросил Гектор.

– Вы мне доложите, – веско парировала Адель Викторовна. – И музею.

– Краснова была знакома с бизнесменом из Казахстана по фамилии Нурсултанов? – поинтересовалась Катя.

– Понятия не имею, – ответила пожилая дама.

– А вы? Или другие ваши сотрудники его знают?

– Я – нет. За прочих говорить не стану. Но лично я впервые слышу его фамилию в стенах музея. Я вам назову другую фамилию. Облегчу вам первичную задачу. Осмоловская Юлия.

– Кто Такая Еще? – внятно, громко, отдельно, тоном настоящего полицейского бросил полковник Гуцин. Адель Викторовна его тоже начала сильно доставать. Ишь ты, старая перечница. Еще командует!

– Вдова Юрия Велиантова, – столь же внятно и громко, в тон ему ответила Адель Викторовна. – Не повышайте голос, сосед-полицейский. В Инфернальном могучий резонанс, а позвонки экспонатов хрупкие местами. Еще рухнет вам на лысину наш уникальный дипротодон^[15], век с музеем не расплатитесь.

– У переводчика из шестидесятых годов Юрия Велиантова осталась вдова? – быстро ввернула Катя. – Сколько же ей лет сейчас? Она жива?

– Она всех нас переживет, – ответила Адель. – Она выскочила замуж за переводчика Велиантова в восемнадцать, он был ее гораздо старше. Он погиб во время отпуска, оставив ее вдовой. И потом она вышла замуж, сменила фамилию. Музей разыскивал родственников профессора Велиантова, намереваясь отмечать его столетие, обращался в ваши компетентные органы. Нам и откопали Юлию Осмоловскую. Здесь ее мобильный и адрес, она живет за городом, – Адель Викторовна протянула Кате сложенный листок, который взяла из вороха документов. – Потолкуйте с ней сами.

– А почему вы нас к ней посылаете, Адель Викторовна? – спросил Гектор, забирая у Кати листок.

– Лена Краснова к ней, кажется, ездила.

– Она вам сама сказала? – уточнила Катя.

– Нет. Она играла с нами – с музеем – в молчанку. Она настойчиво интересовалась материалами подготовки несостоявшегося празднования юбилея Велиантова. Тормошила Севу, – Адель Викторовна кивнула на притихшего Горбаткина. – Затем пристала, словно банный лист к... телу, ко мне. Вынь да положь – покажите бумаги. Я ей сообщила про Юлию – вдову, и она при мне сфоткала на мобильный ее номер и адрес. Зачем? Явно намеревалась рвануть к вдовушке лично. Уж с какой целью – не знаю. Вы нам доложите – мне и музею. Но она точно посещала Осмоловскую. Зуб даю!

– Я восхищен вашей манерой речи, Адель Викторовна. Уникальный микс, – обаятельно улыбнулся Гектор. – И вашей безграничной требовательностью. Спасибо вам за прямую наводку на вдову Велиантова. Непременно ее навестим.

– Потрясите ее хорошенько за ноги. Расколите, – велела хранительница оссуария. – А насчет вашей беззастенчивой лестии... сказать вам «пой, ласточка» – не смею. Вы – по облику сокол, причем

высокого полета. Хотя и другая поговорка есть: обличье соколье, а душа, пардон... хрен столовый!

– Кто-то из сотрудников музея пытался связаться с вдовой? – задала последний вопрос Катя.

– Звонили ей еще при подготовке юбилея Велиантова. Мы планировали пригласить ее – единственную оставшуюся в живых родственницу. Она запросила с нас таксу, представляете? Сто тысяч! Грабеж! Ну, я ее сразу и отшила. У полиции она денег требовать не посмеет.

– Она, наверное, пенсионерка, нуждается, – молвил Гектор примирительно. – Мы скатаем к бабушке-вдове.

– Известите меня о результатах. Посещала ли ее Краснова и чего добивалась? О чем хотела узнать? – Адель Викторовна сверлила его взглядом.

– Обещаю. Век воли не видать, – ответил ей Гектор в тон. – Слово пацана!

Глава 18

Вдова

– Осмоловская проживает в Вороново, – объявил Гектор, прочтя адрес на листке, когда они покинули музей. – Сейчас половина шестого. Ехать нам часа полтора.

Они втроем вновь стояли на углу Никитского переулка. Полковнику Гущину тащиться в Вороново не хотелось – он устал, окончательно запутался и не горел энтузиазмом пахать дотемна, все еще переполненный раздражением и недовольством.

– Надо по телефону узнать – приезжала ли к Осмоловской Елена Краснова, – буркнул он. – Дайте, Гектор Игоревич, я сам ей сейчас позвоню. Может, старуха гикнулась... то есть скончалась. Музей на юбилей когда еще планировал ее пригласить.

Гектор передал ему листок, и он набрал номер вдовы.

– Слушаю! – ответил старческий интеллигентный голос.

– Вы Юлия Осмоловская? Полковник Гущин вас беспокоит, полиция Московской области...

– Полиция? Полковник? С каких нар мне звонишь, задрот? Пошел ты!

Вдова Осмоловская бросила трубку. Гущин ошарашенно воззрился на экран мобильного. Никогда никто не смел орать на него, посылая...

– За деньги – да! Старушка – пушка! – Гектор давился смехом, пытаясь сдержаться. – Федор Матвеевич, ну, ну... не переживайте, взбодритесь! Мошенники сейчас пенсионерам трезвонят, разные майоры и полковники-следаки на бабло разводят. Старичков психологи учат в момент давать отпор, пресекать разговор с незнакомых номеров. У вдовы получилось *феее-еее-риично!*

– Дура старая! – Гущин побагровел.

– Поехали в Вороново, – тихо, спокойно велела Катя. – С пожилыми людьми не стоит откладывать встречи на потом. Лучше сразу, правда, Гек? Пока они в добром здравии и ясном уме. Царица музея Адель... – сдастся мне, именно она неформальный лидер их ученого коллектива – не зря нас к Осмоловской посылает.

– Катенька, твое слово – закон. Выдвигаемся к вдове, – кивнул Гектор. – Но сначала едой затоваримся.

Они посетили кафе рядом с главком и зоомузеем у Консерватории. Гектор опять по традиции заказал для Кати большой мятный капучино, себе двойной эсперессо, а для Гущина гигантский фиалковый макиато. Полковник Гущин сам приобрел багет с ветчиной. Катя выбрала йогурт с гранолой и запеченное яблоко, Гектор себе взял двойной бургер. В машине по пути до Воронова они пировали.

Юлия Осмоловская проживала на обветшалой, но крепкой кирпичной зимней даче – двухэтажной, с застекленной террасой и балконом, в лесу у санатория «Вороново». Дачу окружал деревянный забор, но лишь с трех сторон – с четвертой к даче примыкали речка и пруд бывшего дворянского поместья, на чьей территории и расположился санаторий. В сосновом лесу на удалении друг от друга стояли и другие элитные дачи за высокими заборами. Гектор постучал в глухую калитку. Теплый сентябрьский вечер опускался на лес и видневшийся за деревьями белый ансамбль дворянской усадьбы – санатория.

– Словно у вас в Серебряном бору, Гектор Игоревич, – не удержавшись, ехидно ввернул Гущин, вспомнив опять сплетни в кулуарах – мол, у спятившего генерал-полковника Борцова, отца Троянца, поместье в Серебряном бору. Один участок ему выделили в качестве компенсации за убитого сына, а другой участок – смежный – уже сам Гектор присоединил, выкупив у прежнего хозяина вместе с руинами бывшей маршальской дачи.

– Уютная локация, водичка рядом, прудик с уклеями, – похвалил Гектор, не реагируя на подколы, и постучал в калитку кулаком – громко. – Госпожа Осмоловская! Юлия – не знаю, к сожалению, вашего отчества! Мы к вам! И вот по какому делу!

– Вы мне высадите калитку, – ответил из-за забора старческий фальцет. – Вы кто?

– Мы вам звонили, и мы не телефонные мошенники, – Катя подключилась к переговорам, представилась вежливо сама и назвала всех. – Мы в связи с вашим покойным мужем, переводчиком Юрием Велиантовым, приехали! Нас сотрудники Зоологического музея к вам послали.

– Музейные крысы? Вас? Полицию? Ко мне? – Осмоловская чуть приоткрыла калитку. – Мой первый муж умер в шестьдесят втором году.

– Мы в курсе, – ответил Гектор и, подобно танку, попер на участок, тесня Осмоловскую, пытавшуюся уже снова захлопнуть калитку. Катя и полковник Гущин устремились за ним.

На участке среди кустов сирени, бузины и облепихи Катя разглядела Юлию Осмоловскую: лет ей за восемьдесят, но она бодрa, не скована в движениях, даже изящна, изысканно, не по-дачному одета – в бежевые брюки джерси и клетчатое пончо. Вещи не новые, но весьма дорогие. Вечная классика, люкс. Катю поразила ее великолепная укладка – словно только из салона красоты, однако через минуту она поняла: вдова в парике. На запястьях Юлии Осмоловской в сумерках поблескивали золотые массивные браслеты, в ушах – серьги. Всем своим обликом она напоминала престарелую голливудскую актрису, а не вдову переводчика из Зоологического музея, где одевались всегда скромно и неброско.

– Музейные крысы натравили на меня полицию? – Осмоловская удивленно приподняла свои выщипанные в нитку подведенные брови. – В чем они меня обвиняют?

– Спокойствие, только спокойствие! – Гектор, подобно Кате, разглядывал вдову все с большим интересом. – Никто вас вообще ни в чем не обвиняет. Нам надо расспросить вас о Юрии Велиантове.

– А я уж и забыла его. – Осмоловская покачала головой в идеальном парике. – Сколько воды утекло. Целая жизнь.

– И о Елене Красновой, – добавила быстро Катя.

– Кто она? – осведомилась Осмоловская.

Полковник Гущин едва не плюнул с досады. Они пилили в этукую даль – а старая дура, пославшая его матом, выжила из ума!

– Краснова – научный сотрудник зоомузея, она вас навещала недавно. – Катя решила не отступать.

– А, та вертушка, – вдова беспечно махнула рукой, – Елена Станиславовна, она мне... звонила.

– По какому вопросу звонила? – спросил Гектор.

– Тоже спрашивала о Юре моем. Да вы садитесь, в ногах правды нет, – Осмоловская указала на дачный ансамбль у террасы – кованные столик, два стула и диван-качели. Она устроилась на своих качелях,

закутавшись в клетчатое пончо от Burberry, Гектор усадил Катю на стул, сам остался стоять, предоставив второй свободный стул усталому и злому полковнику Гущину.

– Чем конкретно интересовалась Краснова? – задал новый вопрос Гектор.

– Не осталось ли у меня каких-то бумаг моего первого мужа, – равнодушно ответила Юлия Осмоловская. – Я ответила: нет у меня ничего.

– А еще о чем она вас спрашивала? – подхватила Катя. Ей показалась несколько странной манера общения Осмоловской. Ее первая фраза о «музейных крысах», ее тон... А сейчас она то ли пытается от них отбиться, то ли выжидает... Она деньги требовала за визит на юбилей. Значит, намеревалась тогда музейщикам что-то продать?

– Допытывалась, где именно погиб мой муж в шестьдесят втором. Ее интересовало место. И при каких обстоятельствах, – ответила Осмоловская.

– А как он погиб? – спросил Гектор. – Мы узнали, он вроде ездил в Среднюю Азию – в отпуск или экспедицию? Куда именно?

– На Иссык-Куль. В июне шестьдесят второго, выбил себе отпуск, меня звал – мы недавно поженились с ним тогда. А я была студентка филфака, первокурсница, сдавала сессию. И я еще носила нашего ребенка под сердцем. Я не ожидала от Юры подобного. Очень переживала из-за разлуки. Он обещал вернуться через две недели. Он вел себя тогда словно безумец. По-идиотски.

– Его отпуск... поездка, – произнесла Катя, – имела какую-то связь с зоомузеем?

– Не помню. Но он там уже тогда работал. Я думала, он уйдет в МИД из университета, он мне хвалился планами еще до нашей свадьбы, когда ухаживал за мной – девчонкой. А он вдруг оформился переводчиком делегаций в Зоологический музей. Но за границу он посещал. Китай – еще до нашей свадьбы. Потом и Китай накрылся медным тазом.

– Не касалась ли его поездка на Иссык-Куль обстоятельств гибели пропавшей экспедиции его родственника – профессора-орнитолога Велиантова? Он вам известен, вас ведь пытались пригласить на его юбилей в музей, – не отступала Катя.

– Для меня до сих пор загадка, зачем Юра туда поехал, бросив меня беременной на шестом месяце, – ответила Осмоловская. – Мужчины! Добьются своего, женятся, обрюхатят нас, бедных доверчивых баб, и вновь переключаются на свои хотелки... Я мечтала быть супругой переводчика посольства в Пекине, а стала женой мелкой музейной сошки. Нет, я Юрку не виню. Но когда мне сообщили о его смерти, у меня случился выкидыш. И с тех пор я не могла иметь детей. Для моего второго мужа моя бездетность оказалась настоящей трагедией.

– А кто был ваш второй муж? – вступил в разговор полковник Гуцин.

– Славный, добрый, порядочный человек. Деловой, умный, оборотистый. Он занимался бизнесом, – лаконично ответила Осмоловская.

– Дом он построил? Или купил? – продолжал допрашивать на полицейский манер Гуцин.

– Сначала купил, затем переделал под нас. Мы всегда с ним жили в достатке. И в согласии. Он скончался два года назад. Я не нахожу себе места после его смерти. Совсем одна осталась. Большой дом мне в моем возрасте уже не по силам. А хорошую прислугу сейчас трудно найти.

– Как погиб ваш первый муж Юрий Велиантов? – Катя снова повернула беседу в нужное русло, не давая Гуцину с вдовой растекаться по древу.

– В горах сорвался в обрыв на грузовике, погиб вместе с местным шофером. Это все, о чем мне тогда сказали. Несчастный случай.

– А где случилась авария? – Гектор слушал уклончивые ответы вдовы очень внимательно.

– В горах. Где-то на Тянь-Шане, – ответила Осмоловская. – А может, я путаю. На Иссык-Куле. Я уже забыла. Вечность миновала с тех пор.

– У вашего мужа была тетка, Полина Велиантова, сестра профессора-орнитолога, – заметила Катя.

– Я ее помню. Старуха больная, туберкулезница. Она жила на старой профессорской даче брата в Вешняках, – Юлия Осмоловская глянула на Катю тусклыми старческими глазами. И Кате вновь померещилось: исподволь, но очень пристально Осмоловская изучает

их, будто обдумывая нечто и машинально отделяваясь общими ответами. – Тетя Юры долго маялась по тюрьмам, бедная. С тридцать седьмого в лагерях. Вернулась в пятьдесят шестом в Вешняки – мать Юры приглядывала за ее старым домом и участком, не давала даче окончательно сгнить. Я ведь сама из Вешняков, родилась там. И с Юрой мы познакомились в Вешняках. Правда, он был меня старше на тринадцать лет. В конце пятидесятых тетя Полина прописала Юру на своей даче – она уже умирала от лагерного туберкулеза, а дома в Вешняках сплошь начали ломать. За дачи давали жилье. И тетка решила Юрку осчастливить наследством.

– Полина Велиантова, возможно, хранила часть архива своего брата-орнитолога, в том числе и его письма тридцать первого года из экспедиции к горе Хан-Тенгри на Тянь-Шане, – заметил Гектор. – Ваш муж ничего вам не говорил о бумагах тетки?

– После ее смерти в пятьдесят девятом он наткнулся на какие-то письма, он мне сказал. Но я толком не знаю. Видите ли... я была в те времена еще несовершеннолетняя. Старшеклассница. А Юра – взрослый. Сосед наш по Вешнякам. Переводчик с китайского. Он оказывал мне, девчонке, знаки внимания. Он мне тоже нравился. Не подумайте ничего дурного – между нами тогда не существовало интима. Чистая платоническая влюбленность. Но мать мне категорически не разрешала с ним общаться. Мол, вырастешь – тогда. А сейчас – ни-ни. Мы виделись украдкой. Решили ждать, когда мне стукнет восемнадцать и нас распишут. А затем наш ветхий дом в Вешняках сломали и профессорскую дачу Велиантовых тоже. Нас с мамой запихнули в коммуналку на Таганке. А Юра получил однокомнатную квартирку на Ленинском проспекте. За всю шестикомнатную дачу с вишневым садом ему швырнули кусок совкового дерьма... Ну, мы, нищелюды, тогда любым подачкам радовались. Мы потом с ним жили в квартире на Ленинском после свадьбы.

– Из своего отпуска муж вам писал? – задала Катя последний вопрос. В душе она ощущала разочарование – зря они мчались вечером в Вороново.

– Юрка мне позвонил с автостанции, когда приехал... я не помню уже названия места. И затем прислал телеграмму – беспокоился о моем самочувствии. Я ему не ответила. Я на него сердилась –

беременность у меня шла тяжело и я боялась. А он меня бросил одну. Умчался на поезде с одним рюкзаком ловить журавля в небе.

– Журавля? – Гектор вроде удивился. – Не Синюю птицу, часом? За ней охотился у горы Хан-Тенгри его дядя-орнитолог в тридцать первом.

– Сказочный журавль. – Осмоловская тускло глянула и на него из-под набрякших век. – А я – синица... Осталось мне тогда в шестьдесят втором только воды напиться... или удавиться на косе, овдовев в девятнадцать лет и потеряв первенца. Но я выжила, справилась с горем и потерей. А спустя годы встретила своего второго мужа. Он меня спас от одиночества и безысходности. Юра Велиантов же из Вешняков – мой первый... он практически вычеркнут из моей памяти. Знаете, я даже лицо его сейчас с трудом себе представляю.

– А у вас разве не осталось фотографий с первым мужем? – еще больше удивился Гектор. – Или, может, он фоткался в Китае в командировке? В Пекине? Он ведь там встречался с каким-то китайским ученым, нет?

– Я все Юркины снимки сожгла, – кротко ответила вдова. – Чтобы мой второй муж Илья... мой любимый Илюша меня к Юрке, даже мертвому, не ревновал.

Глава 19

Вычеркнутый из памяти

– Странное у меня впечатление от беседы, – призналась Катя, когда они покинули старую дачу в Вороново и возвращались в Москву.

– У меня тоже, – согласился Гектор. – Поделись с нами. Мне твое мнение важно.

– Интеллигентный облик Осмоловской не вяжется с фразой о «музейных крысах» и грубостью ее ответа вам, Федор Матвеевич. – Катя с переднего сиденья обернулась к Гущину, устроившемуся сзади в машине. – Но отшила она вас не просто легко и быстро по телефону, а привычно. Будто в неких других обстоятельствах часто прибегала и к мату, и к окрику. Допустим, телефонные мошенники достали ее и трезвонят ей сутками. Или же вдова переводчика Велиантова – не совсем та, кем кажется на первый взгляд. А к нам она присматривалась, точнее даже приценивалась, стараясь не болтать лишнего.

– Точно, Катя. Яко барышник на базаре, – кивнул Гектор. – Темнит бабулька. Злая властная старушка-фея из музея нас к ней отправляет, а вдова мячиком отфутболивает назад.

– Зря тащились в Вороново, – подытожил полковник Гущин мрачно. – Обе – старые... попы, маразматички!

– Федор Матвеевич, умоляю, в зоомузее насчет пятой точки – ни-ни! – Гектор-лицедей глянул на Гущина в зеркало заднего вида и, понижая тон до сиплого шепота, голосом Ширвиндта из новогоднего фильма выдал: – Выведут!

Полковника Гущина они довели до дома на Юго-Западе, он поплелся в свою холостяцкую квартиру в новом ЖК. Сентябрьская ночь опускалась на город, полная густого тумана и еще летнего тепла.

– Гек, – тихо позвала Катя, когда фигура Гущина растворилась в тумане у подъезда, а они развернулись.

– Что? – Гектор смотрел на нее. Выражение его лица моментально изменилось, едва лишь они остались наедине.

– Гек, пожалуйста, будь с ним терпелив. Федор Матвеевич обожает командовать и распоряжаться. Он очень умный человек, но

порой ведет себя словно упрямое дитя. Мы с ним много работали вместе, я тебе рассказывала. Я вечно совалась в его расследование, допекала его вопросами. Если другие иногда меня просто гнали в шею: пресс-служба, криминальный обозреватель не лезь не в свое дело, никаких тебе комментариев, – то он... почти всегда брал меня с собой на место преступления. Не для помощи – он действовал сам, – а на удачу, понимаешь? Я была в роли талисмана. Сижу, слушаю его, внимаю речам, не перечу... Нет, часто мы спорили, но я старалась сглаживать острые углы. Я его поддерживала, восхищалась его выводами, мы обсуждали версии, идеи, и он всегда при мне блестяще раскрывал сложные дела. А тобой, Гек, он повелевать не может. Ты прирожденный герой. Поэтому он сейчас в душе злится на тебя, кипит, негодует. Но он отходчив, исключительно порядочен и добр. Просто не привык подчиняться. А ты словно вихрь – налетаешь на него.

– Катя, да я – сама выдержка. – Гектор был серьезен и задумчив. И она поняла – совсем иные мысли занимают сейчас Гектора Троянского, а не коллизии в отношениях с полковником Гуциным.

– Прояви к нему снисхождение, – не отступала она. – Он старше, он сильно изменился после болезни и ранения. В главке говорили – он поставил на кон свою жизнь ради спасения ребенка. Сложилась патовая ситуация. Убийца... маньяк, требовавший жертвоприношения... Гуцин себя ударил ножом в грудь тогда, отвлекая внимание преступника на себя. Он еле выжил. А девочку спасли.

– Понял. Учту. И я не белый, не пушистый. – Гектор все глядел на нее, затем голосом Лоуренса Оливье из «Отелло» произнес: – Black I am black!^[16]

– Гек! – Катя коснулась его широкого запястья. Он замер. Выдохнул.

Ночной туман окутал не только столицу, но и Вороново, наползая с пруда и обволакивая дом Осмоловской. Юлия Александровна долго не спала, бродила по освещенной лампами террасе, останавливалась перед комодом в спальне, разглядывая фотографии в рамках. На всех снимках она и ее второй муж Илья. Они в Карловых Варах когда-то, они на отдыхе в Австрии. Они в Иерусалиме... Но перед внутренним

взором Юлии Александровны вопреки ее желаниям возникали совсем иные картины.

Вешняки. 1 января 1960 года. Она вечером солгала матери: иду на каток с девчонками, – схватила старые коньки и украдкой, окольными путями помчалась к даче Велиантовых. Сугробы, вишни в снегу, дым из трубы. Юра Велиантов встретил ее в доме. В толстом шерстяном свитере, в кедах без шнурков он топил голландскую печь в «зале» и копался в старых бумагах семейного архива. После смерти тетки и матери он обитал на даче, доставшейся ему в наследство. Дома на окраине Вешняков начали уже потихоньку ломать. Семнадцатилетняя Юлия запыхалась, ее распирала радость, нетерпение – они с Юрой не виделись больше двух недель. И Новый год не встречали вместе. Но он в тот вечер казался рассеянным, далеким, держал дистанцию. На столе, на полу лежали кипы пожелтевших журналов по зоологии, орнитологии, дореволюционные географические карты, папки с черновиками научных работ профессора Велиантова. Тетка Юры хранила архив брата на даче, построенной Велиантовым еще во времена НЭПа. Когда тетку арестовали и отправили в лагерь, дачу не конфисковали лишь из-за ее принадлежности покойному профессору. За домом приглядывала мать Юры, но она лишний раз боялась зайти внутрь из-за дикого страха перед чекистами, арестовавшими тетку. Архивом никто не интересовался, бумаги отсырели, заплесневели. Юля видела кроме папок и черновиков мутные, потрескавшиеся от времени снимки разных птиц.

– Иван Венедиктович, дядя, прислал их тете Полине, – пояснил тогда Юле Велиантов-младший. – Из своей последней экспедиции на Тянь-Шань в тридцать первом году.

На некоторых фото были запечатлены горные пейзажи, пик, белый от снега и льда. Юра разложил фотографии на столе, подобно картам пасьянса. Она, Юля, смахнула их резким жестом – к черту!

– Юрка! Я матери наврала, примчалась на час. А ты, чокнутый, ледышка! Весь в бумажках, пыли и мышинном помете! Фу!

– погоди, Юлечка, постой. – Он не реагировал на ее нетерпение и пыл. – Здесь нечто крайне интересное и важное... Но я пока не разобрался. Этакая головоломка! Ребус! Самого главного не хватает вроде. Тетя Полина успела часть архива отдать Зоологическому музею. Смотри, – Юра Велиантов показал ей разрозненные листы,

исписанные синими чернилами. – Здесь дядя пишет ей с Тянь-Шаня, но она некоторые страницы оторвала. Тетя оставила себе личные тексты. А другую часть листов она, наверное, отправила в Зоологический музей. Вот бы мне прочесть отсутствующее! Я очень рад тебе, Юленька... просто я занят сейчас немножко. – Он отрешенно взирал на нее. – В ребусе скрыта какая-то тайна! Но я отыщу ключ. И найду...

– Мне не нужны тайны. Юрка, мне нужен ты! – Она обвила его шею руками.

– Разве ты не хотела бы прославиться? – мечтательно спросил он.

– Да, только если слава принесет много денег. Вон киноактрисы – Алла Ларионова, Татьяна Самойлова. Видела в киносборнике с фестиваля их платья и барахло.

– Речь, кажется, идет о настоящем сокровище, – улыбнулся Юра Велиантов. И в тот далекий вечер шестидесятого года, еще до их свадьбы, она восприняла его слова как шутку.

Нынешним туманным вечером Юлия Александровна слонялась по своей даче взад-вперед. «Ждун», караулящий свой звездный час. Вновь вспоминала.

Лето 1962 года. Ее муж Юра Велиантов звонит ей по межгороду. Через столько лет она сейчас не помнит названия той станции или поселка. Он спрашивает о ее самочувствии. Сообщает – мол, ищу надежного проводника в горы. Поход займет дней десять, затем куплю обратный билет на поезд и вернусь к тебе. А она, беременная, плачет в трубку, упрекает его, корит за равнодушие, жалуется – ей страшно одной, она боится родов. Их разговор по межгороду короток. Связь плохая.

Сентябрь 1962 года. Она – вдова. В их с Юрой однокомнатной квартире на Ленинском проспекте хаос и разгром. Мать явилась к ней вроде бы помогать – после выкидыша все месяцы Юлия чувствует себя скверно. Горе не прибавляет ей сил. Она не ходит на лекции, она практически бросила учебу. Мать хозяйничает, роется в их с Юрой вещах. Достает из шкафа его свитер, ботинки, два костюма. Твердит: один костюм старый, но другой, сшитый в спецателье зятю – переводчику делегации для поездки в Китай, – можно загнать в комиссионку. Юлия отмахивается: мама, отстань! Но мать выволакивает из шкафа две коробки с бумагами и папками,

перевезенными Юрой с дачи в Вешняках на новую квартиру. Мать орет: это его тетки-туберкулезницы вещи! Зачем он их приволок? Тетка – тюремная вошь, лагерница, кашляла своим туберкулезом на бумаги, они заразные! На помойку их срочно! Она выбрасывает старый архив, фотографии в мусоропровод.

Лишь одно письмо остается у Юлии. Оно опоздало – пришло уже после Юриной смерти. Юля обнаружила его в почтовом ящике, выйдя из больницы. Тогда у нее не хватило сил распечатать последнее письмо мужа. Оно осталось непрочитанным. После ухода матери Юлия остается в квартире на Ленинском одна. Мать сварила ей кастрюлю картошки, оставила бутылку подсолнечного масла и кефир на подоконнике. Кашеваря, внушала: Юлька, не кисни, выше голову, дочка. С квартирой однокомнатной быстро сыщешь себе новую приличную партию. Не век тебе вдоветь. Прошлую жизнь забудь. Впереди – новые горизонты.

Юлия берет теплую картофелину. Откусывает от нее, запивает кефиром. Затем влачится с кухни в комнату, находит нераспечатанное письмо. Последняя вещь ее покойного мужа осталась в квартире – архив на помойке, одежду жадная мать забрала в комиссионку. Юлия вскрывает конверт – письмо толстое. Она не желает его читать. Она вычеркивает мужа из памяти. Швыряет листы в кухонную раковину, чиркает спичкой и поджигает письмо.

Языки огня в раковине. Слезы наворачиваются Юлии на глаза. Она задыхается. Она рыдает – все равно вспоминает мужа. Юра Велиантов катит по дачной дороге Вешняков на старом велосипеде. Он надевает ей на голову венок из полевых цветов в Кусково. Они в электричке целуются в тамбуре. Она встречает его на аэродроме после возвращения из Пекина с ученой делегацией... В новом сиреневом платье... Их скромная свадьба... Юра Велиантов, ее муж, ее первая девичья любовь, мертв. И она даже не знает, где его могила...

*Как же она посмела сейчас не прочесть его последнее письмо?!
Что она натворила?!*

Обжигая пальцы, она выхватывает из пламени листок. Пускает воду. Огонь гаснет, оставляя запах гари, но письмо уничтожено, его черные клочки распадаются, намокнув в раковине. На спасенном листке нет обращения Юры к ней.

Юлия видит только рисунок, набросок, сделанный наспех.
Схематично.

Вроде горы... Одна на первом плане – словно пирамида и выше остальных. И еще на листе – цифры.

Глава 20

«В богатом травмами саду причально...»[\[17\]](#)

Саундтрек Lawrence Arabia «Lick Your Wounds»

На Фрунзенской набережной в лифте, поднимаясь на свой этаж, Катя сказала:

– Роза твоя не увяла.

– Да. – Гектор оперся рукой о стенку лифта, вплотную придвигаясь к Кате, наклоняясь к ней с высоты своего роста. Он вбирал ее всю, целиком, потемневшим взглядом. – Стойкая, как ты.

Катя коснулась лепестков у ворота рубашки. Гектор обнял ее, прижал к себе, поднял.

Лифт остановился, двери открылись. Гектор, обнимая Катю одной рукой, вынес ее, открыл дверь квартиры ключами, хранившимися в кармане его пиджака. Захлопнул дверь ногой, не выпуская Катю из объятий.

– Гек... – Катя дотянулась до выключателя. В прихожей вспыхнул свет. Она увидела его лицо: решимость... несокрушимая... жажда... мужская... страсть...

– Гек, ну пожалуйста...

– Нет, Катя. Я не уйду.

– Мы еще должны подождать...

– Я не уйду. Ни сейчас, никогда. Я больше тебя не покину.

Катя тонула в его глазах.

– Швы твои еще не...

– Забудь о них.

– Гектор! – имя его слетело с ее губ. Имя, некогда прочитанное ею, девчонкой, в «Илиаде», имя героя, поразившего ее воображение, которого она всеми силами желала спасти от боли, от гибели – сначала в книге, в мире иллюзий. А потом в жизни.

– Я люблю тебя! – Гектор задыхался. – Жить без тебя не могу. Минуты считаю, если ты не со мной. Свет меркнет, когда тебя рядом нет. Катенька...

В богатом травами саду причалю...

Милая, не отвергай... [\[18\]](#)

Он поцеловал ее.

Колесница... Привязав его к ней в Трое, влачили по острым камням, терзая... Вспыхнуло пламя – спалило ту колесницу дотла.

Им не хватило дыхания в поцелуе. Но, едва оторвавшись друг от друга, они стали целоваться вновь. Все, что сдерживалось усилием воли, – хлынуло. Выплеснулось разом...

В спальне... на кровати... на полу...

В их Трое в богатом травами саду...

Среди мирта и роз, лавров и пиний... Среди горькой полыни и базилика, тимьяна, розмарина, мяты, магнолий, хвой... На львиных шкурах, на горячих камнях, на земле, в облаках...

Они любили друг друга.

Той ночью.

Оглушенные, ослепленные страстью.

Она обнимала его. Он прижимал ее к своей груди – и у нее перехватывало дыхание. По его лицу катились слезы! Он не таил от нее ничего!

Никто, никто не видел полковника Гектора Троянского *таким* – ни в бою на Кавказе, ни в паучьих гнездах боевиком во время штурма, ни в пустыне сирийской, ни у спасенной Пальмиры, ни в кабинетах конторы... Лишь Катя видела его в слезах, обнимая, целуя его губы, глаза, все его тело, горячую плоть.

– Люблю тебя! Жизнь мне подарила, счастье... Какое наслаждение! Думал, не суждено уже мне узнать... А с тобой сейчас... Катенька... Взрыв мой внутри... Огонь... Как же сладко... Всю тебя почувствовал без остатка... Катенька... Моя ты теперь...

– Я люблю тебя, Гек! У нас с тобой так... Пусть иначе, чем у других... Но как же хорошо мне с тобой... Гектор мой...

Целуя его, она плакала сама. Подобно ему – от счастья! Вместе со слезами и взрывом наслаждения выходила из Гектора Троянского – из его сердца, души, из его израненного покалеченного тела – ВОЙНА.

Любовь царствовала в их Трое, где Гектор остался в живых.

Где не размыкал он кольца своих рук, забирал ее всю целиком, становясь с ней единым целым.

Любовь победила судьбу и войну.

И никаких больше табу. Никаких запретов. Никакого стыда.

Изоощренная чувственность...

Жар тел...

Честность... Доверие...

Безоглядная нежность их друг к другу...

Страсть...

Его серые глаза...

Швы, рубцы, раны, ожоги, шрамы – терпкий вкус его кожи... соль... сладость... счастье...

На пустом берегу их Трои не осталось чужих кораблей.

Из заморской дальней стороны прилетела синяя птица. Села на обломок мраморной колонны. И запела. Позвала их за собой к Небесной горе.

Глава 21

Гущин

Полковник Гущин с утра пораньше в главке имел беседу по телефону с токсикологом – протеже Гектора Борщова. Позвонивший спец, представившись по фамилии, произнес:

– Гектор Игоревич ко мне обратился: мол, вам, полковник, лично требуется помощь в проведении негласной экспертизы. Мне хотелось бы узнать детали. Но у самого Борщова телефон выключен, он мне не отвечает.

Гущин рассказал спецу подробности о Елене Красновой и о прекращении Петровкой проверки по факту ее гибели.

– Гектора нечто настораживает, – объявил ему сухо токсиколог. – Из нашего прошлого с ним опыта – он редко ошибается, когда дело касается отравлений. Я готов оказать вам полное содействие с дополнительной экспертизой.

Полковник Гущин осторожно поинтересовался – откуда сам спец? Где служит «царю и отечеству»? Токсиколог ответил:

– У нас частная лаборатория исследований, коммерческая организация высокой квалификации. Оплату мы позже уладим непосредственно с Борщовым, а вы не тревожьтесь.

Гущин поблагодарил его, попросил подождать:

– Сейчас договорюсь с бюро экспертиз.

Он позвонил ведущему криминалисту-эксперту столичного бюро, своему давнему знакомому. Уломал, уговорил, и тот обещал вопреки существующим инструкциям, только ради Гущина, поделиться в «кейсе Красновой» образцами с его независимым токсикологом и обеспечить тому доступ к трупам.

– Только нужно все сделать сегодня, – предупредил криминалист-эксперт. – Тело покойницы выдают родственникам. Уже похоронные агенты суетятся. Слетаются вороны на пир.

Гущин опять связался со спецом, и тот объявил:

– Поеду прямо сейчас туда. Возможно, завтра и результаты исследований по вашей Красновой подоспеют.

Вторично горячо поблагодарив токсиколога, Гущин испытал смешанные чувства. С одной стороны, отлично, дополнительная экспертиза не помешает. В ситуации, когда его коллеги с Петровки бездарно завершают проверку обстоятельств смерти Красновой, он, кроме негласных действий, ничего не в силах предпринять. Но! Он вновь оказывается обязан дерзкому Троянцу. Экспертиза подобного уровня – вещь дорогая, его ведь в бюро еще раньше предупреждали. Положим, полковник Гектор Борщов старается не ради Гущина, а ради избранницы своего сердца, врезавшись в нее по самые гланды... Но все равно – прослать его тотальным должником? Ему, Гущину?!

И вместо признательности за помощь он вновь начал тайком в душе злиться и клокотать. В раздражении занялся составлением витиеватого запроса в МВД Казахстана насчет «приглашения на беседу бизнесмена Нурсултанова». Корпел, обдумывал формулировку вопросов: не стоит писать длинно, а то еще и читать не станут, отфутболят, но и лаконично не получится. Он помнил: казах запрашивал киргизское посольство в Москве не о жертве – Нур Абдулле Шахрияре, – он справлялся «остался ли кто-то из потомков уйгурского фотографа Юсуфа Шахрияра?». Тонкость! И немалая в бумажной бюрократии. А ведь фотограф упоминается в записках из музейного архива в качестве уроженца Верного – Алматы, где родился еще до революции. Отчего же бизнесмен Нурсултанов не интересовался его потомками у себя в Казахстане? Или он узнавал у себя на родине, а затем переключился и на Киргизию? Именно у соседей он нашел родственника фотографа. Все вышперечисленное следовало отразить в запросе не прямо, в лоб, но четко и обстоятельно.

Писанина заняла много времени. Закончив сочинять, взмокший от усердия Гущин связался с куратором из министерства. И началась привычная постылая бюрократическая бодяга:

– Широко замахнулись, Федор Матвеевич, по линии сотрудничества СНГ займет все от двух до трех недель... месяц. – Куратор брюзжал, Гущин внимал. – Нурсултанова в чем-то конкретном подозреваете? Он потенциальный фигурант? – сыпал вопросами куратор и моментально огорчал: – МВД Казахстана может уклониться от запроса. Он же гражданин Казахстана, они не торопятся выдавать своих сограждан для уголовного преследования за рубежом.

Гущин заверил:

– Нет, бизнесмен мне необходим лишь в качестве добросовестного свидетеля по делу об убийстве гражданина Киргизии.

– Так отразите это в своем запросе, – потребовал куратор и добавил: – И переведите все на казахский язык. Если хотите вообще получить от них «добро». Ищите переводчика с казахского сами, раз вам приспичило обращаться в Астану.

Дав отбой, Гуцин плюнул в сердцах. Где добыть переводчика с казахского? Теперь кланяться ему еще их посольству или землячеству? Сколько времени займут поиски, перевод? Дерзкий Троянец снова поднимет его на смех...

И вдруг он вспомнил про Адиля Кашгарова – переводчика, встречавшего их на Ордынке. К нему обратиться? Уроженцы из Средней Азии скорее найдут подходы друг к другу. Гуцин отыскал номер Кашгарова в мобильном и позвонил. Адиль Кашгаров ответил, голос его сначала звучал удивленно, а когда Гуцин представился и напомнил ему о визите в посольство – начал общаться деловито-официально:

– Посольство окажет любую помощь правоохранительным органам.

– Адиль, вы знаете казахский язык? – устало спросил Гуцин.

– С детства, – ответил Кашгаров. – Как и русский. Я изучал еще китайский и английский.

– В МГИМО? – поинтересовался Гуцин.

– Китайский у частного преподавателя, носителя языка – китайца. Английский на курсах на Мальте, студентом.

– Большая просьба к вам: помогите с переводом нашего запроса в МВД Казахстана насчет бизнесмена Нурсултанова, – взмолился Гуцин почти робко.

– С радостью, – вежливо ответил молодой переводчик.

Гуцин отправил ему файл.

– Сделаю поскорее и позвоню вам, – обещал Кашгаров, ознакомившись с текстом. – Кстати, посольство установило место проживания покойного Нур Абдуллы Шахрияра.

– Вы нашли, где он останавливался по прилете в Москву? – воскликнул Гуцин взволнованно. – Как вам удалось?

– У вас говорят – ищущий да обрящет, – Кашгаров усмехнулся. – Мы звонили нашим согражданам, землякам. Расспрашивали. Язык до

Багдада доведет, до гарема султана.

– Шахрияр жил в хостеле для мигрантов?

– В скромном отеле-пансионе – у нас называют «караван-сарай», – снова усмехнулся Кашгаров. – Владелец – наш земляк. Неужели ваша полиция ничего не смогла выяснить до сих пор?

– Нет у нас особых подвижек, – признался Гушин.

– Подобные дела для вас бытовуха, да еще связанная с мигрантами – понаехавшими. Вы заняты сейчас другими делами – более важными, наверное. Борьба сил света с силами тьмы, да? Где свет, где тьма? – в вежливом тоне переводчика, в его безупречной русской речи сквозило легкое презрение.

– Мы расследуем два убийства, – напомнил полковник Гушин.

– По второму... несчастному Мирлану Омуралиеву... у нас нет дополнительной информации, но мы связывались с его семьей. К сожалению, его жена ничего не знает о поездке мужа в Москву, она написала у себя дома заявление о его пропаже без вести.

Гушин понял – Кашгаров говорит о «гонце» из Шалаево.

– Продиктуйте мне, пожалуйста, адрес «караван-сарая», – попросил он.

– Я сегодня туда собирался сам, – ответил Кашгаров. – Господин советник меня посылает выяснить – вдруг в пансионе располагают дополнительными сведениями об уважаемом инженерере Шахрияре? Мы можем отправиться вместе. Пансион у метро «Теплый Стан».

– Хорошо, я за вами заеду в посольство, ждите меня через час, – объявил полковник Гушин.

Он вызвал служебную машину с водителем и отправился на Большую Ордынку. Адиль Кашгаров в модном кожаном бомбере и потертых джинсах вышел из посольского подъезда. Гушин отметил: парень-то – писанный красавец, прямо персонаж из манги. Еще по пути на Большую Ордынку он грустно размышлял: посольский переводчик успел в свои тридцать выучить четыре языка; дерзкий полковник Борцов повидал половину мира, овладел арабским и английским, – а как распорядился своей жизнью, молодостью он, Гушин? Его богатый профессиональный опыт касается лишь одной сферы – раскрытия убийств, криминала. А в остальном его знания отрывочны, хаотичны или вообще близки к нулю. И языков иностранных он не ведает. И не читал ничего прежде про Синьцзян, про гору Хан-Тенгри, Восточный

Туркестан, орнитологов и зоологов – лишь ветхие записки из архива Велиантова. Когда неведомый, яркий, многоликий, противоречивый окружающий мир подступает к нему вплотную – например, в этом сложном и невероятном музейном деле, – он, Гуцин, старая полицейская ищейка, комплексует, ощущая свою ограниченность и недостаток знаний.

– Я думал, вы своих подчиненных отправите в Теплый Стан, а вы лично со мной едете, – заметил Адиль Кашгаров, садясь в его машину. – Дело настолько серьезное? Наш земляк инженер Шахрияр и другой убитый попали в скверную историю?

– Мы разбираемся детально, – уклончиво ответил Гуцин.

– Не забывайте о сыне инженера, узнике китайских застенков, – тихо произнес Кашгаров. – Уйгурский вопрос. Не сбрасывайте его со счетов. Мой вам совет.

– Приму к сведению, – пообещал Гуцин.

А сам подумал: парня, хотя тот и не откровенничает, послал в пансион разведать обстановку посольский бонза с «рожей якудзы» – Абдулкасимов. Видали мы таких советников-атташе по культуре с квадратными плечами борцов сумо. Ясно, откуда он. Они с Борщовым – одного поля ягоды. Для советника уйгурский вопрос – сфера национальных интересов его страны и государственной безопасности. А переводчик, видно, у него на побегушках. Служит усердно.

Раздался звонок на мобильный Гуцина.

– Я по поводу тубетейки, Федор Матвеевич, – раздалось в трубке, звонил криминалист-эксперт.

– ДНК? Чья? Шахрияра? – бросил Гуцин.

– Бензин, – разочарованно ответил эксперт. – Шапка мокрая была. Мы все ждали чуда – бензин улетучится и проведем исследование. Не вода же, горючее. Но не судьба. Не представляется возможным определить принадлежность ДНК, хотя на внутренней стороне тубетейки явные следы пота.

Гуцин не включал громкую связь, но в служебной машине они с Кашгаровым оба расположились на заднем сиденье. И переводчик слышал доклад.

– Адиль, помните, я вам показывал в посольстве фотографии тубетейки? – сказал Гуцин.

– Уйгурской допа? – Кашгаров повернулся к нему своим точеным профилем персонажа манги.

Гущин вновь отыскивал в телефоне фотографии допа.

– Узор традиционный для уйгуров, я правильно понял? – продолжал допытываться он. – Узоры допа общие? Или они характерны для уйгуров из определенной местности? Из определенного рода, семьи? Вы не в курсе?

– Допа разные. Очень красивые. В Казахстане, на севере, – одни узоры; на юге, у нас в Киргизии, – другие; в Синьцзяне – третьи. Вы правы, порой узор допа индивидуален и веками передается в уйгурском роду по женской линии, умеют вышивать мастерицы свои неповторимые шапочки.

– На ваш взгляд, допа на снимке принадлежит уйгуру из какого региона?

Кашгаров внимательно рассмотрел фотографии.

– Скорее, из юго-западного, – ответил он.

– Инженер Шахрияр проживал и работал в этом... как его... городишке на Иссык-Куле, – Гущин щелкал пальцами и никак не мог вспомнить. Чертовы их азиатские топонимы! Троянец язвительно советовал ему заучивать их наизусть.

– В Караколе, – с улыбкой подсказал ему Кашгаров.

– Точно!

– Вы пытаетесь выяснить – могла ли допа принадлежать инженеру Шахрияру? – осведомился Кашгаров.

– Да, да! На ваш взгляд?

– Конечно. Он же уйгур.

«Караван-сарай» у метро «Теплый Стан» оказался семейным мини-отелем на первом этаже панельной многоэтажки. Рядом располагалась гостиница «Подушка» для свиданий на час. В «караван-сараяе» работали исключительно выходцы из Средней Азии. Полковника Гущина и Кашгарова встретил сам хозяин-киргиз, предупрежденный посольскими. Он провел их в отдельную однокомнатную квартиру, снятую Нур Абдуллой Шахрияром сроком на неделю. Пояснил: связывался он с мини-отелем в чате, забронировал жилье без предоплаты сначала лишь на два часа. Сразу приехал из аэропорта и вселился, деньги отдал налом за неделю вперед.

– Видимо, звонил вам прямо из аэропорта по прилете, а не заранее бронировал. Давайте уточним по датам, – попросил Гушин.

Ба! Оказалось – данных-то нет.

– У нас компьютерная программа полетела, – кротко сообщила девушка с ресепшена, следовавшая за ними, словно тень. – Большое несчастье для нас. Мы пытаемся восстановить данные.

Гушин понял – ему лгут в глаза. В «караван-сараях» не ведут отчетность и скрывают от налоговой доходы. Но вникать он не собирался, он явился не ради взбучки нелегалам, а ради важной информации.

– Поступаем следующим образом, – объявил он. – Я забываю о вашей программе из компа и черном нале. А вы мне и коллеге из посольства рассказываете о постояльце.

– Нам нечего скрывать! – хором заверили их хозяин и девушка с ресепшена – то ли его родственница, то ли молодая жена из гарема.

– К Шахрияру в отель кто-нибудь приходил? – спросил полковник Гушин, оглядывая «однушку», где уже успели сделать генеральную уборку.

– Нет. Он вселился, долго спал. Затем ушел в город. Вернулся поздно. Опять спал. Днем ушел куда-то и явился снова поздно. И на следующий день вернулся поздно. А на четвертый день ушел и не пришел назад.

– Вещи его у вас остались? Где они? – уточнил Гушин.

Хозяин повел их назад к ресепшену, открыл встроенный шкаф и вытащил спортивную сумку.

Гушин сам расстегнул молнию: две пары белья, две черные футболки, спортивные брюки с лампасами, кроссовки, шерстяная водолазка, бритвенные принадлежности, два старых затрепанных путеводителя по Москве, в полиэтиленовом пакете протухшая конская колбаса.

– Здесь все вещи? – строго спросил Адиль Кашгаров хозяина.

– Мы ничего не брали. Все его, – хозяин «караван-сарая» затряс головой. – Никто у меня ничего не ворует и чужого не берет.

– Когда он уходил в город, у него имелся с собой портфель, сумка на плече или на поясе? Чехол для мобильного? – осведомился Кашгаров.

– Точно, была сумка через плечо! – вспомнила девушка с ресепшена, она зыркала темными глазами в сторону красавца-переводчика.

– Вы обнаружили его сумку? – Кашгаров обернулся к Гущину.

– Никакой сумки мы при нем не нашли. И мобильный его пропал, – ответил Гушин. – Мы вообще с великим трудом установили его фамилию именно из-за отсутствия при нем документов и личных вещей.

Кашгаров кивнул и спросил:

– Вы заберете найденное в отеле? Или посольство может вернуть вещи Шахрияра...

– Кому? – усмехнулся устало Гушин. – Если его единственный сын в китайской тюрьме? Кстати, а где жена инженера?

– Умерла, давно еще. Господин советник сразу выяснил, – ответил Кашгаров. – Да, некому вручать пока имущество нашего гражданина. Даже для светлой памяти о покойном.

Когда они покинули «караван-сарай», Кашгаров продолжил деловито:

– Второй убитый, наш гражданин Мирлан Омуралиев... Какое имущество осталось после него? У него семья, жена. Посольство отправило бы вещи родственникам.

– Его раздели догола, – ответил Гушин.

– То есть? Зачем? – опешил Кашгаров.

– Пока неизвестна цель убийцы. Труп Омуралиева найден на пустыре без одежды и обуви. Без документов и других вещей.

– Его столь варварски обыскали? – Кашгаров изумлялся все больше. – Но для чего? Он, по информации его семьи, переданной господину советнику местной милицией, бедный простой человек, многодетный отец. Долгое время находился без постоянного заработка.

– У него свистнули одежду и обувь. Наверное, тоже обездоленные люди... его сородичи. То есть, я хотел сказать, сограждане. Вдруг нелегалы? – ответил доверительно полковник Гушин.

О содержимом желудка «гонца» он решил пока не извещать ни любопытного переводчика, ни его босса – «господина советника» с лицом якудзы и плечами штангиста.

Глава 22

Токсикология

Распрощавшись с переводчиком Кашгаровым в Теплом Стане – тот вызвал такси, собираясь дальше по своим делам, пообещав прислать переведенный запрос в самом ближайшем времени, – полковник Гуцин вернулся в главк. Размышлял о фигурантах, поглядывая из окна на здание зоомузея. «Гонец» из Шалаево интересовал его не меньше потомка уйгурского фотографа из тридцать первого года. Гуцин думал: «Омуралиев на пустыре выпил слабительное. И его убили ударами по голове. С какой целью? Помешать ему выудить из своего желудка товар? Не допустить передачи наркотика? Но кому? Неужели Елене Красновой, пославшей нас к нему в Шалаево? Или другому человеку? Еще неизвестному нам?» Гуцин нетерпеливо ждал результатов исследования капсул, удивляясь, отчего криминалисты тянут резину.

Ни Катя, ни Гектор Борщов не объявились за целый день. Полковник Гуцин не желал признаться самому себе – он ждет их звонка, предложения о встрече насчет новостей по их общему делу. Он твердил себе: они не нанимались вечно помогать. Катя в отпуске, а Борщов... Троянец лишь ради нее старается. Гуцин уговаривал сам себя, но испытывал почти детскую обиду на них: бросили его на середине пути...

На следующий день они снова не звонили ему. Пропали! Исчезли! А он не желал обращаться к Борщову сам – даже когда вдруг пришли неожиданные новости по Юлии Осмоловской. Гуцин решил «пробить» ее по банку данных просто наугад, наудачу. Его зацепила Катина фраза – вдова вроде не та, кем кажется.

– А у нас на пенсионерку Осмоловскую в картотеке немало информации, Федор Матвеевич, – огорошил его оперативник, осуществлявший проверку.

– Она ранее судима? – изумился Гуцин.

– Муж ее, Илья Осмоловский, еще в восьмидесятых дважды привлекался по статье за валютные операции, спекуляции с валютой и чеками из «Березки». Свой второй срок, в восемь лет, он не досидел –

статью из кодекса потом убрали. Он вышел на свободу. На него поступала информация: он держал подпольные букмекерские конторы на подставных лиц и долгие годы владел еще и фирмами микрозаймов. Он черный ростовщик, Федор Матвеевич, фирмы для микрозаймов – ширма. А жена была его помощницей во всех делах, правой рукой. Правда, в последние восемь лет они оба отошли от крупных дел из-за преклонного возраста. Сам ростовщик умер, но связи его сохранились. Юлия Осмоловская до сих пор в нашем банке данных.

– Ничего себе! – хмыкнул Гуцин, вспоминая вдову из Вороново и ее слова о втором муже. – Ее первый благоверный – переводчик с китайского, он погиб в Киргизии в шестьдесят втором году при невыясненных обстоятельствах.

– О ее первом муже у нас в банке данных ничего нет, – ответил ему оперативник. – Зато есть кое-что еще на Осмоловскую. Ее соседи по даче в Вороново – администратор симфонического оркестра и его жена-скрипачка – в июне написали на нее заявление в полицию. Обвинили ее в отравлении пестицидами двух своих сторожевых собак. Я созвонился с участковым из Вороново, они ж теперь Москва. Собаки якобы во время прогулки напали на старуху, не покусали – они были в намордниках, – но повалили на землю, напугали сильно. Участковый сказал: на псов и раньше жаловались другие соседи. Затем кто-то дал им отраву, перебросил через забор мясо с пестицидами. Администратор оркестра и его жена обвинили именно Юлию Осмоловскую – якобы она им угрожала прикончить собак. Но участковому вдова все категорически отрицала, возмущалась клеветой. Имелись и другие подозреваемые соседи, и немало.

Полковник Гуцин все внимательно выслушал. Вспомнил тон Осмоловской, пославшей его матом по телефону. А затем ее голос, когда она говорила: «музейные крысы», «обрюхатить баб»... Вдова переводчика Велиантова из Вешняков, племянника ученого-орнитолога, и... по второму мужу – кто? Старуха-процентщица? Черная ростовщица? Отравительница собак?

Гуцин сидел в кабинете главка, затворившись от всех. Думал. Вытащил мобильный и уже собрался сам позвонить дерзкому Троянцу – ему не терпелось поделиться новостями. Но... убрал телефон в карман пиджака. «Не стану я им первый кланяться. Они заняты друг другом. Им до меня нет никакого дела. А я – в потемках». Он опять

разозлился! Неужто без помощников-доброхотов он уже ни на что не способен? Нет, он сам все раскроет, один всех изобличит...

Мобильный зазвонил в кармане. Полковник Гущин было подумал: «Все же я нажал номер Борщова, и звонок прошел – и вот он мне отвечает».

– Алло, Гектор Игоревич!

– Здравствуйте, это я. С Гектором у меня до сих пор связи нет, хотя я ему отправил мейл, он его даже не читал.

Полковник Гущин узнал голос спеца-токсиколога.

– У вас уже есть данные по Красновой, дружище? – спросил он.

– Я подтверждаю первичный вердикт – антидепрессант в ее крови и нейролептик. Приличная доза. Но еще присутствует и другое вещество.

– Какое? – насторожился полковник Гущин.

– Джин фумигант.

– Алкоголь? Джин?

– Нет, – ответил спец. – Пестицид, включающий в себя фосфин и фосфид алюминия. Тоже солидная концентрация. Препарат широко применяют в сельском хозяйстве, в помещениях и при перевозках для уничтожения многих вредителей – от насекомых до грызунов. От кротов, например. Он в свободном доступе, его можно приобрести в аэрозолях и таблетках.

– Яд? – переспросил полковник Гущин.

– Именно. Елена Краснова умерла от острой сердечной недостаточности. Пестицид вместе с нейролептиком сыграл роковую роль.

– Лекарства Краснова пила сама, добывала их у врача, – ответил Гущин. – Их нашли в ее сумке. А вот яд... пестицид, когда она могла его получить?

– Непосредственно в день гибели или же за два-три-четыре дня. Он не скоро выводится из организма. Судя по всему, ей дали сильно концентрированный раствор, порошок таблеток в чем-то жидком – кофе, например. В ее случае фатальную роль сыграло сочетание сильнодействующего нейролептика и пестицида – сердце не выдержало. Все ее остальные травмы – перелом четырех ребер и коленного сустава – результат падения из окна, так мне сказали в вашем бюро экспертиз.

– Собак можно отравить этим джином? – спросил полковник Гущин.

– Смотря какая доза. Я вам пришлю детальное заключение по электронке, Федор Матвеевич.

Гущин поблагодарил его.

Полковник сидел, уставившись в стену. Троянец-то словно в воду глядел... Отравлена музейная «божья коровка»...

На мобильный пришло сообщение. Переводчик Адиль Кашгаров направил переведенный запрос в МВД Казахстана ему на почту. Быстро управился полиглот посольский! Гущин ответил ему: «Большое вам спасибо!» И с сопроводительной отослал запрос в министерство – дальше по инстанции. Потом он ходил по кабинету, точно зверь в клетке. Он желал, чтобы Борщов и Катя находились с ним здесь, немедленно! Обсуждали новости, строили версии, планы.

Бросили его, да?!

Гущин отыскал номер сестры Елены Красновой, Вероники, и позвонил ей. Застал ее запыхавшейся. Она пояснила:

– Мчусь по делам, завтра похороны Лены, везу ее одежду похоронному агенту. Прощание с ней состоится в траурном зале при морге. Сотрудники музея обещали прийти.

– Вероника, извините за беспокойство, но у меня важный вопрос. Вы нам рассказали о последней встрече с сестрой...

– Это было в пятницу. В Москве. Затем мы поехали к Лене домой в наш поселок. А утром я отвезла ее на машине в музей, – напомнила Вероника.

– То есть в пятницу ваша сестра находилась на работе в музее, а затем вечером и утром с вами и днем снова на работе в музее?

– Музей же открыт в субботу.

– А в воскресенье чем Елена занималась и где была? – спросил Гущин.

– Я не знаю. Мы не созванивались с ней.

– Может, она накануне с вами планами делилась – насчет поездки? Например, в Вороново?

– В Вороново? А зачем? – спросила Вероника. – Вы все про Ковальчука? Про Толика? Но он не в Вороново живет, а в нашем Пушкино, только у него дом новый на Серебрянке.

– Спасибо, я помню, – ответил полковник Гуцин. – Извините. Еще раз примите самые искренние мои соболезнования.

Он подошел к окну. Здание музея напротив... Их чертов нафталин и моль, вылетающая из дверей... Они травят вредителей, проводят дезинсекцию... Иначе все их чучела придут в негодность...

И еще он вспомнил Юлию Осмоловскую. Ее лицо, когда она сказала им: «Краснова? Она... звонила».

Крохотная пауза между двумя словами.

Гуцин закрыл глаза.

Музей... моль... дезинсекция... И – вдова, заподозренная соседями в отравлении собак пестицидом! А если Осмоловская им солгала? И Краснова не звонила ей, а посещала ее в Вороново в свой выходной? В воскресенье? И Адель Викторовна им внушала – мол, Краснова была у вдовы переводчика Велиантова.

Полковник Гуцин вызвал служебную машину, решив в одиночку, без своих сгинувших помощников, навестить двуличную вдову валютного барыги и черного ростовщика. И побеседовать с ней, уже учитывая все данные из картотеки.

В половине третьего он добрался по пробкам в Вороново.

Вышел из машины и громко постучал в калитку.

Глава 23

Полный воздуха и света

Катя открыла глаза. В спальне – солнце. А заснули они лишь на рассвете.

– Привет, – Гектор смотрел на нее.

– Привет, – прошептала Катя.

Он повернулся, накрыл ее своим телом, приподнялся на локтях. Катя помнила, как он парил над ней ночью.

Он поцеловал ее. Им снова не хватило воздуха.

– Катя, мне мало.

– Мало? Гек...

– Я все без остатка хочу разделить с тобой – жизнь, будущее, любовь, счастье, дом. Я сейчас тебе задам вопрос. Ты ответишь – да или нет. Если нет, не надо никаких объяснений. Все останется как есть.

– Спрашивай, – Катя заглядывала в его глаза.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Гек...

– Катя, ты станешь моей женой?

– Да. Да!

Его лицо... Катя навсегда запомнила Гектора в тот миг.

– Все. Поехали! Прямо сейчас.

– Куда?

– В ЗАГС.

– Хорошо, напишем заявление, – прошептала Катя, ощущая нисходящий на нее покой, мир... Она купалась в счастье, в его любви.

– Сегодня – наша свадьба. – Гектор был до крайности взволнован, порывист и одновременно решителен.

– Гек, надо ждать после заявления.

– Сегодня – свадьба, – повторил он, обдавая ее горячим дыханием. – Ты сказала мне – да. Я часа ждать не могу! Я хочу жениться на тебе сейчас же. Есть особые обстоятельства... так в законе написано. У меня – архиособые.

– Ты бредишь, любимый. – Катины пальцы запутались в его каштановых волосах.

– Доверься мне полностью. Три... нет, пять звонков, шесть мейлов. И наша свадьба сегодня. Катя, я тебя боготворю – вот мои особые обстоятельства.

– Гек...

– Или ты не уверена? – На его взволнованное лицо легла тень. – Хочешь подумать?

– Нечего мне думать! Я сказала – да. Но это же свадьба! Событие в нашей жизни! Надо позвать друзей...

– У меня нет друзей. У меня лишь ты, любовь моя. Отцу мы скажем дома. Он все равно не может присутствовать. Подружек твоих позовем потом... в ресторан... в лучший, но позже, – разом просветлевший Гектор огляделся. – Так... документы наши. Паспорт у меня с собой. Где твой паспорт и свидетельство о разводе?

– В ящике комода, – сообщила Катя. – А платье свадебное?

Гектор, уже отыскавший документы в ящике, ринулся к гардеробу, отодвинул дверь-купе, сорвал вешалку с платьем.

– Вот! О! Мини... Ножки твои!

– Гек, оно черное! – Катя еле сдерживала смех. Гектор потрясал, словно флагом, ее «маленьким черным платьем».

– Виноват, не подумал. *La petite robe noire!*^[19] – выдал он, грассируя. – Зашибись! Отпад, но не судьба, увы... Тогда – другое, элегантное! Ну почему ты смеешься, Катеньш?

– Оно синее. Зимнее, шерстяное. – Катя встала с кровати. – Ладно, с платьем я сама сейчас...

– А я женюсь в костюме своем. – Гектор поднял с пола пиджак и белую рубашку с пятном крови. – Или неподходящий костюм?

– Черный. Стильный. Дорогой. – Катя смеялась. – Слегка помятый.

Гектор обнял ее. Зарылся лицом в ее волосы:

– Пока ты одеваешься, готовишься, я обо всем договорюсь.

Гектор забрал мобильный и начал писать и отсылать сообщение за сообщением. Катя отыскала в гардеробе платье. Простое, из шелка и органзы цвета айвори – беж, – без рукавов, с вырезом, открывающим спину, и разрезом сбоку. Она купила его когда-то и никогда не надевала, случай не представлялся. В ванной после душа она долго, пристально глядела на себя в большое зеркало. Новая жизнь властно постучалась в ее дверь. Гек... Гектор Троянский... Она любила его, она

желала только его себе в мужья. Пусть сегодня все вершится по его воле.

Макияж она сделала тщательный, но неброский – акцент на глаза. И никакой помады по известной причине. На свои открытые плечи, ключицы, спину, на ноги нанесла легкий шиммер. Волосы оставила распущенными. И последний штрих – капелька духов. Недолгие сборы на собственную свадьбу.

Гектор горячо, настойчиво разговаривал с кем-то по мобильному. Дал отбой.

– Нас с тобой ждут, Катя, прямо сейчас.

Пока он принимал душ, она надела платье, туфли на шпильке. Хотела достать из гардероба летнее пальто в тон. И – передумала. Взяла бежевую косуху с молниями, накинула на плечи. Гектор вышел из ванной. Замер, созерцая ее на фоне окна в лучах полуденного солнца.

Ждали их, оказывается, в неприметном особняке в тихом переулке за МИДом. Охранник указал на второй этаж. Гектор вскинул Катю на руки и – рванул по лестнице. Небольшой зал с колоннами. У стола с антикварными креслами дама преклонных лет в бархатном платье.

– Здравствуйте, дорогие жених и невеста! – приветствовала она их басом. – Присаживайтесь, пишите заявления. И ваши документы нам понадобятся. Особые обстоятельства, я правильно поняла? О вас сейчас хлопотали усердно разные инстанции.

– Срочная командировка по линии МИДа в Папуа-Новую Гвинею, – доверительно произнес Гектор-лицедей, держа Катю на руках. – В консульстве по прилете заключить брак нам – риск, ибо... ибо вождь племенной требует за межгосударственное сотрудничество в жены... – Он, слегка запутавшись в спиче, одарил даму ослепительной улыбкой и бережно усадил Катю в кресло. Сел рядом сам писать заявление.

– Папуасы, мда... Мы сами здесь невольники на круглосуточном дежурстве. Прибегают из МИДа, словно кипятком ошпаренные, из минобороны, даже ночью, будто на пожар. Расписываем брачующихся. – Дама невозмутимо изучала их сквозь очки. – Церемония, я поняла, без приглашенных гостей, только для вас одних. На воздухе или под крышей?

– На воздухе. – Гектор, за пару секунд начертавший заявление, заглядывал Кате через плечо – как она вдумчиво, не торопясь, пишет свое.

– Отлично. Воздух готовим быстрее стен, – загадочно объявила дама, доставая телефон. – С вашими пожеланиями к церемонии я ознакомилась в мейле. Свадебный букет невесты... Ох, вы *эти* цветы заказали! Они и раньше слыли редкостью, из Голландии их самолетом везли, а сейчас вообще... Но найдем, вопрос лишь в цене.

– Хотелось бы именно их для моей невесты, – твердо объявил Гектор. Поднялся, подошел к даме и начал показывать ей фото в своем айфоне.

Катя слушала их негромкие вежливые переговоры. Что приготовил ей Гектор? Она поставила подпись в заявлении. Полностью отдалась ему... горячему вихрю, подхватившему ее, уносящему в неведомые дали.

– Кольца у вас собой? – осведомилась дама в бархатном платье.

– Нет, – спохватился Гектор. – Но мы успеем за ними до церемонии.

– Привезете обручальные кольца прямо на место, – кивнула дама. Она обернулась к Кате, забрала ее заявление. – Насчет вашей Папуа-Гвинеи... Парадиз в океане. Я с мужем и внуками плавала на круизном лайнере Сингапур – Мельбурн – острова Полинезии. Самец райской птицы на моих глазах коленца выкидывал, обвораживая избранницу. Извечный брачный ритуал самца в природе.

– Брачный ритуал? Финты? А так ему не слабо? – спросил Гектор.

И на глазах Кати и дамы – свадебного церемониймейстера, – отступив на середину зала, он внезапно подбросил свое тренированное тело вверх и назад в мощном акробатическом сальто в стиле Маг-Цзал. Оттолкнулся руками от пола. И вот он снова твердо стоит на ногах – даже мобильный и ключи не высыпались из карманов его брюк и пиджака. И дыхание не сбилось.

Катя закрыла глаза рукой. Гектор Шлемоблещущий!

– Вам повезло с будущим мужем, – заверила ее дама-церемониймейстер. – Итак, ждем вас через два часа. В добрый путь!

За обручальными кольцами они заехали на Поварскую улицу в бутик, некогда любимый Катей из-за стойкой приверженности к минимализму. Он не канул в Лету, по-прежнему предлагал клиентам

выбор стильной одежды исключительно черного и белого цветов. Продавали в нем и украшения.

– Я у вас консультировался насчет кольца для моей невесты, – объявил Гектор молодым манерным продавцам, населявшим бутик подобно райским птичкам нездешних островов. Они закивали: помним, помним.

– Когда ты все успел, Гек? – шепнула Катя у ювелирной витрины. – Ты заранее готовился?

– Эти дни... вечность до твоего отпуска, пока ты была на работе. Ну, я, пока тебя днем ждал, примерял варианты. Ты отказываешься от украшений. Они тебе и не нужны. Но мое кольцо обручальное ты будешь носить?

– Да. И ты мое.

Менеджер принес несколько коробок:

– Ливанский дизайнер. Следует греческим и римским традициям в своих изделиях.

Катя увидела кольца. Словно из Помпей... Нет, Трои... Удивительная простота, красота античных образцов – драгоценный металл нарочито неровной формы, камни без огранки. Одно ей понравилось больше других. Она примерила его.

– Твое, я так и знал, – кивнул Гектор. – Хотел подходящее лишь для тебя одной отыскать. Мы берем кольцо.

– Состаренное стерлинговое серебро, россыпь ледяных бриллиантов, обрамляющих древний серпентин-инталию с археологических раскопок. – Менеджер обратился к Кате: – Выберете кольцо своему жениху сами?

– Да, – кивнула Катя.

На выдвинутой витрине она увидела кольцо Гектора Троянского – из потемневшего кованого железа. Гектор примерил его.

– Мое. И... твое, – объявил он. – Позже найду гравера. Чтобы выгравировал для нас с тобой внутри колец наши имена.

По дороге с Поварской улицы к тайному месту их свадьбы он спросил:

– Тебе решать, Катенька, насчет нашей фамилии.

– Ты – личность известная для многих, – ответила Катя серьезно-лукаво. – Я кропала криминальные статейки годами, читатели мою фамилию запомнили. Мы объединимся: я стану Борщовой-

Петровской, а ты Борщовым-Петровским. И, конечно, Троянским. *Зашибись, а?*

– Всегда мечтал. Быть твоим и по фамилии, – хрипло, без улыбки признался он. И поцеловал ее так, что у нее закружилась голова (они стояли на светофоре в тот момент).

А потом Катя узнала поворот к Серебряному Бору. Однако Гектор направился не к Бездонному озеру и третьей линии, где стоял его дом, а свернул к берегу Москвы-реки. Через пять минут они уже ехали по пустой почти дачной улице мимо высоченного глухого забора, растянувшегося на гектары.

– Поместье ничье, на балансе, – пояснил Гектор. – Место для аренды закрытых свадебных торжеств.

Через ворота, посигналив охране, они попали на территорию лесопарка, направляясь вглубь к берегу реки. Миновали дом-замок – словно с картинки австрийских Альп. Катя поняла – «стены». А где же «воздух»? Лесопарк закончился. Гектор остановился. Они вышли. Перед ними предстал вид на тихую бухту: гладь воды, зеленые леса на том берегу, кое-где тронутые желтым, красным, золотым из осенней сентябрьской палитры.

Небо – купол над головой, полный воздуха и света...

Далеко в воду бухты уходил дощатый помост – пристань. На нем у самой воды стоял белый стол. У стола двое: свадебный регистратор из ЗАГСа – важный старик в костюме и старуха в кружевах – помощница. У стола две огромные корзины красных роз.

– Приветствуем вас! – хором воскликнули они.

– Букет невесты. – К Кате подошла та самая дама-церемониймейстер, теперь в накидке и элегантной шляпке, и подала ей букет.

Белый лотос! Страсть и одухотворенность. Гектор выбрал для ее свадебного букета цветок Тибета.

Когда его спросили, согласен ли он взять ее в жены, он ответил «да» – серьезно. И сразу крикнул во весь голос: «Да!!!» Объявил всему свету. Эхо подхватило его возглас над бухтой. Катя произнесла свое «да» тоже громко, голос ее прерывался. Выбор Гектором места их свадьбы потряс ее до глубины души. Наверное, возможно... в мечтах, снах... в прошлом... в тайниках сердца она грезила о подобном.

Свобода... воля... Ветерок с реки охлаждал ее тело под платьем. Косуху она сняла во время свадебной церемонии.

Гектор надел ей на палец кольцо. Поцеловал ее руку. Она надела ему обручальное кольцо из железа. Не дожидаясь слов свадебного регистратора, он властно привлек ее к себе, и они начали целоваться на глазах у всех.

– Огромное спасибо! Если что – звоните, обращайтесь, всегда ваш! Благодарен! – Гектор, наконец-то оторвавшись от ее губ, приложил руку к сердцу. – Моя прекрасная жена... мы с ней... Она теперь моя навсегда!

– Молодожены! Не забудьте документы! Цветы! – захлопотали провожающие. Загрузили в багажник внедорожника корзины с розами, в одну положили бутылки дорогого шампанского.

В машине Катя прижимала к себе букет лотосов. Ее захлестывали чувства.

– Жена к мужу, – серые глаза Гектора сверкали. – Да? Катенька? Наш дом здесь.

До третьей линии Серебряного Бора они домчали за пять минут. Гектор пультом открыл ворота и въехал на участок. Тишайшая картина предстала их взору – его отец Игорь Петрович сидел, укрытый пледом, в инвалидном кресле на лужайке под старыми липами. Рядом, на скамейке за садовым столом, расположилась сиделка, она чистила яблоки ему на компот. Ее старая подруга-горничная вернулась насовсем к своим внукам в Ярославль. Гектор выпрыгнул из машины, помог Кате с букетом выбраться. Держась за руки, они подошли к отцу и сиделке.

– Папа, мы с Катей сегодня поженились, – объявил Гектор, его голос охрип от волнения.

Ничто не отразилось на худом, бесстрастном лице больного генерал-полковника Борцова. Он глядел сквозь них вдаль.

– Поздравляю вас! – воскликнула сиделка. – Гектор Игоревич... Катя... Любви вам! Добра и много радости!

– Шампанское в корзинке, Анна Сергеевна, достаньте, пожалуйста, и бокалы нам всем, – попросил ее Гектор.

Сиделка поспешила в дом за бокалами, затем к машине. Катя приблизилась к отцу Гектора. Опустилась на колени перед инвалидным креслом, взяла старика за руку.

– Игорь Петрович, я люблю Гектора, – произнесла она. – Спасибо вам большое за него. Он – все для меня. А вы, его отец, – часть нашей с ним жизни.

Генерал-полковник Борщов, по обыкновению, молчал. Но внезапно Катя ощутила легкое касание – старик погладил указательным пальцем ее пальцы.

– Совет да любовь! – Сиделка, смахивая слезы, откупорила шампанское, разлила его по бокалам.

Они втроем выпили. Сиделка хлопнула свой бокал о землю.

– Горько! Осколки потом соберу! – возвестила она новобрачным, их дому, забору, заросшему саду, руинам бывшей маршальской дачи, воробьям, дальним соседям, всему Серебряному Бору и вечернему небу.

Катя сама сладко поцеловала Гектора в губы. Он легко вскинул ее на руки.

– Ну, вы нас теперь извините, – объявил он. – Доброго вечера... то есть спокойной ночи...

– А свадебный торт? – встрепелась неугомонная сиделка. – Где он? Я его в багажнике не нашла. Гектор Игоревич, надо же в холодильник!

– Забыл про торт. Виноват. – Гектор обернулся на пороге дома, держа Катю на руках. – Если можно, потом... позже поесть нам на столике прикатите наверх, оставьте у двери. У нас с моей женой со вчерашнего вечера ни крошки...

У себя на втором этаже он отпустил Катю. Она оглядела знакомый ей лофт-спортзал с силовыми тренажерами, татами, боксерской грушей, кожаными диванами, его солдатской железной койкой. И своим большим фотопортретом напротив нее на кирпичной стене. Жена к мужу... Теперь ее дом там, где он.

Гектор включил их песню: Брайан Ферри.

Катя вспомнила их самый первый танец вдвоем – в пустой гостинице полумертвого Староказарменска.

Back to black.

Они – муж и жена – любили друг друга.

Неистово. Нежно.

Потеряв счет времени.

Забыв обо всем.

Глава 24

Не Якудза

Господин советник Абдулкасимов сидел в кабинете и созерцал в окно внутренний двор посольства. Чирикали воробьи, из гаража шофер выгнал лимузин посла с флагом. Абдулкасимов минуту назад прочел подробную справку, присланную ему из Бишкека. Информация касалась деда убитого инженера Нур Абдуллы Шахрияра и еще одной особы. Деда инженера звали Дауд Шахрияр, он являлся младшим братом фотографа Юсуфа и единственным оставшимся в живых членом пропавшей русской экспедиции 1931 года. Во время трагедии ему было всего пятнадцать лет, а в 1939-м – в год его зверского убийства – исполнилось двадцать три. Несмотря на врожденную глухонемоту, он успел жениться на своей троюродной сестре-уйгурке и родить сына. А затем жаркой, душной августовской ночью произошли события, описанные в подробной справке из архива.

Август 1939 года, Каракол.

– Поймали ее! Держите, а то сбежит!

– Воду несите, соседи! Дом полыхает! Вся улица сторит! Тушите пожар!

Возле глинобитного дувала на узкой улице Каракола, в темноте, в свете зарева, суетились люди. Дом во дворе за стеной скрылся в густом дыму, в небо вздымались языки пламени, летели искры. Огнем занялась и пристройка, где раньше во время НЭПа братья Шахрияры держали частное фотоателье и лавку фототоваров. Лавка и ателье давно закрылись, пристройку Дауд Шахрияр использовал под склад и сарай.

– Она его ударила по голове кетменем! И облила керосином! Подождла! – истошно орали люди во дворе горевшего дома. – И его жену пыталась сжечь! Ребенка спасите!

Двое соседей сорвали с себя ватные халаты и набросили на дико кричавшую окровавленную женщину, бившуюся на земле у абрикосового дерева, – ее распущенные волосы лизало пламя, ночная рубаха с длинными рукавами тлела. Женщина успела отшвырнуть от себя подальше полуголового младенца, но объявшее ее пламя обожгло и

его, и он заходился истошным плачем. Возле горящего дома валялся на земле черный обугленный труп. Соседи с ужасом взирали на него – останки молодого Дауда, увлекавшегося фотографией. В воздухе стоял сильный запах керосина, гари. Ключья удушливого дыма ползли к соседним домам. В переулочек спешно пригнали ишаков, нагруженных кувшинами и бурдюками воды. Соседи уже не надеялись погасить пламя в доме Дауда и пристройке. Они поливали водой дувалы, крыши и стены своих домов, спасая их от летящих в ночи искр.

Шум, крики, проклятия...

Разъяренная толпа волокла за волосы по улице растрепанную, избитую женщину в голубом грязном чапане.

– Убийца! Смерть ей!

Сквозь толпу продирались сотрудники милиции в замызганной изжелта-белой туркестанской форме, участковый в фуражке. С запозданием явилась на двух телегах пожарная команда.

– Дайте дорогу пожарным! – орали милиционеры. – Расступись!!

Избитую женщину швырнули на землю. Толпа окружила ее. Подоспел участковый.

– Отставить самосуд! Люди! Опомнитесь! – кричал он, выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в воздух.

Толпа отпрянула, но затем снова надвинулась.

– Она его убила кетменем! Мотыгой, прямо во дворе! – орали соседи. – Дауд с женой сидел вечером в саду из-за духоты. Жена его нянчила малыша. Эта тварь вошла через калитку и набросилась на них, подобно бешеной собаке! Она облила тело мертвого Дауда керосином и подожгла! Погналась с кетменем за его женой. Мы все слышали ее крики. Она ее ударила кетменем в спину, сбила с ног и тоже облила керосином, швырнула спичку! А затем подожгла их дом и сарай изнутри и снаружи двумя их же собственными керосиновыми лампами!

Женщина, корчившаяся на земле, встала на колени. Ей на вид было не больше двадцати трех. Лицо ей разбили в кровь, повредив скулу и сломав нос. Шатаясь, она поднялась на ноги. Ее темные, некогда прекрасные глаза, сводившие джигитов с ума, горели мрачным огнем. Она кинула взгляд на объятый пламенем дом Шахрияров – ничего там уже не спасти. Зарево отразилось в ее зрачках.

– Ведьма! – заорали жители Каракола. – Жалмауыз!!

– Он меня совратил, обольстил! – крикнула она напиравшей на нее толпе. – Он обошелся со мной словно с блудницей! Глухой и немой мой любовник Дауд! Он со мной спал тайком от жены! Я убила его из ревности! Да, я хотела прикончить и его жену с отродьем! Я не желала делить его с ней! Он мой, и только мой, Дауд Шахрияр! – Она топнула ногой и внезапно, избитая и страшная, начала приплясывать, хрипло напевая: – *Был в косе твоей цветок или был бутон? Было это наяву или то был сон? Ты взгляни хоть краем глаз, улыбнись хоть раз, чтобы в сердце родилась песня... а не стон!*^[20]

– Люди, да она сумасшедшая! – крикнул участковый, пряча револьвер в кобуру. – Успокойтесь! Следствие во всем разберется! А за самосуд последует каждому уголовное наказание по закону!

В справке из архива, присланной советнику Абдулкасимову, значилось имя убийцы – Айнур Имин Кашгари Хислат. Младшая и единственная сестра Дэв-хана, казненного гоминьдановцами после подавления уйгурского восстания в Синьцзяне.

Абдулкасимов вновь внимательно перечитал текст. Айнур, сестра басмача, вместе с некоторыми высокопоставленными уйгурами в 1934 году ушла от китайских войск на территорию СССР и год провела в фильтрационном лагере, где у нее на свет появился сын. По данным НКВД, от случайной связи с бывшим телохранителем. Из-за младенца ее выпустили из лагеря, и она переезжала с места на место, перебиваясь поденной работой. В 1939 году она с сыном появилась в Караколе. Во время следствия и суда она твердила: «Я убила Дауда Шахрияра и пыталась прикончить его жену и ребенка из ревности. Мы с Даудом были тайными любовниками». Но соседи Шахрияра подвергали ее слова сомнению: какую любовницу мог иметь молодой глухонемой фотограф, лишь недавно женившийся с великим трудом на соплеменнице? Ведь не каждая женщина согласится стать женой калеки. Никто из соседей никогда не видел Дауда и Айнур вместе. Она появилась внезапно, подобно злему горному духу, той страшной ночью, неся с собой смерть и огонь. Соседи обвиняли Айнур во лжи. Но следствие так и не установило иного мотива для ее дикой расправы над Даудом и его семьей. А сама Айнур до конца отстаивала версию любовной связи и ревности.

Жена Дауда и его ребенок выжили, по этой причине приговор Айнур оказался более мягким, чем ожидалось: ей дали десять лет

лагерей, учитывая ее положение матери-одиночки. Ее малолетнего сына отправили в детдом. Отмотав полный срок, Айнур вернулась из колымского лагеря и разыскала в детдоме сына. Затем следы ее и внебрачного ребенка затерялись.

Советник Абдулкасимов перечитал абзац о потомке Дэв-хана.

Провел рукой по лицу. Резко поднялся с вращающегося кресла. Расстегнул воротник рубашки, ослабил галстук. Сейчас бы его никто не сравнил с якудзой из манги. Но обуревавшие его чувства вряд ли кто-то бы разгадал. Советник Абдулкасимов с детства умел владеть собой.

Глава 25

Стул

На стук полковнику Гущину никто не ответил, хотя он терпеливо ждал. Из-за забора виднелась среди крон крыша зимней дачи. Кругом царила мертвая тишина. Гущин снова громко забарабанил в калитку – оглохла старуха-процентщица или на унитазе задремала? И внезапно... калитка, заскрипев, подалась. Ее не заперли изнутри. Гущин зашел на участок. Прямо к нему по заросшей травой дорожке боком скакала ворона. Еще три птицы с шумом и карканьем вспорхнули из травы. Полковник Гущин остановился.

Юлия Осмоловская лежала на земле у садового кованого столика в черной луже густой запекшейся крови. Рядом с телом валялся железный садовый стул. Гущин приблизился к телу на негнущихся ногах. Он разом взмок под пиджаком. Голову и лицо Осмоловской разбили сильными ударами. Парик ее съехал набок. В редких седых волосах вдовы Гущин увидел сгустки крови и осколки костей черепа. Вместо вытекшего правого глаза зияла рваная рана-дыра.

На вдове были спортивные брюки, розовая толстовка, разношенные скособоченные балетки люксового бренда с монограммой. На ее правом запястье тускло блестел золотой браслет, в ушах серьги. Скрюченные пальцы вдовы мертвой хваткой вцепились в траву. По окровавленному изуродованному лицу ползали осенние мухи.

Гущин нелепо взмахнул рукой, отгоняя мух, и они роем закружились вокруг него в смертельном танце. Он глянул на стул, на котором сидел в прошлый раз. Он двигал его тогда, усаживаясь, и помнил – стул легкий и одновременно увесистый. На спинке стула запеклась кровь. Передняя ножка – металлический штырь – тоже сильно окровавлена. Гущин низко нагнулся над трупом: увидел на нижней челюсти старухи и на ее губах следы грязи.

Он медленно распрямился. Вспышка! Вся картина убийства всплыла перед ним словно наяву. Матрица кошмара...

Напавший схватил стул и ударил Осмоловскую по голове спинкой, повалил на землю. Наступил ногой ей на лицо, на рот, не давая

кричать, звать на помощь. Перевернул стул спинкой вниз и начал долбить ею, словно молотом, по черепу. Но это показалось убийце недостаточным – желая добить несчастную старуху, он опять перевернул стул и всадил ножку прямо ей в глаз, пронзая мозг.

Судя по виду кровавой лужи, жертва пролежала на участке много часов. Полковник Гуцин достал из кармана пиджака резиновые перчатки. Коснулся шеи вдовы. Тело давно окоченело. За ушами он обнаружил трупные пятна – максимальной интенсивности. А это означало, что убийство произошло сутки или более назад. То есть вчера, когда он занимался переводом запроса, «караван-сараям» и покойным инженером Шахрияром. На следующий день после их визита в Вороново вдову Осмоловскую кто-то зверски прикончил.

Гуцин не стал дальше сам осматривать труп. На место убийства следовало немедленно вызвать местную полицию, коллег из Новой Москвы. Они ему не подчинялись. Но Гуцин медлил. Глянул на дачу Осмоловской. Быстро направился прямо к крыльцу, поднялся. Входная дверь была приоткрыта. Он оказался на зимней террасе. Обстановка на ней не нарушалась убийцей. Гуцин, ни к чему не прикасаясь, внимательно осматривал некогда дорогую, но обветшавшую плетеную мебель, окна со шторами по моде девяностых. Миновал кухню, распахнул дверь в смежную ванную-туалет. Прошел в гостиную. Везде царил относительный порядок. У Гуцина появилось чувство: убийца сюда даже не заходил, он вообще не рискнул проникать в дом. В комнатах – обычный жилой старческий хаос: разбросанные на столе лекарства, квитанции, шерстяная кофта на спинке кресла. Он зашел в спальню вдовы. Увидел на комодке множество фотографий. На всех Осмоловская вместе с лысым мужчиной солидного вида. Явно со своим вторым мужем. Верхний ящик комода выдвинули до конца. В нем что-то искали. Но... заглянув туда, Гуцин решил: нет, не убийца здесь рылся. Сама вдова...

Поверх женского белья лежал прозрачный файл. Внутри – бумаги. Осмоловская шарила в своем белье и сама достала припрятанную на дне ящика папку-файл. Гуцин руками в резиновых перчатках очень осторожно извлек файл и вытряхнул из него документы. Два пожелтевших свидетельства о смерти. Алевтины Зубовой, скончавшейся тридцать лет назад, – Гуцин решил: возможно, мать Юлии Осмоловской. И свидетельство о смерти Юрия Велиантова от

июля 1962 года. К свидетельству о смерти ржавой скрепкой приколоты другую бумагу. Полковник Гуцин осторожно отцепил ее.

Телеграмма.

Юленька, люблю, скучаю! Как ты себя чувствуешь, родная? Как наш будущий малыш? Я добрался до Светлого мыса. Ищу проводника в горы или шофера с машиной. Но сначала займусь старыми складами Ак-Булун. Я здоров, у меня все нормально. Скоро увидимся. Обнимаю тебя! Твой Юра.

Полковник Гуцин прочел телеграмму из далекого 1962 года. А затем он сделал то, чего не совершал никогда прежде. Он забрал телеграмму и сунул ее в карман пиджака. Аккуратно сложил свидетельства в прозрачный файл. Убрал его под белье вдовы и плотно задвинул ящик комода.

Вдова Осмоловская при встрече солгала им. Не все оставшееся от ее первого мужа она уничтожила. В файле имелось еще что-то, кроме телеграммы и свидетельств. Полковник Гуцин доверял своему оперативному чутью. И данная вещь пропала.

Покинув дом и притворив дверь, он наконец позвонил сначала в собственный главк дежурному по управлению, а тот переадресовал его вызов полиции Новой Москвы. Первым прибыл на место происшествия вороновский участковый. Едва узрев труп Осмоловской и выслушав полковника Гуцина – коллегу из области, – он вынес свой вердикт:

– Дошли до края они здесь, ни дна им ни покрышки! Началось все с собак отравленных, а закончилось ее проломленной башкой. Соседи ей отомстили – ясно же! Поквитались за псов своих. Бытовой конфликт с дракой и убийством.

Полковник Гуцин не стал возражать участковому. Не спорил он и с оперативной группой из Новой Москвы. Попросил лишь разрешения присутствовать при осмотре трупа и обыске дома и участка в качестве коллеги и стороннего наблюдателя без права вмешиваться в сам процесс. На вопрос старшего опергруппы: «А вы с какой целью, коллега, оказались у Осмоловской?» – ответил: «Мы ее проверяли по

старым связям ее второго мужа, у нас дело экономически-финансового плана. Нелегальные кредиты».

Он не делился с коллегами тем, о чем думал сам. Желание отдать им на откуп информацию о зоомузее пропало у него напрочь, когда на участок под конвоем пригнали испуганных, негодующих соседей Осмоловской – музыканта и его жену – и начали интенсивно допрашивать про «собачий» конфликт, ратуя за «раскрытие убийства на почве неприязненных отношений по горячим следам».

– Бытовуха, – свысока заявил Гущину старший опергруппы из Новой Москвы. – Следов ограбления жертвы и взлома нет. Сейф ее мы нашли за гардеробом, его никто не пытался вскрыть, а на самой старухе золотые побрякушки целехоньки. Стулом по башке ее шарахнули во время скандала. Дача ее у реки на отшибе, другие жители поселка могли их воплей и ругани не слышать. Расколом соседей-собачников. Пока они все отрицают, но сами знаете – это ведь ненадолго.

– Возможно, соседи ни в чем не виноваты, вы проверьте все тщательным образом, – вежливо заметил полковник Гущин. – А вы ищите у нее в доме пестицид? Яд?

Опер снисходительно кивнул: а ты нас за полных идиотов принимаешь, коллега из Никитского переулка?

Осмотр и обыск продолжался до темноты. Дотошные криминалисты тоже не выявили следов ограбления и отпечатков пальцев посторонних лиц – только самой жертвы. Одна лишь деталь их смущала – не нашелся мобильный Осмоловской.

– Если ее прикончили во время ссоры соседи, мстя за отравленных собак, а я в этом не сомневаюсь, они и мобилу ее похитили, – объявил Гущину старший опергруппы, с ходу выдавая самое логичное и простое, на его взгляд, объяснение пропажи. – Наверняка раньше угрожали ей в сообщениях или звонили с оскорблениями. Улика же против них прямая. В речку выбросили телефончик. Ничего, после признания и про него все расскажут следователю.

Криминалисты и судмедэксперт подтвердили первоначальный вывод Гущина: смерть наступила в результате открытой черепно-мозговой травмы. Давность смерти: примерно сутки – тридцать часов.

– То есть Осмолловскую забили стулом вчера где-то примерно между тремя дня и восемь вечера? – уточнил Гущин и получил утвердительный ответ.

При осмотре сарая полицейские нашли жестяной контейнер с надписью «PROS» – средство от кротов в таблетках.

– Понятно теперь, кто отравил собак, – тяжело вздохнул усталый участковый. – Эх! А ведь интеллигентные люди!

Полковник Гущин уточнил у криминалистов – близок ли найденный пестицид по составу к джину фумиганту? И снова получил утвердительный ответ. Действие пестицидов примерно одинаково.

Глава 26

Спич и ребус

– Мы совершим путешествие. Свадебное, – сказал Гектор.

Серебряный Бор за окнами. Утро их новой жизни – позднее, солнечное.

– К Хан-Тенгри? – спросила Катя.

– Да. Тебе же не терпится узнать о находке пропавшей экспедиции. И я хотел бы выяснить. Мы с тобой теперь одно целое. – Гектор перебирал ее волосы, лаская. – Это наше первое свадебное путешествие в списке. Будут и другие. Обещаю тебе.

– Увидим с тобой Небесную гору, Гек! Но пока мы мало знаем о событиях сегодняшних, связанных с тайной экспедиции.

– Все загадки разгадаем. – Гектор улыбался. – Потом... чуть погодя... позвоним Гущину. Потребуем с него полный отчет за прошедшие дни – чего он нараскрывал без нас? Но не сейчас... позже... Катенька, нежная моя...

До звонка Гущину они заглянули в квартиру на Фрунзенской набережной – Катя должна была переодеться. Ночь после свадьбы и полдня они провели в постели, не покидая лофта. А сейчас забирали в Серебряный Бор часть ее вещей. По дороге Гектор не умолкал: «Наверху дома все переделаем, сдвинем мой холостяцкий бардак, освободим место для нас обоих». Но Катя ответила: «Нет, Гек, оставим как есть, мне нравится; уберем лишь твою солдатскую железную кровать, пусть она и послужила нам ночью; поставим вместо нее рабочий стол для меня – буду писать на ноутбуке и любоваться тобой в палестре».

Пока Катя переодевалась и собирала вещи, Гектор позвонил сиделке и попросил вызвать рабочих – вывезти солдатскую койку. Заказал по интернету стол и большую двуспальную кровать. Сиделка обещала подготовить для них к вечеру ту самую комнату, где ночевала Катя, когда они вместе с майором Вилли Ригелем приехали из Староказарменска к Гектору. Комната с окнами на лес отныне станет их спальней.

Гущин откликнулся на звонок Гектора, буркнув: «Жду вас у себя».

В главк Катя прошла еще по своему пропуску, хотя в связи с ее важным решением, о котором знал ее муж, ее карточку уже могли заблокировать. Но нет. Гектору Гуцин заказал пропуск лично. В приемной их встретила пустота и громкий голос Гуцина, раздающийся из-за приоткрытой двери кабинета, – полковник распекал подчиненных.

– Гек, я ему сама скажу о нас, – тихо предупредила Катя.

– Я подожду здесь. – Гектор, усмехнувшись, оглядел приемную.

Катя вошла в кабинет. Полковник Гуцин – красный и взмокший, в прилипшей к спине рубашке, без пиджака – стоял у окна, созерцал здание зоомузея.

– Федор Матвеевич, мы с Гектором поженились, – объявила Катя.

Гуцин обернулся.

– Я вышла замуж за Гектора, – громче повторила Катя. – Поздравьте нас.

– Поздравляю. – Гуцин ослабил галстук. – Катя...

– Слушаю, Федор Матвеевич?

– Ты хорошо подумала? – спросил он тихо и одновременно резко.

Повелительно.

– Да. Я очень хорошо подумала.

– Мы с тобой много работали вместе. Ты мне помогала. Я всегда считал – мы с тобой друзья.

– Так и есть, Федор Матвеевич.

– Тогда на правах друга, старшего по возрасту, я просто обязан... я должен сказать... Черт, да как же это? Зачем? Ты знаешь, что за человек полковник Борщов?

– Знаю. Добавлю – мне вечно твердили: ты из тех, кто выбирает сама. Я выбрала его. Он – лучший на свете.

– Ну, я понимаю – он из известной семьи... элита – настоящая, с корнями. Не нынешние сермяжные нувориши, необразованные, истеричные, злые. Отец его – генерал-полковник, дед – известный ученый, знаток античности, бабка – соратница знаменитого академика Гаспарова, – выдал Гуцин. И Катя поняла: он успел навести справки о Гекторе. – Но его отец – сумасшедший! А сам Борщов... Он ведь стал полковником в тридцать шесть, и дальше его карьера не двинулась. Причина? Да его считали неуправляемым! У него ордена за

антитеррористические операции против исламских боевиков. И раны. Он лежал в госпиталях. У него после гибели его брата-близнеца...

Катя напряглась – докопался ли Гущин до тайны Гектора?

– У него хронический посттравматический синдром! – выпалил Гущин, махнув рукой. – Психика! Крыша едет! Ты собираешься жить в доме с двумя безумцами? Отцом и сыном?

– Игорь Петрович, отец моего мужа, от горя получил инсульт, – ответила Катя на истерику «старшего товарища». – Он жив лишь благодаря многолетней заботе о нем Гектора. И он не сумасшедший. Он болен. Отныне он мой свекор. Я буду защищать его. А насчет сыновнего долга – вашему сыну, Федор Матвеевич, не мешало бы поучиться у моего мужа. Когда вы болели ковидом и лежали в госпитале раненый, не очень он о вас пекся.

Гущин глянул, выпрямился – Катя задела его за самое уязвимое, скрытое, и он жаждал поквитаться, несмотря на все свои изначально благие – вроде бы – намерения: предостеречь!

– Полковника Гектора Борщова, по слухам, отовсюду поперли, – объявил он жестко. – Легендарный в прошлом, да? Из 66-го отдела конторы он тоже уходил со скандалом – якобы едва не убил кого-то, выбросил из окна. И ему тогда все сошло с рук!

– Жаль, та тварь не сдохла на месте, отделалась переломом, – ответила Катя. – Федор Матвеевич, вы слышали звон. Я же знаю подробности. Детали тех событий. Не стоит вам сейчас терять лицо, повторяя злые, лживые сплетни наших полицейских дураков!

– Мы дураки?! Мы – твои коллеги. Мы – полиция. Это он чужак! Навязался на твою голову! Какие парни замечательные за тобой ухаживали – я ж свидетель. А ты выбрала... Сказать, кого ты выбрала? Гектор Борщов – в прошлом элитный спецгент, действовавший под маской наемника, солдата удачи и денежного вышибалы – да! Но он же... Он форменный головорез!

– Федор Матвеевич, я вас очень уважаю. Вы мой старший товарищ. Но если вы и дальше станете несправедливо оскорблять Гектора... – Катя в гневе стиснула кулак.

– Катя!..

Они замолчали. Гущин провел рукой по вспотевшему лицу, вытащил бумажный платок, промокнул лысину. Сильно закашлялся.

– Ладно. Я тебя предупредил, – прохрипел он, преодолевая приступ кашля.

– Таков ваш поздравительный спич? – спросила Катя.

– Я беспокоюсь за тебя. Не скрою – я встревожен новостью.

– Спасибо. Не переживайте за нас с Геком.

– Извини меня, если был некорректен, – Гущин сник. – Следовало держать себя в руках... Мы работаем по нашему общему делу? Или уже нет?

– Мы с мужем явились вам помочь, – ответила Катя. – По первому вашему зову.

– Я признателен тебе и... ему. Черт бы его побрал!

Катя смотрела на полковника Гущина. «Тайны Гектора ты не узнал, старина». А остальное все не важно.

– Я вам открою секрет насчет моего мужа, Федор Матвеевич, – тихо произнесла она.

– Какой еще секрет?

– Он – реинкарнация Гектора из Трои. Того самого. Из «Илиады». Поэтому не укладывается в прокрустово ложе суждений обывателей и узколобых мещан. Гектор неуправляем? Да, я горжусь этим его качеством. Сейчас вокруг полно управляемых, покорных, ничтожных, продажных. Мой муж – иной. Он – истинный Гектор Троянский. Герой из древних времен.

Полковник Гущин недоуменно взирал на нее.

– Ну, если не согласны, просто считайте – в полку безумцев нашей семьи прибыло, – лучезарно в стиле Гектора улыбнулась Катя. – Я – жена своего мужа и тоже – ку-ку!

– Поступайте как хотите! – Гущин отчаянно махнул рукой. – Счастья вам.

– Есть новости по нашему делу? – спросила Катя, подводя черту под их «обменом любезностями».

– И немало. Расскажу. Мне только надо позвонить. – Полковник Гущин огляделся: – Он где? В приемной? Ступай к нему. Я сейчас к вам выйду, только переговорю.

Катя поняла – Федор Матвеевич берет паузу, хочет прийти в себя.

В приемной Гектор заметил:

– Громко.

– Он нас поздравляет и желает счастья, – кратко известила Катя.

Гектор шагнул к ней и обнял.

– Гек, здесь...

– Камер нет, – шепнул он, целуя ее. – Если и понатыкали тайком камеры, он давно все ликвидировал. Тертый калач. Чего он еще сказал?

– Считает тебя форменным головорезом, – честно ответила Катя, прикивая к нему.

На губах Гектора мелькнула непередаваемая усмешка:

– О-о-о-о-о! Я восхищен. Головорезом? А твой ответ?

– Сказала: мой муж – лучший человек на свете.

Они безрассудно пылко целовались в приемной. Грохнула дверь кабинета – гроза на пороге. Но Гектор, заметив Гущина, не выпустил Катю из объятий.

– Медовый месяц. Ни на минуту не в силах оставить свою обожаемую жену, – объявил он. – А вы не завидуйте, полковник.

Гущин, вроде бы успокоившийся и остывший, вновь побагровел. Однако сдержался.

– Юлию Осмоловскую убили, – выдал он. – А Елена Краснова, по заключению вашего спеца, Гектор Игоревич, получила солидную порцию яда – пестицида. Тоже убийство.

ПАУЗА.

– Заходите, – кивнул Гущин. – Не в приемной же нам подобное обсуждать.

Полковник рассказал им все, о чем они еще не знали, а он пережил в страхе, сомнениях, в потемках. И странное дело, пока он вещал, его порыв сходил на нет. Раздражаясь... нет, ощущая, насколько его бесит их скоропалительная свадьба, счастье, излучаемое их взглядами, обращенными друг к другу, он все равно чувствовал себя в их компании намного лучше, нежели в своем полном горьком одиночестве. Парадокс? Он в душе уже почти сожалел о своих необдуманных словах Кате. Он вел себя недостойно – нет, просто подло! – за глаза поливая грязью человека, ничего плохого лично ему не сделавшего, напротив – оказавшего немалую помощь.

– Итак, информацию по отравлению Красновой и по связи Осмоловская – зоомузей вы придержали от столичных коллег, Федор Матвеевич? – с интересом осведомился Гектор, выслушав.

– Скрыл, имеете в виду? Да. – Гушин кивнул. – Умыкнул еще и вещдок с дачи вдовы. Телеграмму.

– Ну и молоток вы, старая школа, – улыбаясь, одобрил Гектор. – Чего они тупят? Концы с концами не сводят. А в деле-то нашем уже четыре трупа. Полный кипеж вокруг него. Значит, на кону – крупняк.

– Пещера Али-Бабы? Клад Дэв-хана? – спросил Гушин. – Я вчера всю ночь перечитывал скрины архива экспедиции. Голова пухла.

– Золото и бриллианты, – усмехнулся Гектор. – Может, нечто иное? Вообще невиданное. Эпохальное.

– Почему Петровка сразу не смогла нормальную экспертизу провести Красновой, я не пойму? – недоумевал Гушин.

– Они просто с хода зациклились на колесах, наткнувшись на лекарства в ее сумочке. Не доработали дальше в направлении токсикологии, насчет ядов. Мой спец – дока именно по ядам, он начал искать в привычном для себя направлении – и оба-на! В яблочко – сливу! – Гектор достал мобильный. – Вороново ведь рядом с оживленной трассой. Камер полно на всем пути. Вы, Федор Матвеевич, записи с камер запросили?

– Это не наша больше территория, я должен добиваться через...

– *Щассс* тогда... провернем. – Гектор глянул на Катю: – В Калашном нас с тобой тогда прикольно направили, да, Катенька?

Он позвонил и – по своему обыкновению, без здрасти-до свидания – бросил:

– Сделай мне срочно обзор трассы Троицк – Вороново и прилегающих дорог к поселку и дому отдыха, где «око». Дата и временной отрезок в моем мейле. Результат скинь мне. Да, все как обычно... Не парься, скоро я стану твоим должником... и не говори... В покер отыграюсь! Кстати, потом, возможно, появится тачка, пробьешь и ее насчет владельца, сравнишь с картинками.

Катя наблюдала общение и диалог мужа и Гушина. Вроде сейчас общее дело их объединило.

– Катенька, я хочу тебя послушать – твои мысли насчет новостей по нашему расследованию. – Гектор убрал мобильный.

– Игра определенно крупная, ты прав, Гек. Стоит свеч она, раз столько жертв – началось ведь все с убийства членов экспедиции и продолжается до сих пор. С Юрием Велиантовым пока непонятно: в шестьдесят втором с ним произошел вроде несчастный случай.

Автокатастрофа в горах. А вдруг нет? Причина аварии? Место? – Катя осторожно подбирала слова. – Нас настойчиво послала к его вдове Адель Викторовна. И вдову убрали. Кто? Федор Матвеевич, я вашей интуиции полностью доверяю. Вы убеждены: у Осмоловской забрали нечто – для убийцы гораздо более ценное, чем ее золотой браслет и сейф. Но что мы сами узнали от нее?

– Ни черта, – тяжело вздохнул полковник Гуцин. – Одни увертки.

– Вы не правы. Немало. – Катя помолчала. – Нам со слов вдовы теперь известно: после смерти тетки в Вешняках Юрий Велиантов точно разбирался с частью бумаг профессора Велиантова. Именно с фрагментами, оставленными его теткой Полиной себе, – помните оторванные страницы в музейном архиве? Мне еще казалось – многого не хватает. Недоставало тогда информации и Юрию Велиантову. Но сведения, оказавшиеся в его распоряжении, его весьма заинтересовали и поразили, заставили даже внезапно изменить свою жизнь. Вместо карьеры переводчика МИДа, обещанной невесте, он устроился на скромную должность переводчика в Зоологический музей. Зачем? Да с целью добраться до второй части архива пропавшей экспедиции! Во время командировки в Китай он встречался с ученым – возможно, человеком, знавшим лично Дэв-хана. Поездка для Юрия Велиантова представляла важность – он активно выбивал ее у собственного руководства, хлопотал, писал китайцу письма, мчался из Пекина в Гуаньчжоу. Вспомним его заявление, прочитанное нами в архиве. Он медленно и скрупулезно искал, соединял нити, понимаете? Но у него не складывалось полной картины. Ему потребовалось два года, прежде чем он отправился в свое последнее путешествие по следам экспедиции дяди-профессора. Он вынужденно не торопился, я думаю, потому как складывалась ситуация: Китай закрылся от нас в шестидесятые, необходимые Велиантову связи оборвались. А здесь он продвигался в своем деле ощупью и в одиночку. Он искал... недостающее звено пазла.

– Точно! – воскликнул Гектор. – Ребус он разгадывал, оставленный разрозненными записками экспедиции. Две части сложил, искал третью. Из телеграммы его жене ясно – он перед гибелью собирался заехать в какой-то Светлый мыс на склады. Я потом проверю – склады чего? И где это вообще расположено на Тянь-Шане? Может, их нет уж давно.

– Внезапная смерть в ДТП Юрия Велиантова вызывает у меня подозрения, – призналась Катя. – Ему не дали до чего-то добраться тогда, в шестьдесят втором? Остановили. Но кто? Если связывать вообще все смерти – тридцать первого года, шестьдесят второго и нынешние события вокруг пропавшей экспедиции, мы имеем дело не с одним убийцей. С несколькими, убивавшими в разные временные отрезки, но объединенными единым мощным мотивом. Общей целью. Теперь о вдове Юлии Осмоловской. Обманула она нас – не все уничтожила после своего мужа-переводчика. Телеграмму его хранила. И нечто, похищенное у нее убийцей. Ее приглашали в зоомузей на юбилей профессора Велиантова. А она вдруг запросила сто тысяч. Не за проезд же и общение? Или она желала продать нечто музею? Причем она долгие годы не понимала ценности этого предмета – несмотря на свою судьбу жены черного ростовщика, дельца. Она ее осознала, лишь когда вспомнили в музее о самом профессоре Велиантове. Так порой происходит: погружается все сначала на самое дно памяти, зарастает тиной забвения – и вдруг всплывает при определенном стечении обстоятельств. Теперь о визите к ней Елены Красновой – навещала ли она ее или все свелось к разговору по телефону?

– Солгала нам старуха. Важные дела обсуждают лично, – вставил полковник Гушин. – Может, и звонила ей сначала Краснова, но затем явилась в Вороново.

– И вдова не отдала ей некую вещь, да? Не сошлись в цене? Или старуха испугалась? Ощутила для себя угрозу? Вы думаете, Юлия Осмоловская отравила Краснову? – спросила Катя.

– Именно у вдовы нашли почти аналогичный яд, – ответил Гушин. – И время совпадает. Краснова могла получить порцию пестицида и в понедельник, когда вывалилась из окна с сердечным припадком, и днями раньше – например, во время поездки в Вороново.

– В зоомузее в библиотеке рядом с читальным залом и каталогом – комнатка отдыха, – сказал Гектор. – Стол с клетчатой скатертью, кофеварка, чайник, еще я видел растворимый кофе в банке.

– Гек, а я и не заметила никакой комнаты отдыха, – Катя слегка растерялась.

– Тебя целиком архив занимал тогда. Ты лишь в бумаги глядела, – Гектор улыбался ей. – Каморка смежная с каталогом – много цветов на

шкафах, античные бюсты. Кофеварка и кофе растворимый. Растолченные гранулы яда ей там могли подсыпать в чашку кофе. Он привкус отбивает. Она часами в библиотеке торчала – в понедельник, в субботу, в пятницу. Значит, прерывалась на кофе-брейк.

– Но мы не знаем, где и с кем Краснова провела воскресенье, – перебил полковник Гущин. – И сестра ее старшая, Вероника, не в курсе.

– Ну, еще насчет кофейка... в понедельник Ковальчук – друг юности – в своем магазине Краснову угощал, – продолжил Гектор.

– Продавщица «Комка Ностальжи» Инна Краснову к нему ревновала. Даже не могла скрыть своей неприязни к ней в разговоре с нами, помнишь, Гек? – Катя обернулась к мужу. – Но тогда получается – гибель Красновой, если ей дала яд ревнивая продавщица в лавке, не связана с делом экспедиции... Сплошные фантомы у нас пока.

– А насчет *не-фантомов*? – спросил Гектор. – Еще хочу тебя послушать.

– По Красновой... Возвращаясь к ребусу и его частям. Есть одна важная деталь, – заметила Катя. – Сама-то Елена откуда узнала о пропавшей экспедиции, а? Из фотографий на историческом стенде в коридоре? Они висят там многие годы. Никто и внимания не обращает. При подготовке юбилея Велиантова Краснова тоже не проявляла к орнитологу ни малейшего интереса. И вдруг примерно месяц назад она активно заинтересовалась экспедицией – забросила свою непосредственную работу во влажном хранилище, начала разыскивать архив Велиантова в библиотеке. Ревностно его штудировала. Все события укладываются в небольшой отрезок времени.

– Твой вывод? – спросил Гектор.

– Краснова от кого-то вдруг получила информацию о пропавшей экспедиции – важную, поразившую ее и крайне заинтересовавшую. Со стороны ее кто-то навел. Не из самого Зоологического музея. Ее словно громом ударило – так произошло и с Юрием Велиантовым. Но он – переводчик с китайского, а Краснова – ученый-зоолог со стажем. Не забывайте. У них разный подход.

– Деньги и сокровища и ученым стодятся, коли в руки плывут, – усмехнулся полковник Гущин.

– А если Краснова через кого-то получила доступ к третьей части пазла? – спросила Катя. – Она проводила семинар с коллегами из

Казахстана или Киргизии. Вдруг кто-то из них ее навел? Обмолвился? Или за деньги продал информацию? У Красновой в руках оказалась лишь часть, и она начала искать недостающее – подобно Юрию Велиантову. Сначала через музейный архив. А потом и через единственную оставшуюся дальнюю родственницу профессорской семьи.

– И ее отравили, – произнес Гектор. – Если старуха Осмоловская угостила ее ядом, то самой ей... отомстили за Краснову? Некто, стоящий за ней? Кого мы вообще еще не знаем? Или же другой человек – убийца самой Красновой, пожелавший любым способом лично заполучить у вдовы недостающую часть загадки?

– Только курьер-«мул» из Шалаево вообще никуда не вписывается, – хмыкнул полковник Гуцин. – Сколько ни верти, ни примеряй.

– По какой причине до сих пор не готовы результаты экспертизы капсул, Федор Матвеевич? – спросила Катя.

– У экспертов, по их словам, сложности. Тянут с заключением. Я сам не пойму, отчего так долго, – ответил Гуцин. – Может, редкий синтетик «мул» приволок в брюхе? Новоявленный «белый китаец» из Гонконга? Но при чем тогда музей?

– Наши друзья – «божьи коровки», – к счастью, в шаговой доступности, – Гектор кивнул на голубое здание за окном. – Не слабо прямо *шассс* нагрянуть к властной Адели Викторовне? Кстати, я о ней справился на сайте музея – она многолетний ученый секретарь. Семинары с зарубежными коллегами – ее сфера деятельности, помимо костей в оссуарии. Уж список-то участников, встречавшихся с Красновой, она нам даст.

Катя подумала – ее муж ничего не оставляет без внимания. И насчет должности Адели – царицы музейного улья – успел узнать вроде бы мимоходом. А пригодилось!

Глава 27

Кофе

В зеленом фойе музея с шахматным полом Кате бросилась в глаза одна из фресок: горный баран и подстерегающий его за камнем снежный барс на фоне белоснежного пика в оправе серых гор. Хан-Тенгри – Катя сразу его узнала.

Менеджер музея за стойкой на их просьбу о встрече с ученым секретарем Аделью Викторовной позвонила ей и дала в провозатые рабочего в спецовке. Он вел по лабиринту служебных помещений в оссуарий. Навстречу попались две женщины – тоже в спецовках, они несли коробки с желтыми наклейками.

– Дезинсекцию в музее проводите? – осведомился Гектор у рабочего, кивая на коробки.

– В залах экспозиции по выходным и в санитарные дни из-за посетителей. А в остальных помещениях практически регулярно, – ответил тот. – Кожеед – бич музеев. Наш вечный кошмар. Сжирает книги, коробки, мебель, электропроводку, бетонные стяжки, обои. Но самое страшное – он, прорва, лопают перо и кожу. Все коллекции нашего музея способен уничтожить, если не бороться с ним.

– Джин фумигант употребляете против вредителя? – быстро спросил полковник Гущин.

– В комплексе с другими пестицидами. Закупаем в аэрозолях и таблетках упаковками. Впрок.

Через старинные дубовые двери они попали в оссуарий – большой зал без окон со стеллажами, где в коробках с бирками и лотках хранились кости. Горы мертвых останков животных. В зале работали волонтеры – чистили ручными пылесосами оскаленные черепа зверей, позвоночники, берцовые кости. Адель Викторовна в накинутом поверх платья синем рабочем халате, опираясь на палку, ждала их в центре своего царства скелетов. Они поздоровались с ней и...

– Адель Викторовна, обещал вам отчитаться о поездке к Осмоловской, – с ходу начал Гектор. – Слово держу. Побеседовали мы с ней.

– Результат? – отчеканила Адель Викторовна.

– На следующий день после разговора ее зверски убили.

Ученая дама сдернула очки, вперилась в них потрясенно, пошатнулась... ее внезапно резко повело в сторону. Гектор молнией ринулся к ней – если бы не подхватил, Адель Викторовна грохнулась бы на пол среди открытых коробок с костями. Волонтеры выключили пылесосы. В оссуарии наступила тишина.

– Тихонько, осторожно. – Гектор под руку повлек пожилую даму через зал, увидев дверь ее кабинета в дальнем конце.

– В глазах темно... Дерзкий спаситель, спасибо, если бы не ваши железные объятия, я бы здесь рухнула, словно куль с овсом, – шептала Адель Викторовна.

Катя, помогая мужу, плечом подперла ученую даму с другой стороны, они втроем шли медленно мимо стеллажей с костями. Полковник Гуцин следовал за ними. В кабинете они усадили Адель на стул у ее рабочего стола.

– Я жива. Просто голова закружилась, – прохрипела она. – Кто убил Юлию?

– Мы не знаем, Адель Викторовна, – честно ответила Катя.

– Чай у вас здесь? – Гектор плеснул Адели из ее термоса, стоявшего на столе, в кружку с изображением панды. – Нет, кофе.

– У меня пониженное давление. Замучило. – Адель отпила глоток. – А каким способом ее убили?

– Садовым стулом, нанесли ударов пять по голове, череп ей раскололи. Выкололи глаз, – полковник Гуцин нарочно не пожелал скрывать жуткие детали.

– Оххх! – Адель воззрилась на него. – Глаз?! Но...

– Оно самое – маленькое «но», Адель Викторовна, – почти мягко произнес Гектор. – Именно вы послали нас к вдове. И о нашей поездке никто не знал, кроме вас и ваших соратников по музею. Покровской – своей подруге из библиотеки – вы ведь сказали? Да? И орнитолог Горбаткин слышал. – У Гектора звякнул мобильный – пришло сообщение, он быстро прочел и кивнул Кате. Она поняла – его запрос по видеокамерам в Вороново исполнили.

– У Покровской имеется машина? – спросил Гектор.

– У ее сына две или три в гараже, она и сама до сих пор водит, ездит на дачу, – ответила Адель Викторовна и глотнула свой кофе. – Ее

сын работает в правительстве.

– А у вас есть машина? – продолжал Гектор.

– У моего мужа-академика была служебная с водителем. А у меня конь на конюшне. Всю жизнь ездила верхом, очень мне помогало в экспедициях. Сейчас обхожусь такси – из-за колена.

– А у Горбаткина?

– У него старый «Фольксваген», паркует он его на музейной стоянке, мы ему сделали пропуск, потому что он и по делам музея частенько ездит. И меня порой тоже подвозит до дома. И маму свою. Он не женат, с матерью живет, заботится о ней преданно.

– Адрес его?

– Я не помню точный адрес. Рядом с Симоновым монастырем и мостом дом сталинский, на углу набережной.

Гектор посмотрел на Катю – передавая ей инициативу в беседе. Сам он вытащил мобильный и начал быстро писать сообщение с просьбой пробить номера машин музейщиков и сравнить с картинками камер на трассе в Вороново.

– Насколько мы знаем, Елена Краснова занималась подготовкой семинаров с коллегами из Казахстана и Киргизии, – сказала Катя. – Семинары не касались прошлых событий, связанных с экспедицией Велиантова?

– Никаким образом не связаны, – ученая дама говорила с Катей не столь резко и повелительно, как с остальными. – Лена мне бескорыстно помогала с семинарами. На один приехали архаровцы именно из Киргизии.

– Кто? – удивилась Катя.

– Зоологи, изучающие популяцию горного барана архара на Тянь-Шане. Они регулярно к нам навещаются.

– Вы не могли бы дать нам список ваших киргизских коллег? Не упоминали ли они бизнесмена Нурсултанова из Казахстана? Он вроде бы заядлый охотник.

– Охотникам на наши семинары путь закрыт. Сорное семя, – жестко отрезала Адель Викторовна. – Фамилия Нурсултанов мне неизвестна, я вам уже говорила. Список я вам дам, милочка. Он у меня в ноутбуке. А насчет Казахстана – оттуда к нам никто не являлся. Второй семинар, подготовленный Леной, касался птицеманов с

горного Алтая. Орнитологи. А мы их птицеманами кличем. Активное участие в подготовке принимал и другой наш коллега.

– Всеволод Горбаткин? – быстро уточнила Катя.

– Он. Вы им больно интересуетесь, не в лоб, а вскользь, – Адель Викторовна уже оправилась от потрясения и зорко озираала их троих. – В чем подвох?

– Кроме птицеманов у вас и кофеманы в музейных чашках водятся, да? – Гектор убрал мобильный в карман и подошел к стеллажу с желтым черепом устрашающего вида. – Ууууу, зашибись! Красавец! Вылитый Alien. Perfect^[21].

– Наш перфект, совершенство – загадочный тарпан. Редчайший экземпляр древней дикой лошади, добытый в конце позапрошлого столетия на Тянь-Шане. Они все вымерли. Я держу его здесь. Не могу никому доверять. Не расшатывайте ему зубы! Руки прочь! – Ученый секретарь стукнула костылем об пол.

Гектор, дотронувшийся до челюсти тарпана, отдернул руку.

– Борщов-Петровский! Не трогайте макака суматранского! – воскликнул он фальцетом Савиной из «Гаража». И продолжил своим обычным голосом: – В библиотеке находится музейная комната отдыха. Маленький оазис. Краснова частенько там за кофе время коротала?

– Мы все туда приходим передохнуть, – ответила Адель. – Кофеварку в складчину коллективом купили.

– В понедельник Краснова на кофе прерывалась? – вставил наконец и свои семь копеек полковник Гуцин, брезгливо созерцавший желтое зубастое «совершенство».

– Конечно, день-то обычный, выходной для посетителей, но не для многих из нас – подвижников науки. Мне Шура Покровская, душечка, позвонила – я к ним поднялась. Посидели, поболтали коротенько. И разошлись по рабочим местам.

– А в субботу? – не унимался Гуцин.

– Среди дня. Перерыв с кофе. – Ученая дама переводила взгляд с Гуцина на Катю, на Гектора. – А в чем дело?

– И Горбаткин с вами кофе пил? – задала еще один вопрос Катя. – В понедельник? И в субботу?

– Да, да! Я вас спрашиваю – где подвох? – повысила голос Адель.

– Нигде, – светло улыбнулся ей Гектор. – Милый уютный оазис для ученых кофепитий. Комнатная флора на шкафах каталога, книжицы, научные труды и бюст музы Каллиопы.

– Покровительницы науки, ему двести лет, – Адель остро глянула на Гектора.

Картина всплыла перед ее внутренним взором. Елена Краснова стоит у стола. Размешивает в большой кружке растворимый кофе. Подносит к губам, отпивает. Слегка морщится... Рядом Всеволод Горбаткин – он возится с капсульной кофеваркой. Хранительница библиотеки Покровская поливает цветок на шкафу каталога. Рядом с ним – бюст Каллиопы и белая пластиковая бутылочка с мутной жидкостью. Покровская берет ее со шкафа и кладет в карман своей мохеровой кофты.

– А из вашего термоса вы Краснову в понедельник либо в субботу кофе угощали? – прервал воспоминания ученой дамы полковник Гушин.

– Ваше какое дело? – Адель Викторовна обернулась к нему. – Не пойму, куда клоните. Но явно не к добру. У меня свой в термосе не больно-то крепкий. Лене требовалось покруче. Она таблетки черным, словно деготь, эспрессо всегда запивала. Она от депрессии бежала бегом, спасалась. Ее внезапная маниакальная увлеченность архивом Велиантова – лишь отчаянный способ абстрагироваться от действительности, сводившей ее с ума, пугавшей ее. Мы все с пониманием относились – слабость человеческая... Соломинка хрупкая... Для Лены архив и оказался соломинкой. Занималась им, погружалась в детали, и у нее даже изменилось настроение к лучшему, а то ведь угасала от тоски. Вот отчего я категорически не верю в версию ее самоубийства. Если бы месяца три назад случилось это – тогда, возможно, да, но не в тот понедельник. И на похоронах подобная тема просто в воздухе витала. Я переговорила с Вероникой – ее старшей сестрой. Она тоже категорически отказывается верить в суицид Лены.

– Сдается нам троим – не было никакого суицида, – заметила Катя.

– Тогда несчастный случай? Ей стало плохо, и она упала? – Адель глянула на нее искоса, словно предлагая – распахнись передо мной до конца, «милочка».

Но Катя не собиралась ставить ее в известность о выводах токсиколога о яде – пестициде. Раз официальное расследование ничего не установило – зачем сейчас вносить смуту в музейное болото? А ведь, кажется, сорудники музея настороже. Невинные вопросы про кофе – и те ученого секретаря напрягают. Всего лишь старческое раздражение? Или под ним кроется нечто большее?

– Прекратите темнить со мной! – властно приказала Адель Викторовна. – В сорок пятый, последний раз спрашиваю – в чем подвох?

– В убийстве вдовы Осмоловской, – за жену ответил Гектор. – Повторяю, именно вы нас спешно к ней направили. А ваши коллеги об этом прознали.

– Музей не имеет никакого отношения к трагедии.

– Альма-матер, – кивнул Гектор.

– Музей вечен. Он принадлежит истории и времени. И он неподвластен человеческому суду, – отрезала Адель.

– Не спорю. Вам виднее, Адель Викторовна, вы же, по сути, дух музея во плоти. Духи бывают добрые и злые. Одни из Верхнего мира, другие из Нижнего, словно у вершины Хан-Тенгри.

– Где? – Адель сверлила его взглядом.

– На Тянь-Шане. Пик на фреске с архаром и барсом в вашем фойе. – Катя помогала мужу в споре с ученым секретарем. – Гора профессора Велиантова. Вы же читали его записки.

– Вопрос у меня животрепещущий зародился, – в тон Кате продолжил Гектор. – Когда альма-матер готовила юбилей Велиантова и вы созванивались с Осмоловской...

– С ней общался Горбаткин. Я с ней разговаривала всего однажды.

– ...и вдова заломила возмутившую вас таксу в сто тысяч – за что? Адель молчала.

– У вдовы ведь что-то сохранилось после первого мужа, родственника профессора, – заметил Гектор. – Она могла вообще об этой вещи забыть за долгие годы. И лишь когда музей вспомнил про Велиантова, решила поживиться – вдруг музей у нее купит для коллекции? Цену заломила максимальную, с ее точки зрения, и собиралась с вами поторговаться по телефону. Не с Горбаткиным, он финансовые вопросы не решает – она это быстро поняла, а с вами – ученым секретарем. При торге скинула бы цену. Но вы все быстро

пресекли на корню. Отказались от торга. И тот предмет остался у нее. Не принес ей желанного дохода.

– Вы весьма проницательны, – похвалила Гектора Адель Викторовна скрипучим голосом. – Но Юлия мне не объяснила толком, что именно желает всучить музею. Темнила – мол, это может представлять большой интерес и связано все якобы с пропавшей экспедицией Велиантова, сделанными ею находками. А причины ее гибели и суть находки пытался выяснить еще ее первый благоверный, да, к несчастью, он погиб в ДТП. У него имелись письма профессора к сестре и присланные из экспедиции фотографии, но он их тогда забрал с собой в поездку, все пропало. Юлия предлагала отдать музею за сто тысяч сохранившееся у нее. Говорила, мол, привезет с собой на юбилей, «вы заплатите полную сумму и лишь потом заберете». А у нас небогатые фонды. Музей не приобретает котов в мешке. Я ей, естественно, отказала. Думала – она перезвонит, гонор с нее сойдет. И мы уже нормально все обсудим и договоримся. Но Юлия мне не перезвонила. На нет и суда нет.

– Елена Краснова напрямик расспрашивала вас о вдове и торге? – уточнила Катя.

– Ей Горбаткин слил все, что знал про юбилей и коллизии вокруг него, да и сама она вспомнила – все же на слуху было тогда. Она мне задавала вопросы про Осмоловскую. Поэтому я уверена: Краснова к ней отправилась лично – все разузнать. И, возможно, купить.

– Она бы заплатила сто тысяч за кота в мешке? У скромного ученого-зоолога водились лишние сто кусков? – хмыкнул Гектор.

– У Лены состоятельная сестра. У той денег куры не клюют. Похороны ей дорогие закатила, солидный гроб. Заняла бы Лена у сестрицы старшей. – Адель Викторовна пожала плечами. – Откуда я знаю? Где люди берут деньги, когда им приспичит? Взяла бы кредит в банке.

– Обе мертвы: и Краснова, и вдова. А вы, Адель Викторовна... – Гектор хотел продолжить, но у него вновь сработал мобильный – пришло сообщение. И по лицу мужа Катя поняла: важные новости. Если не чрезвычайные. – Извините, мы вынуждены вас покинуть. Спасибо за аудиенцию в оссуарии.

– Секунду, Гек, – остановила мужа Катя. – Адель Викторовна, можете прямо сейчас переслать мне на почту списки участников двух

семинаров – архаровцев и птицманов?

Адель пересела в рабочее кресло за стол – придвинула ноутбук. Несмотря на преклонный возраст, она обращалась с компьютером умело и профессионально.

Катя продиктовала ей свой e-mail, и файлы со списками ученых пришли моментально.

Глава 28

Ночной звонок

– «Фольксваген» Всеволода Горбаткина пробили мне, – вполголоса сообщил Гектор Кате и Гущину, когда они покинули оссуарий и возвращались по лабиринту служебных коридоров к фойе. – По тачкам сына Покровской ничего пока, зато по орнитологу...

Он не договорил – из музейных залов донесся мелодичный сигнал и предупреждение: «Уважаемые посетители, через десять минут наш музей закрывается. Просим пройти на выход». На улице Гектор продолжил:

– Горбаткин ездил в Вороново.

– В день убийства Осмоловской?! – уточнил полковник Гущин.

– Именно. Тачка его засветилась на камерах между Троицком и Вороново трижды: с 13.45 и до 14.05, – Гектор листал мобильный. – Трасса прямая, мы же помним ее с вами – лесной массив и дачи. Но на въезде в Вороново его тачку камера не засекла. Он мог свернуть раньше и добраться пешком.

– Гек, нам с ним необходимо поговорить – зачем же мы покинули музей? – забеспокоилась Катя. – Пусть он закрывается для посетителей, но не для нас.

– Катенька, разговор-то весьма серьезный у меня с ним предстоит. Вдруг пошумим? – Гектор усмехнулся уголком рта. – Не хочется мне пугать «божьих коровок» в дражайшей альма-матер. Они ж останутся соседями Федора Матвеевича еще на долгие годы. Для чего портить отношения, правда? И властная ученая дама Адель меня осудит – заклемит за подобные безобразия. А я ведь почти наладил с ней хрупкий контакт. Она нам еще пригодится. Я птицемана Севочку возьму в другом месте. Доведу до заикания данными с камер.

– Что вы предлагаете, полковник? – тревожно осведомился Гущин.

– Музей захлопнулся, интуиция мне подсказывает – Горбаткин долго не засидится. Если рванет домой, я его тормозну в пути у

Симонова вала, в тихих улочках на задворках монастыря. Вытряхну из него все.

– Гек, пожалуйста, аккуратнее. Хорошо? – Катя и сама ощутила великое беспокойство: у ее мужа – Гектора Троянского – глаза сверкали.

– Катенька, не бери в голову. *Не переборщу*. А если признается птицеман, Федору Матвеевичу все карты в руки в дальнейшем расследовании, утрет он нос Петровке. Ну, а я просто... *подискутирую на разные темы* с орнитологом. Я ж теперь в сто раз больше должен стараться. Для тебя. За счастье, подаренное тобой каждую нашу минуту вместе!

Катя зарделась, глянула на мужа. Гушин, созерцая их обоих, вновь досадовал – новобрачные! Влюбленные безумцы! Полковник Борщов окончательно ошалел после свадьбы, еще дел натворит подсудных, производя на свою жену впечатление! Глаз да глаз за ними обоими!

– Катенька, ты нас здесь подожди минутку, ладно? Федор Матвеевич, прикажите своим на КПП не цепляться ко мне, я сейчас припаркуюсь в Никитском переулке ради обзора, – Гектор кивнул в сторону музея. – А вы сами сходите в арочку, гляньте, «Фольксваген» Горбаткина на месте?

Гектор отправился перегонять «Гелендваген». Полковник Гушин по мобильному велел внутренней охране главка разрешить парковку его машины. Он шел вдоль здания музея, остановился под тем самым окном, откуда упала Елена Краснова. «Фольксваген» Горбаткина он увидел во внутреннем дворе музея. Когда он вернулся, Гектор и Катя ждали его уже у припаркованного «Гелендвагена» – с угла переулка обзор открывался и на вход в зоомузей, и на выезд из арки.

– Помните слова работяги, джин фумиган в музее любой мог заполучить совершенно свободно, – объявил Гушин, тяжело плюхаясь на заднее сиденье «Гелендвагена». – С кожеедом они борются! А Краснову сослепу с ним перепутали, да? Я годами мимо ходил: они двери открывали при дезинсекции, и оттуда тучи моли... жуть! Словно чувствовал я: музей-сосед мне еще подарит нежданчик.

– Пестицид в свободной продаже, Федор Матвеевич. И вроде сама вдова Осмоловская для соседских собачек яд прикупила. Или для кротов дачных? В отравлении Красновой вы ведь ее подозреваете. Мутно пока все в нашем невероятном музейном деле, – хладнокровно

парировал Гектор. – Кстати, насчет неожиданностей. Мне на днях мейлы приходили, но мы их с женой игнорировали. – Он обращался к Гущину, но улыбался Кате. – Сами понимаете. Отрешились мы с женой от реала... А новости любопытные. Например, старшая сестра Красновой Вероника – я ее решил на всякий случай проверить и муженька ее покойного тоже. Интересная информация пришла по поводу них.

– А что с ними не так, Гек? – заинтересовалась Катя.

– Валерий Заборов – второй муж Вероники – и правда активно занимался инвестиционным бизнесом в строительство. Первый-то ее благоверный четверть века назад держал ночной клуб в Балашихе и банный комплекс, и его замочили братки прямо в бане. А Заборов прогорел вчистую на сделках. Последнее вложение оказалось для него вообще роковым.

– То есть? – спросил полковник Гущин, упрекая себя: «Борщов узнал, а я не удосужился старшую сестрицу Красновой проверить. А ведь начинала она в нашей Балашихе в молодости!»

– Он купил стрелковый охотничий клуб в Сколково. Полтора года назад в тире клуба застрелился пацан. Возбудили уголовное дело и затаскали мужа Вероники по кабинетам. Потом и стрелковый клуб их прикрыли с треском. Вероника нам сказала – муж скончался от тромба. Но волнений ему хватило, подорвал себе здоровье мужик. Оставил ей в наследство сплошные долги. Она и сама нам призналась. Короче, бизнеса у нее никакого сейчас нет. Крохи былого – дом загородный, «Тойота»-«крузак» и непогашенные кредиты.

– Она нам хвалилась – они с мужем вели активный образ жизни, путешествовали везде, даже на Камчатку вместе с Красновой. А про стрелковый клуб не упомянула, – заметил полковник Гущин. – Надо же, тир... Бабу эту, Веронику, словно рок преследует: первого мужа убили, второй прямо у нее на руках скончался, сестру прикончили и клиент в довесок совершил суицид... Прямо напасть. Судьба.

– Синяя машина выехала из арки, – объявила Катя, указывая в сторону музея.

– О! Горбаткин чешет! Ну, *щассс* я его съем! – произнес Гектор голосом волка-Папанова, дал с места газ.

Синий «Фольксваген»-пикап тихонько прополз мимо них вверх по загруженной транспортом Большой Никитской и свернул в соседний

Газетный переулок, намереваясь вырулить на Тверскую. Они следовали за ним в потоке машин. Гектор точно определил маршрут Горбаткина. Свернув на тихую улицу у Симонова вала, тот ехал вдоль высокой монастырской стены по переулку, абсолютно пустому и безлюдному в вечерних сумерках. Гектор резко прибавил скорость, обогнал «Фольксваген», прижал его к тротуару, лишая возможности любого маневра. Он намеренно создал аварийную ситуацию, подрезая пикап, но в последний момент ювелирно избежал опасности зацепить его. Остановился буквально в нескольких сантиметрах, заблокировав Горбаткина, не давая возможности даже широко открыть дверь. Выпрыгнул из машины с криком: «Блин, подрезал меня!» Мимо ехала машина – ее водитель видел ясную картину: две тачки вроде «поцеловались» у тротуара. У водил разборка назревает. Обычное ДТП. Горбаткин пытался вылезти из машины – в горячке он даже не узнал Гектора.

И в этот миг...

Гектор сделал молниеносный жест. Кате показалось – он всего лишь махнул рукой, даже не задев Горбаткина. Но полковник Гуцин, зорко следивший за деяниями «форменного головореза», успел заметить: Гектор ткнул двумя пальцами в ключицу орнитолога у основания шеи. Подхватил начавшего оседать Горбаткина. Гектор выволок его из машины, удерживая на весу.

– Катенька, задняя дверь, – попросил он.

Ошеломленная Катя быстро повернулась, открыла ему дверь сзади, и Гектор вместе с Горбаткиным протиснулся между «Гелендвагеном» и пикапом, опустил Горбаткина на сиденье, затолкал его ноги в салон и сел сам. Горбаткин оказался между ним и Гуциным.

Удар Гектора пальцами в ключицу вырубил его.

– Вы что творите? – прошипел слегка обалдевший полковник Гуцин. – Он в полной отключке!

– В обмороке. Пара минут, и очнется, – успокоил Гектор. Повернулся к своему набитому армейскому баулу, лежавшему за сиденьем в багажнике, и достал из него пузырек с нашатырем. Поднес к носу орнитолога. Тот вдохнул нашатырь, закашлялся и... пришел в себя.

– Вы? – Он вытаращился на них. – Где я?

– Продолжаем разговор, – хрипло, по-разбойничьи бросил Гектор-лицедей. – Как мочил вдову на даче в Вороново? Детали. Подробности. Быстро!

– Какую вдову? – Горбаткин вдохнул и поперхнулся. – У меня сердце? Приступ?! Я ничего не помню! Что со мной?! Вызовите «Скорую»! А чем так пахнет?

– Нашатырем, – сказала Катя. – Вы не волнуйтесь, пожалуйста, Всеволод. У вас не сердечный приступ.

– У тебя убийство вдовы Осмоловской на лбу клеймом. И убийство Красновой. И еще другие. Колись. Ну! – Гектор положил ему ладонь на грудь у шеи, обхватывая ее большим и указательным пальцами.

– Вы... вы чего?! Какие убийства? Не трогайте меня!

Горбаткин завозился, пытаясь отпихнуть от себя и Гектора, и Гущина, но Гектор плечом плотно прижал его, подавляя малейшее сопротивление, и одновременно начал массировать большим и указательным пальцами точку у основания его тощей жилистой шеи.

– Сейчас пройдет, потерпи, Севочка, – объявил он почти мягко. – Вранье мне твое по барабану. Понял? Не усугубляй себе карму. Колись здесь и сейчас. Сначала насчет вдовы. В Вороново зачем ездил третьего дня? А?! Кайся!

– Я в Вороново? Да, я был... Но это у нас не в Вороново, а в Угловке! – просипел Горбаткин. – Какие убийства?! При чем здесь Осмоловская? И Лена Краснова? Вы меня подозреваете? Да вы с ума сошли! Я жалобу прокурору напишу!!

– Зачем вы ездили в Вороново днем на своей машине? – тоном настоящего полицейского спросил полковник Гущин, подключаясь к допросу фигуранта, явно поплывшего, скользкого и увертливого – так ему уже казалось.

– В наш пункт! – выпалил Горбаткин.

– Перевалочный? Подобно Шалаеву? Куда наркоту вам «мулы» возят? – быстро спросил Гектор, продолжая массировать легонько ладонью и пальцами шею и ключицу Горбаткина, ликвидируя последствия своего же приема Маг-Цзал.

– Пункт Союза охраны птиц! Он у нас в Угловке в лесной сторожке оборудован! – сипел Горбаткин. – Какое еще Шалаево? Я не знаю никакого Шалаево. Я ездил в подмосковный лес возле Угловки.

Там замечательная экосистема для наблюдений – река, пруды, лесничество. Наш музей сотрудничает с бердвордчерской ассоциацией Союза охраны птиц много лет. Отпустите меня, прекратите трогать мою шею!

– Нигде не болит? – спросил Гектор и убрал руку.

– Нет. А что со мной? Я ничего не помню. – Горбаткин тарашился на них. – Вы меня подрезали бандитски, и я перепугался насмерть...

– Чует кошка, чье мясо съела! Не зря сдрейфили, раз на вас убийства висят гроздями, – восторжествовал полковник Гушин.

– Я струсил повредить ваш катафалк! – взвился Горбаткин. – За «Гелендваген» всю жизнь мне бы пришлось расплачиваться. Какие убийства? Чего вы на меня их вешаете своими гроздями?! У меня от испуга и волнения стало плохо с сердцем – я даже не знаю, как очутился в вашей машине!

Катя наблюдала его истерику. Насчет отключки Горбаткин не лжет – он наверняка не помнит ошеломляющего приема Гектора, а насчет всего остального... Он переводит разговор в плоскость своего плохого самочувствия. Пытается выиграть время? Выстроить линию обороны от их вопросов? Твердит про сердечный приступ. И одновременно говорит – «у меня ничего не болит». Гектор ведь уже снял ему при помощи массажа неприятные ощущения в груди и шее.

– Кто может подтвердить твое алиби в лесной сторожке? – спросил Гектор. – Лесник? Сороки-воровки? Львы, орлы и куропатки? Отвечай! Быстро!

– Ни-никто. – Горбаткин под его напором аж начал заикаться. – Я один приехал.

– Во сколько? Ну? Кайся!

– Днем... около двух часов... нет, в половине третьего. Открыл сторожку – сделал запись в журнале, такова традиция у нас. И отправился на полевые исследования – наблюдать птиц.

– В Вороново? Возле дачи Юлии Осмоловской? – не отступал Гектор.

– На речку! – отчаянно заорал Горбаткин. – А что... ее... вдову убили?!

– А то вы не знаете сами, – хмыкнул полковник Гушин. Он оглядывал Горбаткина с ног до головы. Признаться, в прошлые посещения Зоологического музея он на него мало обращал внимания.

Однако сейчас корил себя за невнимательность к фигуранту. Ну и фрукт. Лжет ведь и не краснеет!

– Речка и пруд почти рядом с дачей Осмоловской, – заметил Гектор. – И сколько ты часиков птичек наблюдал у воды?

– До сумерек. Я не смотрел на часы. Я увлекся. Подмосковный лес на закате! Я фотографировал, делал пометки. Могу вам прямо сейчас показать, у меня много в мобильном, хотя я взял фотокамеру с собой.

– Естественно, вы соломки подстелили. Нащелкали фоток в мобильный – до и после убийства Юлии Осмоловской, – хмыкнул Гуцин.

– Я ее не убивал! Я даже не знал о ее убийстве!

– Лжешь, Севочка, – тихо, по-свойски произнес Гектор. – Прямо нам в глаза. Я не люблю наглых врунов, понимаешь? Ты себе даже не представляешь, *насколько я их не перевариваю...*

Горбаткин покосился на Гектора. Их взгляды скрестились. И Катя поняла – их первое, и второе, и даже третье впечатление об орнитологе в образе истеричного заполошного интеллигента, такого чудака-ученого, живущего с мамой-старушкой, в корне неверно. И лишь ее муж вник в суть его характера и души.

– Адель Викторовна мне сразу после вашего ухода позвонила... сообщила об убийстве Осмоловской, – уже совсем иным тоном произнес Горбаткин. – Ладно. Чего уж теперь отпираться.

– Кайся, как убивал ее в Вороново, навестив по пути из сторожки на речку, – приказал Гектор.

– Клянусь вам, я ее не убивал! Зачем мне ее убивать?! Адель мне сказала – ее якобы стулом по голове забили и глаз выкололи... Да как же это? Почему? Кто на такое способен?

– Не ты? – спросил Гектор.

– Только не я. Клянусь вам, – прошептал Горбаткин.

– А кто из твоих коллег способен выколоть глаз? – тихо продолжил Гектор.

Горбаткин молчал.

– Не сливаешь коллег. Молоток, – похвалил Гектор. – У тебя в лаборатории птички мертвые в лотках и все в булавках. Ты в них булавками тычешь, пронзаешь их трупики. Рука не дрогнет твоя, да?

– Вы ничего не смыслите в науке. А я зоологии посвятил всю свою жизнь, – отрезал Горбаткин. – Не смейте говорить со мной в подобном тоне. Все, чем мы заняты в музее, – исключительно ради науки и прогресса. Ради знаний о природе и окружающей среде.

– Елену Краснову отравили, – объявил Гектор. – Спровоцировали ей сердечный приступ и инфаркт миксом яда и ее таблеток. Ты ее отравил?

Горбаткин вновь покосился на него.

– Нет. Я ее не убивал. Но скажу, что дело с Лениной смертью нечисто, мы в музее сразу заподозрили. Не прямо, однако... Версия суицида критики не выдерживает. А какой яд ей дали?

– А ты не в курсе? – хмыкнул Гектор.

– Повторяю, я Лену не убивал. И Осмоловскую я не убивал. И глаз ей не выкалывал, несмотря на мои навыки таксидермиста. Спрашиваю, ибо в музее немало препаратов, содержащих отравляющие компоненты. Они все хранятся в особом порядке, конечно, но достать их не проблема.

– Понятно. Ты своими заявлениями расследованию сейчас помощь оказываешь, да? – Гектор вроде даже удивился. – Похвально. Зачет в карму. Только мы тебе не верим, Сева. Твоя поездка в Вороново... в день убийства Осмоловской... она все, все перевешивает – и ложь твою оголтелую, и правду скудную.

– Да мы всегда работаем в Угловке, в любые сезоны птиц в лесу наблюдаем! И я никого не убивал! – Горбаткин волновался все сильнее. – Как мне вам доказать, что я не лгу?!

– Выкладывай все, – вновь приказал Гектор. – Расскажешь интересное и полезное нам, может, я и отпущу тебя с миром.

– Ну, насчет Красновой, повторяю, мы все не верили в суицид и несчастный случай. Я лично считал – ее убили. А теперь вы мои подозрения полностью подтвердили.

– Почему ты так считал?

– Тема-то пропавшей экспедиции – проклятая! Смерть вокруг нее на крыльях летает. Всех их прикончили в тридцать первом году, а затем и Велиантов – муж Осмоловской – поплатился жизнью, сунувшись туда. Я ведь, когда несостоявшийся юбилей его дяди-профессора готовил, поднял документы из директорского архива... они

под грифом «для служебного пользования», не для посторонних... Ей же даже тогда не сказали всего. А она... она ведь мне звонила на днях!

Горбаткин от волнения уже захлебывался, речь его стала сбивчивой, он словно старался выдать им сейчас максимум информации, пытаясь усыпить их подозрения в отношении себя.

– Постойте, не егозите, Горбаткин, – тоном настоящего полицейского перебил его полковник Гушин. – По порядку. Кто вам звонил?

– Вдова! – выпалил Горбаткин. – Юлия Осмоловская.

– Когда? – быстро спросил Гектор.

– Три... нет, уже четыре дня назад, если сегодня считать, поздно вечером. Я был уже дома с мамой – вдруг мне звонок на мобильный. Вдова! Мы с юбилея несостоявшегося не общались. Но, оказывается, мой телефон у нее сохранился.

– Где вы с ней трепались? В «Телеграме»? – уточнил Гектор.

– В «Вотсапе».

Катя напряглась – они подходили в своем расследовании к чему-то очень важному. До сих пор скрытому от них. Вдова Велиантова связалась с Горбаткиным вечером сразу после их приезда к ней в Вороново.

Горбаткин вновь завоzilся, полез в карман ветровки, вытащил мобильный, нашел звонок Осмоловской и показал им.

– Что она хотела? – спросила Катя, вступая в допрос.

– Спросила нервно, зачем музей послал к ней полицейских. И добавила: «Звоню вам, потому как с Красновой не могу связаться. Она недоступна». А я... я ей ответил... я выпил, понимаете, дома... Расслабился, был пьян. Я ей сказал: «Краснова на том свете. А полиция к ней нагрязнула не по нашей просьбе, а самостоятельно – Краснову-то вроде убили».

– Вы заявили Осмоловской об убийстве Красновой? – уточнила Катя. – Она от вас узнала?

– Я выпил лишнее. Сам тревожился, переживал. Старуха заохала: «Убили? Кто?» А я ей: «Она же с вами контакты налаживала из-за вашего погибшего первого мужа и давних событий, сгинувшей экспедиции... Вам лучше знать. Вы же ей наверняка продать хотели не сбагренное нам из-за жадности».

– И каков ответ Осмоловской? – спросила Катя.

– Она мне заявила: «Вы нетрезвы. Плетете небылицы. Ариведерчи Рома», – криво усмехнулся Горбаткин.

– Откуда ты, Сева, сам в курсе налаживания Красновой контактов с вдовой? – задал главный вопрос Гектор.

– Я же ей... Лене... дал телефон вдовы – по ее настоятельной просьбе – и рассказал про переводчика Велиантова, – ответил Горбаткин. – Повторяю вам: я никого не убивал – ни Краснову, ни Осмоловскую! Я сам сейчас в мандраже, мне даже не стыдно признаться. Я боюсь.

– С чего ты дрейфишь? – Гектор смотрел на него оценивающе. – А, Севочка? Колись до конца.

– Они же все мертвецы, – Горбаткин понизил голос до шепота. – Профессор, Пауль Ланге, фотограф Юсуф... мне кажется, и его младший брат не смог избежать злой судьбы... носильщики, проводник – столько людей... Целая экспедиция! И переводчик нашего музея мертв. И теперь вот Краснова и вдова переводчика... Кто следующий? Я невольно задаю себе вопрос на засыпку.

– О чем вдове Велиантова не сообщили в шестьдесят втором? – спросила Катя. – Вы сейчас упомянули документы из архива дирекции.

– Юрий Велиантов на момент гибели числился штатным сотрудником музея. Наши тогда списывались с тамошней милицией, хлопоча о доставке его тела из Средней Азии в Москву для похорон, музей хотел взять всю организацию на себя.

– Тамошняя милиция, говорите? Не помните, куда конкретно писал музей? – спросил полковник Гуцин.

– В какой-то Светлый путь... или дол, кажется.

– Может, в Светлый мыс? – подсказал Гектор.

– Я не помню уже, документы не для посторонних глаз. Дирекция мне их с большой неохотой лишь показала – и все сразу же вернула в архив. Милиция тогда сообщала: тело Юрия Велиантова непригодно к перевозке, потому что во время ДТП грузовик, где он находился с шофером, сгорел и оба трупа невозможно ни опознать, ни даже разделить. А насчет головы Велиантова...

– Головы? – Полковник Гуцин подался вперед, наваливаясь на Горбаткина.

– Они писали: голова Юрия Велиантова тоже сильно обуглилась и нельзя понять – была ли она оторвана во время аварии, когда грузовик

падал с обрыва, либо намеренно предварительно кем-то отчленена. Они спрашивали – следует ли отправить одну голову для погребения?

Катя замерла.

– Еще в документах есть копия под копирку письма директора музея туда, в Светлый дол... или путь, – продолжал Горбаткин. – Он ответил на запрос: нет, пересылать останки не надо. Похороните все на месте. Осмоловская сама мне ведь говорила при нашем общении: она была беременна тогда и потеряла ребенка от горя. Директор музея тогда ее просто пожалел. Решил не усугублять ее шок оторванной или отрубленной кем-то головой ее мужа.

Они молчали.

– Когда Юлия мне внезапно позвонила ночью, – продолжал Горбаткин, – я хотел «осчастливить» ее наконец-то жестокой правдой про голову ее Юры Велиантова. Но она мне заявила: вы, мол, пьяны. И я ей ничего не сказал.

Глава 29

Капсулы

Всеволода Горбаткина Гектор великодушно отпустил с напутствием: «Не болтай в альма-матер, Сева, целее будешь».

Полковник Гуцин тоном настоящего полицейского добавил:

– Мы с вас подозрений не снимаем, Горбаткин, учтите!

Катя отметила: Гуцин в музейном деле в непривычной для себя роли – убийства Красновой и Осмолдовской не в его компетенции. Одно дело уже закрыто, по второму подозреваются соседи вдовы, а Гуцин, по сути, утаивает от коллег важную информацию. Убийства Нур Абдуллы Шахрияра и «гонца» из Шалаево, расследуемые им официально, Горбаткина пока вроде никак не касаются. Он находился в Зоологическом музее в момент убийства гонца. Экспертиза хоть и дала солидный отрезок времени наступления смерти Омуралиева, но все равно Горбаткин никак не мог бы добраться из музея в Шалаево и прикончить «мула». Насчет Шахрияра – все туманно и противоречиво. По словам Гуцина, свидетели засекали на шоссе незнакомца, совершавшего поджог «Лады», но перед ними возник лишь силуэт в темноте при свете пламени. Бесполезно предъявлять им на опознание Горбаткина. Можно лишь навредить делу, если свидетели его официально не опознают. Поэтому ни Гуцин, ни ее муж Гектор при допросе орнитолога темы двух других убийств даже не затрагивали.

– Осмолдовская и с Красновой общалась в «Вотсапе», раз звонила Горбаткину по нему, – объявил уверенно Гектор. – Надо нам до ее мобильного добраться. Ее вещи наверняка уже вернули сестре. Черт с ним, с Face ID, я мобильник вскрыю, информация о контактах Красновой нам архиважна. Федор Матвеевич, вы с Вероникой разговаривали на днях насчет Вороново, звякните сейчас ей – если она дома на Пахре, махнем к ней, заберем мобильный сестры.

Гуцин позвонил Веронике, включив громкую связь.

– Я не на Пахре, – сестра Красновой, отвечая ему, была явно чем-то занята. – Я в Москве, в офисе на Вальной. У меня здесь доставка, курьер...

– Мы недалеко от вас, – обрадовался Гуцин – ох, счастье, не тащиться на Пахру по вечерним пробкам! – Мы к вам подъедем, есть срочный разговор насчет вашей сестры.

– Я вообще-то уже собиралась домой, но... хорошо, приезжайте.

– Раз мы попросим у нее мобильный сестры, вещь дорогую, память о Елене, – заметила Катя, – ей следует сказать о яде в останках сестры.

– Ты считаешь – мы должны ей сообщить об убийстве? – задумчиво спросил Гектор.

– Да, Гек. Если нет у вас обоих возражений, я сама ее извещу. Очень осторожно, – ответила Катя. – Вдруг она что-то еще вспомнит сразу, услышав об отравлении сестры? С людьми бывает: узнав что-то важное, меняющее суть дела, они включают голову, начинают размышлять, оценивать по-иному увиденное и услышанное и припоминать детали, ускользавшие от них сначала.

В этот момент у полковника Гуцина сработал мобильный. Он решил – Вероника передумала и отказывается от встречи.

– Федор Матвеевич, добрый вечер, я по результатам экспертизы содержимого капсул звоню вам, – раздался по громкой связи голос криминалиста-эксперта.

– Какой наркотик в капсулах? – быстро спросил Гуцин. – Синтетик? Новый? Редкий?

– Ничего близкого к наркотикам мы не обнаружили, вскрыв уже почти пятьсот штук, – объявил эксперт.

– А что же в них?

Катя и Гектор внимательно слушали.

– Неизвестная субстанция, похожая на горную породу, – криминалист-эксперт подбирал слова. – Отдельные фрагменты.

– Горная порода? – полковник Гуцин насторожился. – Послушайте, вы работайте очень тщательно. Набить в часть капсул разную дрянь могли для отвода глаз. Сколько капсул всего по счету?

– Тысяча пять, – ответил эксперт. – Половину мы обработали и вскрыли. Вес общий – девятьсот двадцать пять граммов. Содержимое желудка Омуралиева. Во всех пятистах фрагменты горной породы со следами огня.

– Пожара? – полковник Гуцин изумлялся все больше. – Горела эта дрянь?

– Подвергалась воздействию пламени, и довольно давно, – ответил эксперт. – Мы пока затрудняемся точно установить из-за тепловых повреждений, что перед нами. Проведем дополнительные технические экспертизы, привлечем специалистов-геологов.

– Я повторяю вам – в части капсул для маскировки может находиться какая-то порода, да черт с ней! – воскликнул взволнованно Гущин. – Но в нескольких капсулах, возможно, спрятаны...

– Что? – спросил криминалист.

– Драгоценные камни.

Гектор глянул на полковника Гущина. Тот аж вспотел от новостей.

– Мы примем к сведению, Федор Матвеевич, – заверил криминалист. – После дополнительных исследований я вас извещу о результатах.

– Пещера Али-Бабы-то реальностью становится вроде, – хмыкнул Гущин, давая отбой и вытирая взмокшую лысину бумажным платком. – А, друзья мои? Гектор Игоревич, молчите? Вы же первый про золото и бриллианты, про клад Дэв-хана завели речь.

Катя смотрела на мужа – Гектор о чем-то думал.

– В принципе согласен, Федор Матвеевич, – он кивнул. – Перевозку драгоценных камней через границу в капсулах часто маскируют. В трех четвертях «мул» везет песок или щебенку, мелкие фрагменты, а в четверти капсул алмазы или изумруды. В Индии и Пакистане подобное практикуют при авиаперелетах. Хотя наше дело на классическую контрабанду никак не тянет.

– Я одного не понимаю, если в гроте, описанном профессором Велиантовым, – а грот тот был двойной, смежный, и в записке есть информация лишь о первой пещере... Если действительно Дэв-хан хранил там награбленные у китайских купцов драгоценности, почему он, возвращаясь в свой Синьцзян, не забрал клад с собой? Не потратил его на войну с китайцами? Копил-то он деньги для освободительного уйгурского движения, – сказала Катя.

– Ему могли помешать забрать клад. Те же наши погранцы, – задумчиво ответил Гектор. – После пропажи экспедиции с басмачами не церемонились. Пограничники, ОГПУ шли за ним по пятам в горах, выдавили его в Китай.

– Твой Лапшевников – знаток Туркестана – подробностей ухода Дэв-хана в Китай не привел. Напротив, предположил – в гибели

экспедиции обвиняли тогда другого басмача, Абдуллу Насреддина, – заметила Катя. – И еще – насчет отрубленной головы Юрия Велиантова... Дэв-хан обезглавливал китайцев, это его личный жуткий почерк. А через тридцать лет в шестьдесят втором кто-то расправился с московским переводчиком с китайского аналогичным способом, едва лишь тот появился на Тянь-Шане, намереваясь раскрыть тайну пропавшей экспедиции. Дэв-хан давно был мертв. Та его дикая средневековая казнь, «сад мучений»... Но если Велиантова выследили в горах и отрубили ему голову, получается, убийца знал про клад Дэв-хана? Почему же он не забрал его себе еще в шестьдесят втором году?

– Возможно, забрал тогда, но не все, лишь часть, а в пещере Али-Бабы немерено сокровищ? – усмехнулся Гектор. Он глядел на Катю, любовался ею откровенно, не скрывая от Гущина своих эмоций.

– Или же никто Велиантова вообще не приканчивал, а голова его оторвалась во время аварии при падении в пропасть, – подхватил Гущин. – Хотя я лично ни одного случая из практики не могу назвать, когда у человека в ДТП отрывается голова. Но чего не случается на белом свете?

– Или же перед нами некая поражающая воображение многоуровневая загадка. – Гектор не отрывал взора от Кати. – Подобная самой таинственной Небесной горе. Все видят ее склоны – грани пирамиды из льда. Некий волшебный мираж... Архетип верований шаманов-тенгрианцев. А у подножия горы, внутри каменных стен – почти по Юнгу, из его теории архетипа, да, Катенька? – темный страшный древний грот... Пещера... Помнишь, в записках? Пауль Ланге... не профессор Велиантов, а его помощник – немец с винтовкой охотника – упоминал: «На полу полно костных останков». И фотограф Юсуф в гроте струсил не на шутку, когда их факел внезапно погас.

Пока ехали с Симонова вала до Валовой улицы, Катя открыла в почте файлы Адели Викторовны со списками участников семинаров. На семинар архаровцев из Киргизии приехали восемь человек. На семинар орнитологов по природе горного Алтая – одиннадцать.

– Второй семинар можно пока оставить в стороне, – заметила Катя. – Архаровцев надо проверять. Они из Киргизии, к тому же архар – горный баран – водится и в тех местах, где работала пропавшая экспедиция. А они его наблюдают, значит, могли блуждать по горам и

наткнуться на некие странности у Хан-Тенгри. Вдруг кто-то из них сообщил нечто важное Красновой о профессоре Велиантове? Грот они не нашли, конечно, но...

Она умолкла. Зоологи из Киргизии... А как их проверишь? Легко сказать. Они бизнесмена Нурсултанова до сих пор в Казахстане достать не могут. Гектор, управляя внедорожником, на трассу не глядел, читал, наклонившись, в ее мобильном фамилии из списка.

– Нурмагомедов, Нуралова, Нурбердыева, – огласил он. – А у нас Нурсултанов. Родовые связи возможны, раз фамилии похожи. Хотя не факт. Я на Кавказе имел дело с фамилиями родов и тейпов, а по Средней Азии я ничего конкретного не знаю.

Они припарковались, едва найдя свободное место, направились на угол Садового кольца, в офис бывших компаньонов мужа Вероники Заборовой. Она открыла им дверь на звонок. На полу у двери коробки, обклеенные лентой. Посуда, постельное белье.

– Проходите, – пригласила Вероника. – Я после похорон Лены вырвалась из дома. Тоска меня вон гонит... Ночью от бессонницы сдуру наделала спонтанных покупок – для дома барахло, типа психотерапии... Хотела сама забрать со склада, но он у них черт-те где. И на Пахру ко мне везти курьером – сплошное разорение. Оформила доставку в офис. Мне компаньонам мужа еще надо вечером ключи завезти. Больше здесь мне делать нечего. Они офис окончательно на продажу выставили.

Катя заметила – Вероника внешне изменилась, осунулась. Под глазами синие круги от бессонницы, крашенные золотистые волосы в беспорядке. Одета она почти затрапезно – в розовый спортивный костюм «Джуси кутюр», давно вышедший из моды, и растоптанные угги на босу ногу. В чем дома в саду ходила – в том и в Москву махнула за покупками.

– Вероника Станиславовна, мы к вам с огромной просьбой, – начала Катя. – Несмотря на закрытие дела о гибели вашей сестры Петровкой, у нас есть большие сомнения.

– В чем сомнения? – Вероника глядела на Катю. – Вы мне, пожалуйста, все скажите. Лена – моя сестра. Я за нее – даже мертвую – горой встану. На похороны притащились эти... ее коллеги из музея... Пялились на Ленин гроб и друг на друга. Шептались у меня за спиной. Я их главной – ученой старухе – прямо заявила: никогда не поверю в

версию полиции. Пусть они в бумагах своих прописали «несчастный случай», но за глаза-то ведь все про Ленино самоубийство судачат. Музейщица на меня так глянула! А Толька Ковальчук даже на похороны не пришел. Ладно, пусть у него моего телефона нет, но в музее-то ведь мог узнать про похороны Лены, ему до музея два шага из его магазина! А вам я во всем помогу, по мере сил и моих скромных возможностей.

– Спасибо. Очень ценна ваша помощь. Видите ли, помимо лекарств в крови вашей сестры обнаружены следы другого вещества, – Катя осторожно подбирала слова. – Однако экспертиза не сделала прямых выводов. Мы же подозреваем – микс препаратов и привел к сердечному приступу. Из окна ваша сестра не выбрасывалась. Вы правы – никакое это не самоубийство. Но ее никто и не выталкивал с третьего этажа. Она сама открыла окно в кабинете, почувствовав себя скверно из-за асфиксии. Сердце стало причиной ее смерти, а не падение с третьего этажа.

Вероника напряженно слушала, изменившись в лице.

– А что за вещество в крови Лены? – спросила она.

– Отравляющее, – ответила Катя.

– Яд? – воскликнула Вероника.

– Похоже, да.

– Лена сама работала с разными препаратами, – Вероника хмурилась. – Она мне говорила: консервация образцов. Они используют химические растворы во влажном хранилище. И вообще в музее полно разных ядов. У них же и насекомые, и змеи ядовитые, и пауки! Но мне-то что тогда предпринять? Дайте мне совет. Написать заявление в прокуратуру? Почему полиция не выяснила все до конца и прикрыла дело?

– Я бы посоветовал вам пока повременить с прокуратурой, – ответил Гуцин.

– Все неоднозначно с обстоятельствами смерти вашей сестры, – уклонилась от деталей Катя. – Нам необходимо иметь больше информации о ее контактах, телефонных переговорах, общении незадолго до гибели. У нас к вам огромная просьба: дайте нам на время ее мобильный. Его же вам вернули из морга. Он вашей сестрой запаролен, но мы попытаемся извлечь из него информацию.

– Мне мобильный Лены не вернули, – ответила Вероника.

– То есть? – спросил полковник Гуцин. – Почему вам не отдали ее телефон?

– Его и не было, – растерялась Вероника. – Мне вручили Ленину одежду, ее сумку с ключами, косметикой. Таблетки отсутствовали и телефон. Я уж не стала возникать. Бог с ним со всем. Мне не до того сейчас в горе.

На лице Гектора появилась кривая ухмылка, он многозначительно глянул на побагровевшего полковника Гуцина. Катя поняла – тему мобильного надо сворачивать. Все равно им уже до телефона Красновой не добраться. И задала новый вопрос:

– Ваша сестра не упоминала о встречах с коллегами из Киргизии, приехавшими на семинар? Может, с кем-то она общалась индивидуально? Приглашала в кафе или Москву показывала?

– Ничего не рассказывала, только однажды похвалилась: «Готовлю интересные семинары по Азии, работы уйма». И все. – Вероника выглядела озадаченной и встревоженной. На ее ухоженном моложавом лице от напряжения проступила сеть морщинок. Тональное средство лишь подчеркнуло их. Она сейчас выглядела даже старше своих лет – женщина за пятьдесят, в нелепом розовом молодежном одеянии, усталая, вымотавшаяся, замученная хлопотами, горем, проблемами.

– А она не просила у вас денег займы незадолго до смерти? – продолжила Катя. – Например, сто тысяч или больше?

– Лена? У меня? Нет. – Вероника покачала головой. – А зачем ей сто тысяч? Куда бы она их потратила?

– Захотела вдруг купить себе что-то? – спросил Гектор.

– Она у меня денег займы никогда не клянчила. Я сама ей подкидывала в жирные времена. – Вероника вздохнула. – Ленка была щепетильной и гордой с детства. И не транжирой. Она целиком отдала себя науке, музею. Содержание нашей мамы я полностью оплачивала – я вам уже говорила. Подарки я Лене дарила хорошие, на день рождения, на Новый год – опять же, в дни былые, еще при муже. В поездки ее брала иногда. А сейчас даже попроси она у меня не сто тысяч, а тридцатку в долг – я бы не дала. Я на мели. Покупки делаю на маркетплейсах только по скидкам. – Вероника кивнула на коробки на полу. – Раньше мы с мужем деньги не считали. А теперь я одна долги – кредиты мужа – выплачиваю.

– Фамилию Осмоловская... Юлия, вдова переводчика Велиантова... вы от сестры не слышали? – уточнила Катя.

– Никогда не слышала. А кто она? – спросила Вероника. – Никакой переводчик Лене при работе в музее не требовался, у нее с английским все круто, она еще в университете языком плотно занималась и на курсах постоянно апгрейдила. В науке без языков – труба полная.

– Ваш муж Валерий Заборов держал стрелковый охотничий клуб, – заявил Гектор. – Он увлекался охотой?

– Валера мой охоту ненавидел. И Лена бы со мной порвала, если бы Валерка стрелял в животных. – Вероника снова горько вздохнула. – Он вложился в клуб, его продавали по-быстрому: владелец прежний релоцировался и отдавал за малые деньги клубешник. Валера счел – принесет нам доход. Но не сбылось.

– Вы не упоминали про стрелковый клуб при нашей прошлой встрече, – заметил полковник Гушин.

– А какое отношение бизнес моего покойного мужа имеет к смерти моей сестры? – удивилась Вероника. – У нас его ведь практически силой отжали. Кстати, ваши силовики. Мужа моего до смерти довели своим колоссальным давлением, придирками. А в чем его вина, если у нас клиент застрелился прямо в тире?.. Я стараюсь забыть прошлое...

Катя вспомнила Юлию Осмоловскую – та тоже твердила: я вычеркнула прошлое – первого мужа – из памяти. Но прошлое настигло ее через много лет. Получится ли у старшей сестры Красновой, Вероники, расправиться с химерами былого и защититься от них?

Глава 30

Склады

Покинув офис Вероники Заборовой, полковник Гуцин сразу схватился за мобильный:

– Кой черт еще с пропажей телефона Красновой?! Я сейчас разберусь, позвоню на Петровку!

Катя и Гектор смотрели на него – покрасневшего и раздосадованного, молчали. Гуцин хотел было набрать номер и... опустил руку. Они медленно шли по Вальной к машине, но теперь остановились.

– Телефон ее мы с Катей видели в кабинете на третьем этаже на столе рядом с бумагами из архива, – заметил Гектор. – А теперь его нет. Либо его свистнул кто-то из музейщиков – имелась возможность кому-то одному из них проникнуть в кабинет после нашего ухода и до появления полицейских. Либо его украли позже, когда ментам стало ясно – вроде не пахнет криминалом, а скорее суицидом. Или же в морге телефон хапнули, когда вещи вернули для выдачи родственникам.

– Иногда крадут вещдоки при отказе в возбуждении дела. Позорище... Мобильный у нее, вы сказали, дорогой. Хозяйка в больнице умерла, и убийством ее смерть не сочли. Конечно, возник прямой соблазн поживиться за ее счет. – Полковник Гуцин краснел и словно оправдывался. – Позвонить мне и коллег в краже заподозрить? Да он... собеседник... меня пошлет сразу.

– Не гоните волну, Федор Матвеевич, – Гектор покачал головой. – Бесплезно. Может, в морге украли? Но если кто-то из музейщиков взял ее мобилу, то... Совсем иной расклад у нас опять намечается. Кому-то очень не хотелось обнародовать свою переписку с Еленой Красновой, а? Но кому из «божьих коровок»?

– Они все явились тогда в коридор, – вспомнила Катя. – Горбаткин, Покровская и Адель. Мы, Гек, их предупреждали ни к чему не прикасаться. Но полицейские в тот момент еще в двери музейные стучались. Времени у собравшихся в коридоре хватило бы похитить телефон. Правда, на глазах у остальных кому-то одному непросто.

– Прикинуться невидимкой, да? Эх, зря я попугая Севу отпустил неоципантым! – ответил Гектор. – Федор Матвеевич, не переживайте вы из-за ментов. Скользкие типы везде водятся. А дело темное насчет кражи телефона.

– Нет, я все должен выяснить! – Гушин отошел и снова собрался звонить.

И... опять передумал. Стоял неподвижно, уставившись на огни рекламы на Садовом кольце.

– Катенька, решение твое: пригласим его сейчас в ресторан поужинать с нами? – шепотом спросил Гектор.

– Да, Гек! Позовем его! Хорошо, что ты сам предложил, – обрадовалась Катя.

– Федор Матвеевич! – Гектор взял ее за руку, и они подошли к мрачному, расстроенному Гушину. – Яркий, насыщенный событиями день полагается закончить красиво. Мы с Катей приглашаем вас в ресторан, отметить нашу свадьбу. От чистого сердца.

– Спасибо, но я... – Полковник Гушин глянул на них. – Спасибо. С удовольствием. Свадьба – великая вещь.

Ресторан располагался недалеко в замоскворецких «пенатах» между Пятницкой и Большой Ордынкой. Пока кружили по переулкам, полковник Гушин хранил молчание. Его мучил стыд – и за ситуацию с подозрительной пропажей телефона, и за свои оскорбления Борщову, брошенные в запале в споре с Катей днем. Однако в ресторане, проникнувшись его атмосферой, он потихоньку начал оттаивать.

Ресторан напоминал декорации к «Дворянскому гнезду» своей аурой, антикварной мебелью, самоваром на стойке, увитом гирляндами сушек, уютными креслами, штофными занавесями. Народу, несмотря на погожий вечер, собралось немного. Гектор попросил отдельный кабинет на втором этаже окнами на Замоскворечье, заказал всем астраханских стерлядок, французское шампанское, коньяк полковнику Гушину, им обоим наваристую уху, а Кате «Павлову с клубникой» на десерт и фирменные конфеты-грильяж.

Гитарный перебор за стеной... Шампанское в бокалах...

– Поздравляю вас от души! – Полковник Гушин поднял свой бокал. – Желаю вам счастья. Берегите друг друга. Помогайте, поддерживайте во всем – муж жену, жена мужа.

– Спасибо, Федор Матвеевич. – Катя выпила шампанское до дна, она испытывала благодарность к Гектору – он делает все правильно в отношении Гущина.

Гектор свой бокал лишь пригубил, не сводил с нее глаз – называется, пьян без вина. Гущин после шампанского налил себе коньяка – под уху и стерлядь, принесенные официантом.

– Заставили вы меня сегодня вздрогнуть, полковник. – Он глянул на Гектора, пробуя наваристую уху. *Подохший* было червь раздражения в его душе начал вновь оживать, поднимать ядовитую голову.

– Неужели? – Гектор ухаживал за Катей, перекладывая ей икру со своей стерлядки: «больше, больше, двойную порцию, а я без икры обойдусь».

– Зоолога в глотку ткнули вы своими стальными пальцами, Гектор Игоревич, – брякнул Гущин, осушая бокал коньяка. – Пару сантиметров мимо – и кранты Горбаткину.

– Нет. – Гектор смотрел ему в глаза. – Я не промахиваюсь. Если бью в горло – то в горло. Если в ключицу – в ключицу. И я соизмеряю силу удара. Приучен. Тренирован. Горбаткина я лишил возможности сопротивляться на улице. Болевого шока он не испытал, гарантирую. Я его отключил на пару минут.

– И где же таким фокусам вас натренировали? – Гущин плеснул себе еще коньяка.

– В разных местах. В Тибете, в монастыре, например.

– Шао-Линь? – недоверчиво усмехнулся полковник Гущин. От горячей вкусной ухи и коньяка его уже повело.

– Нет. Скромнее место. Незаметнее для мира.

Гектор взял из вазы с фруктами зеленое крепкое яблоко. Положил на скатерть. Резкий жест, и... он проткнул яблоко насквозь указательным пальцем, разломив его пополам.

– Маг-Цзал, Федор Матвеевич, – похвалилась за мужа Катя. – Тибетское искусство боя без оружия одновременно со многими противниками. Геку нет равных, поверьте мне. Я свидетель.

Гектор глянул на нее. Ей показалось – он поцелует ее прямо за столом на глазах у Гущина, но все же он удержался.

– Охотно верю, – парировал Гущин. – Но я должен вам, Гектор Игоревич, напомнить – вы не на тропе войны и не в своем Тибете. Вас окружает мирное население, гражданские лица – пусть даже

подозреваемые в убийствах, подобно Горбаткину, однако люди, обладающие всеми законными правами. И полиция не обращается с ними словно с террористами.

– В ночных клубах народ веселый мордой в пол кладут при облавах – не ваши коллеги, нет? Мигрантов в автозаки набивают во время рейдов для проверки? Нет? – Гектор усмехнулся печально.

– В нашем полицейском деле без насилия не обойтись, увы. Но крайности – опасная вещь. Ваша дерзость и навыки могут сослужить вам плохую службу, полковник. Предупреждаю вас. Осторожнее с людьми.

– Моя обожаемая жена, – Гектор глядел на Катю, не на осоловевшего Гущина, – постоянно мне говорит о милосердии. Я ее всегда внимательно слушаю и стараюсь не разочаровать. Не причинять большого вреда тем, кто... под горячую руку нам подворачивается со своими убийствами, враньем и увертками. Фишка в том, Федор Матвеевич, что правду-то нам по этому делу надо по-любому узнавать. Двигаться вперед. К истине.

– Где истина? Сколько нам всего наплели, а воз и ныне – в трясине, – вздохнул полковник Гущин. – Теперь еще принесла нелегкая отрубленную голову переводчика... Светлый мыс какой-то.

– Места наблюдений за птицами экспедиции Велиантова в тридцать первом году были еще дикими и плохо изученными. Сейчас, например, в горах вокруг Каракола, откуда наш Нур Шахрияр, сплошные горнолыжные курорты, магнит для туристов, – ответил Гектор. – Поселок на Иссык-Куле Чолпон, из которого гонец с капсулами явился, – тоже известный отелями и пляжами в Киргизии курорт. А Светлый мыс, – он достал мобильный и перелистал, – ныне Ак-Булун на Иссык-Куле. Сто лет назад там стоял монастырь Туркестанской епархии, его спалили еще в тысяча девятьсот шестнадцатом во время восстания местных жителей. От монастыря остались всего несколько зданий, их переоборудовали в тридцатых под склады для народного хозяйства Туркестана.

– Склады? – насторожился Гущин. – Юрий Велиантов в телеграмме писал Юлии, что отправляется проверить склады. В монастырь, значит, поперся?

– В шестьдесят втором старые склады могли забросить, – задумчиво заметил Гектор. – Но в тридцать первом году на них

экспедиция Велиантова, вполне вероятно, хранила багаж и оборудование. Их базовый лагерь располагался первоначально именно на Иссык-Куле, но Велиантов не указывает точно локации нигде в записках. Вдруг они отправляли на склады на время своих походов в горы за Синей птицей научный скарб? Не тащить же все с собой, носильщики разорят... А оставить нельзя – растащат. Профессор вместе с таксидермистом Ланге активно добывал для коллекции птиц и консервировал экспонаты для музея. И бумаги, записки, отчеты свои они могли хранить на складах под замком, под охраной, понимаете? Склады в те времена конвойные с берданками сторожили.

– Ты считаешь, в шестьдесят втором Юрий Велиантов решил сам проверить – не завалилось ли за тридцать лет нечто забытое на старых складах? – усомнилась Катя. – Времени сколько миновало!

– Он искал, Катенька. Он пробовал все варианты. Осмоловская заявила Адели – он забрал с собой в ту поездку бумаги и фотографии из архива тетки, дабы разбираться с ними уже на месте. Сопоставлять с увиденным собственными глазами и рассказами местных жителей. Некоторые ведь могли помнить пропавшую экспедицию. Если его и правда убили тогда, та часть архива для нас навсегда потеряна. Убийца ее забрал или уничтожил.

– Но ты же говорил еще об одной части пазла, Гек, – напомнила Катя.

– Возможно, она сохранилась до сих пор. Склады из телеграммы, они меня обнадежили. – Гектор оглядел стол, заставленный закусками, бокалами и горячим. – Даже если сами они сгнули, может, с них что-то утекло в мир, а? И прячется где-то. Ждет своего часа.

– Мы не знаем, сумел ли Юрий Велиантов добраться до складов. Неизвестно – убили его до поездки туда или после. Хотя, по словам Горбаткина, именно милиция Светлого мыса списывалась тогда с музеем насчет его останков и головы, – заметила Катя. – Но вообще-то...

– Имел место факт убийства или произошло ДТП? – подхватил полковник Гуцин. – Вот и двигайся вперед в кромешной тьме веков. Слепые ведут слепых.

– Тянь-Шань нас зовет, – светло улыбнулся ему Гектор. – Некоторые вещи мы здесь, в Москве, никогда не узнаем. А в горах...

– Не понял намека, полковник? – насторожился Гуцин.

– Путешествие к Хан-Тенгри, – ответил Гектор. – Район, где экспедиция Велиантова искала свою Синюю птицу у границы с Китаем, небольшой. Если брать за точку отсчета Иссык-Куль – по окружности, – примерно сто шестьдесят километров на юго-запад, учитывая лишь доступные без особых альпинистских навыков места в горах. Экспедиция верхолаза Погребецкого на пик Хан-Тенгри – совсем другое, они профи были в делах восхождений. А наши орнитологи – нет. К счастью, имеется еще одна очень важная деталь в помощь нашим поискам...

– Какая, Гек? – заинтересовалась Катя. Любопытство вспыхнуло в ней с новой силой.

Но Гектор не успел ответить: у Гущина затрезвонил мобильный.

– Федор Матвеевич, добрый вечер, это Кашгаров, – раздалось в телефоне.

– Кто? – Гущин усилием воли стряхнул с себя коньячный морок. – Ох, простите, не узнал вас сразу, Адиль.

– Тысяча извинений за неурочный звонок, но я решил – вы часто работаете допоздна...

Гитарные переборы – за стеной кабинета ресторана. Нагрнулся цыганский хор...

– Извините, я, наверное, не вовремя, – смутился вежливый переводчик посольства.

– Я с коллегами ужинаю. В чем проблема, Адиль? – спросил полковник Гущин, включая громкую связь.

– Насчет вашего запроса в Казахстан, который я перевел, новости! – Кашгаров волновался. – Вечером господину советнику позвонили из Алматы. А он дал мне поручение... Простите, но это не телефонный разговор. Федор Матвеевич, мы могли бы встретиться с вами прямо сейчас? Не откладывая?

– Всего-то десять, время детское. – Гущин глянул на наручные часы. – А запрос мой... Почему вашему советнику звонят по нему, а не нам, полиции, официально отвечают из казахского МВД?

– Я вам все объясню лично при встрече. Не телефонный разговор, – повторил настойчиво Кашгаров. – Абдулкасимов мне сейчас дал срочное поручение. Но я... без вашей профессиональной помощи полицейского его никогда не выполню. Я даже не знаю, с какой стороны подступиться! Я же не сыщик. Не Шерлок Холмс!

- Вы где находитесь, Адиль? – осведомился Гуцин.
- Я до сих пор в доме приемов. Вынужден задержаться.

Глава 31

Просьба

– Позовите его к нам в ресторан, Федор Матвеевич, – шепнул Гектор. – Пусть прогуляется.

– Адиль, приходите в ресторан в Монетчиках, недалеко от посольства, жду вас, – пригласил полковник Гушин. Кашгаров поблагодарил.

– Восток, Федор Матвеевич, сплошные нюансы и полутона, – объяснил Гектор. – Вы старше его и по возрасту, и по положению. Не вам быть у него на побегушках. Не вы к нему, а он к вам являться должен, раз нужда. Станет сговорчивее и зауважает вас больше, инфу сольет про звонок шефу. И, кстати, самое главное, – Гектор улыбнулся Кате, – пока ждем вашего переводчика, моя обожаемая жена успеет доесть десерт.

И точно, Катя расправилась с «Павловой», и на пороге их отдельного кабинета под звон гитар возник Адиль Кашгаров. Гектор усадил его за стол и сразу щедро налил ему коньяка.

– Благодарю, мне и правда не мешает взбодриться, а дипломатам и всевышний прощает пороки. – Кашгаров залпом хлопнул коньяк.

– Что с ответом на мой запрос? – ревниво спросил полковник Гушин. – С чего МВД Казахстана связывается вдруг с советником... этим, как его... а не со мной – коллегой?

– Господина советника зовут Абдулхамит Абдулкасимов, – сказал Кашгаров.

– Надо же, имя его словно у знаменитого басмача Дэв-хана, – хмыкнул Гектор. – Но раньше, насколько я помню, за границей он всегда представлялся Абдуллой.

– Наверное, своим вторым именем. Он *Уюткулуубай* – по-нашему, потомок известного рода, – ответил Кашгаров. – А Дэв-хан... мы, естественно, вспоминали о нем с господином советником в связи с розысками потомков фотографа Шахрияра, его же винули в убийстве членов вашей русской экспедиции. Но он никогда не слыл обычным басмачом и бандитом. Для многих уйгуров он почти святой. Он

положил свою жизнь на алтарь борьбы за освобождение Синьцзяна – родины всех уйгуров. Он мученик, казненный китайцами.

Катя заметила: Кашгаров смотрит на обручальное кольцо Гектора, а затем он покосился и на ее обручальное кольцо с древним серпентином.

– Кто звонил вашему шефу? – нетерпеливо спросил полковник Гуцин.

Адиль Кашгаров поднял пустой бокал, глядя сквозь него на Гуцина. Перед его мысленным взором всплыла картина: он и Абдулкасимов в кабинете гостевого дома посольства. Абдулкасимов стоит спиной – взор его прикован к вечерней, залитой огнями Большой Ордынке. Лица его Кашгаров не видит – только мощный затылок, бычью шею, широкие плечи да стиснутый кулак – Абдулкасимов сжимает мобильный.

– Разущи мне этого человека, – бросает он, не оборачиваясь.

– Где мне его искать, бай-аке^[22]? – недоумевает Адиль. – Я же не сыщик. Я волонтер, у меня учеба, бизнес-семинар скоро...

– Отложи все. Найди мне его, и быстрее. Считаю – мой тебе приказ, если и дальше хочешь вольготной, сытой жизни при посольстве. – Голос Абдулкасимова звучит хрипло и надменно.

– Господину советнику позвонил секретарь Нурсултанова, – ответил Кашгаров. – Сам Нурсултанов путешествует – из Москвы улетел в Дубай. Вернется в Казахстан очень не скоро.

– МВД Казахстана беседовало с ним по моему запросу? – полковник Гуцин уже терял терпение.

– Они связались с ним по нашему запросу, – вежливо поправил Кашгаров. – Я перевел ваш запрос на казахский и сделал копию, я обязан показывать подобные документы господину советнику. Абдулкасимов приложил копию вашего запроса к нашему письму из посольства с аналогичной просьбой насчет беседы с Нурсултановым. Вам МВД Казахстана, естественно, ответит – в свое время. Но для господина советника они все сделали моментально – разыскали секретаря Нурсултанова, а тот связал моего шефа по видеоконференции непосредственно с боссом.

Гектор лишь усмехнулся услышанному и спросил:

– Что вы узнали от Нурсултанова? Он по своей инициативе разыскивал через ваше посольство потомков фотографа Шахрияра?

– Нет, ему все до лампочки, простите... Его просто попросили об одолжении.

– Кто? – Гущин подался вперед. – Сынок... Адиль, вы только ничего от нас не скрывайте. Вы же за помощью ко мне пришли!

– Я вам назову фамилию лишь при одном условии. Вы поможете мне отыскать этого человека во исполнение приказа господина советника. Вы – полиция – сумеете найти кого угодно, а я в полном затруднении. Никогда подобным не занимался. Глянул в интернете сейчас: сведений – ноль. Галерея давно закрыта...

– Галерея? – быстро ввернул Гектор.

– Адиль, я вам обещаю – мы его с вами вместе из-под земли достанем. Я вам предоставлю всю информацию, ваш шеф останется доволен вами, – веско заверил Гущин.

– Нурсултанов узнавал у нас о потомках фотографа, исполняя просьбу своего хорошего знакомого, – заявил Кашгаров. – Он галерист, держал выставочный зал живописи. А Нурсултанов, оказывается, сам художник-любитель, помимо охоты, его хобби малевать картины. Владелец галереи его в прошлом выставлял регулярно, рекламировал, поощрял и даже приобрел три картины в свою коллекцию. Нурсултанов нам сам об этом объявил по видеосвязи. Он крайне признателен галеристу за поддержку в Москве, ему весьма лестно было просочиться в столичную богемную тусовку. Поэтому он сразу выполнил просьбу, когда галерист к нему обратился. Его фамилия Ковальчук.

ПАУЗА.

Кашгаров умолк, удивленно уставившись на их лица...

Катя замерла.

ВОТ ОНО – СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО ВСЕГО в их невероятном деле. Скрытое... Потаенное... Основное... То, к чему они шли, пробираясь в лабиринте догадок, версий, предположений почти вслепую.

– Анатолий Ковальчук? – хладнокровно произнес Гектор.

– Да. Вы так на меня все смотрите, – Кашгаров встревожился. – Он вам знаком?

– Мы с ним уже встречались, Адиль, – тихо ответила за всех Катя.

Гектор поднялся и направился к официанту расплатиться. Они покидали ресторан. Катя поняла – их всех ждут весьма серьезные,

возможно, знаковые события ночью. Она забрала конфеты-грильяж с тарелки и завернула в салфетку – с собой. Подсластить полную опасностей жизнь. Одну протянула Кашгарову:

– Угощайтесь, Адиль.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил он.

– Раз Абдулкасимов приказал вам срочно разыскать Ковальчука, – объявил ему Гектор, когда они выходили из ресторана, – вы можете прямо сейчас отправиться с нами. Или отказаться.

– С чего мне вдруг идти на попятную? – недоумевал Кашгаров. – А Ковальчук... он вообще кто? Я никак не врубаюсь, простите. Вижу лишь – он вам хорошо известен, и вы, кажется... даже знаете, где его искать ночью.

– Он убийца, Адиль, – мрачно ответил ему полковник Гушин. – У него на руках кровь четырех человек.

Глава 32

Жутко громко и запредельно...

– Ковальчук обосновался в Пушкино на реке Серебрянке, – объявил Гектор в машине. – Сам нам сказал в своей лавке, и Вероника Заборова потом подтверждала – логово его недалеко от Красного Железнодорожника. Ваша вотчина, Федор Матвеевич, областной полиции. Распорядитесь проверить: дома Толик или вдруг в бега подался?

Полковник Гуцин позвонил напрямую участковому, обслуживающему территорию Серебрянки и дачных кооперативов. Спросил: есть такой? Участковый подтвердил: москвич, не дачник, построил хороший коттедж несколько лет назад для постоянного проживания. Гуцин приказал участковому: сгонять к нему, визуальную проверить – дома ли хозяин. В личный контакт не вступать.

Не дожидаясь ответа участкового, они отправились в путь. Катя видела: Гектор уверен – Ковальчук затаился дома, не сбежал. И точно, участковый перезвонил и сообщил: окна горят на втором этаже коттеджа и участок освещен, но за высоким забором деталей не видно. Дом на отшибе у самой реки. Соседей ближайших нет. Гуцин велел ему уезжать с Серебрянки, ждать дальнейших указаний в пункте участковых. Он не вызвал оперативную группу из УВД.

– Сила – в тайне, – усмехнулся Гектор, глядя в зеркало на Гуцина и Адилю Кашгарова на заднем сиденье «Гелендвагена». – Без всяких *All the Kings man*^[23] обойдемся.

Полковник Гуцин закивал, раскашлялся от волнения.

– Вдохните глубоко, бай-аке, – заботливо сказал ему Адиль. – Старики у меня дома не пьют микстуры при кашле. Они дышат, расправляют больные легкие крыльями.

– Гек, как поступишь на Серебрянке? – Катя старалась говорить спокойно, но сердце ее колотилось. Гектор вознамерился брать убийцу в одиночку. И полковник Гуцин ему потворствует.

– Решу на месте. Надо взглянуть на его хату сначала. Где она расположена. Подходы к ней, – ответил Гектор. – Нет причин для

беспокойства, Катенька.

– Этот Ковальчук убил инженера Шахрияра и Омуралиева? – с любопытством спросил Адиль Кашгаров.

– Да, – кашляя, прохрипел полковник Гущин. – И двух женщин.

– Зверь, – Кашгаров покачал головой.

– Жегич, – снова прохрипел Гущин. – Помните, вы мне слово перевели? Людоед.

– У меня странное чувство, – заметил Кашгаров нервно, – словно я попал в боевик.

Гектор ободряюще улыбнулся ему в зеркало заднего вида.

В Пушкино они прибыли уже за полночь. Гектор, сверившись с навигатором, свернул с шоссе на бетонку, ведущую в поля и садовые товарищества. Адрес им подсказал участковый. Они въехали в лес – дачная дорога, сменившая бетонку, петляла мимо кирпичных коттеджей. Миновали просеку ЛЭП, картофельные поля – и впереди тускло сверкнула вода в лунном свете. Гектор остановился.

– Логово его на берегу за деревьями, – объявил он. – Я машину оставляю здесь, прогуляемся пешком.

Они вышли. Гектор отдал ключи от внедорожника Кате. И еще фонарь, достав его из своего армейского баула в багажнике, но попросил пока его не включать. Они прошли метров сто и...

Свет. Верхушки сосен в желтом электрическом пятне. Крыша из металлочерепицы среди крон. Осень только начала раскрашивать подмосковный лес своими цветами. Уединенную дачу Ковальчука окружал глухой пятиметровый забор. Наверху его опутывали три ряда колючей проволоки. Въездные ворота и калитку освещал фонарь.

– Укрепился мужик капитально, – шепнул Гектор, делая всем им знак – «стойте, к освещенным воротам приближаться не надо».

Полковник Гущин захрипел и сразу зажал себе рот ладонью, он силился сдержать новый приступ кашля. Адиль Кашгаров быстро помассировал ему спину через пиджак и приложил палец к губам. Гектор оглядел верх забора в колючей проволоке:

– Подождите здесь, я пробежусь вдоль периметра. – Он исчез в темноте.

Катя смотрела на крышу дома – внутри все освещено и, кажется, музыка, шум... Ковальчук наслаждается кино по телевизору? Она вспоминала визит в «Комок Ностальжи». Анатолий Ковальчук

говорил, что он разведен. Живет один, без семьи. Уже лучше. Гектор, конечно, с ним справится, не таких он брал. Но... ее бросало то в жар, то в холод. Убийца в логове... Жегич... Людоед? Он разыскивал потомков фотографа Шахрияра и нашел. Это ведь к нему прилетел инженер из Каракола. И затем Ковальчук его зарезал, собирался сжечь тело в машине, но ему помешали...

А в шестьдесят втором тела Велиантова и шофера тоже сожгли. Велиантову отрубили голову. Но голова инженера Шахрияра из Каракола цела... Ковальчук с детства знал Елену Краснову, и месяц назад они возобновили отношения. Она разыскивала архив пропавшей экспедиции для Ковальчука? А тот напоил ее отравленным кофе в понедельник? Он убил «гонца» на пустыре в Шалаево, не зная о содержимом его желудка? А если знал, отчего не позволил ему опорожниться после слабительного? И не забрал капсулы? И он же зверски стулом убил Осмоловскую, узнав о ней от Красновой? Похитил у нее нечто важное?

Вроде все нити сходятся именно к нему – *Людоеду* с Серебрянки...

Или все-таки не все?..

Гектор возник бесшумной тенью из тьмы.

– Забор – монолит, но у него причал в заводи с двумя лодками. Небольшой проем в ограде, где она спускается к реке. Топь. Искупаюсь, сплаваю к мосткам, – объявил он и начал раздеваться, снял рубашку (коричневый пиджак его был в «Гелендвагене»), щегольские лоферы. Катя забрала у него их – он остался в одних брюках от костюма. – Я с воды прямо в доме его достану.

– Я вам помогу! – решительно объявил Кашгаров и тоже скинул свой дорогой синий пиджак, сдернул галстук и начал быстро расстегивать рубашку.

– Адиль, отставить, – Гектор покачал головой. – Вы все узнаете, дружище. Мы его допросим в вашем присутствии. А возьму я его сейчас сам.

– Он убил моих земляков! – Кашгаров буквально всучил одежду полковнику Гущину, багровому от усилий не раскашляться в самый неподходящий момент. – Я не трус. Господин советник останется мной доволен, если я поучаствую в охоте. Как вы справитесь в одиночку с таким бешеным зверем? С вами лишь жена... слабая женщина! И

больной бай-аке. Ему нельзя в воду, если что-то случится плохое. А я с детства плавал на озере. И еще занимался борьбой в школе!

– Самбо? – усмехнулся Гектор. – Лады. Принято. А трусом вас никто не считает.

– Гек! – Катя прижала к груди его рубашку и лоферы.

– Катенька, спокойствие, только спокойствие. – Гектор коснулся ее плеча, и они с Кашгаровым ринулись вдоль забора.

– Я сразу позвоню нашим, если обострится, – объявил ей Гущин. – А пока ждем.

Гектор и Кашгаров в густых зарослях спустились к реке и вошли в воду, побрели по топкому дну к мосткам. И сразу им пришлось плыть, дно ушло из-под ног в скрытую яму. Гектор выбрался на мостки первым. Освещенный участок был перед ним как на ладони: газон, кусты, деревья, открытая веранда, ступеньки, входная дверь – железная, почти сейфовая по толщине, в стальной укрепленной дверной коробке. Чтобы выбить ее, даже Гектору потребовалось бы немало усилий. За верандой – окна первого этажа, их заслоняли изнутри опущенные металлические жалюзи. Окна второго этажа жалюзи не имели, они находились высоко от земли. Верх дома сиял электричеством.

Кашгаров, залезший на мостки, неожиданно поскользнулся и с шумом плюхнулся обратно в воду, вцепился в привязанную у мостков лодку, она наклонилась и... бортом ударила его по голове. Он придушенно ахнул от боли. Гектор моментально прыгнул в реку – ему на помощь. Он подхватил Кашгарова под мышки – тот шумно барахтался, бил по воде руками, отплевывался от воды и тины.

Свет!

Яркий, бьющий в глаза. Он ослепил их.

Грохнула о стену распахнувшаяся железная дверь. Но они не видели ничего и никого из-за режущего глаза света мощного прожектора, вспыхнувшего на веранде.

Выстрел!!

Пуля пробила борт лодки.

– Адиль! Вдохни! – крикнул Гектор.

Он нырнул под воду, утягивая за собой Кашгарова, спасая его от пуль.

Выстрел!

Гектор под водой, увлекая за собой Кашгарова, переместился на другую сторону причала, дальше от лодки. Они вынырнули вместе.

Выстрел! Пуля попала в доску причала, выбила щепку. И та острым концом впиалась в плечо Гектора. Он выдернул ее.

– Нырять в воду! Плыви на середину реки! – крикнул он Кашгарову. – У него помповый дробовик. Лупит прямо по нам, он нас видит, а мы его нет!

Сам он ринулся к берегу.

Выстрел!

Гектор прыгнул вперед, совершив мощное сальто. Еще одно, переворачиваясь в воздухе – уходя от пуль. Ковальчук палил в него из помпового ружья, передергивая ствол, – Гектор определил это по звукам выстрелов. Он выдернул из травы фонарь на солнечных батареях и с силой швырнул в окно второго этажа, отвлекая Ковальчука. Светильник разбил стекло, оно с грохотом осыпалось осколками. Ковальчук – он стоял на веранде – на миг прекратил стрелять. Гектор бросился к крыльцу. Ковальчук вскинул ружье вверх и выстрелил в направлении окна – неизвестно, что ему померещилось в горячке. Пуля угодила прямо в прожектор, укрепленный на крыше веранды. Свет погас.

И в этот момент со стороны въездных ворот послышался гул мотора, скрежет и звук сильного удара.

Катя... она вместе с Гуциным ждала в зарослях у забора. Услышала выстрелы. Один. Второй. Она раздумывала лишь секунду – и внезапно повернулась и бегом устремилась прочь от дома Ковальчука.

– Ты куда?! – крикнул Гуцин.

– Машина нужна! – Катя уже скрылась в темноте.

Она мчалась, прижимая к груди скомканную рубашку и лоферы Гектора. Задыхаясь, сходя с ума – что с ним?! Добралась до внедорожника, достала ключи, села за руль. Руки ее тряслись. Но она не испытывала страха – она жаждала помочь мужу. Защитить его!

Полковник Гуцин увидел желтые фары – Катя гнала на полной скорости. Развернулась у забора. «Гелендваген» задом двинулся к воротам. Рывок, рев мотора, и... внедорожник ударил в створки, вышибая их.

Выстрел!

Катя его даже не услышала в горячке.

Гектор прыгнул на темное крыльцо – Ковальчук, паливший в сторону ворот по машине, успел еще рвануть дробовик вверх-вниз, перезаряжая. Вскинул помпу к плечу, целясь в упор в Гектора, с которого ручьем текла вода. Но выстрелить и убить он не успел. Гектор с разворота ногой ударил его по руке, выбивая дробовик. И одновременно резким рубящим жестом достал его в плечо. Сбитый с ног Ковальчук грохнулся на дощатый пол веранды, завопив от боли. Гектор перепрыгнул через него, поднял помпу, перезарядил. Шагнул к распростертому на полу Ковальчуку, встал ему обеими ногами на грудь, лишая последней возможности сопротивляться.

– В твоём стволе еще две пули, – объявил Гектор. – Мне хватит одной. Выбирай. Либо полное признание – ты знаешь в чем. Либо снесу тебе башку. И скажу – ты сам застрелился при задержании. Кайся. Ну?!

Оглушенный ударом Ковальчук бессмысленно тарачился на него. Гектору показалось, он под наркотой.

– Стойте!! Это... вы?! – заорал Ковальчук. – Вас я едва не пристрелил?!

– Кайся. Как мочил свою подружку Лену, старуху-вдову, «мула» и Нур Абдуллу Шахрияра, потомка фотографа, найденного для тебя дружкой Нурсултановым через посольство! – Гектор опустил руку с дробовиком вниз, приближая дуло к выпученным глазам Ковальчука.

– Не стреляйте! – закричал тот истерически. – Кого я убил? Вы спятили?! Я ж решил, это они... явились ночью выпустить мне кишки!!

К дому бежала Катя, выскочившая из машины, за ней спешил полковник Гушин. Из кустов появился мокрый, облепленный речной тиной Адиль Кашгаров. Они все слышали вопли Ковальчука.

Глава 33

Экспонат

Пальба среди ночи всполошила дальних соседей Ковальчука, и они позвонили в полицию. Полковник Гуцин сам вышел к примчавшимся на машине патрульным. Объявил, что стрелял хозяин дома, приняв его с коллегами за грабителей. Приказал пробить – имеется ли у Ковальчука лицензия на дробовик. Патрульные запросили по интернету банк данных – оказалось, есть лицензия, владение оружием на законных основаниях. «Готовился он основательно, – пронеслось в голове Гуцина. – Вооружался, но пушку в дело побоялся пустить – его бы по ней сразу вычислили». Однако патрульные проверили дату регистрации дробовика и сообщили: Ковальчук приобрел оружие пять лет назад и тогда же поставил его на учет. Гуцин приказал им ждать в машине, созвонился с дежурным и сообщил: пока он работает на месте происшествия лично, оперативную группу вызовет позже, к утру. Молоденькие патрульные с недоумением взирали на снесенные «Гелендвагеном» ворота, на встрепанного и взволнованного Гуцина – большого главковского начальника, – на облепленного тиной Кашгарова – он натягивал на себя брюки. И на полуобнаженного, тоже мокрого Гектора, щеголявшего накачанным торсом и не собиравшегося одеваться. Зачем, если сухая лишь рубашка? Гектор отдал дробовик Гуцину, схватил Ковальчука за шиворот, рывком поставил его на ноги и потащил в дом – подальше от озадаченных патрульных.

– Теряю я хватку, – горестно шепнул Гуцин Кате, когда они вслед за Гектором устремились в «логово людоеда». – Мне бы запросить по Ковальчуку все – узнали бы мы про его помпу сразу. А я допустил непростительную ошибку – мужа твоего под пули подставил. Старею я. И пью не в меру.

Катя ничего ему не ответила. Она старалась собраться, быть достойной Гектора. Он часто повторял: боюсь тебя разочаровать. Но и она теперь желала не разочаровать его обычным женским кудахтаньем и нудными причитаниями. Следом за ней в дом Ковальчука зашел и Кашгаров – он, в отличие от Кати, даже и не пытался скрыть своих

переживаний. Гектор швырнул Ковальчука на диван. Сам встал напротив. Ковальчук держался левой рукой за свое правое плечо. Его правая рука висела плетью. Гектор «обрубил» ему конечность, обезоруживая.

– У меня перелом, – прохрипел Ковальчук. – Мне срочно надо к врачу.

– Нет у тебя перелома. Через день-два восстановишь подвижность руки, – объявил хладнокровно Гектор. – Мы все ждем твоего признания в убийствах.

– Я никого не убивал, – Ковальчук вскинул голову. – Я стрелял, приняв вас за...

– За кого? – Гектор смотрел на него в упор.

– Он меня предупреждал, – прошептал Ковальчук.

– Кто? – неожиданно подал голос Адиль Кашгаров, с любопытством и брезгливостью созерцая Ковальчука в домашней расхристанной пижаме, распластавшегося на диване.

– Шахрияр, – Ковальчук опустил голову. – Он мне сказал: лучше вам не искать эту тайну. Она сводит людей с ума. Вселяет в них тьму, она сама принадлежит тьме. Это тайна из Нижнего мира. Считаю, из ада. А я рассмеялся ему в лицо: по фигу мне ваши суеверия, уважаемый Нур Абдулла. А он... искренне верил.

– Во что? – спросил Гектор.

– В проклятие. В смерть, настигающую всех, кто... сунул нос. Так он мне сказал. И что теперь? Я никого не убивал, но сейчас, защищаясь в слепом страхе за свою жизнь, я едва не стал убийцей. Лену мою... она мне помогала, а ее эти суки...

– Кто? – снова встрял Адиль Кашгаров.

– Музейные твари, – Ковальчук уставился на него. – Они ее вышвырнули из окна! А Шахрияр пропал бесследно! И я подозревал после гибели Лены – с ним все очень скверно. И те все – *из прошлого*, они тоже мертвецы: профессор-орнитолог, его друзья, вся экспедиция и переводчик-энтузиаст из шестидесятых... И вы сейчас упомянули его вдову Осмоловскую – она тоже мертва, оказывается! Но я ее не убивал! Я никого не убивал, клянусь! Я сам – следующая жертва!

– Вы убили моих сограждан – инженера Шахрияра и Омуралиева. Почему? – спросил Адиль Кашгаров.

– Да никого я не убивал! Омуралиев – вообще неизвестная мне фамилия!

– Курьер – он вез что-то твоей Лене Красновой и должен был встретиться с ней в Шалаево в тот понедельник. Или с тобой, – произнес Гектор.

– Посыльный Шахрияра? – встрепнулся Ковальчук. – Он тоже мертв?!

– Вы убили двух граждан республики Кыргызстан, – настойчиво повторил Адиль Кашгаров.

– Азиат – кто он? – резко спросил Ковальчук. – Он из киргизской полиции?

Внимательно наблюдающая за допросом Катя заметила взгляд, брошенный Кашгаровым на Ковальчука при слове «азиат», – будто бритва сверкнула.

– Я из посольства, – отчеканил Кашгаров. – В ваших интересах быть предельно искренним с нами, иначе я лично напишу на вас заявление в российскую полицию с обвинениями в попытке убийства меня самого и его, чему я свидетель, – он кивнул в сторону Гектора. – А это тюрьма на годы.

– Да я сам принял вас за...

– Конкретно с кем ты нас перепутал? – повторил свой вопрос Гектор.

– С пришедшими по мою душу! Их же всех кто-то прикончил! Кто?! – Ковальчук всплеснул здоровой рукой. – А Шахрияр мне внушал, выпив водки в ресторане: тайна погубила уже многих. Может забрать и нас.

– Тайна клада Дэв-хана? Его пещера Али-Бабы? – спросил Гектор.

– Докопались... знаете... ну да, в музее же архив экспедиции. Лена сняла для меня копии. И вы добрались до него. В пещере спрятаны миллионы, понимаете? Сотни миллионов скрыты! Он же... этот бандюга... ограбил половину Китая! Он гнал свои караваны с ценностями в наши горы через границу! – истерически выкрикнул Ковальчук.

– Вы на пару с Красновой искали место, где Дэв-хан некогда спрятал награбленное? – уточнил Гектор. – И найденный тобой через Нурсултанова потомок фотографа экспедиции Шахрияр тебе активно

помогал. Но почему он сам не воспользовался кладом? Он альтруист? Бессребреник?

– Он не знал точного места. И никто из его родных никогда не пытался узнать – он сам мне признавался. Он боялся. Его близких убили. Дэв-хан грабил, но он был не вор, а безумный фанатик, решивший освободить уйгуров. Миллионы ему понадобились для войны и победы над китайцами. Клад являлся его золотым запасом. Так мне сказал Шахрияр. Его родные десятилетиями жили в постоянном страхе, под угрозой уничтожения, а они ведь лишь прикоснулись к проклятой тайне. Но не разгадали ее.

– Говоришь, Шахрияр дрейфил всю жизнь, но он же кинулся тебе помогать. Прилетел с Москву по твоему зову и что-то тебе приволок. Он ведь отдал тебе некие документы или предметы, связанные с тайной пропавшей экспедиции, – уверенно продолжал Гектор.

Катя отметила – тон ее мужа меняется. Сломав психологическое сопротивление Ковальчука, он больше не давит на него, а, напротив, словно успокаивает, пытаюсь разговорить, выудить у него максимум подробностей и фактов.

– Он не ко мне одному явился в Москву. – Ковальчук массировал правую руку. – Я вам все расскажу. Но вы должны мне поверить – я никого не убивал. В последние дни я сам пребывал в ужасе после смерти Лены. Я ни минуты не верил в ее самоубийство. Ее грохнули в музее. А значит... следующий на очереди я. И Шахрияр мертв... и тот его посыльный... Он же к нам с Леной так и не добрался! Поэтому я сейчас ночью, услышав шум, всплески у лодок, включив свет, заметив две фигуры на мостках, крадущиеся к моему дому из мрака... Я ополоумел! И начал стрелять! Я вас принял за убийц! Хотя я не знаю, кто они! Из какой преисподней явились за мной!

– Не истери. Выкладывай все. А мы решим – верить тебе или нет, – внятно произнес Гектор. – К кому, кроме тебя, прилетел в Москву инженер Шахрияр?

– У него сын в Пекине, в тюрьме, забрали его прямо из университетского кампуса, обвиняют в уйгурском экстремизме, ему пожизненное грозит, – ответил Ковальчук. – Шахрияр сам мне сказал при нашей встрече. Я, получив его данные и номер, сначала связался с ним, когда он был еще в своем Караколе, в университете. Представился коллекционером, владельцем магазина, спросил, не

осталось ли в их семье материалов об экспедиции, где участвовал его предок-фотограф, – писем или еще чего-то. Я обещал ему хорошо заплатить за любую информацию или вещи. И он согласился моментально по телефону, представляете? Я поразился его сговорчивости. Потребовал, правда, он немало – сто пятьдесят тысяч за фотографии. И еще двести за вещь – он сказал: материальное доказательство сокровища. А уже в Москве при встрече он мне признался в ресторане: деньги, мол, собираю на взятку, нужно позарез. Ему предложили у себя дома комбинацию некие ушлые люди: в Москве, мол, сидят арестованные за контрабанду на границе китайские граждане, можно проверить их обмен на его сына, задействовав связи с русскими. Но не бесплатно. Шахрияр ради сына продал свою машину. Влез в долги. И готов был мне сбить тайно хранившееся в его семье долгие годы.

Полковник Гушин лишь недоверчиво хмыкнул. Катя отметила: в отличие от него, Гектор слушает Ковальчука все более внимательно и серьезно. Она глянула и на умолкнувшего Кашгарова – лицо того сделалось непроницаемо. Видимо, для него, пусть и внештатного, однако посольского переводчика, не новость – обмена заключенных через третьи страны, а не напрямую.

– Елена Краснова знала о Шахрияре? – спросила Катя, вступая в допрос.

– Я, естественно, ей сказал о нем ввиду нашего сотрудничества, – ответил Ковальчук. – Помню ваши бесцеремонные вопросы. Лена не была моей любовницей. Но была моим верным компаньоном. В юности у нас кипели чувства, но все оборвалось тогда. Каждый из нас жил собственной жизнью. Но мы не забывали друг о друге. И в важный момент я вспомнил о Лене. Она же работала в Зоологическом музее! Из него и отправилась пропавшая экспедиция на Тянь-Шань! Хотя... никакая она не пропавшая. Их всех убил Дэв-хан в тридцать первом году.

– Откуда вам известно? – спросила Катя.

– Шахрияр мне сказал. Он-то уж точно знал, кто прикончил профессора и его людей. И Юсуфа – старшего брата его деда Дауда, а потом позже самого деда. – Ковальчук покачал головой. – Он и меня предостерегал: берегись, смерть подобна лавине в горах – все тихо кругом и вдруг... тебя, песчинку, сметает с пути. И тебя уже нет. Он,

кажется, безмерно обрадовался возможности продать мне все, сбить с рук. Его интересовала лишь судьба сына-заключенного.

– Ты подарил Красновой смартфон? – задал Гектор новый вопрос.

– Я отдал ей свой прежний, а сам купил последнюю модель, – ответил Ковальчук. – У нее имелся старенький, даже формат сканера не поддерживал. И память крохотная, а ей надо было разбираться с архивом в музее для меня.

– И духи? – Катя смотрела на него. – Ваша продавщица разгневалась на вас за подарок Красновой – дорогие духи.

– У меня с ней... ну, понимаете... А не с Леной. Она ревнивая, чертовка. А Лену я хотел просто поощрить... Она все же была в меня безумно влюблена в юности. Возможно, и помогать мне согласилась из-за...

– Она по-прежнему испытывала к вам чувства? – спросила тихо Катя. – А вы воспользовались?

– Ладно, пусть так, – кивнул Ковальчук. – А кто бы не воспользовался, когда подвернулось редкое совпадение: моя бывшая корпела в музее, отправившем в дебри азиатских гор экспедицию, наткнувшуюся на грот с миллионным состоянием. Духи я ей подарил, попросил пользоваться. И Ленка сразу повелась, вспыхнула, словно девчонка... стала той же, прежней – послушной, покорной мне... А меня просто всегда запах ее тела отвращал. От нее вечно несло чем-то. Говорят, любовь – химия, у нас бы с ней и в юности ни черта не вышло из-за этого. А так я мог с ней общаться вблизи, и она бы не заметила отвращения на моем лице.

– Ну вы и фрукт, Ковальчук! – полковник Гушин покачал головой. – И еще станете нам заливать – мол, не я ее отравил.

– Лену отравили?! – воскликнул Ковальчук.

– А то вы не знаете, – хмыкнул полковник Гушин. – Кофе вы ее угощали у себя в «Комке».

– Я Лену не убивал! – Ковальчук повысил голос. – Я никого не убивал! Я же рассказываю вам чистую правду.

– Ладно. Давай дальше, – оборвал его тихо Гектор. – Где привезенное тебе Шахрияром?

– Наверху, в моем домашнем офисе. В папке.

– А в телефоне твоём и компе?

– Тоже. Я же страховался. Можете теперь все себе забрать. Только не обвиняйте меня в убийствах. Лучше я расстанусь с перспективой отыскать богатство, чем со свободой навсегда.

– Насчет посыльного Шахрияра, – продолжал Гектор. – Выкладывай все о нем.

– При нашей встрече Шахрияр отдал мне фотографии. И объявил: «Главное я с собой не привез, я же летел, в аэропорту на таможне могли прицепиться, отнять. Я договорился со своим молочным братом – он все устроит, найдет человека, и тот привезет главное доказательство сокровища Дэв-хана». Мол, брат молочный проникся его ситуацией с сыном и тоже желает помочь. Он сказал: «Посыльный прибудет в Москву, готовьте деньги». Мы расстались, и на следующий день Шахрияр мне снова позвонил: мол, связался с братом Ильясом – я не знаю, кто его молочный брат, но он о нем говорил с придыханием...

Катя подумала: «Инженер Шахрияр уважал и побаивался своего брата-уголовника Черного Ильяса и явно действовал с „гонцом“ по его указке, а не самостоятельно. Гектор и в этом оказался абсолютно прав».

– Шахрияр объявил: «Посыльный с доказательством в город не сунется из-за ментов, будет ждать в понедельник в Шалаево на заброшенной станции у развилки. С полудня до темноты». Я еще удивился – то есть? Во сколько времени точно? А Шахрияр мне: «Посыльный простой человек, он путается в смене часовых поясов».

– А почему именно в Шалаево? – спросила Катя.

– И я недоумевал – я никогда там не был. Шахрияр сказал: его брат отлично знает то место в Подмосковье. Присылал туда людей раньше.

– Перевалочная база наркоторговцев! – полковник Гушин погрозил пальцем.

– Наркоторговцев?! – изумился Ковальчук.

– А то ты не знал!

– Нет, уверяю вас! – снова воскликнул Ковальчук. – Я сам удивлялся. К чему подобные сложности, можно ведь встретиться нормально – по-человечески. Но я не стал спорить. Они – восточные люди. По солнцу и спать ложатся, и встают в своих юртах. Я позвонил Лене.

– Когда вы ей позвонили? – спросила Катя.

– В субботу днем, сразу после общения с Шахрияром. И все ей рассказал. Я хотел ехать сам в Шалаево. Но она меня отговорила. Заявила: «Нет, я лично встречу с тем человеком, поеду в понедельник на развилку у станции и сама заберу доказательство».

– Странно, в заброшенное место – женщина одна собирается. И вы ее отпустили? – не поверила Катя.

– Она меня убедила. Настаивала. Заявила: «Ты, Толя, можешь неправильно оценить тот предмет. А я специалист. Я сразу определю, что передо мной».

– Но речь ведь идет о ценностях – золоте или камнях, – не отступала Катя. – А Краснова была зоологом.

– Именно о камнях! – воскликнул Ковальчук торжествующе. – Мне и Шахрияр сказал: это камни. Я не знаю, как она меня уговорила, но я поддался. Она убеждала очень горячо. И я дал ей карт-бланш, чтобы действовала в Шалаево сама.

– А деньги? – ввернул Гектор. – Бабло для посыльного. Нал?

– С посыльным расплачивался, по словам Шахрияра, его молочный брат – лично. А я после получения доказательства должен был отдать двести тысяч самому Шахрияру. Но! Лена до Шалаево не добралась, потому что ее убили музейные твари и выбросили из окна! А Шахрияр... он после нашего последнего с ним разговора просто исчез. Я в понедельник пытался до него дозвониться, его мобильный был выключен. И все последующие дни тоже. Все оборвалось для меня на самой середине важнейшей сделки. Кто-то словно мне все разом отрезал – все пути. А их всех прикончил! И даже посыльного! Но я его сам и в глаза не видел!

– В понедельник Краснова зашла в ваш магазин днем и пробыла у вас больше часа, вы ее поили кофе, а затем она отправилась в музей. Она живет за городом – если она собиралась в Шалаево к посыльному, отчего же не поехала сразу туда из дома, а явилась к вам и в музей? – спросила Катя.

– Из нашего Красного Железнодорожника до Шалаево не доберешься. Лена приехала на Ярославский вокзал. А в Шалаево надо с Курского – мы с ней еще раньше выяснили. Лена ориентировалась по расписанию электричек. До ближайшей станции к Шалаево электричка ходит два раза в сутки: в 6:00 и в 17:00. Затем надо пешком по дороге дойти до другой ветки и заброшенной станции. Поэтому

Лена и приехала в Москву сначала, ей нужно было дожидаться электрички с Курского. Она располагала временем, заглянула ко мне по пути в музей. Просто хотела видеть, наверное. – Ковальчук помолчал. – Я угостил ее кофе, пожелал ей удачи в Шалаево – мол, с нетерпением жду ее звонка, когда посылка окажется у нее. Мне же предстояло сразу расплатиться с Шахрияром.

– Но с момента последнего его звонка до понедельника вы с ним не связывались? – уточнила Катя.

– Нет. Зачем надоедать? Он занимался делами сына, хлопотал. Я бы позвонил после получения посылки – мы договорились. Он мне доверял в вопросе денег.

– И все же странно – в понедельник Краснова явилась к вам в магазин, и вы ее отпустили ехать одну в глухое место на развилку дорог на встречу с незнакомцем. – Катя покачала головой.

– Я ей предлагал поехать на моей машине вместе. Она наотрез отказалась. Вы не верите мне? Но я говорю правду. Она настаивала, что все сделает сама. Она взрослый умный человек. И я отстал. Я не жаждал тащиться по пробкам в Шалаево. Если Ленка брала все на себя, почему нет? Пусть. Она бы меня точно не кинула, не обманула с посылкой, я был уверен в ее честности. Я решил – она разделяет со мной все дела полностью, она же мой компаньон.

– Но финт в том, Толик, что твоя бывшая не отправилась в Шалаево на встречу с гонцом от полудня до темноты, – заметил Гектор. – Она сидела, словно пришитая, в своем музее до начала седьмого. Она тебя обманула. Твои соображения?

– Я ума не приложу – почему она не поехала в Шалаево? Хотя сама же настаивала, – ответил Ковальчук.

Полковник Гущин снова хмыкнул: «Логика твоя, людоед, аховая. Не выдерживает критики. А ты о вере тебе еще заикаешься».

– Лжете, Ковальчук, не краснея, – брякнул он в сердцах.

– Я правду сказал! И я никого не убивал! – Ковальчук закрыл лицо ладонью здоровой руки. – Черт... сволочи вы... ведь посадите меня... печенкой чую... закроете меня пожизненно...

– Не скули, колись дальше, – Гектор наклонился и встряхнул его, словно куклу. – С Осмоловской, вдовой переводчика Велиантова, ты встречался?

– Лично никогда, клянусь. Лена мне о ней сообщила, узнала в музее от своих тварей подкожных. Убийц!

– Она к ней ездила в Вороново? – спросил полковник Гуцин.

– Лена ей звонила. Она мне заявила: «Попытаюсь выудить, нет ли у Осмоловской бумаг первого мужа, его тетки и профессора Велиантова, возможно, у нее недостающая часть архива». И вдова ей ответила: «Кое-что я сохранила». Но старуха юлила. Лена мне объявила: «Толя, я ее беру на себя. Я ее уломаю, она нам продаст». То есть она определенно собиралась к ней поехать.

– А где Краснова провела воскресенье? Не в Вороново? – бросил Гектор.

– Понятия не имею, – ответил Ковальчук.

– Не упоминала она в понедельник на ваших посиделках о встречах или звонках в выходной? – не отступал Гектор.

– Нет. Мы вообще про воскресенье не говорили. Пили кофе, обсуждали только ее поездку в Шалаево во второй половине дня.

– Анатолий, а каким образом проданное вам инженером Шахрияром оказалось в их семье? – задала Катя вопрос, крайне интересовавший ее с самого начала допроса.

– Вы сами поймете, когда прочтете то, за чем явились. Но там не все. Больше мне рассказал сам Шахрияр. – Ковальчук глянул на нее. – Профессор Велиантов и Ланге из-за угрозы нападения Дэв-хана велели фотографу отправить Дауда – деда Шахрияра – домой в Каракол, подальше от всех опасностей. Шахрияр разоткровенничался со мной в ресторане, выпив. Дед его Дауд добирался до Каракола неделю. Пятнадцатилетний пацан, глухонемой от рождения, хлебнул лиха. В Каракол он попал уже больным – провалялся почти полтора месяца с брюшным тифом, в горячке и бреде. К тому времени экспедиция Велиантова уже сгинула, ее искали, но безуспешно. По словам Шахрияра, дед знал наверняка: с его братом и остальными справился Дэв-хан из-за своей тайной пещеры. Но сам Дауд ее не видел, и место ее расположения осталось для него полной загадкой. Он не отлучался из базового лагеря с носильщиками, когда сначала его брат Юсуф вместе с Ланге случайно наткнулись на пещеру во время непогоды, а затем ходили туда с профессором. Мальчика они не брали с собой. Но даже дома Дауд боялся за свою жизнь и никому не показывал врученное ему профессором Велиантовым с просьбой

забрать в Каракол и сохранить в целости до возвращения экспедиции. Велиантов, видимо, считал важным делить сведения, не хранить все в одной корзине. И он отдал Дауду немало – записки, дневники, – но все тоже пропало. Остались лишь фотографии. И доказательство, отправленное Шахрияром с посылным.

– А Шахрияр рассказал, почему пропало остальное? – Катя глянула на Гектора, тот едва заметно кивнул – дожимай его. Очень важно узнать все.

– Да. Он опьянел в ресторане, видимо, обрадовался мне – коллекционеру, готовому платить. Я же ему обещал деньги и за устную информацию – лишние тридцать тысяч ему быгодились для сына. – Ковальчук хмыкнул. – Его деда Дауда после тифа опекали дальние родственники. Когда он повзрослел, они нашли для него – глухонемого – невесту. Он женился, в тридцать девятом у них родился отец Шахрияра. И в то же лето Дауда убили, а тело его, и дом, и бывшую фотолавку брата спалили, его жена с ребенком еле спаслись – ее тоже едва не сожгли живьем.

– Кто? – спросила Катя. – Дэв-хан в тридцать девятом уже покоился в могиле.

– Его младшая сестра Айнур. Шахрияр мне сказал – она явилась и убила деда и все подожгла. В огне погибла большая часть отданного профессором Велиантовым Дауду. Сохранились лишь фотографии и ящик, но он сильно обгорел. Самому Шахрияру на пятнадцатый день рождения эти вещи показала его бабка, она дожила до глубокой старости. Глухонемой Дауд объяснялся с ней при жизни знаками, и она его прекрасно понимала. Он ей все рассказал. А она заявила внуку: «Отдаю тебе на хранение фотографии твоего двоюродного деда Юсуфа и вещь пропавшей экспедиции, род Дэв-хана охотится за ними. Береги все в тайне. Не выбрасывай на помойку память о деде и его брате, окропленную их кровью. Мы – уйгуры – преданы священной памяти предков». И Шахрияр послушно хранил бабкин подарок после ее смерти. Внутри обгоревшего ящика, по его словам, – камешки. Все обуглилось в пламени, когда Айнур совершила убийство и поджог.

Полковник Гуцин сразу вспомнил слова криминалиста – горная порода со следами пожара... Понятно теперь, откуда на содержимом капсул следы огня.

– Раз Шахрияр упоминал камешки и хранил, считая доказательством сокровищ из пещеры Дэв-хана, отчего он не показал их ювелиру? – поинтересовался Гектор. – Годами держал у себя «доказательство» клада и даже не попытался выяснить. Фантастика.

– Он жил в постоянном страхе. Так он мне заявил. Пару раз собирался, но у него родился сын, и он боялся уже не только за себя, но и за него. У них же уничтожили почти весь род! Сестра Дэв-хана – оголтелая фанатичка, по словам Шахрияра, – специально перешла границу, добираясь до Дауда, расправилась с ним, едва не убила и остальных – ей люди помешали, спасли их. Обратись он к ювелиру – даже в Бишкеке, Ташкенте или Алматы, даже в Москве или Стамбуле... и найди тот драгоценность внутри обгорелого комка, все бы узнали, вести бы разлетелись со скоростью ветра, сколько ни скрывай. Средняя Азия до сих пор живет слухами и молвой. А род Дэв-хана, возможно, не прервался. К тому же у него всегда было немало сторонников-фанатиков. Дошло бы и до них. Шахрияр объявил мне: «Продаю вам, чокнутому русскому, желающему рискнуть головой, доказательство всего за двести тысяч, ибо нужда для сына острая настала. Но вдруг внутри какого-то обгорелого комка из ящика бриллиант на миллион или драгоценная жемчужина, отнятая Дэв-ханом у китайского ювелира? Основная-то часть ценностей все равно скрыта до сих пор в горах у Хан-Тенгри».

– Может, их за столько лет давно кто-то отыскал и прикарманил, – заявил полковник Гущин.

– Я тоже спросил Шахрияра: «Вдруг уже забрали все? Где гарантия?» Он уверенно заявил: «Нет, все бы уйгуры по обе стороны границы знали – клад Дэв-хана найден». Вы сейчас смотрите на меня с недоверием. – Ковальчук оглядел их. – Наверняка думаете – правду ли я говорю или несу полную пургу? Хранить долгие годы нечто и не заглядывать внутрь, бояться смерти, трепетать, ждать неожиданного нападения? Но Шахрияра ведь кто-то убил! Выходит, не зря он опасался всю свою жизнь. А значит, я не вру вам. Его посыльного – вообще постороннего человека, лишь прикоснувшегося к тайне, тоже прикончили. Спросите у вашего приятеля: возможно ли подобное у них дома или нет?

Гектор вопросительно глянул на Кашгарова.

– Нет, – ответил тот. Помолчал и добавил: – Иногда. Еще случается. В древних известных родах. Особенно в горах.

– Шахрияр – потомок старинного рода уйгурских купцов, и Дэвхан не простолюдин, – ответил Ковальчук. – Он – вообще хан. Слушайте азиата, он подтверждает мои слова.

– Я свои полицейские соображения вам изложу, Ковальчук, – перебил его резко полковник Гуцин. – Многое, возможно, правда. Но от самого главного вы искусно увильваете. От обвинения в убийствах! Шахрияр вам все отдал, кроме горелых камней. Он оказался вам больше не нужен. Вы его ликвидировали – не желали ему платить остаток. И потом, вдруг у себя дома он начнет болтать? А вы же, словно Индиана Джонс, собирались в ближайшей перспективе искать клад в горах. Зачем вам местный свидетель? И Краснова превратилась в обузу – все для вас узнала ваша бывшая любовница, архив отрыла, отсканировала документы... И про вдову из Вороново вы у нее разведали. Зачем вам с Красновой делиться кладом? Вы и ее убрали, отраву подсыпали в кофе. К Осмоловской наведались – забили ее до смерти и забрали нечто весьма важное. И об этой вещи вы нам сейчас ни гу-гу. Умалчиваете.

– Я никого из них не трогал! И у Осмоловской в Вороново я не был. И ничего у нее не крал! Да какой из меня вообще убийца?! – сипло крикнул Ковальчук. – Вы... беспринципный негодяй! Вы не смеете меня облыжно обвинять! Угрожать мне! Я полностью иду вам навстречу. А вы переворачиваете с ног на голову сказанное мной. Я невиновен! А стрелял я в ваших, защищая собственную жизнь! Я обознался в темноте!

– Не ори, – бросил ему Гектор. – Продолжаем разговор.

Ковальчук попытался двинуть правой рукой – и скривился от боли. Катя наблюдала за ним со смешанными чувствами. Он многое рассказал. Но в заявлениях полковника Гуцина – логика и смысл. Он не на пустом месте строит свои обвинения, на реальных фактах. А навскидку – по потному, искаженному гримасой лицу Ковальчука сейчас не определить степень его искренности. В его глазах – страх, жгучее сожаление: он же отдает им найденное с великим трудом. И еще злоба затаенная и ненависть – к ним...

– Сколько раз ты встречался с Шахрияром лично? – спокойно уточнил Гектор.

– Дважды. Сначала он отдал мне фотографии. Я их потом показал Лене. Она ими чрезвычайно заинтересовалась. Они ее просто поразили, хотя на них нет ни ящиков с ценностями, ни выюков. Плохое качество – мутные снимки, старые, обгорелые по краям.

– В «Комке» встречались? – продолжал спрашивать Гектор.

– Нет, с Шахрияром в моей машине сидели, я его забрал у метро «Арбатская», когда он явился, а с Леной обедали в кафе.

– А второй раз с Шахрияром в каком ресторане гуляли? – не отступал Гектор.

– Я его пригласил в «Белое солнце», встретил у выхода из метро. Он плохо ориентировался в Москве. Узнавал у меня названия улиц и станций метро – он исключительно на нем передвигался, хлопоча о сыне. В ресторане я с ним расплатился наличными за фотки. А он выпил коньяка и начал болтать, алкоголь на него действовал плохо.

– Ну, а теперь самый главный вопрос, – заявил Гектор. – Недостающее звено всего.

Ковальчук смотрел на него – полуобнаженного, со стальными мускулами, победителя в схватке: кулаки против помпового дробовика. Grimаса мелькнула на лице подозреваемого – словно волк клыки оскалил и... спрятал. Кате показалось – даже с «обрубленной» рукой Ковальчук жаждет вцепиться Гектору в плотку. Столь люто сейчас ненавидит. И вновь в ее душе воцарилось сомнение в искренности хозяина винтажной лавки в Калашном.

– Каким образом ты сам проведаль, еще до событий с Шахрияром, об экспедиции тридцать первого года? – Гектор тоже пристально глядел ему в глаза.

– Я никогда прежде не верил в чудеса, имеющие власть над людьми, способные полностью перевернуть обычную пресную жизнь, – ответил Ковальчук. – Когда сидишь на пляже под тентом, попивая ром-колу, и волна внезапно выбрасывает к твоим ногам бутылку с запиской про далекий Остров сокровищ... Только в моем случае была не бутылка. Старый ящик в лавке на придорожном рынке...

– Еще один ящик? – усмехнулся Гектор.

– С дохлыми птицами. Чучелами-экспонатами.

Катя вся обратилась в слух, ощущая холодок внутри. Они вновь приблизились вплотную к весьма важному, открывающему

невероятную музейную историю с новой, неизведанной стороны.

– Выкладывайте все, Ковальчук. В ваших интересах сотрудничать со следствием. – Полковник Гуцин тоже выглядел взволнованным... и, казалось, уже менее категоричным в отношении фигуранта, подозреваемого в целой серии убийств.

– В конце июня я прилетел в Алматы – хотел сделать новую карту для поездок за рубеж, у меня вклады в казахском банке, – Ковальчук криво усмехнулся. – Оставалось несколько дней ожидания карты, и я арендовал машину и махнул на Иссык-Куль. Потом отправился в горы – отдохнуть и по делам бизнеса. У меня есть клиенты, покупавшие раньше модняк в моей прежней галерее. Один из них – чиновник – прикупил особняк в Лайково у релоканта. Он срочно переделывает хипстерский стиль под имперский. Оформляет охотничий зал, мечтает головы зверей в дубовых медальонах в виде трофеев повесить на стены. У нас скудный выбор подобного дерьма, но еще Нурсултанов мне рассказывал – у них в горах, и в Киргизии у торговцев, да просто на базарах можно приобрести чучела, и не очень дорого. Черт возьми, это был обычный сельский придорожный базар – типа «Садовода»! Сама судьба вела меня. Я зашел в охотничью лавку – со стены пялилась рогатая башка горного барана. Стали мы торговаться с хозяином, он меня буквально за рукав затянул внутрь, в закуток – мол, еще есть, но держу тайком: башка тау-теке, козла, они вроде запрещены к отстрелу.

Катя слушала, затаив дыхание, – в музейной истории некоторые символы повторялись, будто намеренно чередуясь... Архар, баран... Словно маяк – в музее и здесь... Какой символ последует сейчас за ним? Она с трепетом ждала.

– Он возился среди рулонов сетей и старых ковров, выволок коробку, а за ней я увидел почерневший от времени деревянный ящик.

Ковальчук на мгновение закрыл глаза. Видение всплыло в памяти. Ангар шумного азиатского рынка, душная клетушка-лавка, запах пота, пряностей, горячего плова, бараньего жира. Черные трухлявые доски: ящик, опутанный толстыми веревками. И возле него ярко-синее... Птичьи перья, похожие на сапфиры, не потускневшие от времени. Ковальчук замороженно уставился на синюю россыпь, испытывая непреодолимое желание распутать толстые узлы веревок, открыть крышку и заглянуть внутрь ящика.

– Что у вас в нем? – спросил он хозяина лавки.

– Старый хлам. Возьмешь архара или тау-теке, джигит, отдам даром, – ответил тот и протянул Ковальчуку ножницы – режь веревку, гляди.

Ковальчук разрезал веревку. В ящике в трухе покоились чучела птиц. У одной – ярко-синее оперение неопишуемой красоты. Ковальчук разглядывал экспонат: поджатые, скрюченные лапки... У птицы отсутствовали глаза – дырки в маленьком черепе. Рядом с синей птицей в трухе лежало второе чучело – тоже без глаз. И вид его внушал ужас – черные провалы глазниц, хищный мощный клюв.

– Они – кто? – отчего-то переходя почти на благоговейный шепот, спросил Ковальчук.

– Синяя приносит удачу и счастье, – ответил хозяин лавки. – Кумай-гриф – вестник смерти. Клюет мертвечину. Дурная примета держать его чучело дома, джигит.

Они все слушали Ковальчука молча – даже вопросов не задавали.

– Я купил у торговца архара и козла, и он отдал мне ящик с птицами. Упаковал все сразу. Я вскрыл ящик лишь в Москве, вернувшись из поездки, – тихо продолжал Ковальчук. – Козла и барана продал клиенту в Лайково для его имперского зала. А птицы лежали у меня дома. Однажды вечером я достал Синюю птицу, решил отдать таксидермисту – вставить ей гляделки. Когда вытаскивал грифа...

Катя вспомнила записку профессора Велиантова из музейного архива – он и Ланге мечтали добыть экземпляр кумая для музея. Сделать экспонат. И мечту свою исполнили.

– Здоровенная тяжелая тварь – серая, с белой головой и длинной шеей, размером полтора метра, и крылья у нее гигантские, – вещал Ковальчук. – Видимо, от времени у чучела лопнуло брюхо. Его зашили суровыми нитками, они сгнили. Из утробы вместо опилок посыпалось...

– Что? – прошептала Катя.

– Сложенные исписанные листки, много... Фотографии... И еще две коробочки. В них находились негативы пленок. Но они рассыпались в моих руках в прах, – Ковальчук смотрел на них почти жалобно. – Так я узнал об экспедиции профессора Велиантова из Зоологического музея. О них всех. И об их тайной находке. Во мне все перевернулось разом, меня словно молния ударила. Я никогда не думал

даже... Но это сильнее меня. Я весь горел, я жаждал... Я решил найти таинственную пещеру в горах. Вспомнил сразу про Ленку, раз всплыл ее зоомузей. Позвонил ей, пригласил в ресторан. Она разволновалась, расчувствовалась и... вывалила мне музейные сведения про Велиантова – мол, у них на стенде всего две фотографии пропавшей экспедиции. У самого Велиантова и Ланге вроде не осталось родных, Лена сначала по ошибке меня в этом уверила. И тогда я решил попытаться найти потомков фотографа Юсуфа, у азиатов всегда полно родственников, детей, внуков... Обратился к Нурсултанову с просьбой – он может все. Влиятельный человек во всей Средней Азии. И он через киргизское посольство для меня это сделал. У него в посольстве знакомец.

Гектор глянул на Кашгарова, тот слушал с непроницаемым лицом. Слова Ковальчука ведь касались его шефа – Абдулкасимова.

– К несчастью, на базаре я даже не поинтересовался у хозяина – где он сам раздобыл ящик с чучелами. Наверное, тот лежал где-то долгие годы, скрытый от всех. Можно лишь строить догадки. Прочтете записки профессора. Он осторожничал из-за Дэв-хана и его соглядатаев, отсылал ценные экспонаты на склады, специально отправлял носильщиков с грузом – до своего возвращения с гор. В брюхо грифа он спрятал часть записок и снимков экспедиции и негативы.

– Чучела ты сохранил? – осведомился Гектор.

– Наверху они. В пустой комнате лежат. Кумай принес беду и смерть. Верны приметы Тянь-Шаня, – Ковальчук болезненно усмехнулся.

– Прочтем. Исследуем. Проведем экспертизы. За нами не заржавеет, – веско посулил полковник Гушин. – Вы мне скажите только – с какой целью вооружились помповой пушкой? Дробовик-то вам зачем?

– Я купил ружье давно, никакого отношения к нынешним событиям это не имеет. Все оформил законно. Меня еще при строительстве дома пытались ограбить мои же шабашники. И я испугался тогда. Я держал галерею и хранил дома картины, ценные произведения современного искусства. Это сейчас я почти разорен. Я приобрел дробовик для защиты от воров.

– Стреляешь ты сносно для новичка, – похвалил Гектор. – Врожденная меткость? Или учился кучно палить? Часом, не в стрелковом клубе мужа старшей сестренки твоей бывшей пассии?

– Я с Вероникой и ее мужем не общался, – ответил Ковальчук. – Ника – редкая стерва. Она вечно сестрой в юности командовала и помыкала. Наш роман с Ленкой из-за нее пошел прахом.

– А разве не из-за вонючего запаха вашей подруги? Вы же сами нам здесь жаловались, – тихо спросил Адиль Кашгаров.

Ковальчук глянул на него. Побагровел.

– Ты! Щенок! – взорвался он. – Еще раз посмеешь оскорбить ее, набью тебе морду! И одной рукой сподоблюсь!

– Тихо, свару отставить, – примирительно бросил Гектор. – Яд дома держишь, Толик? Кайся.

– Обалдел совсем? – бросил и ему злобно и грубо Ковальчук. Тон его резко изменился.

Гектор усмехнулся.

– А пестициды? – Он созерцал выходящего из себя Ковальчука.

– Да пошел ты!

– А если найдут при обыске?

– С вас станется. Вы и подкинуть способны! Ненавижу... Тебя больше всех. Я сразу понял, кто ты есть, когда ты ко мне в магазин явился – с ней. – Ковальчук яростно глянул и на Катю. – Берите, за чем явились. Только меня оставьте в покое!

Гектор взял его мобильный со столика у дивана. Расправился с Face ID, наведя камеру на Ковальчука, и отключил опцию.

– У меня еще вопрос. – Полковник Гущин явно пытался снизить градус противостояния. – У Шахрияра была уйгурская допа?

– Допа? – Ковальчук недоуменно покосился на него.

– Тюбетейка – черная, расшитая белым узором. – Полковник Гущин на своем мобильном предъявил Ковальчуку снимок допа, найденной на пустыре в Липках, недалеко от места убийства.

– Не видел я! При мне он в этой *узбекской кипе* не ходил, – отрезал Ковальчук.

Глава 34

Кумай

Полковник Гуцин вызвал в дом патрульных и оставил Ковальчука под их охраной. А сами они вчетвером поднялись на второй этаж в его домашний офис. Рядом в пустой комнате на расстеленном на полу полиэтилене стоял большой деревянный ящик из почерневшего дерева. В нем они увидели птиц: Синюю – символ счастья и кумая. Его чучело производило отталкивающее, жуткое впечатление: грифа выпотрошили и словно вывернули наизнанку, голова без глаз с хищным клювом на длинной шее. Огромные серые крылья с длинными перьями не вмещались в ящик.

– Кумай – существо из Нижнего мира? – спросил Гектор Адиля Кашгарова.

– Кажется, – ответил тот. – По древним легендам гор.

– Словно этот... как его... демон поверженный на картине, – полковник Гуцин мрачно созерцал грифа. – Выбрал же себе «мула» для *посылки в вечность* профессор Велиантов!

Записки экспедиции и фотографии из чучела кумая они нашли на столе в пластиковой папке, в прозрачном файле лежали другие снимки с обгорелыми краями, полученные Ковальчуком от Нур Абдуллы Шахрияра. Гектор усадил Катю во вращающееся кресло у стола, а сам наклонился над ней, просматривая весь архив и одновременно сравнивая документы и фотографии с закачанными Ковальчуком в мобильный сканами и снимками. Открыл его ноутбук, проверил файлы. Он действовал быстро – они располагали ограниченным временем, полковник Гуцин обязан был вскоре вызвать на место происшествия оперативную группу и криминалистов-экспертов для обыска дома и участка.

– Папки с материалами возьмем с собой, Федор Матвеевич, внаглую присвоим, – усмехнулся Гектор. – Данные по экспедиции в его мобиле и в компе я сейчас удалю. Ваши станут проверять его гаджеты. Отсечем лишних любопытных. Пусть созерцают чучела в ящичке и дивятся. Думаю, Ковальчук скачал все свое богатство еще и на

флешки, сделал копии, чтобы подстраховаться. Но где он их спрятал, мы никогда не найдем. Он не скажет.

Гектор стер всю информацию из гаджетов Ковальчука – остались лишь материальные носители, и они начали их просматривать. Читать! Оказалось, многое они уже знали из музейного архива – Велиантов тщательно дублировал свои записи. Но кое-что было новым и крайне интересным. В брюхо чучела грифа профессор спрятал подробный отчет о наблюдениях за Синей птицей. Он составил его строго по музейным правилам на имя директора зоомузея и подписался своим полным именем, указав должность, поставив дату и год. Именно из орнитологического отчета Ковальчук и узнал о членах экспедиции 1931 года. Велиантов перечислил поименно всех своих коллег с указанием их рода занятий в качестве соавторов научного открытия обитания Синей птицы у пика Хан-Тенгри. Далее шла записка, сделанная его же рукой:

Двое наших носильщиков третий день подряд страдают жестоким поносом. Юсуф Шахрияр вспомнил своего отца – уйгурского купца-фрамацевта из Верного, тот кроме коммерции занимался и медициной. Учил Юсуфа оказывать первую помощь больным. Но его знаний недостаточно, и у нас в походе нет необходимых лекарств, а Юсуф подозревает дизентерию. Поэтому я отправляю носильщиков обратно. Они повезут наши бесценные экспонаты, Павел пакует чучела грифа и второго добытого нами экземпляра Синей птички в ящик. Носильщики клятвенно обещали добраться до складов и сдать все под расписку на хранение до нашего возвращения. В Ак-Булуне все и дождется нас на складах. Я не отправляю остальное обычной почтой после страшной гибели нашего проводника – китайца, лучше пока все спрятать надежнее. Носильщиков в пути могут подстеречь люди Дэв-хана. Почту – письма, посылки – они сразу отберут. А чучела птиц им без надобности.

– Отсюда Ковальчук получил исходные данные для розысков потомков Юсуфа Шахрияра, – заметила Катя.

– Именно. А склады в Ак-Булуне – Светлом мысе – те, куда планировал съездить Юрий Велиантов. – Гектор наклонился к ней вплотную, заглядывая в документы через ее плечо. – Ящик с чучелами и тайным содержимым после пропажи экспедиции завис в Светлом мысе, возможно, на долгие годы, а затем отправился в свое тайное путешествие по горам. И через девяносто лет всплыл в лавке на базаре. Вывод: либо Юрию Велиантову в шестьдесят втором помешали добраться до Светлого мыса, убили в пути, либо... складов уже не существовало. Он ничего не обнаружил, когда все же добрался туда.

Следующую запись, сделанную знакомым профессорским почерком на вырванном из блокнота листе, они читали чрезвычайно внимательно.

Павел и Юсуф подвергли себя огромному риску, тайком фотографируя караван Дэв-хана. По словам Павла, все произошло совершенно случайно: они направлялись к горной реке, неподалеку от нее в ливень они несколько дней назад нашли очень странный грот. Я снова не смог идти с ними на поиски птицы – чертова лодыжка все еще болит, сильное растяжение у меня, ковыляю с палкой по нашему лагерю. Мы с юным Даудом вдвоем коротаем время, занятые консервацией экспонатов. Но теперь, после появления каравана Дэв-хана, становится слишком опасно. И я склоняюсь к мысли отослать мальчика домой насовсем. Павел и Юсуф невольно подсмотрели яростно охраняемое Дэв-ханом от посторонних. В уйгурских кишлаках и айлах киргизов и казахов мы слышали упорные слухи: он переправляет награбленное в Китае сюда, прячет в горах. И вот – реальное доказательство. Караван с ценностями. Мы ходим сами по лезвию бритвы. Тот грот... нам еще предстоит его исследовать. Павел и Юсуф сказали мне – пещера двойная, они проникли лишь в первый грот. А затем, по словам Юсуфа, ему стало плохо. Но Павел мне по секрету шепнул – форменная истерика вдруг приключилась с нашим замечательным фотографом в темной пещере, когда он узрел на полу те кости, а затем у них погас факел. Я Юсуфу

объяснил – пещера годами могла служить пристанищем хищников. Например, ирбиса – барса. А он, казалось, еще больше устрился. Он умница, огромный талант, таких фотографов и в Москве поискать. Он оборудовал полевую фотолабораторию для печати снимков в палатке, хотя и трепещет за их качество. Юсуф одержим своей профессией, но боится за сохранность негативов, вдруг те промокнут во вьюках или повредятся при наших переходах? Поэтому старается всегда напечатать, сколько возможно, снимков. Конечно, его усилия в полевых условиях ограничены, но мы с Павлом ему безмерно благодарны. Юсуф старается ради науки, и с ним наши изыскания не пропадут зря. Но в некоторых вопросах он истинный сын Востока – суверен до крайности. В уйгурских кишлаках он внимал рассказам местных о предке Дэв-хана – демоне-людоеде с почти детской непосредственностью. Он, кажется, уверен: они с Павлом наткнулись на логово самого мифического дьявола. Его просвещенный дух в смятении. Поэтому я не вправе добавлять ему терзаний еще и за младшего брата. Вскоре я отправляю Дауда домой, он повезет с собой то, что я сочту нужным с ним передать. Караван с ценностями грозного басмача – четкий сигнал. Опасность рядом с нами, и мальчика надо уберечь. А одну фотографию каравана Юсуф все же сейчас ухитрился напечатать, прибежал ко мне показать. Остальное пока на негативах.

– Все-таки Юсуф делал в походе фото на бумаге, – объявил Гектор.

– Вы оказались правы, Гектор Игоревич, – согласился полковник Гуцин. – Есть снимок каравана с ценностями?!

– Вот он. – Катя, глянув на фотографии, выбрала одну.

Они увидели потрескавшееся расплывчатое фото. С дальнего расстояния Юсуф заснял склон горы, тропу и караван – лошадей и ослов под охраной вооруженных людей, облаченных в ватные халаты, чалмы, туркестанские папахи. Лошадей навьючили огромными

тюками и ящиками, перевязанными канатами. Ослы тоже везли на себе горы поклажи, почти скрывавшие их самих – низеньких и коренастых.

– Миллионы, если в каждом вьюке золото, драгоценные камни, ювелирка! – Полковник Гуцин взирал на фотографию с затаенным восхищением. – Нехилый клад собрал Дэв-хан.

– Восемь лошадей и два ишака. – Гектор забрал снимок, выпрямился, повернулся, стараясь осветить его наилучшим образом. Изучал пристально.

– Ясно теперь, с чего в Ковальчуке алчность выиграла: узрел фото и прочел пояснения, – продолжал полковник Гуцин. – Я б тоже вострепнулся и решил узнать – где же все это добро спрятали? Пещера Али-Бабы... Вот вам и доказательство – караван!

– Из двух тюков – кстати, они у разных лошадей – торчат пулеметы: Lewis времен Первой мировой и французский «Гочкис». А ящики на двух других конягах – явно с патронами к пулемету, – задумчиво объявил Гектор. – Еще одна вьючная лошадка тоже везет ящики. Они оружейные, возможно, в них винтовки, револьверы, старые «маузеры». А здесь вообще и слепому видно – один ящик со старинными гранатами «РГ-14». Пять лошадей из восьми каравана, сдается мне, везут арсенал, а не ценности. Хотя остаются в зачет версии клада мешки и тюки на спинах остальных трех коняг и двух ишаков.

– Вам, Гектор Игоревич, лучше всех нас известны способы транспортировки у разных моджахедов, прошлых и нынешних, – резонно ответил полковник Гуцин. – А по-моему, можно везти все кучей – и пулеметы с патронами, и алмазы с изумрудами. Напали на караван – выхватили они ваш «Гочкис» из тюка и положили всех очередью. Дэв-хан был не дурак, не рискнул бы отправлять награбленное, не вооружившись до зубов.

Гектор молчал, продолжал внимательно рассматривать фотографию каравана.

Катя придвинула к себе новые листы, вырванные из тетради. Профессор Велиантов писал:

Увиденное внутри потрясло нас до глубины души. Подобный шанс выпадает человеку раз в жизни. Мы его поймали вместе с нашей Синей птицей. Это подлинное

сокровище... Бесценное, не виданное еще никем и нигде. Но мы должны действовать с осторожностью, избегая лишнего шума. Я в больших раздумьях относительно дальнейшей судьбы найденного нами. Великое достояние, уникальное по своей сути... Но я в замешательстве: что нам предпринять в ближайшие дни? Разумнее было бы сейчас не предавать сделанное нами в гроте открытие широкой огласке. Не обращаться к властям. Восток – сложный организм. Мы здесь, по сути, все еще чужестранцы. Мы должны вернуться в музей, и лишь там, в полной безопасности, я смогу рассказать все. Потребуется много времени и много людей для работы в гроте и вывоза ЭТОГО из нашей пещеры Али-Бабы с ее фантастическим содержанием. Но не местным же дехканам и кочевникам из айлов заниматься подобным. Нужны умелые руки, умные, знающие помощники. Мы бы с Павлом и Юсуфом за месяцы не управились, начни сами извлекать найденное из грота. К тому же Юсуф сейчас плохой помощник. С ним вновь приключаются приступы паники. Я пытаюсь его урезонить – взываю к его разуму, образованию. К цивилизации в его душе, а не к тьме суеверий. Но он ничего не желает слушать, словно сам горный Дэв, злой демон Хан-Тенгри, завладел им. А может, и так? Юсуф твердит – мы все в страшной опасности. Дэв-хан не простит нам своего тайного грота. А мы в заочном поединке с ним не вправе уже делать ошибки. Слишком важное стоит на кону. Дауд уходит домой насовсем. Он повезет с собой не только мои бумаги и наши фотографии. Он заберет и материальное доказательство. Я не могу отдать ему большой и тяжелый груз – он все же подросток. Я вручу ему захваченное нами из грота, его он и заберет с собой и сохранит до нашего возвращения. Если с нами случится беда, по крайней мере, наши открытия не пропадут даром. О них узнают в будущем. И нас не забудут.

Гектор вернул фотографию каравана в папку и разложил на столе три других – из чучела кумая. И еще три фотографии с обгорелыми

краями, привезенные инженером Шахрияром, в прошлом отданные пятнадцатилетнему Дауду профессором Велиантовым. На трех первых фотографиях с разных ракурсов Юсуф снимал панораму гор с четко виднеющимся пиком Хан-Тенгри. На обратной стороне каждого фото профессор Велиантов подписал: *«Подходы к пещере с тропы. Главный ориентир – Хан-Тенгри. С данного места – его наилучший обзор на всем протяжении гор. Правда, надо всегда делать скидку на погоду. Пик служит вечной неизменной отправной точкой, если стоять к нему лицом на этой площадке в горах. Река, где у брода далеко внизу по течению мы впервые видели Синюю птицу. Справа по склону. Идти до расщелины. Затем внутрь».*

Катя не могла оторваться от снимков: Юсуф Шахрияр стремился четко запечатлеть отправную точку для поисков пещеры. Ей вспомнились слова Велиантова из записки в музее: «Вход в грот замаскирован самой матушкой-природой». На трех других фотографиях с обгорелыми краями она сначала не различила ничего. Сплошной мутный фон. Но нет... все же проступают из мглы – гранитные стены, каменный свод...

– Здесь вход в грот, – пояснил ей Гектор. – А на двух других снимках то, что внутри. Но Юсуф фотографировал своей допотопной «лейкой» при свете факелов и при вспышке. А в пещерах съемка затруднена и современными камерами.

– Кости на полу, – тихо молвил полковник Гуцин. – Видите? Ребра. Кого-то съели там, что ли? И еще, еще позвонки... Ешкин кот, весь пол в костях!

Они разглядывали снимок – Юсуф фотографировал именно пол. Толстый слой белого. В объектив «лейки» попал костяной остов. Подобное запечатлел он и на третьем, последнем снимке – пол, усыпанный белым крошечком, каменную стену, дальше на снимке клубилась темная мгла: вход во второй грот и...

– В глубине большая тень, – заявил Гектор, вглядываясь. – Юсуф снимает перспективу второй пещеры из первого грота, стоя на пороге, но освещение у него аховое.

– И точно не разглядеть ни тюков, ни ящичков, ни поклажи. – Гуцин сначала сдвинул очки на кончик носа, затем прижал их пальцем к переносице.

– А это что еще? – спросила Катя, указывая на обгорелый край снимка. Она видела некий предмет, но не могла его внятно описать.

– Вроде темная труба. – Гектор поднял брови. – И по закону подлости здесь фотку огонь обкорнал. Спалил почти четверть изображения.

– Откуда в горном гроте труба? – изумился полковник Гуцин.

– Адиль, ваше мнение? Вы в горах свой. – Гектор отдал переводчику фотографию.

– Я городской, – ответил Кашгаров. – Затрудняюсь насчет изображения на фотографиях. Они все очень старые и плохого качества. А эта особенно. Кадр размытый, нечеткий. Но трубы я лично никакой не замечаю.

– А что вы видите? – поинтересовался Гектор.

– Тени, – ответил Кашгаров. – Сплошные тени на стенах и на полу от факелов в пещере. Игра света и тьмы горных недр.

– Резонно, – согласился полковник Гуцин. – Но Велиантов пишет – в гроте сокровище. Караван его доставил туда. Они караван сфотографировали в пути. Чему верить? Его запискам или снимкам?

– Ладно, позже продолжим с этой частью пазла, – объявил Гектор, складывая все в папку. – Катенька, я снова хочу тебя послушать. Мне крайне важны твои выводы и анализ.

Катя помолчала секунду, собираясь с мыслями.

– Сначала насчет «доказательства», хранимого семьей Шахрияра, – произнесла она. – Я просто не могу поверить... Инженер Шахрияр убеждал Ковальчука – вроде ни он, ни его родные никогда не интересовались содержимым ящика, пострадавшего при пожаре. Невероятно! И против человеческой природы. Против обычного врожденного любопытства. Ладно, допустим, сам инженер его не проявлял. Но его отец и его бабушка – жена Дауда! Оставшись вдовой, неужели она не пыталась узнать – в чем тайна отданного ее мужу на сохранение, если из-за нее Айнур пошла на убийство и поджог? Неужели никто из оставшихся Шахрияров с тридцать девятого года не пытался расковырять «камешки» и заглянуть внутрь спекшейся от пламени породы? Сам инженер, собирая деньги для освобождения сына, продал машину. Неужели он, предполагая наличие в «камешке» алмаза или дорогой жемчужины, сам не захотел достать ее и продать? Пусть он и боялся за свою жизнь... Но любовь к сыну все перевесит.

Но нет, не стал, сбыл Ковальчуку. И я думаю, вот почему – в его семье давно знали: никаких драгоценностей в обгорелых комках вообще нет. Ваши эксперты, Федор Матвеевич, вскрыли пятьсот капсул и ничего в них, кроме горной породы, не нашли. Наверняка в остальных капсулах то же самое. Эксперты не найдут ни золотого самородка, ни алмаза. Вопрос – какая в капсулах горная порода? И порода ли? Может, нечто другое? Помните удивительные речи бабушки инженера Шахрияра? Ковальчук нам цитировал с его слов – *не выкидывай на помойку, внук, хранимое дедом*. Разве бы просила она «не выбрасывать», подозревая в обгорелых комках драгоценности? Да никогда! Глухонемой Дауд с ней объяснялся знаками, рассказывал без утайки, и они вместе открывали ящик еще до пожара. Я уверена, она видела содержимое, еще не поврежденное огнем. Но не золото и алмазы, нечто иное. Ее внук – инженер Шахрияр – остро нуждался в деньгах, и поэтому намеренно и настойчиво внушал Ковальчуку мысль о существовании драгоценностей – доказательства в посылке. Он желал получить с Ковальчука за «камешки» обгорелые максимум. Еще меня поразила одна вещь.

– Продолжай, – попросил Гектор. Он весь обратился в слух.

– Профессор Велиантов во всех своих записках – и спрятанных в чучело, и отосланных в музей – употребляет слова «сокровище», «пещера Али-Бабы», «бесценное». Но конкретно ничего не говорит о тюках или ящиках каравана в гроте. Он объясняет: не желаю пока предавать факт находки широкой огласке. Даже не хочет информировать местную советскую власть... он человек старой, дореволюционной закалки. Профессор планирует вернуться в Москву и подключить зоомузей. К чему? К вывозу клада Дэв-хана? Или нечто другое он хочет отдать своей альма-матер в качестве вещи, «потрясшей их всех до глубины души»? В чучело кумая он поместил разрозненные записки. События, произошедшие за несколько дней, недель. Снова неясна их хронология – какое происшествие следовало за другим. Превращая грифа в тайник, Велиантов намеренно запутывает следы. Из осторожности? На случай, если вдруг кумай попадет в чужие руки до его возвращения? И еще одно. В своем десятистраничном отчете об открытии ареала обитания Синей птицы у Хан-Тенгри он пишет очень подробно обо всем, кроме названия мест, где они ее наблюдали. Там же все как-то называлось местными жителями в тридцать первом году –

например, Белое урочище, Черный лес... Странно для орнитолога. Его открытие касается ареала обитания невиданного ранее вида птицы и просто обязано быть привязано к конкретной...

– ...локации! Точно, Катенька! – воскликнул Гектор. – И меня поразило. Велиантов напускает тумана. Грот ведь рядом, близко. Укажи он хоть один местный топоним – все может открыться. А он не хочет. Он запланировал сделать объявление только в стенах своей альма-матер в Москве, подальше от Хан-Тенгри и Дэв-хана. Хотя есть и другой вариант, вполне реальный.

– Какой? – спросил полковник Гущин. Он слушал Катю и Гектора, погрузившись в собственные размышления.

– Намеки о местах наблюдений Синей птицы Велиантов мог указать в письмах к сестре Полине, – ответил Гектор. – Вторая часть пазла. Ее заполучил лишь Юрий Велиантов. Сдается мне, он рванул к Хан-Тенгри не наобум. Он же знал про склады в Ак-Булуне. Откуда? Конечно, из писем Велиантова сестре. Мог и другое почерпнуть, про ориентиры на местности, например. Или Велиантов прислал более детальные фотографии Полине. Сестре своей он полностью доверял. А она не отдала его письма в музей, другие – да, но не эти. Но нам уже никогда не узнать наверняка. Катя, что еще тебя удивило?

– Реакция Елены Красновой на фотографии с обгорелыми краями... из грота, – ответила Катя, смотря на снимки на столе. – Мы сейчас все видим то же самое. И мы в недоумении. А она изучила снимки и заволновалась... Тени от факелов на снимках на нее подействовали? Темное бесформенное во мгле грота? Или предмет, похожий на трубу? Краснова – профессиональный ученый. Она воспринимала снимки иначе, чем мы или Ковальчук. Вдохновленная ими, она, не колеблясь, решила отправиться в Шалаево к посыльному Шахрияра одна, без Ковальчука. Помните ее слова – *ты неправильно можешь оценить тот предмет, а я разберусь на месте?* Но она ведь не подозревала про капсулы в желудке «гонца»! Она думала: «доказательство» в обычной посылке-коробке будет находиться, вещь из грота или... ее части, пусть и раздробленные временем и пожаром. «Камешки», со слов инженера Шахрияра Ковальчуку... Если Ковальчук был одержим кладом, то и она тоже. Но они воспринимали клад по-разному. Ковальчук в виде драгоценностей на миллионы, а

Краснова – она же нам сама сказала... в качестве «бесценного сокровища».

Катя помолчала. И добавила:

– И еще я думаю – Краснова играла с Ковальчуком в собственную игру. Сначала она ему кинулась помогать, вспомнив их юношескую любовь, да... Но затем на каком-то этапе начала действовать автономно и, возможно, даже скрытно от него. Вопрос: одна ли она была – или за ней кто-то стоял? Кто-то из музея? Адель? Всеволод Горбаткин? Скромный библиотекарь Покровская с могущественным сыном-чиновником? Пока неясно. Но в одном я уверена.

– В чем? – Гектор смотрел на нее, не отрываясь. В его серых глазах вспыхивали искры.

– Лишь исключительное обстоятельство – резкое ухудшение самочувствия – не позволило Красновой в тот понедельник самой отправиться в Шалаево за посылкой. Яд и ее таблетки начали действовать. Сердечный приступ развивался исподволь, и она не рискнула отправиться далеко за город на электричке. У нее не хватило бы сил.

– Убийца Нур Абдуллы Шахрияра сломал ему пальцы на руке и резал его ножом, явно пытал перед смертью, – заявил мрачно полковник Гущин. – Но, видно, не дознался про капсулы у посыльного. Шахрияр мог ему назвать место и время, но не способ транспортировки посылки. Знал ли Ковальчук про капсулы? Нет. Вопрос: тогда не он ли наш убийца, несмотря на его притворство? «Мула» раздели догола, забрали даже одежду – искали у него посылку. Но убийца не догадался, где она спрятана. Не Ковальчук ли это? Лгущий нам столь искусно и нагло?

– Ковальчук и Шахрияр пили в ресторане, и инженер многое выболтал и без пыток, – возразил Гектор. – Налей Ковальчук Шахрияру еще коньяка, тот бы, пьяный вдрызг, и про капсулы разоткровенничался. Но при условии – если бы сам знал. А я считаю, его братан молочный Черный Ильяс не удосужился сообщить ему. Шахрияр попросил его об одолжении переправить важную посылку, чтобы ее на таможне не вскрыли и не конфисковали. Ильяс по старинке задействовал свой проверенный путь наркотрафика. А братану и не вякнул, лишь дал наводку на курьера и место встречи.

За окном уже светало. Гектор забрал документы и фотографии. Они спустились на первый этаж. Полковник Гуцин подошел к сгорбившемуся на диване Ковальчуку.

– Я беру вас под стражу до выяснения всех обстоятельств, – объявил он. – Посидите в здешнем ИВС. Позже врач осмотрит вашу руку.

– Я никого не убивал! Я невиновен, – глухо произнес Ковальчук.

– Тебя в камеру закрывают ради твоей же безопасности, Толик, – по-свойски – все же после пальбы и драки они одной ниточкой связаны – заявил Гектор. – Ты ж себя следующей жертвой считаешь, да? Они все мертвы, а ты живехонек. И многое знаешь, по мнению убийцы. Вдруг он и на тебя охоту открыл? Берегись. А в изоляторе ты целехонек. В доме-то, кинь мы тебя сейчас здесь одного... ты ж со страха заскулишь на луну, спать ляжешь с пушкой под подушкой. Или нет?

– Да пошел ты! – снова огрызнулся Ковальчук. – Озаботился моей безопасностью, подонок!

Полковник Гуцин вызвал по телефону оперативную группу и криминалистов-экспертов – искать в доме Ковальчука пестицид джин фумиган, хотя и не надеялся даже его обнаружить. Если Ковальчук отравил Краснову, то давно уже избавился от улики. Гектор срочно отослал мейл «должнику в покер» – снова пробить по камерам трассы в Вороново «Тойоту Лендкрузер» Ковальчука в день убийства вдовы Осмолдовской. Полковник Гуцин остался на Серебрянке, они втроем возвращались в Москву без него. По пути Гектор сказал Кашгарову:

– Ваш шеф Абдулкасимов наверняка останется вами доволен, Адиль. Вы же ему доложите о случившемся.

– Я обязан его подробно информировать. Поразительные вещи я услышал, – ответил Кашгаров. – Господин советник обрадуется быстрой поимке человека, которого приказал мне найти. Мы теперь знаем: Ковальчук просил Нурсултанова разыскать Шахрияра, – но не уверены в остальном, да?

– В чем? – спросил Гектор.

– В его виновности в убийствах. Господин советник сочтет подобные сомнения вашей полиции забавной вещью. – Кашгаров вздохнул. – А может, нет? У него сложный характер и нетривиальный ум.

– Абдулкасимов окажется в курсе, из-за чего весь сыр-бор, – усмехнулся Гектор. – Грот у Хан-Тенгри. Что бы он ни скрывал – это достояние вашей страны, да? Нет?

– Чья земля, того и клад – у нас дома всегда решали в пользу землевладельца, – тоже усмехнулся Кашгаров. – Жаль, если все это очередная химера, подобно поискам древнего армянского монастыря с мощами апостола на дне Иссык-Куля. У нас тьма подобных легенд и сказок. Приезжают со всего света, ищут и... ни хрена, простите за грубость.

– Адиль, а ваш шеф – он ведь не мусульманин? – неожиданно спросил Гектор.

Катя глянула на мужа. О чем он вдруг?

– Не исламист.

– Абдулхамит Абдулкасимов – уйгур? – задал Гектор новый вопрос.

– Да. У него в роду кто-то из Монголии, – ответил Кашгаров.

– Желтые уйгуры?

– Кажется. Он никогда не распространялся. Хотя я ведь тоже уйгур, – Кашгаров вздохнул. – У меня среди предков – казахи. Насчет нашей общей национальности с господином советником – он бы не взял меня внештатным переводчиком, если бы я не был уйгуром, как и он. Много кандидатов на место в посольство претендовали, а он выбрал меня, земляка. У нас всегда предпочитают своих.

– Простите за бестактность, но все же спрошу, – вежливо продолжил Гектор. – Вы сами исповедуете ислам?

– Я космополит и агностик, – рассмеялся Кашгаров. – Обожаю Сеул, корейские сериалы и попсу. С шести лет мой учитель китайского языка – даос – внушал мне следовать своей судьбе, плыть по потоку жизни. Помните фильм с незабвенным «седьмым самураем» Тоширо Мифуне? Он сидит у горной реки в кимоно и с катаной, пускает по воде цветы белых камелий. Я фанатею от тех кадров.

Катя смотрела на него в зеркало заднего вида. Его черные волосы слиплись от влаги. Он пах речной тиной. О сравнениях полковника Гущина она не подозревала, но Адиль и ей напомнил экзотичных и вычурных персонажей Манги.

Глава 35

Сборы

– Мы отправляемся к Хан-Тенгри, – объявил Гектор Кате. – У нас все доступные части пазла, исключая то, чем владел Юрий Велиантов, и похищенное у его вдовы. Осталось самое главное. Ядро головоломки.

– Пещера и ее тайное сокровище? – спросила Катя. – Думаешь, нам по силам ее отыскать?

– Найдем. Сделаю для тебя. Грот – мой тебе свадебный подарок, – ответил Гектор и поцеловал ее.

Они были в ванне вдвоем. Горячий ароматный пар. Ванная, знакомая Кате еще с первого ее приезда в дом Гектора вместе с майором Вилли Ригелем из Староказарменска. Отделанные суровым серым камнем стены, большая ванна-бассейн черного камня, утопленная в пол. Рядом бывшая гостевая комната – теперь их спальня. Вернувшись домой в Серебряный Бор в половине шестого утра, они нашли спальню подготовленной сиделкой. Кровать пока еще та же, где Катя лежала без сна незабываемой ночью, когда майор Вилли Ригель, друг Гектора, слушал его историю про «блистательный Кавказ» – чеченских боевиков, замученного ими брата-близнеца, плен, пытки, увечье. В спальне, с ее простой, стильной мебелью, единственное украшение – кованая тибетская поющая чаша на полу у панорамного окна. В чашу сиделка налила воды и поставила белые лотосы из Катиного свадебного букета. А корзинами с розами украсила лофт – странно они смотрелись в суровой обстановке спортзала на фоне кирпичных стен. Дом, когда они вернулись на рассвете, встретил их темнотой и сонной тишиной.

– Открой дверь сама, ладно? – попросил Гектор. – Все здесь твое. И мы с отцом тоже.

Катя достала из сумки ключи, еще прежде отданные ей Гектором, и отперла дверь. После пальбы, допроса, возвращения вместе с Кашгаровым в Москву (они довели его до съемной квартиры на Карамышевской набережной) они лишь сейчас оказались наедине. В Кате пережитое на Серебрянке все еще «громыхало», жило, не

отпуская. К счастью для себя, она из машины не видела самого страшного – когда Ковальчук целился с пяти шагов в упор в Гектора, а тот его опередил на долю секунды, обезоружив ударами.

В ванне в горячем пару она обнимала мужа. Гектор, целуя ее, сбивчиво шептал:

– Как ты шикарно тачкой ворота снесла... О-о-о-о-о! Катенька моя... Да я ж его, дурака, сам уже... А ты защищать меня бросилась. Без оглядки, без страха. Жена моя прекрасная... Только лотосы твои в тибетской чаше поставили, ваз у меня нет... Не обзавелся... Ничего, а?

– Хрусталь – не твое, Гек, всегда подозревала, – тихо смеялась Катя, целуя его сама.

– Зато кинг-сайз я заказал. Вернемся с Хан-Тенгри, кровать наша немереная уже в спальне. – Гектор, обнимая, прижал ее к борту ванны, зарываясь лицом в ее мокрые волосы, осыпая ее жаркими поцелуями.

– Гек, предупреждаю заранее и всерьез – я никогда ни в какие походы не ходила. Тем более в горы! Я полный профан. Я не умею даже разжечь костер! И я боюсь насекомых. Пауков, гусениц... если заползут в палатку...

– Доверься мне снова полностью. Это наше первое свадебное путешествие, я все беру на себя... А детали... мы о них потом... не сейчас...

В результате проснулись они, естественно, очень поздно – после полудня. Гектор принес Кате кофе из кухни на первом этаже.

– По нашей традиции – мятный капучино, – он протянул кружку Кате в постель и устроился рядом со своим двойным эспрессо.

– Гек, а Гуцин? – спросила Катя, пробуя мятный капучино своей новой семейной жизни.

– У нас же свадебное путешествие! – Гектор, обнаженный, могучий после их ночи, сиял. – Пятая спица в колеснице?

– Шестая. Бросим его на произвол судьбы? С его убийствами? Не возьмем к Небесной горе? Ай-яй-яй! Не есть хорошо. – Катя тоже улыбалась – они с мужем понимали друг друга с полувзгляда.

– Вдруг он сам откажется? Хватит ума, – смеялся Гектор.

– Федор Матвеевич вознамерился поймать убийцу и найти пещеру Али-Бабы с алмазами. Мне его упрямство знакомо. Он рванет в командировку на Тянь-Шань следом за нами.

– Позавтракаем, я ему позвоню, – обещал, смягчившись, Гектор. – Слово за ним.

Гущин ему по телефону объявил: дома у Ковальчука ядов и пестицидов при обыске не нашли. В мобильном его номера Красновой и Шахрияра, но телефона Осмоловской нет. Ковальчук в ИВС, адвоката уже нанял. Гектор, прочтя ответ на свой мейл о проверке «Тойоты» Ковальчука, тоже его огорчил – никаких черных «крузаков» при повороте в Вороново камеры вообще не зафиксировали.

Услышав от Гектора про поездку к Хан-Тенгри, Гущин надолго умолк.

– Жду вас с Катей в четыре, я освобожусь в главке и угощу вас обедом. Теперь моя очередь приглашать вас, молодоженов, – молвил он наконец. – Обсудим очно, Гектор Игоревич.

Встретились они на Никитской, в «Кофемании» – Гущин ждал их на веранде, меланхолично созерцая памятник Чайковскому у Консерватории, усиженный голубями. И думал думу.

– Ковальчук мной задержан на основании филькиной грамоты – «неосторожное обращение с оружием», – сообщил он. – В любом случае он пройдет подозреваемым лишь по двум убийствам – Шахрияра и «гонца». Уголовного дела о смерти Красновой нет. Эпизод в Вороново коллеги расследуют ни шатко ни валко, у соседей Осмоловской оказалось полное алиби на время гибели вдовы. Их отпустили. Вы оба собрались на поиски грота Дэв-хана, – продолжил Гущин. – Я долго размышлял после вашего звонка, Гектор Игоревич. Убийца-то... если это не Ковальчук, а некто другой, неизвестный нам пока, тоже туда рванет. А может, он и сейчас уже в горах рыщет? Ежели у Осмоловской он забрал нечто очень важное для поисков. Раз пошел на убийство старухи... И мы до сих пор не докопались ни с какой стороны, чем он завладел. Ковальчук многое раздобыл. Но той вещи у него нет... Была бы – мы бы ее нашли. Выходит, не он убил Осмоловскую? Все мной перечисленное в зачет поездки. Против – самое весомое. Я совершенно не верю в возможность найти пещеру.

– Шансы у нас есть. Записки, а главное, фотографии помогут, – ответил Гектор. – И еще имеется в помощь важный фактор. Но я его назову только на Иссык-Куле. Здесь бессмысленно обсуждать.

– Почему? – хмуро, но со скрытым интересом осведомился полковник Гущин, делая официанту общий заказ по меню (он же

пригласил их обедать).

– Издалека не видно ни зги, – ответил Гектор. – А мы далеко от Хан-Тенгри.

– Ясно. Вы будто в покер со мной играете, полковник, – Гущин усмехнулся. – Ставки повышаете? Короче, взвесив все, я за... Готов сам превратиться в Индианну Джонса на недельку. Вы же вроде с собой меня позвали? Небесная гора... Хоть полюбуемся на ее красоты, если нас ждет неудача. А может, и душегуба прищучим с поличным. Вдруг проколется он? Явит себя в горах.

– Мы с женой рады вашему согласию. – Гектор кивнул Гущину и глянул на Катю (она пока дипломатично не вмешивалась). – Небольшой вопрос. Туристское снаряжение имеете? Или нам заказать на месте для вас? Для нас с женой у меня почти все есть, исключая разные мелочи. Мы их в Караколе арендуем, вместе с внедорожником.

– Я раньше на рыбалку ездил, у меня одежда имеется подходящая, палатка, – перечислил Гущин. – Ох, багаж волочь с собой авиаперелетом... До Бишкека полетим?

– На неделе два последних прямых рейса на Иссык-Куль в Каракол, – ответил Гектор. – Ближе к месту базы пропавшей экспедиции. Летняя программа авиакомпаний заканчивается. Хотя на озере еще в сентябре отдыхают, в горах мало туристов, но нам это только на руку. Мы с Катей подберем в интернете жилье на озере в окрестностях Каракола. Там аэродром, он нам пригодится. Арендуем гостевой дом под нашу базу, откуда и двинем дальше. День на сборы. Вам, полковник, оформить командировку, нам заказать билеты на самолет. Кстати, у вас есть трекинговые ботинки?

Полковник Гущин важно кивнул, хотя он не знал слова «трекинговые». И ботинок не имел.

– А я запаслась, – похвалилась Катя гордо. – Купила на распродаже зачем-то, думала – не скользкие на зиму. И не носила – они дубовые. В коробке лежат новенькие.

– В местах, куда мы направляемся, сейчас почти везде вполне комфортный туризм, инфраструктура, – объявил Гектор. – Но поход в горы – нечто иное. А горы... они очень разные. Я никогда не ездил на Тянь-Шань, он для меня тоже в новинку.

– Чему-то общему для гор вас же научили в боях с боевиками на Кавказе и в Тибете, Гектор Игоревич? – хмыкнул Гущин.

– В Тибете монахи, – усмехнулся Гектор, игнорируя слово «Кавказ». – Тренировали своих послушников и меня – иностранца – взбираться без снаряжения по отвесной скале, преодолевать преграды – заборы, стены – и падать с трех и пяти метров, не ломая костей. – Он глянул на их лица. – Без паники. Прикол.

Но Катя поняла: ее муж шутит всерьез. Однако страха она не испытывала – нет, она предвкушала и спонтанные короткие сборы, и саму поездку в неизведанное на поиски тайны Пропавшей экспедиции – их с Гектором невероятное свадебное путешествие. Она и представить себе не могла, что их ждет.

Глава 36

Иссык-Куль

Сборы и перелет в Каракол остались в памяти Кати воплощением яркого упорядоченного хаоса. Она поражалась способности Гектора держать под контролем огромное количество важных и нужных мелочей, обстоятельств, неувязок, событий, вечно сопровождающих тех, кто собирается в далекое путешествие в чужую страну. Весь багаж экспедиции Гектор собрал лично, одновременно переписываясь с киргизской туристической компанией в Караколе, занимающейся трекингом в горы, заказывая на месте необходимое по списку.

– У меня только одинарный спальник есть, не годится он нам с тобой. Купим новый двуспальный в Караколе, фирма привезет вместе с остальным. И еще две палатки «Greenell» арендуем у них, – объявил Гектор.

Катя по мере сил помогала ему паковать багаж в большой кладовке – гардеробной рядом с кухней на первом этаже, заполненной всякой всячиной от доски для серфинга до армейских баулов, набитых до отказа.

– У тебя же есть палатка для нас, – Катя указала на тюк в центре горы багажа. – И у Гущина своя.

– Душ и туалет, – Гектор улыбался. – Чтобы комарики не кусали тебя в кустиках. Разные бяки-гусеницы не ползали, не пугали... Все портативное, с удобствами, биотехнологии. И душ – я воды в складном ведре для тебя нагреею на костре, залью в емкость и плескайся. Ну и старине Гущину тоже тепленького – из-за легких. Сам я и в ручье горном вымоюсь.

У Кати сразу отлегло от сердца, когда она услышала про походный туалет с биотехнологиями в приватной палатке. Она ужасалась в душе «кустиков», хотя вида не показывала, храбрясь.

– Гек, все расходы на наше свадебное путешествие пополам, – заявила она твердо. – Ты не должен все один оплачивать... пожалуйста, Гек.

– У нас теперь все общее. А ты крайне независимая, Катеньш, знаю это за тобой. – Он вытащил кредитницу и начал доставать

платежные карты, словно для своего покера. – Держи. Это карты банков стран СНГ, турецкого и четыре наших. – Он вручил карты Кате. – Киргизскую дай мне, она нам пригодится уже в аэропорту Каракола, и одну нашу. Остальные храни у себя. Ты – наш бессменный казначей.

– Удержу тебя от безрассудных трат в поездке, – Катя смотрела на мужа. – Прибавь две моих кредитки. Одна будет у тебя, другая у меня.

Гектор заказал в туристической фирме трансфер из аэропорта, попросив минивэн. Затем они с Катей выбрали по интернету гостевой дом – на берегу Иссык-Куля, в предместье Каракола. Гектора интересовало его расположение и уединенность. Катю – степень комфортности. На фотографиях она увидела просторный кирпичный особняк с фруктовым садом и флигелем за бетонным забором, внутри чистота и все удобства. Гектор списался с хозяевами и внес предоплату за аренду. Авиабилеты он тоже заказал: в бизнес-классе на последний утренний рейс осталось лишь одно место. Остальные в эконом. Гектор вознамерился лететь экономом вместе с Гуциным, а Катю устроить бизнесом, но она отказалась: нет, мы с тобой вместе, а бизнес отдадим Федору Матвеевичу. Перед отлетом Катя долго разговаривала с сиделкой насчет свекра, та ее успокаивала: не волнуйтесь за нас, мы с генералом привыкли, Гектор Игоревич и прежде оставлял нас надолго.

В аэропорт на следующее утро полковник Гуцин, извещенный ими о времени отлета, не опоздал, явился со своим багажом.

– Командировку быстро оформили, – похвалила его Катя, они все уже стояли в очереди на регистрацию на рейс.

– Не стал связываться. Взял десять дней в счет отпуска, – ответил полковник Гуцин. – Итак, к делу, я вношу свою лепту в общий котел. Сколько? Расходы немаленькие, хотя у киргизов вроде все и дешево, говорят, однако... Гектор Игоревич, уладим сразу. Не привык ходить в должниках. Ни у кого.

Гектор продиктовал ему номер карты и сумму вноса в общий котел. А Катя смотрела на Гуцина и вновь поражалась произошедшей в нем кардинальной перемене: не оформил командировку, не пожелал привлечь внимание начальства к цели поездки в Киргизию.

Весь полет она сладко проспала на плече у мужа. Гектор оберегал ее сон и тихонько отсылал мейлы – в туристическую фирму и в другие места, готовя Кате сюрпризы. Затем он углубился в изучение карт

местности в мобильном, листал файлы. Полковник Гушин благоденствовал в бизнес-классе – он никогда не летал в нем за всю свою жизнь.

В маленьком и несуетном аэропорту Каракола их ждал трансфер. Они загрузили в минивэн багаж и добрались до гостевого дома. Их встретили хозяева – старик лет девяноста, его пожилая дочь и два взрослых внука. Их добротные жилища за глухими заборами занимали всю тихую улицу у самого озера, а один дом они сдавали приезжим на Иссык-Куль. Хозяева сразу угостили их пловом – он томился на улице в большом казане, распространяя аромат специй.

– Ассаламу алейкум, бай-аке! Саламатчылык!^[24] – приветствовал Гектор старика-аксакала и его семью.

Хозяева отвечали на русском. Катя, поздоровавшись, оглядела дом, тот утопал в зелени фруктового сада – грушевые деревья, алыча, яблони, инжир. Виноградная лоза обвивала беседку и флигель. По дорожке мимо кустов роз гордо вышагивал павлин. Полковник Гушин замороженно им любовался. Павлин изогнулся и распустил свой хвост. Из окна спальни с большой кроватью на втором этаже Катя увидела Иссык-Куль. Синева воды... Бескрайняя лазурь... Гектор подошел к ней сзади, обнял, и они вместе долго смотрели на озеро.

– У Велиантова и его друзей все начиналось здесь, – произнес он тихо. – Расставшись с экспедицией альпиниста Погребецкого и с охраной, они отправились в собственное путешествие. Куда? У меня есть несколько идей насчет их возможного маршрута.

– Ты обещал рассказать про важный фактор нам в помощь, – напомнила Катя.

– Время пришло – скажу. Мы на озере. Ты отдохни немного. Я созвонюсь с менеджером фирмы насчет завтрашнего дня. Отведем плова и засядем за бумаги экспедиции с привязкой к нашим дальнейшим поездкам.

Катя приняла душ в ванной, переоделась и прилегла. Шум в ушах... Гек еще в самолете ее предупреждал: нужна короткая акклиматизация – от перепада высоты, Иссык-Куль ведь горное озеро. За одним окном – вода, в других – алыча на ветках. Полковник Гушин в компании павлина и пожилой хозяйки, не умолкающей ни на минуту, шествует к флигелю – он обосновался в нем, не желая мешать молодоженам в доме...

Их свадебное путешествие в поисках тайны...

Грот...

Небесная гора...

Гектор... любимый...

Немного поспав, Катя почувствовала себя лучше, акклиматизация шла своим чередом. Плов с барбарисом оказался наивкуснейшим, хотя и очень жирным. После обеда они втроем устроились в беседке, увитой виноградом. Хозяева ушли, предоставив гостей самим себе. Гектор на столе беседки разложил фотографии, словно пасьянс, открыл в мобильном файлы с записками.

– Горы не меняются с течением времени, в отличие от остального рельефа, – сказал он. – Велиантов поступал мудро, заставляя фотографа Юсуфа снимать в качестве главных ориентиров именно Хан-Тенгри с определенного места. Однако сравнить существующий рельеф с запечатленным на фото можно лишь оказавшись именно в точке или в нескольких точках, откуда и производилась съемка.

– Азбука, Гектор Игоревич, – вздохнул сытый полковник Гуцин, объевшийся плова и баранины. – Вы упоминали важный фактор, чтобы можно было установить местонахождение грота. Слушаем вас с Катей внимательно.

– Фишка важная: Хан-Тенгри, пик-семитысячник, виден в основном лишь со стороны Китая из Синьцзяна, – ответил Гектор.

Катя замерла, подалась вперед, вперяясь в фотографии.

– Но как же... Гек! Они же не ходили в Китай! – воскликнула она. – Велиантов нигде не писал, что они в Синьцзяне! И Дэв-хан гнал свой караван оттуда!

– Да, границу их экспедиция не переходила. Альпинисты Погребецкого тоже – они просто покорили Хан-Тенгри. В Киргизии имеется лишь одно место, откуда виден пик непосредственно в горах, во всех других локациях его всегда заслоняют более низкие вершины, – объявил Гектор. – Место – долина Иныльчек. Экспедиция Погребецкого ее посещала – их маршрут хорошо известен. Вопрос: были ли с ними в тот момент орнитологи? В записках из архива музея Велиантов упоминал: фотограф и Ланге ходили с альпинистами в короткую разведку, искали пути к Хан-Тенгри. Продвигаться напрямую к пику в Киргизии можно со стороны именно Иныльчек или озера Мерцбахер, экспедиция альпинистов пробовала оба варианта. Но

мы не знаем, до какой точки добрались с ними наши орнитологи. Есть крупные неувязки.

– Какие? – спросила Катя.

– Трекинг весьма суровый, он для альпинистов, не для дилетантов, хотя у Велиантова имелся проводник – тот обезглавленный китаец... И еще долина Иныльчек – в общем-то ледник. – Гектор помолчал. – Залетала их Синяя птица столь высоко? Не уверен. С другой стороны, кумай, добытый ими, водится в основном высоко в горах. В любом случае маршрут на Иныльчек нам стоит отработать. Без него мы не двинемся дальше. Его надо изучить, сравнить с фотографиями экспедиции и... либо взять за основу, либо исключить.

– А есть другие места, откуда виден Хан-Тенгри? – озадаченно спросил полковник Гущин.

– В Киргизии нет. Только в Китае, в Синьцзяне. – Гектор глядел на разложенные снимки.

– И мы летели в этакую даль?! Узнать от вас здесь – мол, надо-то нам в Китай, ждите визу туда полгода?! – Гущин всплеснул руками.

– Виза не поможет. В Синьцзян китайцы практически не допускают иностранцев, – нейтральным тоном ответил Гектор.

– Вы на нелегальный переход границы намекаете?! – взорвался Гущин. – Катя... я тебя предупреждал! Черт! Связались с авантюристом! Вам, Гектор, может, и не привыкать к подобному, но я... мы... Катя! Почему ты молчишь? Он твой муж! На какие вещи он, безумец, нас толкает?!

– Федор Матвеевич, не кричите, – спокойно осаждала Гущина Катя. – Мой муж все объяснит сейчас нам.

– Хан-Тенгри – Властелин Неба – отлично виден еще из одного места в радиусе примерно ста шестидесяти километров от Иссык-Куля, – ответил Гектор. – Из ущелья Комирши.

– А где оно, Гек? – спросила Катя.

– В Казахстане. По прямой от ущелья до Хан-Тенгри всего сто километров. И через Комирши в горах есть тропа к площадке, откуда пик отлично виден, его не заслоняют другие вершины. Ущелье расположено дальше от китайской границы, чем долина Иныльчек. Но все это один район, где могла путешествовать экспедиция Велиантова. Кстати, Ак-Булун со складами тоже в том направлении.

– Велиантов про Казахстан вроде ничего не писал, – озадаченно заметил Гуцин. Он постепенно успокаивался, услышав про второй маршрут.

– В те времена весь регион считался Туркестаном, – ответил Гектор. – Административные границы советских республик существовали, но никто в горах на них не обращал внимания. А Велиантов упоминал казахские айлы. В этом регионе гор, Федор Матвеевич, в основном проживает уйгурское население, казахи и киргизы тоже, все они издавна живут в тесном соседстве на Тянь-Шане.

– Нам придется ехать еще и в Казахстан? – осведомился Гуцин.

– До ущелья Комирши от нашего гостевого дома три с половиной часа в горы на машине, есть пункт пропуска на границе, никаких проблем, – пояснил Гектор. – Но сначала нас ждет долина Иныльчек.

– А сколько туда добираться? – спросила Катя.

– Мы полетим. На вертолете. Я заказал у нашей фирмы. Они его используют для перевозки групп в базовый лагерь альпинистов. Он уже закрыт, сезон альпинизма закончен. А мы слетаем. Полюбуйтесь на Хан-Тенгри сверху. Я спущусь туда, откуда он виден наилучшим образом, и сравню рельеф. А потом вы меня заберете.

– Вертолет... Да полет черт знает сколько стоит! – снова заволновался полковник Гуцин.

– Это наше свадебное путешествие с женой, о чем речь? – улыбнулся Гектор.

– Я оплачу свой полет сам!

– Нет, полковник.

– Гектор Игоревич, я не располагаю такими средствами, как вы, я не был денежным вышибалой в интересах неких структур, – Гуцин побагровел. – Я простой полицейский, но, повторяю, я ни у кого никогда не ходил в должниках. И к вам в кабалу я не намерен попасть. Типа – вы мне должны, сделайте мигом... Как вы с остальными обращаетесь.

– Они со мной в покер режутся. Игроманы отвязные, блин, – Гектор смотрел на него. – А вы наш с женой соратник и друг. Да? Моя Катя вас безмерно уважает. Слушайте, вы же ничего нам на свадьбу не подарили! Ну, презентуйте свое участие в полете в долину Иныльчек.

– Федор Матвеевич, пожалуйста! Не отказывайтесь! – попросила и Катя.

– Или, если жаль подарка нам, оставайтесь, прогуляйтесь по пляжу озера, а мы с женой на Иныльчеке отыщем пещеру Али-Бабы сами, – усмехнулся Гектор.

По лицу Гущина Катя поняла: муж попал в яблочко. Гущин, несмотря на упрямство, полетит с ними. Пещера Али-Бабы для него – тот еще магнит.

Перед ужином Гектор отобрал из багажа все необходимое для полета к семитысячнику Хан-Тенгри. Катя приготовила куртку-пуховик, свитер, теплые спортивные штаны и ботинки. Разошлись они рано. Гущин отправился к себе во флигель. А Катя с Гектором любили друг друга в комнате с окнами на Иссык-Куль. Оглушенные страстью, они заснули лишь под утро.

Они не знали одного – темной южной ночью мимо их гостевого дома проехал черный джип. Внутри сидели Абдулкасимов и Адиль Кашгаров. Они оба прилетели в Бишкек дневным рейсом и к вечеру добрались до Каракола. Абдулкасимов узнал по своим каналам через аэропорт о нужных ему пассажирах из Москвы. Пробил он и адрес, по которому они сняли дом. Каким образом – Адиль Кашгаров не вникал.

– Здесь они, в гнездышке, – молвил по-уйгурски Абдулкасимов. Он сидел за рулем джипа. – Никому не болтай, Адиль. Я тебя сюда выдернул с собой, чтоб ты в посольстве не молот языком зря. После твоего доклада мне... о них всех...

– Я вам послушен, бай-аке, – тихо ответил Кашгаров. – Но я не понимаю, почему вы все бросили и вернулись... Зачем?

– Попробовал бы ты мне перечить, пацан, – хмыкнул Абдулкасимов.

Якудзу он сейчас не напоминал. А вот на кого походил – бог весть.

Глава 37

Спуск

Полет в долину Иныльчек начинался в одиннадцать утра – к тому времени туман в горах должен был уже полностью рассеяться. Доехали до аэропорта на такси. По пути Катя разглядывала Каракол – чистый и зеленый городок: смесь обветшалой советской застройки, современных зданий рынка, торговых павильонов и исторического частного сектора, схожего обликом с казачьими кубанскими станицами. Миновали они и университет, где работал Нур Абдулла Шахрияр, на площади перед ним собирались студенты, жизнь кипела.

Пятиместный вертолет ждал их на взлетной площадке.

– Туристическая птичка? – спросил полковник Гуцин, оглядывая вертолет с затаенной опаской.

– Горные спасатели, – ответил Гектор. – Знаю, у кого арендую.

Он направился к вертолету, заговорил с пилотом, затем они вместе на глазах Кати возились у двери, что-то крепили, проверяли. Хотя день в Караколе обещал быть по-летнему жарким, Гектор перед посадкой надел на себя кожаный летный бомбер на меху – прямо на серую майку, открывающую его мускулистые плечи. Катя по его примеру натянула пуховичок. Полковник Гуцин утеплился еще пуше – куртка, свитер и даже шерстяная шапка на лысой макушке. У него внезапно зазвонил телефон, когда на посадку на аэродром заходил самолет.

– Алло! Федор Матвеевич! Не мог долго до вас дозвониться! Что за шум у вас? – раздалось по громкой связи.

Гуцин узнал криминалиста-эксперта и ответил – я, мол, в отъезде.

– Мы закончили исследование капсул, – объявил эксперт. – В остальных аналогичная субстанция со следами воздействия огня. Это части одного целого. Они складываются подобно мозаике. Хотя и с трудом.

– Во что? – спросил Гуцин.

– Мы еще не выяснили. Огонь сильно повредил структуру всех образцов. Проведем дополнительные экспертизы. Потребуется мнение не только геологов, других специалистов.

– Ты оказалась права, – объявил Гущин Кате, дав отбой. – Части одного целого. И Краснова предвидела это или догадалась. Хотела заполучить «доказательство» без своего Толика Ковальчука? Лично для себя? Но наши из-за пожара – при всей квалификации – никак не могут разобраться. А она бы просканировала «камешки» с первого взгляда?

– Она – ученый. И в зоомузее немало своих лабораторий, – заметила Катя. – Наш сосед по переулку – крупное научное учреждение. Бесплезно гадать, нам надо дождаться окончательных выводов экспертизы.

– В путь! – объявил Гектор, помогая им подняться в вертолет, и Катя моментально прилипла к иллюминатору, походившему на окно. Они взлетали!

Покружив над аэродромом, взяли курс на юг к долине Иныльчек. Внизу вилась дорога, обсаженная тополями, и горы на горизонте возделанных полей, поросшие лесом. Пастбище, белые юрты, лошади на альпийском лугу среди елей... Они полетели вдоль русла реки. Вдали – снеговые вершины. Они приближались... Вертолет начал набирать высоту – горы внизу с черными, лишенными растительности склонами, мрачные. И – новая долина, покрытая зеленой травой, пересеченная разбитой дорогой, вьющейся серпантинном. Пейзаж резко менялся, после вечного льда в ущельях снова зеленел густой лес, а затем начинались каменные голые осыпи – ни единой травинки, ни кустика.

– Приближаемся к пограничной зоне! – объявил, оборачиваясь, пилот. – Через семь минут мы в базовом лагере Иныльчек.

Катя увидела Хан-Тенгри. Он четко выделялся на фоне остальных вершин.

Вертолет приземлился на площадку в лагере туристов – он был уже законсервирован до следующего сезона. Пилот не стал глушить двигатель. Катя помнила снимки, и даже она, полный дилетант, сразу поняла – место не то. Пусть здесь, в долине Иныльчек, когда-то и побывала экспедиция Погребецкого и даже, возможно, Пауль Ланге и фотограф Юсуф Шахрияр приходили сюда с ней без профессора (в записках же упоминается об их коротком путешествии вместе с альпинистами), но не здесь Юсуф фотографировал маяки для тайного грота. Хан-Тенгри, однако, из базового лагеря был отлично виден, хотя его отчасти заслоняла другая гора.

– Промахнулись слегка, – бодро объявил Гектор, сравнивая снимки в смартфоне с пейзажем. – Следуем дальше. Есть еще живописное местечко. Дикое, но симпатичное, – добавил он голосом Карлсона из мультфильма. – Вертолет *прилуниться* не сможет. Пешком карабкаться два дня по леднику. Оно надо нам? Поэтому я один спущусь и гляну, вы меня заберете.

Кате горное солнце било прямо в глаза, она натянула капюшон пуховика и надела солнечные очки. Она не могла оторвать взор от Хан-Тенгри. И здесь еще не лучший его обзор... Какой же он во всем своем великолепии?

Вертолет снова взлетел. На этот раз Гектор попросил Катю сесть вперед рядом с пилотом, сам же расположился у самой двери. Вертолет следовал прямо к Небесной горе. У Кати захватило дух от восторга! Внизу клубились облака, а Хан-Тенгри вырастал из них. Он парил в своем гордом одиночестве в небе – снега его сияли под солнечными лучами. Катя, поглощенная панорамой горы, не видела с переднего сиденья, чем занят Гектор. Он еще раз проверил спусковой трос, карабин...

– Зависну на двадцатке, – объявил ему пилот, – ниже опасно, можно зацепить винтом за склон.

– Нормально, спущусь, – ответил Гектор.

– Беспарашутное десантирование? С двадцати метров? – спросил полковник Гущин тревожно. – Гектор... послушайте, а надо ли вообще... Риск какой...

– Внизу площадка с самым крутым обзором со стороны Киргизии на нашу гору и окрестные склоны рядом, подобно тем, на снимках. Должны же мы сравнить, убедиться – либо да, либо нет.

Вертолет начал снижаться. Гектор распахнул дверь, холодный ветер ворвался в салон. Гектор сел на пол, свесив ноги наружу. Катя обернулась. Сердце ее колотилось в груди.

– Гек!

– Спокойствие, только спокойствие! – Гектор смотрел на нее. – Все, пошел!

– Без страховки?! – ахнул полковник Гущин (Катя про такие вещи и не подозревала, а он знал). – Гектор Игоревич! Гек... Катя... Да скажи ему! Он твой муж! Что творит, сорви-голова!

Но Гектор уже легко скользил вниз по спусковому тросу.

– Федор Матвеевич, он всегда без страховки, всю свою жизнь, – ответила Катя, стараясь не показать Гущину сейчас... своих переживаний, страха за мужа. – Не нам с вами его учить... Ой... у меня даже голова кружится, глядя на него...

– Спустился по десантному канату ваш муж в два счета! – крикнул ей сквозь шум винта пилот. – Ну дает! А чего он там забыл? Эй, кнопку нажмите на лебедке, трос втянем, а то, пока виражи нарезаем, можем зацепиться. Дверь не закрывайте!

Полковник Гущин дотянулся до кнопки лебедки, она заработала, затягивая трос в вертолет. Катя смотрела в иллюминатор – Гектор далеко внизу стоял на заснеженном уступе над обрывом. Рядом громоздились скалы. Вертолет поднялся и начал описывать круги.

Гектор огляделся. Хан-Тенгри парил среди туч – казалось, до него легко дотянуться рукой. Но видение обманывало взор – семитысячник был далеко, формируя оптический мираж. Вплотную к уступу примыкали черные гранитные склоны. И они весьма походили на те, с фотографий. Гектор достал смартфон. Застегнул летный бомбер до горла – ветер здесь дул ледяной, но он вдыхал его полной грудью, с великим наслаждением.

– Хан-Тенгри! – крикнул он. – Она моя! Слышишь меня, Властелин Неба? Она – моя жена! Я ее люблю! Я счастлив!

Эхо подхватило его признание. Донесло до вертолета.

– Что он орет? – встрепенулся Гущин. – Нашел?! Наше место? Совпало с фото?!

– Он хвалится Хан-Тенгри: вы его жена, он вас любит и счастлив! – Пилот-горноспасатель, поднаторевший различать в горах вопли заблудившихся туристов даже сквозь шум винта, улыбался Кате, показывая большой палец. – Сила ваш муж!

– Забыл, зачем спускался. Ошалел молодожен! – не унимался полковник Гущин. Он испытывал жгучую тревогу за Гектора – тому ведь еще предстояло подниматься на двадцатиметровую высоту по тросу без страховки в вертолет. – Я тебя предупреждал, Катя! Навязался на нашу голову! Кстати, я читал «Илиаду» – если ты его реинкарнацией упорно считаешь, он и в Трое своей был полоумным! Другой на его месте отдал бы грекам ту бабу, зазнобу его братца... А он все на карту поставил – и себя, и Троию свою... Ради чего?

Гектор на площадке, занятый сравнением снимков в смартфоне с реальным пейзажем, внимательно изучал рельеф. Склоны, хоть и схожие видом, оказались явно не те. Долина Иньльчек им категорически не подходила. Он помахал рукой пилоту. Готов, забирай. Вертолет подлетел и вновь завис высоко над площадкой. Полковник Гушин запустил лебедку, опуская трос. Поймав его конец, Гектор начал легко подниматься, подтягиваясь на руках. Катя считала мгновения. Сильный ветер раскачивал трос. Внезапно его завело далеко в сторону, и Гектор повис над глубоким обрывом. Он начал подниматься в самом быстром темпе.

– На Кавказе привык, натренировался десантироваться на Казбек, – совсем иным тоном объявил полковник Гушин, приникший подобно Кате к иллюминатору. – Ничего, справится. Руки у него железные, ему и ветрило нипочем.

Гектор взобрался в вертолет, втянул трос и захлопнул дверь.

– В минусе, – объявил он. – Ничего полезного для нас внизу нет. Вообще рельеф не в масть. А не выпить ли нам кофе, друзья мои?

Разгоряченный подъемом, он скинул бомбер, оставшись в одной майке, сел рядом с Гушиным и достал из рюкзака термос и пластиковые стаканчики. Разлил всем угощение.

– Маасалама^[25], Иньльчек! – Он отсалютовал горам стаканом кофе.

Катя не испытывала разочарования. Наоборот, она безмерно обрадовалась – грот не здесь, в столь опасных, холодных, суровых и труднодоступных местах. Сюда Синие птицы не залетают. Лишь грифы кружат над пустынными ущельями... Черные точки в небесах.

Глава 38

Грецкий орех

Вернувшись с аэродрома, Гектор, Катя и полковник Гущин обнаружили во дворе гостевого дома арендованный джип с полным баком бензина и заказанное оборудование для поездки в горы. Ожидавший их менеджер турфирмы отдал Гектору ключи. На джипе они сгоняли на шумный местный базар за едой для похода. Попробовали у торговцев знаменитую аш-лянфу – острую лапшу – и курут – сухой соленый сыр. Купили самсу и слоеные лепешки каттама, помидоры, медовые дыни и фрукты. Гектор со знанием дела для похода выбрал уйгурскую лапшу-кесме, схожую с тибетской. Набил в арендованную сумку-холодильник маринованный бараний шашлык. Полковник Гущин приобрел для себя бутылочку сурчиного жира: натираться им для облегчения кашля. Пообедали в беседке гостевого дома и затем до темноты занимались погрузкой багажа в джип и проверкой арендованного снаряжения.

Усталый Гущин в десять ушел к себе во флигель спать – утром предстоял ранний подъем. Гектор мылся в душе на первом этаже гостевого дома. Катя на кухне заварила для него местный черно-зеленый чай. Забрав кружки, она поднялась в спальню, захотела открыть в соседней пустой комнате окно – ночь выдалась теплой, душной. Потянулась к выключателю и... В окне нечто резко, остро блеснуло. Свет из спальни отразился в чем-то... Окно пустой комнаты тоже выходило на озеро, но вид заслоняло огромное раскидистое дерево, росшее за высоким забором. Не включая света, Катя сделала шаг за порог, поставила кружки с чаем на пол и быстро спустилась вниз. Постучала в дверь ванной. Гектор, мокрый, в клубах пара, мгновенно распахнул дверь. Серые глаза его вспыхнули.

– Сама в руки ко мне прилетела, жар-птица моя... Иди ко мне... Катенька... – Он наклонился к ней, обдавая жаром.

– Гек, Гек... подожди... за забором... На дереве кто-то есть, – прошептала Катя. – Или мне померещилось... но нет, блик! Похоже на оптический прицел!

Гектор вышел из ванной, надел брюки карго – даже не вытерся полотенцем.

– Старый грецкий орех за забором со стороны озера? – спросил он.

– Наверное, орех, крона его густая, я никого не заметила в ветвях – темно же. Но блеснуло в листве ярко.

– Встань у стены и в окно не выглядывай, – Гектор подтолкнул ее к проему между окнами большого холла, забрал из своего армейского баула некий продолговатый предмет и бесшумно выскользнул в темный двор.

Держась в тени, он не стал открывать калитку, она могла заскрипеть и выдать его, легко перемахнул через трехметровый забор. Обогнул участок по периметру, приближаясь к раскидистому грецкому ореху, росшему снаружи. Вокруг царила темнота и тишина, дикий пустынный берег озера не освещался. Лишь сияли электричеством окна соседних домов. В густой листве грецкого ореха Гектор с расстояния никого не смог различить. Он достал зажигалку и запалил фитиль обычной петарды, взятой из баула (он заказал несколько штук с собой в поход на всякий случай). Подбросил петарду высоко вверх в направлении дерева.

Грохнуло!

Свист! Петарда над озером взорвалась салютом. А с дерева, круша и ломая ветки, прямо в руки Гектора с воплем свалился человек в камуфляже, задрапированный еще и маскировочной сетью с ошметками мха и растений. Лицо его скрывал укрепленный на голове прибор ночного видения. Гектор сгреб оглушенного падением соглядатая за шиворот, поволок на участок. Катя мужа ослушалась – при грохоте салюта пульей вылетела из дома, прихватив фонарь, распахнула калитку. Полковник Гуцин, разбуженный шумом, вышел из флигеля в одних трусах и футболке. Гектор швырнул незнакомца на землю. Катя посветила на него фонариком. Гектор наклонился, отстегнул лямку прибора ночного видения, сдернул его с головы поверженного и...

Они узнали Всеволода Горбаткина! Он повернулся, сел, моргая от яркого света фонаря.

– Ба! Птицман! Откуда взялся? – почти дружелюбно осведомился Гектор. – Прикид на тебе – зашибись! По деревьям во мраке скачешь?

Брачный сезон у мартышек-колобусов? Шпионишь?

– Я не шпионю! Просто я хотел знать, куда вы утром направляетесь... Меня Адель Викторовна послала следом за вами! – выпалил Горбаткин. – Я вас сегодня упустил, вы целый день где-то мотались. Я решил понаблюдать с ночи. Не из арендованной машины же мне следить! В частном секторе она будет на виду. А насчет костюма – я двадцать лет езжу в автономные полевые экспедиции бердвотчеров! – выпалил он с гордостью. – Всем необходимым располагаю и привык к суровым условиям! Поэтому Адель меня и послала. Сказала – если бы не колено, сама бы полетела, ни секунды не колеблясь.

– С чего вдруг? – Гектор рассматривал орнитолога уже с нескрываемым интересом.

– Потому что, по ее мнению, речь может идти о сенсационном научном открытии! – горячился Горбаткин. – Она опытный ученый – чувствует подобные вещи инстинктом исследователя. Она мне заявила: «Дерзкий яркий тип старается ради своей избранницы, он не отступится и непременно поедет на Тянь-Шань. Но он не понимает главного. Ему просто не дано осознать. А мы, музей... мы обязаны участвовать в этих событиях, что бы они ни принесли. Пусть и в чужой стране, но слава первооткрывателя должна принадлежать нашей альма-матер по справедливости – ведь именно наши коллеги, Велиантов и Ланге, были первопроходцами!»

– Как вы с Аделью Викторовной нас вообще нашли здесь? – изумилась Катя. Она обрадовалась: ее морок насчет прицела-оптики развеялся. Но Горбаткин! Никто не ожидал его увидеть снова уже в Караколе ряженного в камуфляж в образе Лиха лесного!

– Адель Викторовна мне заявила: «Дерзкий Гектор, – она запомнила все ваши имена и фамилии, вы же нам представлялись в музее, – отправится по следам пропавшей экспедиции в ближайшие дни, ведь конец сентября грозит уже непогодой – дождями и густыми туманами в горах. Значит, он не промедлит». Она позвонила коллегам-зоологам из Киргизской академии наук, спросила насчет туристических фирм, сдающих в аренду оборудование горным туристам в районе Хан-Тенгри и ученым. Фирм всего две – в одной нас послали, а в другой, когда она назвала ваши имена, ответили «есть

такие клиенты» и дали адрес в Караколе, по которому они должны доставить снаряжение и машину.

– Вот это Адель! – восхитился Гектор. – Федор Матвеевич, ей бы у вас в розыске служить.

– Ей как раз место в музейном серпентарии – ядовитой змее, – хмыкнул полковник Гуцин. – Ишь ты, расколола нас, кобра! Горбаткин! Смотрите мне в глаза! Отвечайте честно: она отравила Краснову?

– Да вы что! – Горбаткин, кряхтя, поднялся с земли. – Очумели? И в прошлый раз меня мурыжили, и снова-здорово.

– Значит, вы Краснову отравили по ее указке? Вы ее верный слуга, она вами командует! – надвинулся на него Гуцин. От него разлило сурчиным жиром. – Убрали вы Краснову на пару с гениальной ученой дамой, да? Раз, по ее мнению, речь может идти о научном открытии здесь, у Хан-Тенгри? Не важно пока о каком, но зачем делиться славой с конкуренткой?! Я вас с Аделью насквозь вижу. Вы – убийцы Красновой! Отравители!

– Я лично никого не убивал! Прекратите меня оскорблять! – взвился Горбаткин. – Я вам уже сто раз повторял – за других я не ответчик. Меня послали сюда по мере возможности отстоять интересы музея.

– Шпионить! – полковник Гуцин сгреб его за маскировочную сеть. – Ишь вырядился! Оружие есть?

– Нет у меня никакого оружия! Я обычный доцент! – Горбаткин суетливо отпихивал полковника Гуцина от себя. – Чем от вас воняет? Фу! Адель Викторовна велела по мере сил следовать за вами или присоединиться. Если бы я вас потерял здесь, я, возможно, отыскал бы вас в другом месте, указанном ею.

– А где? – с возрастающим интересом осведомился Гектор. – Федор Матвеевич, не трясите его, дайте Севе самовыразиться.

– Адель Викторовна и Покровская все дни вместе изучали записки Велиантова и Ланге. Затем они подняли в библиотеке подшивки журнала «Известия Всесоюзного географического общества» за тридцать второй и тридцать первый годы. За тридцать второй ничего не нашли, а в журнале, датированном августом тысяча девятьсот тридцать первого, они с Покровской наткнулись на последнюю опубликованную статью Велиантова «Материалы по

авифауне горного узла района Хан-Тенгри». Представляете удачу? Он написал ее здесь, на Тянь-Шане, в июне, понимаете? И с почтой отослал в музей. А музей отдал статью в журнал, и ее поставили в верстку на август, она вышла уже после пропажи экспедиции. Велиантов в статье упоминает свои июньские наблюдения на озере Тузколь. Он в своих записках, в отчете тоже говорит про озеро, но складывается впечатление – они все еще на Иссык-Куле, где расстались с экспедицией альпинистов. Но нет, оказывается, уже к середине июня их группа в поисках Синей птицы переместилась в направлении озера Тузколь и ущелья Комирши! Именно в том районе они и находились перед своим исчезновением. Адель Викторовна полностью уверена: именно в районе Комирши следует искать то, что они открыли. Она мне заявила: «Дерзкий Гектор тоже догадается про ущелье, потому что это второе место, кроме Иныльчек, откуда виден пик Хан-Тенгри, главный ориентир». Я бы встретил вас в ущелье. Вы ведь туда отправитесь, да?

Гектор усмехнулся, покачал головой: ну, музейные «божьи коровки» – Адель и ее подруга Покровская, хранительница библиотеки! А Катя с невольным восхищением подумала: у ученых свои методы поиска, отличные от используемых полицией и даже бывшими элитными спецоперами. Ученые на основании малого способны делать выводы о большом, глобальном. Изучая крохотную часть, они представляют себе целое. Такова Адель... Возможно, подобным талантом исследователя обладала и Елена Краснова, желавшая заполнить «доказательство» самостоятельно, без Ковальчука.

– Есть еще факты, кроме записок Велиантова, укрепившие уверенность Адель Викторовны относительно научной сенсации? – спросила она у Горбаткина, вспоминая пятнадцатистраничный отчет профессора о наблюдениях птиц, некогда прочитанный ею самой в архиве. Оказывается, он описывал обитателей не Иссык-Куля, а озера Тузколь.

– Адель Викторовна выяснила: Краснова перед смертью справлялась, когда выйдет из отпуска заведующий нашей лабораторией исторической ДНК, – ответил Горбаткин. – Неизвестно, правда, зачем он ей понадобился. Слушайте, раз уж мы все здесь вместе: вы – дилетанты в науке – и я – представитель нашей альма-матер... Мы

должны объединить наши усилия! Куда вы собрались утром? Я видел, вы паковали багаж в машину. Возьмите меня с собой!

– Ну да, чтоб вы нам в походный котел тайком яду подсыпали на природе! – хмыкнул полковник Гущин. – Наплевать мне на вашу ложь, Горбаткин! На Симоновом валу я вас искренне пожалел, но, видно, не зря Гектор Игоревич с вами жестко тогда обошелся. Теперь и я вижу вас насквозь! Потащились за нами в Каракол, шпионили, на деревьях маскировались, по указке спятившей властной ученой дамы. Отравите нас в горах и трупы спрячете – и опять никто ничего не найдет! И к первой пропавшей экспедиции прибавится вторая! С вас с Аделью станется.

– Вы мелете пещерную чушь! – отрезал Горбаткин и повернулся к Гектору: – Ты, крутой, едва меня не прикончил своим взрывом, но я... в интересах науки я готов тебя простить. Пожалуйста... я действительно прошу! Возьми меня с собой!

Гектор смотрел на него. Словно просчитывал варианты.

– Нет, ты лишний, Сева, – ответил он. – Катись.

Горбаткин наклонился, поднял из травы свой прибор ночного видения и поплелся к калитке.

Глава 39

Ущелье

Ночное происшествие на планы не повлияло – тронулись в путь в ущелье Комирши в семь утра после завтрака. Гектор специально сначала проехал по берегу Иссык-Куля, давая Кате возможность полюбоваться его грандиозной панорамой. Чистейший союз и гармония голубых небес и синей незамутненной воды в каменной чаше великого горного озера... Катя смотрела на Иссык-Куль – берега его бескрайние... Когда они проезжали указатель на Ак-Булун, Гектор, сидевший за рулем джипа, заметил:

– Адель Викторовна на первый взгляд блестяще вычислила район работы пропавшей экспедиции – аналитически. Маршрут экспедиции и для нас теперь прояснился, его основные пункты – Иссык-Куль, Ак-Булун (Светлый мыс) – склады, озеро Тузколь – статья Велиантова в географическом журнале, ущелье Комирши, открывающее вид на Хан-Тенгри. Я проверил в интернете: от озера Тузколь до ущелья чуть больше пятидесяти километров. Район поисков сужается. Но в аналитике хранильницы оссуария кроется подвох – все дело в ее личной гениальности или же... в обладании музейной бандой «божьих коровок» конкретного указателя к гроту? Вдруг все же она сама, или Горбаткин, или Покровская по ее указке отравили Краснову, а затем Горбаткин убил Осмоловскую? Он же ездил в тот день в Вороново – это факт. И его оправдания после слежки за нами вызывают еще большие сомнения. Если он завладел хранимым вдовой... У них перед нами большая фора.

– Я после ночной передряги уверен: Адель и ее подельники – отравители и убийцы, орудуют они сообща. А значит, старая ведьма послала Горбаткина не следить за нами, а устранить с дороги по возможности. Убить! – подхватил Гушин. – Вчера он ломал комедию: я простой доцент! А у него прибор ночного видения навороченный, он его на свою зарплату купил? Или они все щедро зачерпнули из музейных фондов? Ученый секретарь ведь ими тоже распоряжается. И общаком снарядили его, шпиона, чтобы прикончить нас. Здесь мы за границей. Поэтому должны проявлять осторожность ради нашего дела.

Не милицию же киргизскую привлекать? Они начнут вопросы задавать.

Пограничный пост они миновали быстро и без проблем, въехали в Казахстан. Дорога была вполне сносной, после равнины Ак-Булун снова начинались горы, покрытые лесом. Вдали – пастбища с юртами и горные села.

– Тихо-мирно люди живут, жуют насвай^[26], – усмехнулся Гектор. – В Москве они – мигранты, а здесь они дома и хозяева. А мы гости, смиренные чужестранцы. Мы – понаехавшие. Как вам, Федор Матвеевич, роль понаехавшего? – Он созерцал в зеркало заднего вида полковника Гущина. – Когда найдем пещеру Али-Бабы, делиться предстоит с хозяевами, а? Вы за дележ или против, полковник? Прикинули, сколько себе отожем тайно?

Катя с трудом сдерживала смех, глядя в зеркало на Гущина, он – внешне бесстрастен, не поддавался на подколы, однако... Золотая лихорадка и его сразила? Он уже вошел в роль Индианы Джонса – в «адидасах» с лампасами, непродуваемом жилете, кроссовках и бейсболке. А она его прежде видела лишь в деловых костюмах.

Внезапно у Гущина тренькнул мобильный.

– Федор Матвеевич, Ковальчука вчера утром следователь отпустил из-под стражи по ходатайству его адвоката! – раздался огорченный голос оперативника. – Я вам вчера весь день звонил, вы были вне доступа! Статью по неосторожному обращению с оружием следователь отменил. Адвокат убедил его и насчет остального – Ковальчук, мол, не выходил за пределы необходимой обороны. С него даже подписку не взяли! Я, помня ваш приказ, вчера проверил – его дома нет, вечером все окна темные! Он не на Серебрянке, где-то еще!

Они все слышали новость.

– И он на Иссык-Куль на самолете рванул? Или в Алматы? У него ж там давние связи дружка Нурсултанова. И в ущелье доберется? – спросил сам себя Гущин, давая отбой. – Насчет спрятанной им флешки с данными об экспедиции вы, Гектор Игоревич, предупреждали. А нам Ковальчук врал, значит? Они все – лжецы? Притворщики?

Дорога поднималась все выше в горы. Гектор остановился у автозаправки – последней на пути. Они запаслись топливом – дальше уже будет негде. Через двенадцать километров от заправки на фоне склонов показался уйгурский кишлак – аккуратные белые домики за

дувалами, новая мечеть, дом культуры. В придорожном магазине они купили свежих лепешек. В магазине громко крутили уйгурские песни. Пожилой хозяин в расшитой допа на вопрос Гектора, где в ущелье место с видом на Хан-Тенгри, начал подробно объяснять: оно известное, туда летом порой ездят туристы издалека, хотя горы Комирши – глухие, безлюдные и нечасто посещаемые окрестными жителями.

– Почему? – поинтересовался спокойно Гектор. – Там же вроде красиво.

– Страна духов. Издревле у нас повелось не соваться к ним – демонам Нижнего мира, стражам Хан-Тенгри. Аллах защищает нас здесь, – лаконично ответил хозяин магазина.

– А есть демон в вашем фольклоре, прозванный Жегич-людоед? – внезапно спросил полковник Гуцин.

Хозяин магазина глянул на него и промолчал. Вместо ответа угостил их всех горячим аткян-чаем: соленым со сливками, похожим на бульон. Катя выпила залпом – неловко отказаться. Гектор к соленому чаю привык еще в Тибете. А Гуцин даже смаковал – чай показался ему необыкновенно вкусным, смягчающим трахею и бронхи. Прощаясь, хозяин магазина предупредил: осторожнее на дороге, она скоро упрется в скалы – и дальше только пешком. Летом трясло пару раз (здесь сейсмический район), и среди скал образовались завалы, берегитесь камнепадов.

Дорога вилась мимо белых и черных скал, затем асфальт кончился, шоссе сменила колея, заросшая травой, даже джип порой вело. День, к счастью, в горах выдался погожим, ясным – солнце припекало. Они въехали в ворота Комирши – узкий тоннель среди высоких утесов, поросших густым лесом. Внезапно впереди выросли крутой склон и нагромождение обломков. Гектор затормозил. Он смотрел на склон, вытащил мобильный, пролистал снимки и...

– Ничего вам не напоминает? – тихо спросил он.

Катя, взглядевшись, осознала – и ей место знакомо, но... Гектор показал ей фотографию: склон горы и караван Дэв-хана.

– Караван здесь шел! – воскликнула Катя. – По горе взбирался! Гек! Федор Матвеевич!

Полковник Гуцин подался вперед к обернувшемуся к нему Гектору, заглядывая в его мобильный.

– Никаких сомнений, фото и картинка в натуре совпадают полностью. Юсуф и Ланге здесь застучали тот караван – Гектор внимательно разглядывал склон. – Все точно Юсуф запечатлел. А значит, и другие его снимки должны совпасть с пейзажами.

Они двинулись дальше. С обеих сторон высились бастионы скал Комирши. И через полкилометра путь им уже окончательно преградила быстрая горная речка, она текла на юго-запад, определил Гектор, с гор.

– Ориентир из записок Велиантова – речка, она течет и у грота. Синюю птицу они впервые видели, по словам профессора, «далеко внизу по течению», – вспомнила Катя.

– По берегу не пройти – камни, осыпи. – Гектор вглядывался в даль реки. – Разбиваем лагерь здесь. Поставим палатки и пойдем к площадке на верхотуре с видом на Хан-Тенгри. До темноты достаточно времени, мы туда доберемся и... дальше по обстановке.

Они начали разбивать свой походный бивак. Палатка Гектора оказалась надувной, он установил ее с помощью насоса за считанные минуты, помог полковнику Гущину поставить его палатку, организовал душ-туалет. Вытащил из багажника раскладной стол и три шезлонга, походный мангал, арендованные у фирмы. Они быстро перекусили самсой, слоеными лепешками и выпили кофе из термоса. Всем им не терпелось скорее увидеть Хан-Тенгри, подняться в горы и... сравнить фотографии и виды окрестностей. Катя сменила кроссовки на трекинговые ботинки. Гектор, однако, не стал переобуваться – видимо, по его мнению, подъем не представлял большой сложности. Он сориентировался с направлением по компасу в мобильном, с описанием маршрута туристических групп, скачанным еще прежде из интернета, и они отправились в путь. С собой Гектор взял лишь свой рюкзак со всем необходимым.

Шум горной реки... Заросли арчи... Кусты с красными и желтыми ягодами, хвойный лес, цветы вверх по склону... Катя уже через полчаса взмокла. Хотя она прежде и совершала долгие пробежки в Нескучном саду рядом с домом, трекинг оказался для нее делом нелегким. Гектор шел рядом, подавал ей руку, помогая карабкаться по осыпи, преодолеть гнилой ствол упавшей ели или груды камней. Он часто оборачивался на отставшего полковника Гущина. Тот брел все

медленнее, с трудом, лицо его покраснело, он задыхался, часто останавливался. Однако бодрился.

Внезапно раздался странный звук – завывание... стон... Они остановились.

– Что это? – спросил полковник Гущин.

– Шанхайские барсы. – Гектор глянул на него и сразу сменил тон: – Ветер свистит в расщелине. В горах вообще звуки прикольные.

Катя огляделась. Заросли густые, камни... У нее возникло неприятное чувство – словно за ними из леса или с вершины скалы следят чьи-то злые глаза... Пристально, по-звериному хищно...

– Мы в Нижнем мире? – спросил вдруг полковник Гущин. – Чудно! Нижний мир здесь на высоте над уровнем моря – какой?

– Больше трех с половиной тысяч метров, – ответил Гектор. – Отдохнули? Идем дальше?

Через полчаса подъема возник просвет в хвойном лесу и... они вышли на голый крутой склон, покрытый лишь травой. Впереди – гребень горы с острыми обломками серых скал. Солнце клонилось к закату. Они начали восхождение. Последние двести метров – и Катя стала задыхаться: крутой, тяжкий подъем. Гектор уже буквально тащил полковника Гущина на себе, помогая ему.

Катя в результате опередила их и выбралась на вершину гребня первой. И замерла!

Хан-Тенгри среди пурпурных облаков заката – грандиозный пик-пирамида – парил в небесах. Ниже – снеговые вершины, еще ниже – синие горы, а под ними – темные холмы, покрытые лесом. Вечернее солнце словно по волшебству освещало лишь один Хан-Тенгри, окрашивая его склоны в нежно-розовый... малиновый... огненный... алый... кровавый цвета...

Гектор и полковник Гущин взошли на гребень. Федор Матвеевич опустился на землю. Дышал тяжело и смотрел на Небесную гору.

– Боже милостивый, какая красота! – вырвалось у него. – И умереть не жаль здесь, *наверху. В Нижнем мире!*

Гектор, стоя сзади, обнял Катю, достал мобильный, и они вместе начали сравнивать панораму со снимками.

– Этот... единственный из трех обзорных, панорамных, полностью совпадает, – тихо произнес он. – Юсуф явно снимал отсюда. Но где же...

– В записках еще ориентиры. Река! Но здесь ее нет и не слышно даже. – Катя обернулась, заглядывая в его глаза. – Мы прилично удалились от русла. Гек, смотри, а два снимка – иные. Панорама Хан-Тенгри очень похожа, но... на фото справа черные скалы вплотную. А здесь их нет.

– Да, ты права, это не то место, – объявил Гектор. – Пусть и с видом на Небесную гору.

– Снова все зря? – покоряясь судьбе, спросил задыхающийся полковник Гуцин.

– Один панорамный снимок полностью совпал. А два – нет. Вывод – Юсуф и вся экспедиция определенно были здесь. Но грот где-то в другом месте, – ответил Гектор, оглядываясь. – Район немаленький. Нам надо тщательно поискать. Взять местного проводника, знающего хорошо горы. Здешняя площадка предназначена для туристов, до нее в общем-то несложно добраться. Может, есть и другие гребни на вершинах, откуда Хан-Тенгри как на ладони. Мы с проводником будем ориентироваться по руслу реки.

– Что ты предлагаешь? – спросила Катя.

– Спустимся в лагерь и стоняем в уйгурский кишлак, договоримся насчет проводника. Дело надо иметь с их джигит-беши, в уйгурских селениях он вроде старейшины и старосты, с ним все считаются. Спросим в придорожном магазине насчет него и заплатим ему – он сам нам найдет провожатого среди местных, если, конечно, захочет.

Полюбовавшись на Небесную гору на фоне заката еще немного, они начали спускаться в лагерь. Когда добрались до реки, уже стемнело, хотя было всего половина восьмого. Ужин у костра, несмотря на голод, пришлось пока отложить. Они сели в джип и поехали назад – к цивилизации. В уйгурском поселке оказались около девяти. Придорожный магазин был открыт – гремели уйгурские песни, стояло много машин, у магазина собирались мужчины в допа. Некоторые сидели у стены на корточках, другие стояли, что-то обсуждали. Разглядывали «понаехавших». Катя ощущала на себе их пристальные взгляды. Гектор взял ее за руку, и они вместе вошли в магазин.

– Не сможете найти вашего джигит-беши, дело у нас к нему срочное, – заявил Гектор с порога.

– Вы уже назад? Горы наши не понравились? – усмехнулся хозяин магазина.

– Нам нужен дельный проводник. Хотим попросить помощи у джигит-беши поселка.

– Я и есть джигит-беши. – Хозяин с усмешкой созерцал их. – Из нашего машряпа^[27] вряд ли кто согласится. Мы не водим туристов смотреть на Владыку Неба. Не наш хлеб.

– Я хорошо заплачу и проводнику, и вам, – объявил Гектор. – Доллары берете? Тенге? Рубли? Сомы? Плачу налом.

Джигит-беши ухмыльнулся, сверкнув золотыми коронками.

– Имин Хислат, может, и согласится за доллары. Если только захотите его нанять, нечестивца.

– А что не так с Имином Хислатом? – спросил Гектор.

– Алкаш. Позор семьи и честного рода. На запреты плюет, дует вино. Дай ему один тенге, он и его пропьет. Но в горах он свой. Его отовсюду за пьянство гнали, и он чабаном шабашил. Месяцами в горах ошивался – спускался лишь за водкой, вином да рисом.

– У него имя словно у Дэв-хана, – произнес Гектор. – Слышали о нем?

– Слышали, он жил давно, – джигит-беши смотрел на Гектора. – Берете Имин Хислата? Платите мне. – Он потянулся и прошептал Гектору на ухо сумму – чтобы не слышали его односельчане.

Гектор достал из кармана пачку долларов купюрами по пять и отдал ему.

– Я его разыщу сам и утром пришло к вам. Еще что-то нужно? – осведомился деловито джигит-беши.

– Лошадь вьючная и оседланная. – Гектор повернулся к полковнику Гущину: – Вы верхом ездить умеете?

– В детстве в деревне у бабушки на каникулах катался. – Гущин шумно выдохнул. – Вы обо мне печетесь? Вспомню навыки. Все лучше, чем пешедралом по горам. А то вы меня, Гектор Игоревич, словно куль волокли наверх сегодня.

– Имин Хислат явится верхом, где ваш лагерь? – пообещал джигит-беши, получая от Гектора уже пачку тенге и подробности о местоположении бивака. – Доброго пути вам завтра. И не давайте дураку пить. А то беды с ним не оберешься.

Глава 40

Перерезанная глотка

Поздний ужин по возвращении в лагерь Гектор организовал быстро – разложил костер, зажег мангал, достал сумку-холодильник с бараньим шашлыком. Вскипятил над огнем воду для чая. Катя помогала ему, насколько умела. Полковник Гуцин отдыхал в раскладном шезлонге, созерцая крупные сияющие звезды над головой, и сетовал:

– Парнем молодым в походы ходил на весь день, а потом еще с девчонками на дискотеке всю ночь отплясывал. А сейчас поднялся в гору – и лапки кверху. Старею.

– Ешьте больше мяса, Федор Матвеевич. – Гектор протянул ему шампур с шашлыком. – Завтра снова силы понадобятся, хотя и поскачете верхом. Чур не галопом, а то не угонимся с Катей за вами, джигитом.

После ужина Катя перед сном с наслаждением ополоснулась в палатке-душе. Из резинового резервуара текла горячая вода, нагретая Гектором на костре. Катя воду сэкономила – надо оставить и Гуцину вымыться. Гектор за душем разделся, намылился и вылил на себя ведро холодной воды из горной речки. Затем зашел в душ к Кате, и они, целуясь, вытирались одним полотенцем на двоих.

Сели греться у костра, Гектор укутал Катю в свой летный бомбер на меху. Сам остался в брюках карго, даже клетчатую рубашку не накинул. Блики костра на его мускулистом теле, на его лице. Катя откровенно любовалась мужем. Гектор Троянский... Среди древних гор под звездами он в своей истинной ипостаси. Вокруг их лагеря – первобытный мрак, но ей с ним ничего не страшно – ни тарантулы ядовитые, ни противные гусеницы. И даже если Дэв – демон, людоед – явится к ним, Гектор ее защитит. Ощущая тайный восторг, почти благоговейный трепет внутри, Катя вглядывалась во тьму, подступавшую к их костру со всех сторон. Что ждет их в гроте? Отыщут ли они его?

Внезапно... в ночной тишине зазвонил ее мобильный в кармане худи. Странно было слышать его мелодию среди ночи в диком

ущелье... Звонок резко оборвался, пока Катя доставала телефон. Дзинь! Пришло сообщение:

ПОМОГИТЕ МНЕ! УМОЛЯЮ!

Катя вперилась в экран, читая послание, сначала не могла даже понять – кто звонит, пишет ей в глухомань. Но внезапно...

– Гек! Это Горбаткин! – воскликнула она. – Его номер, он мне однажды звонил из музея, помнишь? Просит о помощи!

Она набрала его номер сама в одно касание – гудки... абонент вне доступа... гудки... И – входящий звонок!

– Всеволод? Что с вами? – спросила Катя тревожно, сразу включая громкую связь.

– Помогите!! Это не я его убил, клянусь... Здесь полно крови... Я очнулся, а он мертвый... Меня же обвинят! Помогите мне! Скорее! Умоляю!

– Где вы находитесь? – спросила Катя. Орнитолог, судя по голосу, пребывал в полной панике. Или притворялся?

– Я не знаю. Дорога темная... Я очнулся в машине на обочине. Вдали вижу огни, кажется, дома... Я заехал на заправку – последняя на пути к Комирши. А потом ничего не помню.

– Кто с вами?

– Мертвец! – Горбаткин задыхался. – Я не убивал, клянусь! Я его даже не знаю – какой-то местный. Он весь в крови... и я... тоже весь в его крови! Спасите меня!

Гектор забрал у Кати мобильный.

– Вылезай из тачки, птицеман. Не маячь на трассе. Спрячься, – скомандовал он. – Мы скоро будем.

– Полковник, вы прямо сейчас собрались его искать? Ночью? – Гушин поднялся с кресла.

– Здесь одна дорога. Огни, увиденные им, – уйгурский кишлак. – Гектор вылил на костер из котелка остатки чая, гася пламя. – Надо разобраться с орнитологом и трупом.

– Да он устроил нам ловушку! По приказу старой ведьмы из музея! – выпалил Гушин. – Он же поперся за нами в Комирши! Опять шпионит!

Но Гектор, на ходу натягивая толстовку, уже садился за руль, Катя спешила за ним в джип. Гущин плюнул в сердцах и последовал за ними. Гектор дал газ, они помчались мимо бастионов Комирши, Гектор выжал скорость под двести. Впереди мелькнул свет – фары легковой машины, съехавшей боком в кювет. Задняя правая дверь и передняя со стороны пассажира распахнуты настежь. Они затормозили, выскочили из джипа.

– Горбаткин! – хрипло окликнул Гектор.

Дальние заросли арчи затрещали – сквозь них будто хищник пробирался, привлеченный светом и добычей... Катя напряглась, Гектор заслонил ее собой. Он светил фонарем в чашу кустов. Из них медленно вышел Горбаткин. Вся его одежда, руки, лицо – в черных потеках. Кровь в свете фонаря...

– Я здесь! Петарду только не бросайте. У меня нет оружия и ножа нет! И это не я его прикончил! – сипел он, потрясая окровавленными руками. – Я даже не знаю, кто тот человек в машине! Он явно местный, но я...

– Стой, ближе пока не подходи, – приказал Гектор. – Федор Матвеевич, последите за ним.

Он вместе с Катей устремился к легковушке. У полковника Гущина, не спускавшего взгляда с орнитолога, возникло чувство – он уже видел подобное! Дежавю! В Липках на ночной дороге. Тачка... кровь... труп Шахрияра... Нет лишь одной детали – дорожки бензина и огня. Зато тоже имеется свидетель... или убийца?

Катя заглянула в салон – на заднем сиденье распростерся человек в куртке-бомбере. У него было перерезано горло от уха до уха. Рану нанесли с дикой страшной силой – почти отчленили голову. Свернутая набок, она держалась лишь на шейных позвонках. Гектор посветил фонарем – темноволосый затылок, мощные покатые плечи. Искраженный гримасой боли профиль...

Они узнали Абдулкасимова!

– Горбаткин, марш ко мне! – скомандовал Гектор. – Твоя тачка?

Внутри в салоне все залито кровью – сиденья, приборная панель, черно-багровые разводы на стеклах.

– Я ее арендовал у фирмы в Бишкеке по прилете. – Горбаткин приблизился на негнущихся ногах, стена от ужаса. – Я очнулся... У

меня голова страшно болит. А он сзади, из горла кровь хлещет, и я весь вымазан его кровью...

– Все по порядку выкладывай! – Гектор оглядел темную дорогу. В три часа ночи она пуста. Да и в остальное время тоже.

– Я утром рванул за вами в Комирши. У меня по пути за погранпостом спустило колесо, и я долго возился с ним. Но я смотрел карту – единственное шоссе в ущелье. Я собрался вас отыскать уже в нем, позже. Приехал на заправку, когда стемнело. Залил полный бак и решил поспать хоть немного, свернул на обочину.

– Здесь? – спросил Гектор. – Или у заправки?

– Нет, не здесь. Я проехал чуть дальше заправки, вперед. В темноте я не сориентировался толком. Задремал. Проснулся от стука в стекло – увидел фигуру. Мужик снаружи... я его не разглядел, он орал по-русски: «Ты где встал, идиот! Я в тебя едва не въехал!» Я спросонья даже не врубился, отключил блокировку, открыл дверь, высунулся и... больше ничего не помню. У меня затылок адски болит. Шишка. Меня, видимо, оглушили. – Горбаткин жалобно всхлипнул. – Очнулся я в темноте. А тот... мертвый сзади, и все в крови... Он вообще кто?!

– *Тарпан* в пальто. – Гектор ринулся к джипу, открыл багажник, начал рыться среди не выгруженного в лагере багажа. Извлек рулон черного полиэтилена. – Заберем тебя отсюда, птицман. Но заматаю тебя в пленку коконом, не то ты и нам тачку кровью пометишь. Стой, не рыпайся. Катеньш, помоги мне его упаковать!

Вдвоем с Катей они быстро завернули Горбаткина в широкий полиэтилен целиком, примотав его руки плотно к туловищу. Он едва не упал, скованный. Гектор ножом рассек пластик у его лица, давая дышать, взвалил орнитолога, словно спеленатую мумию, на плечо, затащил в багажник джипа, уложив на пол.

– Документы твои где? Паспорт? – спросил он его.

– Сумка в машине, – прохрипел Горбаткин.

Гектор оторвал еще кусок полиэтилена, обмотал кисть, сунулся в салон, стараясь не задеть ничего. Катя светила фонарем. Она не задавала лишних вопросов, просто помогала мужу. Он спешили. Гектор вытащил сумку орнитолога. Оглядел в круге света от фонаря – к счастью, кровь на нее не попала.

– Валим отсюда! – объявил он. – Быстро!

– Кто же зарезал Абдулкасимова? По-вашему, это сделал не музейный шпион – лжец?! – буквально взорвался полковник Гуцин, когда они на полной скорости возвращались в лагерь. – Черт возьми, откуда советник вообще здесь взялся?! Он же сотрудник посольства в Москве!

– Ставки повышаются, полковник, – ответил Гектор. – Насчет дипломатии... для бедолаги Абдулкасимова она и прежде, по слухам, служила прикрытием.

В лагере они освободили Горбаткина от пут. Гектор велел ему полностью раздеться и разуться, отмыться в душе от крови. Всю его одежду, кроссовки и полиэтилен он сжег в костре. Пламя ревело, полыхало. Тени метались по окрестным скалам. Гектор дал орнитологу свою одежду и ботинки для трекинга – они оказались Горбаткину велики.

– Велики – не малы, Сева. Отмочишь финт, сломаю тебе ноги и брошу на съедение здешней фауне, – ободрил его Гектор. – Итак, планы на остаток ночи. Всем успокоиться и спать до утра. А я подежурю. Послушаю горы.

Катя заползла в их новый двуспальный мешок, ощущая себя песчинкой в вихре... сорванным листом, летящим по ветру... Все случилось слишком быстро. Неожиданно... Она содрогалась, вспоминая страшный труп советника Абдулкасимова, боясь признаться самой себе в подозрениях о его возможном убийце. Через открытый полог она смотрела на мужа. Он сидел на земле у костра – напротив палаток и скорчившегося возле огня на пенке под запасным одеялом Горбаткина.

Шорох... треск в зарослях... Гектор встал. Все стихло. Он подкинул хвороста в пламя. Костер горел всю ночь. Пока не померкли звезды над Небесной горой.

Глава 41

Туман

Катя проснулась от стука. Открыла глаза и спросонья в первый миг не поняла – где она? У самого лица по спальному мешку шествовал крохотный паучок. Катя резко поднялась на локте, села. Свод палатки над головой, приоткрытый полог. Гектора рядом нет. Она взяла мобильный – сколько времени? Набрала «Казахстан» с учетом разницы – оказалось 7.11 утра. Батарея телефона скоро разрядится.

Вышла из палатки. Вокруг лагеря клубился густой туман. Все разом исчезло – горы, лес, само небо. Костер едва тлел. Катя увидела спящего Горбаткина, свернувшегося на пеньке улиткой. Глухой стук топора... Гектор рубил хворост для костра – приготовить завтрак в ожидании проводника. Катя полетела на крыльях к мужу. Гектор выпрямился, отложил туристский топорик. Шагнул к ней. Они провели целую ночь врозь!

– Привет, – он обнял ее. – Жар-птица моя... Отдохнула?

– Все мы, сурки, дрыхли, кроме тебя. Гек, а как ты поступишь дальше с Горбаткиным? – тихо спросила Катя.

– Придется теперь взять его с собой, – ответил Гектор. – Влип он капитально. В арендованной им тачке полно его ДНК, в багажнике его идиотская маскировка. Но у тачки киргизские номера, местные менты станут искать ее у соседей. И вообще, пока саму тачку с покойником обнаружат в здешней глуши, улитка едет... У птицемана есть пара-тройка дней удрать обратно в свою альма-матер. Он пойдет с нами и проводником, прежней дорогой через кишлак ему все равно теперь нельзя возвращаться, но из Комирши имеются и другие пути. Проводник покажет. Птицедан доберется до Алматы и свалит первым рейсом в Москву.

– Ты ему поможешь скрыться? Мы же его в убийствах подозреваем. – Катя смотрела на мужа.

– Спокойствие, только спокойствие. Главная наша задача – отыскать грот, – ответил Гектор. – С неприятностями разбираемся, не отвлекаясь от основной цели.

Катя не спросила его: кто же убил Абдулкасимова? Вопрос витал в тумане над их головами.

– Схожу за водой, – объявила она. Гектор кивнул и вновь принялся за рубку хвороста.

Катя взяла у костра складное ведро и пошла к речке. На берегу громоздились скользкие замшелые камни, она брела по течению, ища удобное место зачерпнуть воды. Туман слегка поредел – Катя увидела с берега бастионы Комирши. Шум – стук копыт и песня! Из тумана медленно выплыл всадник на лошади – низенькой и пузатой. Он покачивался в седле и пел громко на незнакомом языке. Песню глушил туман, но всадника ничего не смущало. Катя поняла – проводник Имин Хислат пожаловал и предупреждает их песней по обычаю горцев: еду с миром! И, словно в подтверждение, всадник остановился, завозился в седле, извлек из кармана подпоясанной брезентовой куртки флягу и присосался к ней. Выпив, он вновь загорланил песню и пустил коня рысцей. Катя помахала ему рукой, наклонилась, зачерпнула ведром воды из речки.

Стук камней...

Она обернулась. На дорогу перед всадником упали два бульжника. Конь отпрянул в сторону, метнулся к скале, нависшей над тропой и... Со скалы на всадника прыгнул человек в черном. В занесенной для удара руке его был нож! Незнакомец вознамерился сбить проводника на землю, но пузатая лошадевка в панике лягнула задними копытами, задев нападавшего, и тот упал на проводника плашмя, опрокидывая и его, и лошадь на бок. Нож отлетел в сторону.

Катя швырнула ведро! Кинулась к барахтавшимся на земле – она находилась всего в нескольких метрах от них, в отличие от Гектора, тоже услышавшего песню и шум в тумане. Проводник, придавленный лошадью, силился выпростать ногу из стремени, а нападавший – черный призрак в балаклаве – рванулся к нему, одновременно пытаясь дотянуться до ножа. Катя, визжа, подскочила и схватила его за обе ноги. Резко дернула на себя, оттаскивая прочь от проводника.

– Гек!!

Она старалась удержать нападавшего за ноги хоть несколько секунд, а он извивался, вырывался, обернулся, намереваясь достать ее кулаком. Но лошадь дернулась, вставая на передние ноги, и отбросила

его. Катя от толчка тоже упала, выпустив одну ногу нападавшего. В другую она вцепилась намертво.

– Пуссти меня! Убью!! – шипел черный призрак. Он гибко изогнулся, приподнимая верхнюю часть туловища – словно кобра, на мгновение забыв про проводника, намереваясь навалиться и подмять под себя Катю.

В этот момент подбежавший Гектор ударом ноги отшвырнул его прочь. Прыгнул, схватил за грудки, рванул вверх и ударил локтем в лицо. Первая вскочила с земли лошаденка, тряхнула спутанной гривой, заржала победно. За ней встала Катя. Проводник Имин Хислат, охая, поднялся на ноги, держась за бок, потирая поясницу.

– Какой шайтан меня сшиб с коня? – осведомился он, распространяя вокруг себя водочное амбре. Катя поняла – их проводник пьян. Оттого его реакция на нападение и шоковую ситуацию поразительно безмятежная. Ее же всю трясло.

Гектор, удерживая оглушенного ударом нападавшего, сдернул с его головы черную балаклаву. И Катя увидела Адила Кашгарова.

Вопрос, витавший в тумане, – кто убил советника посольства... получил ответ. Она еще ночью в душе страшилась своей догадки. Кашгаров был без сознания. Из его носа, раздробленного ударом Гектора, текла кровь. Гектор встряхнул его, словно черную куклу. Адиль Кашгаров открыл глаза – мутный взгляд.

– Ты потомок Дэв-хана? – спросил Гектор.

Кашгаров смотрел на него в упор, перевел уплывающий в беспамятство взгляд на Катю, проводника... Слабая, почти нежная улыбка тронула его окровавленные губы – будто распустился алый цветок.

– Ты из рода Дэв-хана? – громче повторил Гектор, рывком поднимая его. – Ты всех убил?

– Я – Шад. Принц по крови... Дэв-хан – мой прадед. Я и вас убью. Вы не дойдете.

И Адиль плюнул кровавой слюной в лицо Гектора. Тот стер плевки со щеки и поволок его, сопротивляющегося, в лагерь. Швырнул у костра, ногой перевернул на спину и наступил ему на грудь, прижимая к земле. Разбуженные шумом и криками полковник Гушин и Горбаткин ошеломленно взирали на окровавленного Кашгарова. Проводник держал лошадь под уздцы и прикладывался к фляге. Катя

чуть отстала, она искала нож Кашгарова у скалы. Нашла. Обернула кисть бумажным носовым платком и подняла с земли. Гуцин и на нее воззрился, когда она, вся в пыли, с запутавшимися в волосах сухими травинками и с охотничьим ножом в руке, подошла к ним.

– Потомок Дэв-хана не опустится до лжи? – спросил Гектор, нажимая ногой в кроссовке на грудь Кашгарова. – Принц крови тысячелетнего рода... убийц и фанатиков... не станет вилять собачьим хвостом? Да, Адиль-Шад? – Он наклонился низко над Кашгаровым. – Ну, расскажи нам все. Ты же сам того желаешь. И всегда хотел. С первой нашей встречи. Ты ж считаешь свои деяния подвигом во имя предков. Про подвиги песни складывают, не только байки у костра. Ты убил инженера Шахрияра?

– Я. А ты сейчас раздавишь мне сердце, – Адиль дернулся на земле. – Ты – воин, а не палач, Гектор. Пусти меня.

Гектор выпрямился и убрал ногу с его груди. Кашгаров, подавляя стон, сел.

– Катя, пожалуйста, принеси мне из кузова веревку, – попросил Гектор.

Катя забрала веревку из джипа. Отдала мужу.

– Руки вперед, принц, – скомандовал Гектор, и Адиль протянул руки для пут. Гектор быстро связал его – не только запястья, но и примотал руки к туловищу, затянул у шеи петлю с узлом.

– Рассказывай, Шад, все. Поделись своими подвига... деяниями, – поправился Гектор.

Полковник Гуцин достал из кармана мобильный и включил камеру – снимать показания.

– Великий дух – страж Нижнего мира, наш Темный предок – вел меня на моем пути. Считаю меня новым Ассасином Кридом, Гектор, – Адиль усмехался. Его красивое лицо кривилось. – Мы хранители тайны грота. Наш род защищает его сокровище веками. Наш предок духовно связан с нами, всегда направляет нас и предупреждает. С моим предком Дэв-ханом было так, с моей родной прабабкой Айнур, с моим дедом и моими отцом и матерью – ее внуками-близнецами. И со мной, когда я в посольстве случайно... почти чудом узнал: Абдулкасимову пришел запрос от знакомого казахского бая о потомках пса Юсуфа Шахрияра и о той вашей... экспедиции, расстрелянной моим прадедом и юной Айнур. – Адиль нецензурно выругался. – Я бы

мог никогда не узнать, что опять, через столько лет шакалы ищут наш священный грот и за бабло нанимают продажного пса Шахрияра указать им след! Но Великий Темный предок открыл мне замыслы врагов и помог расправиться с ним.

– Подробности. И не столь пафосно. Уши вянут, – хмыкнул Гектор. – Ты ж плел – вроде ты агностик, космополит, а выражаешься языком придурка из комикса.

– Я потомственный тенгрианец и верный слуга Великого духа, Демона Нижнего мира. Я сразу тайком от Абдулкасимова нанял человека в Караколе следить за Шахрияром. Он улетел в Москву. Мне сообщили номер рейса, но в аэропорту я Шахрияра не зарезал – хотел знать, к кому он явился. Абдулкасимов же искал его по просьбе того казахского бая, я подозревал подвох... Но в городе я Шахрияра упустил – пес всегда ездил исключительно на метро из гостиницы на Теплом Стане. А я в метро не совался – там же система распознавания лиц. Если убивают приезжего, первым делом ваши легавые ищут убийцу среди его соплеменников. И меня бы вычислили, сунься я в подземку. Поэтому я ничего не знал о контактах Шахрияра с Ковальчуком. Я их вообще никого не знал – слышишь ты, Гектор? – выкрикнул истерически Адиль. – Вы... бай-аке, оказали мне великую услугу, – он сверкнул глазами в сторону молчавшего Гущина. – Мой предок-демон затмил ваш разум! Бай-аке, вы от большого ума сами приблизили меня к себе. И вы отыскиали для меня Ковальчука. У него в доме тогда я и узнал все скрытое от меня.

– Хочешь сказать, что, кроме инженера Шахрияра, ты никого больше не убивал? – Гектор снова рванул его с земли за одежду. – Комедию ломаешь?! Спятивший клоун?!

– Руки прочь! – огрызнулся Адиль. – Плевать мне на твое неверие! Я бы прикончил всех, если бы нашел... Но я знал только про Шахрияра! Я его выманил из гостиницы под предлогом помощи от посольства в освобождении сына, оглушил, затолкал в тачку, угнанную мной загодя. Я его пытал. Он сразу усек – кто я... Он догадался о своей участи. Я его полосовал ножом, а он не сдал мне Ковальчука. Когда я ему сломал второй палец, он выкрикнул липовый адрес в Текстильщиках – торговый центр, магазин, фамилию владельца... Я проверил в интернете – есть торговый центр. Я завез Шахрияра к черту на кулички. Он подох не сразу, оказался живуч. Я хотел сжечь

его в тачке. Но меня вынудили отступить там, на дороге, долбаные подростки. После я отправился в Текстильщики и не увидел в торговом центре названного лжецом магазина. Шахрияр напоследок обвел меня вокруг пальца и спас Ковальчука, которого и ты, Гектор, в общем-то презираешь в душе. Я ведь тебя самого хотел грохнуть на Серебрянке. Я поскользнулся тогда на мостках причала нарочно, желая утопить тебя, а затем зарезать Ковальчука, бай-аке и твою жену. Всех разом вас убрать. Но ты... ты крутой... ты воин, Гектор. Ринулся в воду под пули героически меня спасать. Я думал – пес Ковальчук тебя пристрелит из своего кривого ружья, но нет... Не повезло. Кроме ублюдка Шахрияра я никого не убил. Слышите вы? Мечтал! Готовился! Но не убил. Потому что не нашел... Я сражался против судьбы, один в чужой стране, я очень старался, но не сумел исполнить свой долг. Ничего, еще не вечер. Я вас здесь, у Хан-Тенгри, всех положу. Имин Хислат! – Он повернулся к пьяному проводнику. – Ты все же мой земляк. Мой прадед Дэв-хан погиб ради подобных тебе. Я, Шад, принц крови, милую тебя и даю шанс. Пошел вон... Не вставай на путь предательства. Не показывай им нашу Небесную гору!

– Чего орешь, сумасшедший дурак? Зачем всех собачишь? – изумился пьяный проводник Имин Хислат. – Дури ты накурился? И кто ты есть, приказывать мне, честному человеку?

– Говоришь, никого не убил, кроме Шахрияра? А твой шеф? Несчастный Абдулкасимов? – спросил Гектор.

– Шакалу – шакаля смерть, – Адиль ощерился. – Он слишком много узнал и жаждал знать больше про священное сокровище Дэв-хана. В Москве я его не мог грохнуть – слишком опасно. Но Великий дух, наш предок, затмил и его разум, помогая мне. Абдулкасимов после моего доклада вознамерился проследить за вами, он держал связь с аэропортами в Бишкеке и на Иссык-Куле на случай вашего прибытия, еще кому-то звонил при мне, спрашивал про Троянца – я понял, он имеет в виду тебя. Он выяснил через свои связи, что вы прилетели в Каракол. Он взял меня с собой, боялся моего длинного языка, наивный простак, – Адиль весело расхохотался. – Я хотел свалить его смерть на вас, засадить вас в бишкекский централ. Но вдруг подвернулся он, – Адиль ткнул рукой в сторону притихшего Горбаткина. – Мы с Абдулкасимовым засекали вас в Караколе. А ночью, наблюдая за домом, услышали фейерверк и увидели идиота,

свалившегося с дерева. Абдулкасимов недоумевал – кто такой? А я сразу понял – еще один участник ваших крысиных бегов... Утром он потащился за вами, а мы за ним. Абдулкасимов у погранпоста сказал: «Все чешут в Комирши» – и сначала решил его допросить по-своему. – Адиль смотрел на Горбаткина в упор, не мигая. Тот аж вспотел. – А я приготовился убить господина советника, заодно нейтрализовав вашего конкурента. Идиот заснул в тачке прямо на обочине, Абдулкасимов подошел, разбудил, а я оглушил идиота кулаком по затылку. Абдулкасимов рявкнул мне: «Зачем? Мы же ничего от него не узнали!» А я полоснул его ножом по горлу. Изумление – последнее выражение на его морде... Наверное, он перед смертью понял, кто я. Я наслаждался его агонией. И затолкал его труп в тачку идиота, вымазал его кровью и салон, и господина советника. Не жалейте Абдулкасимова. В наших горах он бы показал вам вашу русскую кузькину мать. Поэтому ты, Гектор Троянец, лучше поблагодари меня за его смерть.

– *Щассс, разбежался,* – ответил Гектор. – Кто убил Юрия Велиантова в шестьдесят втором? Кто отрубил ему голову? Ты еще не родился. Расскажи нам – ты же в курсе.

Адиль молчал. И вдруг вновь улыбнулся и подмигнул им, словно заговорщик. Катя смотрела на него, ощущая в душе... она не могла точно описать свои чувства. Любопытство? Нет. Они все – и Адиль в том числе – перешагнули некий порог, поднялись на высший уровень понимания друг друга... Жалость? Сострадание пополам с ужасом? Потомственные убийцы, безумцы и фанатики внушают подобные чувства? Жажда дойти до сути тайны – уже вместе с Кашгаровым? Или нечто более серьезное – сложное, первобытное, очень древнее... Почти мистическое, подаренное самой Небесной горой? Великим загадочным пиком Тянь-Шаня, на фоне которого все они – лишь песчинки, затерянные во времени и пространстве, добыча демонов Нижнего мира?

– Юрия Велиантова убила ваша прабабка Айнур? – тихо спросила Катя. – Она в шестьдесят втором была жива?

Адиль глянул на нее.

– Не тщеславься, женщина, не ты меня победила, – ответил он. – Я знал лишь одну женщину, исполненную гордости и силы, – нашу Айнур, Лунный свет. Она совершала подвиги, подобно праматери,

жене Великого духа. Моя прабабка Айнур дожила до глубокой старости, она мечтала достичь столетия и женить меня – правнука, – помянуть моих детей, но умерла в девяносто пять. Моего деда она вырастила в традициях нашего рода, когда после тюрьмы забрала его из детдома. Великий дух помогал ей воспитать из него истинного защитника святыни. Мой дед работал на киностудии и возил фильмы, читал просветительские лекции в селениях. У него имелся грузовичок-фургон от киностудии. Сам Темный предок привел его в ту придорожную чайхану, где он услышал новость: приезжий из Москвы ученый расспрашивает про пропавшую экспедицию и про старые склады в Светлом мысе – Ак-Булуне, давно уже закрытые. Он ищет проводника в ущелье Комирши. У него обычная топографическая карта ущелья, и он на ней все время что-то отмечает, высчитывает.

Катя посмотрела на Гектора – тот слушал, оценивая слова Кашгарова.

– Велиантов располагал частью архива своего дяди-профессора, Адиль, – Катя делилась с Кашгаровым сведениями, уже не таясь. – Наверное, в тех записках профессор более точно описывал место, где находился ваш грот. Или указывал знаковые ориентиры. Они ведь есть там, да?

– Без комментариев, Барби! – улыбнулся ей Адиль. – А вы тоже никому ничего не расскажете, я ведь вас всех убью. Да, у пса имелись бумажки, он с ними, по рассказу моих отца и матери, сверялся в киношном фургоне, когда они все мчались к Комирши. Дед, узнав в чайхане новости, послал Айнур на почте телеграмму, спросил, как быть? Айнур ответила: исполни свой долг, сынок. Дед предложил помощь псу, обещал довезти до ущелья и проводить – мол, бывал в тех местах с киногруппой. Пес обрадовался интеллигентной компании. Для отвода глаз дед взял с собой даже своих близнецов – мою мать и отца. Айнур, используя давние связи, отыскала ему невесту-уйгурку в Синьцзяне, когда ему едва исполнилось семнадцать, студентку университета из рода певцов и поэтов. Жена родила деду близнецов, но не смогла жить с ним... сочла его ненормальным, психически больным, и свекровь Айнур тоже. В пятьдесят девятом она вернулась в Китай, бросив деда и детей. Айнур сама вырастила моих мать и отца. По дороге в ущелье дед решил инсценировать ДТП, оглушил Велиантова в салоне, планировал столкнуть фургон с обрыва. Вы

наверняка то место проезжали, но не обратили внимания... Однако он не рассчитал, не успел выскочить из фургона, когда направлял его к обрыву вместе с вонючим любопытным псом. Они разбились вместе. Мои родители – тогда одиннадцатилетние близнецы – спустились вниз, желая спасти своего отца, вытащить его из машины. Но он скончался. Близнецы не знали – жив ли пес... Они взяли из фургона топор и отрубили ему башку, приканчивая наверняка. Затем подожгли разлитый бензин, спалив фургон и трупы. Их никто ни в чем не заподозрил... Маленькие близнецы, братик и сестренка с косичками... Они громко плакали и звали на помощь, смотря на пламя...

Они все молчали. Катя вновь испытала потрясение, слушая Адилья и вспоминая рассказ востоковеда Лапшевникова о расправе Айнур над собственным мужем-предателем и общими детьми...

– Что вы все за люди? – не выдержал полковник Гушин. – Адиль! Ты вдумайся сам... Кто вы?! Твоя безумная Айнур... Дэв-хан... твои мать и отец – кровосмесители... Ты же образованный, культурный, современный... Ты цивилизованный парень, знаешь столько языков! Выучил китайский, иероглифы!! Что вы все творите на протяжении целого века? Ради чего?! У меня в голове не укладывается!

– Ты, бай-аке, – земной червяк. А я – Шад, принц Небесной горы, оттого ты не в силах понять ни причин, ни наших поступков, – надменно ответил Адиль. – Мой род защищает нашу великую святыню. Мы ее никому не отдадим. Святыни есть у всех народов и племен – они самые разные. Общее у них одно: святыни требуют уважения и почитания. Святыням нужна жертвенность избранников, поставленных самим Небом их охранять. Я – страж и хранитель, и таков весь мой род. Мое университетское образование, служба в посольстве не играют роли, когда долг зовет меня. А насчет моих родителей, названных тобой кровосмесителями... Я бы вырвал твой язык прямо сейчас, но у меня руки связаны. Открою тебе напоследок, бай-аке: после бегства невестки в Китай Айнур поняла – чужих в наш род пускать нельзя. Был предателем ее муж... и невестка – дура, не способная понять нашего предназначения. После службы в армии на границе моим отцом заинтересовался КГБ, обрадовавшись его знанию китайского языка. Айнур ведь учила отца и мать китайскому и меня с двух лет. Еще в тридцать четвертом в фильтрационном лагере она родила сына от телохранителя, с которым бежала из Китая. Записала в

графе «отец» фамилию Кашгаров. Настоящие уйгуры не имеют фамилий, но полукровки – да...

– Взяла за исходное одно из имен брата Дэв-хана – Абдулхамит Имин Кашгари Хислат, – возразил Гектор. – Путала следы дамочка... ваша прапраматерь.

– Угадал. Bravo! Она просто старалась выжить. И сохранить наш род. Знаешь, Гектор, еще советские кагэбэшники превратили моего отца в шпиона-нелегала против великого китайского соседа, – Адиль криво усмехнулся. – Засылали его мутить в Синьцзяне уйгур. Он не мог официально жениться на родной сестре-близнеце, как того сам желал и одобряла Айнур. Но они сочетались древним обрядом перед лицом Темного предка. Я родился под его покровительством. Отца моего в конце девяностых убили китайские спецслужбы, я не знаю, где его могила. Моя мать и прабабка Айнур растили меня. С малых лет я слушал Айнур, ее слова вошли в мою плоть и кровь. Мать тоже всегда ей беспрекословно подчинялась, а по жизни она тренировала киргизскую женскую команду по волейболу, даже часто ездила за границу на соревнования. Они все уже умерли... Я один теперь защитник нашей святыни.

– Тебе отлично известно, что скрывает грот, – медленно произнес Гектор. – Шад, будь откровенным до конца. Объяви нам.

– Можешь разрезать меня на куски, я не скажу, – ответил Адиль. И закрыл глаза, словно отсекая от себя их вопросы и весь враждебный мир.

Глава 42

Небесная гора

Из лагеря вышли после короткого, но сытного завтрака: путь предстоял долгий и трудный. И никакие обстоятельства и угрозы, по словам Гектора, завтрака отменить не могли. Вещи, палатки, машину оставили до возвращения. Гектор забрал только большой рюкзак с альпинистским снаряжением и всем необходимым для похода. Катя в свой рюкзак положила сухой паек на всех. Большой термос с кофе и две бутылки воды проводник помог ей засунуть в лошадиный вьюк, притороченный сзади седла.

– Нам нужно попасть в место, откуда виден Хан-Тенгри. Где обычно на него в Комирши любят туристы, мы уже были. Есть другие точки? – спросил Гектор проводника еще за завтраком.

– Путь – пять-шесть часов, – ответил проводник Имин Хислат, наворачивая остатки холодного шашлыка и прикладываясь к своей фляге. – Выше в горах уступ. Крутой подъем. Приезжие не знают и не ходят – Владыка Неба виден там лишь при ясной погоде, при особом свете. А чуть даже маленькие облака набежали – скроется из глаз в пелене. Чего вы забыли наверху? Доберемся к закату, а вдруг тучи? И все зря. Сумасшедший дурак кричал насчет какого-то грота. Я бывал в тех местах несколько раз, нет там никаких пещер и не было никогда.

Полковник Гушин едва не уронил бумажную тарелку – снова-здорово! Нет ничего!

– Вы не могли бы хоть сейчас не бражничать? – строго спросил он проводника, буквально обрубившего им крылья своим заявлением.

– «Даже гору напоишь – запляшет она. Только круглый дурак может жить без вина!» – учил великий Хайям. – Проводник встряхнул флягу над ухом. – Мне две бутылки дорогой водки с вас при расчете кроме долларов и тенге. – И, глянув на опутанного веревкой мрачного Адила Кашгарова, добавил бессердечно: – А безумца к моему скакуну привяжем. Не сбежит. Я до сих пор не пойму – зачем он меня зарезать хотел?

– Речка наша в том месте протекает? Кстати, ее название? – уточнил Гектор.

– Тарим-дарья. Возле уступа ее исток, она рождается из горной утробы на свет, течет вниз, – проводник кивнул на заросли, откуда слышался шум реки. – Увидите. Очень красиво. Скалы. Но идти нам не берегом, тропа вьется лентой в горах, исчезает в лесу.

– Исток реки всегда четко помечается на географической карте, – шепнул Гектор Кате, когда они двинулись в путь. – Юрий Велиантов купил себе крупномасштабную карту района Хан-Тенгри. Ты была права, возможно, именно указание на исток Тарим-дарьи он отыскал в записках профессора на даче в Вешняках. Он шел на поиски не вслепую, сверялся с топографией. Кашгаров упомянул – его родители детьми видели у Велиантова карту.

Гектор и Катя намеренно держались позади процессии – их маленький караван все больше и больше выглядел пародией на «настоящую экспедицию», несмотря на все сопутствующие трагические и опасные обстоятельства. Во главе шествовал проводник, уже сильно навеселе, за ним на его низенькой пузатой лошаденке рысцей трясся полковник Гушин. Он долго примерялся, как взгромоздиться на коня, но все же справился с задачей и теперь покачивался в седле, уверяя громко: «Я в порядке, приноровлюсь». У его стремени вышагивал Горбаткин, опираясь на суковатую палку. К лошаденке длинной крепкой веревкой Гектор и проводник сзади привязали Кашгарова. Гектор его тщательно обыскал. Опутанный по рукам Кашгаров шел, выпрямившись, лошаденка порой сильно дергала его вперед, и он силился устоять на ногах. Бредовый вид «пленника, влачимого всадником» напоминал Кате кадр из боевика, поражая крайней нелепостью. Она и Гектор замыкали шествие. Гектор держал в поле зрения всех – особенно Кашгарова и... притихшего орнитолога.

– Шад, – окликнул он Адиля. – Откуда ты узнал про наши поиски проводника?

– Из мащрапа мне вчера ночью слили, – хрипло ответил тот. – Я им пару лет назад специально пожертвовал на мечеть. Нанял человечка. Он мой смотрящий в мащрапе и прежде докладывал про всех чужаков.

– Ты ж постоянно торчал в Москве. Кой черт тебе в его доносах?

– Я бы все бросил и первым рейсом сюда, зачищать любопытную мразь, – ответил, не оборачиваясь, Адиль.

Со склона, заросшего елями, открылся вид на реку – тонкая серебряная нитка среди камней. Они надеялись, что после завтрака туман окончательно рассеется. Он заметно поредел, но его клочья плавали среди толстых стволов деревьев. Тропа повернула, они поднимались, удаляясь от реки. На обочине – желтая сухая трава, впереди – темная чаща. Они вошли в густой хвойный лес и... словно пересекли невидимую черту. Катя ощутила, насколько ей трудно дышать во влажном тумане. Миновал час. Еще час. Лес – бескрайний, древний, черный... Он обступал их со всех сторон. Катя думала – они бы давно заблудились без проводника. И тропа исчезла в осыпавшейся хвое. Катя прислушалась – тишина мертвая. Неужели здесь, в зловещей мгле пропавшая экспедиция искала свою Синюю птицу? Гектор взял ее за руку. Не отпускал. Катя поняла – он думает о том же: разгадав лишь часть тайны, они даже не приблизились к основному – кто отравил Краснову, забил до смерти гонца-«мула» и вдову Осмоловскую? Если не Кашгаров – а он это напрочь отрицает... Если не Горбаткин – тот тоже все отрицает... Но что сейчас важнее? Найти убийцу или отыскать грот с его гибельной тайной? Гектор выбрал для них всех – он же их лидер – второе. Но не является ли его выбор прямым игнорированием нависшей над ними опасности? Если убийца на свободе и тоже рвется завладеть содержимым грота? Ее муж бесстрашен, он уверен в собственных силах и опыте. Она должна сейчас полностью положиться на Гека или все же оставаться самой начеку? Правда, от нее мало проку... Но все же она ринулась в схватку с Кашгаровым! Пусть спасение от него проводника взбодрит ее дух.

– Как тебе наше свадебное путешествие? – шепнул Гектор, словно подслушав ее мысли.

– Потрясающе, – ответила Катя, задыхаясь от крутизны. Он наклонился и забрал ее рюкзак, несмотря на ее сопротивление. Закинул себе на плечо в довесок к своему – большому и тяжелому.

– Чертова чащоба кончится или нет? – нервно спросил проводника полковник Гуцин, оглянувшись на «пленника» – Адиль влачился за ним, натягивая до отказа веревку.

– Тенгри-Таг, по-нашему Горы Духов, – ответил проводник. – Где снега – Верхний мир, а здесь Нижний – царство демонов, стражей Хан-Тенгри. Про них у нас сказки рассказывают и про темный,

опасный лес. Плохой. Старики говорят – и раньше сюда не совались. Боялись люди.

– Кого? – осторожно осведомился орнитолог Горбаткин.

– Вашего здешнего каннибала, да? По кличке Жегич? – вставил Гущин.

– Жегич – второе прозвище Дэв-хана, сумасшедший дурак орал про него, – ответил пьяный проводник. – А я маленьким слышал в детсаду и в школе сказки о нем, его казни и его демоне. Он отнимает у людей разум. Сеет тьму. Но лес и горы, по легендам, и до Дэв-хана слыли запретными. Очень давно... на деревьях люди находили содранную кожу и головы тех, кто рискнул послушаться. Они висели на ветках, их прибывали к стволам елок.

– Твои родичи развлекались, Шад? – спросил Адиль Гектор. – Издевались над местными?

– Пугали их до..., – Адиль, не оборачиваясь, матерно выругался. – Мои предки столетиями оберегали нашу святыню. Я и сам – Жегич. Можете называть меня так – не обижусь. Я и псу Шахрияру представился таким людоедом.

И он вновь истерически расхохотался. Эхо подхватило его смех... Словно демон Нижнего мира на миг явил им свой истинный лик. Катя, замирая, оглядывала стену из стволов, окружавшую их. Ей вдруг померещилось – на них уже охотятся... Вот-вот из-за елей покажется морда чудовища... Они здесь в первобытном грозном мире. Века и тысячелетия поворачиваются в стране духов вспять. Но она не испытывала паники. Все намного сложнее сейчас... Почти священное мистическое чувство сопричастности... Тайне? Нижнему миру? Здешней преисподней?

После трехчасового похода лес впереди все же расступился, будто природа смилостивилась над ними. Они очутились на прогалине, покрытой бурой травой. Дальше – снова лес по склону, но не густой, и... седловина двух серых гор – высокой и низкой. Катя вспоминала фотографа Шахрияра. Пока ничего даже близкого нет к его снимкам среди гнетущего пейзажа. Гектор объявил привал. Они рухнули на траву. Полковник Гущин спешился и моментально согнулся, разогнулся. Проводник беспечно справлял нужду, скрывшись за валуном, – журчал (истинное дитя природы) во всеуслышание, пока Катя раскладывала на бумажных салфетках их сухой паек и доставала

пачку стаканов для кофе из термоса и воды. Они принялись за поздний обед. Катя взяла слоеную лепешку, бутылку воды и стакан, подошла к Адилю, привалившемуся боком к камню.

– Поешьте. – Она поднесла лепешку к его лицу, намереваясь покормить связанного врага.

– Я тебе руку отгрызу, Барби. – Он сверкнул черными глазами в ее сторону. – Не боишься?

Катя отдернула руку. Но затем... стыдно ронять себя перед ним, выказывая мандраж... А он ведь тоже голоден и обезвожен...

– Воды выпьете, *Жегич*? – Она поднесла к его губам картонный стакан. – Не откусите мне пальцы?

Он не ответил, но пил жадно. Его мучила сильная жажда. Из Катиных рук он выпил и второй стакан воды. Катя глянула на мужа – Гектор не спускал с них глаз. Кивнул – правильно поступаешь. Поев и недолго отдохнув, они снова тронулись в путь. Брели еще полтора часа все время вверх, оставив седловину далеко позади, – и внезапно туман исчез! Они оказались на открытом склоне. Внизу увидели плохой лес, выпустивший их из цепких лап. А справа – склон горы, покрытой вечными снегами. Еще через полчаса пейзаж кардинально изменился. Горы словно раздвинулись, расширяя панораму, и далеко впереди замаячили вершины, увенчанные льдом. Ясное голубое небо над ними обещало безоблачный закат. Он близился. Они шли напрямик, огибая склон. Далеко впереди послышался шум. Река... Или водопад? Они увидели его справа, стекающим по склону черной скалы в ущелье. В закатном солнечном свете водяная пыль искрилась. Но проводник вел их дальше, выше и...

Горы будто распахнули ворота перед ними, открывая вид на горизонт и... на Хан-Тенгри. Пик, подобно острову, плавал в голубом бескрайнем океане неба, уже окрашенном розовым закатом, он вновь вырастал из пелены белых облаков. Они остановились на уступе и... Катя, замирая от восторга, вновь поражаясь красоте Небесной горы, поняла – они добрались. Пейзаж, черные скалы справа – она уже видела их на снимках Шахрияра, успела выучить наизусть все маяки. Кроме одного!

– Батюшки-светы, это ж здесь! – воскликнул и полковник Гуцин, спешиваясь, путаясь в стремени от волнения. – Да я ж во сне все это видел – с фоток! Один в один!

– Не все, – ответил Гектор. – Источник в скале. Начало водопада и речки! – Он указал направо.

Прямо из скалы бил обильный чистый родник, за века вода выдолбила в скале углубление, создавая подобие небольшой запруды, переполняя ее до краев, и ручьем стекала с уступа. А дальше, внизу, уже превращалась в настоящий горный водопад – правда, не очень большой и мощный.

– Велиантов специально просил Шахрияра снимать все, кроме ключевого ориентира – истока реки и водопада, – объявил Гектор. – Шад, мы на месте?

– Да вы только на его рожу гляньте! – ахнул молчавший весь путь Горбаткин.

Лицо Адила исказила судорога, он скрипел зубами. Рухнул на колени, склонил голову низко, словно не смея глядеть на Небесную гору. Гектор его же ножом (Катя отдала его мужу) перерезал веревку, освободив от Кашгарова лошадь. Проводник увел ее, привязал в отдалении к пню ели.

– Наслаждайтесь Владыкой Неба! – Он щурился на пик во льдах. – Дошли. А пещер здесь нет никаких.

Гектор внимательно оглядывался. Катя тоже, но... она и в горах-то настоящих никогда не бывала, и не знала ничего о них. Скалы и скалы черные, трещины – плод ветра и воды источника, солнца, погоды.

– Ты кому пишешь? – раздался вдруг за ее спиной голос Гущина.

Она обернулась. Гущин выхватил у севшего на землю Горбаткина его мобильный.

– Ба! Адели Викторовне! Царице музейного осинового гнезда! – полковник Гущин внезапно покраснел. – Засланный наш казачок... Докладываешь – добрались. А она ведь... Слушай, птицеман, – Гущин шагнул и сгреб Горбаткина за худи, – она нам в музее про свою коленку лепила горбатого... Но это ж притворство? Ложь? Она специально больной с костылем прикинулась, да? Она где сейчас?!

Стало очень тихо. Лишь источник журчал в скале. Их взоры обратились к Горбаткину. А в памяти Кати всплыли слова хранительницы оссуария: «Мой муж-академик имел машину с шофером, а я коня на конюшнях. Всю жизнь занималась конным спортом. Большим подспорьем мне хобби было в наших экспедициях...»

– Адель прилетела с тобой, птицеман, – веско бросил полковник Гуцин. – Она не в музее. Она здесь! На расстоянии удара.

И, словно в ответ на его слова, раздался звонок мобильного. Но не Горбаткина. А Катиного! Она выхватила его из кармана ветровки, включая громкую связь.

– Алло! Кто это?

– Екатерина... это я, – послышался знакомый скрипучий голос Адели. – Милочка, я буду снова говорить с вами. Вы, я понимаю, дошли.

– Мы добрались.

– Вы сами-то где? – крикнул полковник Гуцин. Горное эхо подхватило его возглас. – Эй, Адель, ну покажитесь нам!

Катя вздрогнула – их всех охватывает некое безумие... Им чудится то, что вроде бы невозможно. Или все же реально? Демон Нижнего мира насылает на них чары, отнимая ясность и трезвость сознания? Морочит, уводит их от своего грота...

– Милочка, тот китайский ученый – Ксанг Линг Бо, упоминаемый Юрием Велиантовым в заявлении... переводчик имел с ним встречу в Гуаньчжоу... он малоизвестен, но я навела о нем справки в ученых кругах, – проскрипела Адель. – Он оказался помощником академика Пей Веньчжуна^[28]. Ксанг Линг наткнулся на грот Лэнцзай в отвесной девяностометровой скале на севере Китая, полный разделанных и обглоданных костей тарпанов и других копытных, даже хищников. Их туда затащили в виде добычи. Он обнаружил челюсть...

Связь внезапно оборвалась. Гектор забрал у Кати мобильный, вытянул руку, ловя сигнал с высоты своего немалого роста.

– ...Нелегко было признать их возможную плотоядность... – послышалось невнятно вновь из мобильного. – Но находка в гроте Лэнцзай доказывает их всеядность. Зубы их раньше находили лишь в китайских лавках традиционной медицины, но не при палентологических раскопках... – связь прерывалась то и дело, до них доносились лишь обрывки фраз Адели – пытаются доказать идею их вегетарианства на основе эмали зубов, но все спорно... А насчет ареала обитания тоже неясно... на юге Китая в основном сделаны известные находки академиком Пей Веньчжуном... Но тот грот с костными останками добычи на севере в округе Синьцзян...

Шокирующие факты... работы по исследованию грота китайцы засекретили...

Связь вновь заглохла. Гектор быстро опустил руку с мобильным вниз.

– Климат в те времена был другой, – донеслось до них. – Их ареал обитания менялся, логова в пещерах... есть же пример горных горилл в наше время в массиве Вирунга у вулкана Ньирагонго... Или пример Синей птицы, залетавшей на Тянь-Шань еще в тридцатые, задолго до... А сто тысяч лет назад недостаток пищи заставлял последних выживших особей мигрировать в поисках добычи, включать в свой рацион мясо, активно охотиться... Есть примеры... Скрытое в логове стоит миллионы... Величайшая научная сенсация...

Экран Катиного мобильного погас – батарея разрядилась.

– Сука! Это ты в своем вонючем логове! – заорал что есть мочи Адиль Кашгаров. – И до тебя я доберусь! Умрешь за святотатство! Это наше святилище! ЕГО древний храм!!

– Звони Адели! – Гектор обернулся к Горбаткину. – Федор Матвеевич, отдайте ему мобильник, нам надо точнее узнать!

Горбаткин набрал номер и... Нет сигнала. У телефона полковника Гущина села батарея – он же снимал признание Кашгарова на камеру. Гектор глянул в свой – нет сигнала... Он достал из рюкзака беспроводной пауэрбанк, но через него долго подзаряжать. И его ресурсы тоже были на исходе.

Они словно забыли о главном. Но... Гектор помнил.

– В записках профессора были слова – «Вход в грот замаскирован самой матушкой-природой», – произнес он, глядя на источник, бьющий из скалы. – Велиантов не разрешил Шахрияру снять родник и водопад. Всю панораму – но только не это место. Почему?

Он двинулся к источнику. Катя смотрела на скалы: с площадки с видом на Хан-Тенгри источник, бивший из скалы, отлично заметен. Но дальше каменная стена состояла из сплошных глубоких складок, словно само время «сморщило» ее гармошкой. Метрах в тридцати над источником находился широкий выступ, и на нем громоздились огромные валуны.

– Гек, помнишь, в записке Ланге – они с Шахрияром из-за непогоды попали в грот. Но если все происходило именно здесь, то...

им просто негде было укрыться, – заметила она, направляясь к мужу, добравшемуся до источника в скале.

– Камни наверху – опасны, в дождь мог возникнуть сель, смыть их, – ответил Гектор. – Ланге и Шахрияр пытались спрятаться от возможного селя и камнепада, в горах ведь никогда не угадаешь, что ливень натворит... Они искали любую щель, куда забиться...

– Гек, а помнишь, у Ланге в конце, когда они спешно покидали грот из-за погасшего факела и паники Шахрияра... Ланге написал: «Мы протиснулись сквозь узкую щель, через которую и попали внутрь».

Катя не видела: услышав ее фразу, стоявший на коленях перед Небесной горой Адиль медленно поднялся на ноги. Полковник Гуцин сразу наклонился, поймал на земле конец его веревки и намотал себе на кулак, удерживая пленника. Гектор шагнул в каменный бассейн, выдолбленный источником. Он брел по щиколотку в воде вдоль складчатой сморщенной горной стены и...

– Здесь большой выступ, а за ним... расселина, – объявил он.

Катя следом пошлепала по воде, придется намочить ноги, иначе никак не доберешься. Адиль рванулся к ним, но полковник Гуцин натянул веревку, притягивая его вплотную к себе.

– Со мной пойдешь, дружок, – объявил он. Они тоже плюхнулись в природное озерцо, побрели по воде. Горбаткин почти побежал, брызгая, обгоняя их. Проводник медлил в арьергарде. Гектор достал из рюкзака два фонаря – для себя и для Кати. Положил в карман штанов карго несколько фэйеров и петарду. Они поджидали остальных. Расселина казалась Кате *жуткой* – слишком узкой. В ней легко было застрять. Несмотря на близость воды, из черной тьмы не пахло сыростью и плесенью.

– Рюкзак, пожалуйста, оставь, – попросил ее Гектор и, осмотрев расселину, и свой рюкзак опустил на камни снаружи. Извлек из его отделения спички, два мотка крепкой веревки, рассовал по карманам карго крючья, карабины, запасные батарейки, зажигалку и альпинистский молоток. Подоспели Горбаткин и полковник Гуцин, тащивший Адила. Гектор обернулся к проводнику:

– Имин Хислат, жди нас снаружи. Кто-то обязан остаться.

– Я нипочем не полезу в щель, – объявил хладнокровно проводник. – Я остаюсь. Там ничего нет, кроме эф – серых гадюк.

Глава 43

Грот

– Всем успокоиться, расслабиться. Расщелина лишь выглядит узкой. Вспомним, через нее уже проходили трое взрослых мужчин – профессор и его товарищи, – объявил Гектор, светя фонарем во тьму. – И родичи нашего принца на бобах тоже шныряли туда годами. Да и он сам, – Гектор обернулся на Адиля. – Я иду первый. За мной Катя. Федор Матвеевич, следом вы запустите Кашгарова. – Гектор вручил Гущину нож. – Разрежете на нем опутывающую веревку и шейную петлю. Кисти оставите связанными. И пойдете за ним не сразу, а по моей команде. Горбаткин замыкает группу. Не сдрейфишь, Сева?

– Я не боюсь, – нервно ответил Горбаткин. – Нас ждет... нечто небывалое, поймите вы! И без помощи мы не застрянем – проводник ведь снаружи остается.

– Начали! – скомандовал Гектор и боком протиснулся в расщелину. Катя видела его минуту... А затем он скрылся во мраке.

– Гек! – закричала она. Сердце ее стучало. – Гектор!

– Прошел половину, здесь не так уж и тесно, – донесся из глубины недр его голос. – Выбираюсь наружу! Заросли густые, все опутали. Внутри каменный колодец! Воздух! Небо! Катя, иди ко мне!

Катя повернулась, неловко засеменила к расщелине, вошла боком и... Ей чудилось – сейчас камни стиснут ее тело, сдавят грудь, но она просто медленно продвигалась боком по темному узкому проходу. Повернула голову. Треск кустов? Гектор расчищает выход? За темнотой горной утробы – просвет, воздух и... небо? Она ползла подобно крабу, ей хотелось идти быстрее, но она все еще страшилась застрять. Что-то царапнуло ее по плечу. Катя ахнула, дернулась...

– Ветка кустарника, не бойся, – послышался голос Гектора. – Арча все заполонила. Спокойно выходи – я тебе жду.

Катя увидела свет – не фонаря, а природный, но сумрачный. Расщелина слегка расширилась. Арча у выхода... В ее душной тьме словно тоннель пробит – могучий Гектор продирался сквозь чащу спутанных веток. Она сделала еще несколько шагов, окончательно вырываясь из каменного плена. Руки Гектора в ссадинах, протянутые к

ней... Она вцепилась в мужа, и... он вытащил ее наружу. Катя жадно дышала. Подняла голову – небо. Закат. Кругом скалы. Каменный мешок?

– Смотри, – Гектор указывал вперед.

Катя увидела большую черную дыру в отвесной скале в десяти шагах от выхода из расселины... Гранитный монолит склона, открывающийся обзору с уступа у источника, оказался оптическим миражом. Из каменного мешка он представлял собой тесное скопление высоких отдельных скал, иссеченных ветром, – будто ворота с узким темным входом в настоящее горное урочище. Из глубины расщелины донесся голос Кашгарова – он шел и пел... или читал мантру на уйгурском языке.

– Грот пропавшей экспедиции, мы его с тобой отыскивали, – Гектор смотрел на «черную дыру». – Пещера Али-Бабы, или логово Темного предка... Оно существовало с начала времен. А нагромождение скал, расщелина, исток подземной речки образовались позже, из-за осыпи породы во время землетрясения. Порода и камни, источник – все вместе надежно спрятали грот, замаскировали, но не замуровали его.

Из расщелины появился Адиль Кашгаров. Он вскинул связанные руки к лицу в молитвенном жесте. Гектор крикнул Гущину:

– Теперь вы, полковник!

Катя наблюдала за Адилем: *Жегич на пороге логова готовится к встрече со своим демоном...* Выражение лица Адила внушало ей сейчас страх.

За Гущиным из расщелины боком выполз Горбаткин. Они с Гущиным взмокли от пота и переживаний клаустрофобии, дышали, словно загнанные кони. Гектор включил свой фонарь, проверил Катин. Достал фаяер. И они пошли к черной дыре.

Высокий свод... Каменные стены из складок гранита... Они двигались по каменному коридору, достаточно большому для троих мужчин, идущих рядом вплотную. Коридор повернул под углом почти в девяносто градусов, постепенно расширяясь. Они вошли в первый грот, усыпанный белым... Кате сначала показалось – порошком и камнями. Но в свете фаяера, зажженного Гектором, они увидели то самое, некогда столь сильно напугавшее фотографа Юсуфа Шахрияра.

Кости... Сотни древних останков... Подземный оссуарий.

Они остановились. Молча созерцали кладбище костей. Горбаткин суетливо нагнулся – поднял фрагмент ребер.

– Копытные... Добыча, – прошептал он. – Видите разлом сустава? Какую силу надо иметь, выворачивая так трубчатую кость ископаемого тура... А здесь на ребрах следы зубов... их обглаживали!

Он суетливо достал мобильный, включил камеру, начал снимать, сбивчиво бормоча комментарий. Они медленно пересекали первый грот. Древние кости хрустели под их ногами. Файер Гектора погас. Остался лишь свет двух фонарей. Желтые пятна света скользили, метались по стенам и полу. Выхватывали лишь отдельные детали – еще чей-то обглоданный остов... Со всех сторон подступала непроглядная тьма. И она сгущалась впереди по мере их приближения ко второму гроту. Они остановились на его пороге. Гектор зажег новый файер, освещая путь.

Им открылась небольшая пещера с высоким сводчатым потолком и потеками горной смолы на стенах. Ее пол тоже сплошь усыпали кости, разбитые чьими-то ударами о каменные стены, – их было намного больше. Среди раздробленных, расщепленных в поисках костного мозга костей в белесой могильной пелене они увидели нечто, заставившее их сердца содрогнуться. Они застыли в ужасе и... почти благоговейном трепете.

Грот...

Нет – храм...

Первобытный склеп...

Катя увидела *череп* с выступающими надбровными дугами и оскаленной пастью, мощные челюсти, зубы... он отдаленно напоминал человеческий, но был гораздо больше и древнее. Рядом с ним – огромный остов: лес ребер, позвоночник, таз. Длинные толстые увесистые бедренные кости. Катя смотрела на них и вспоминала снимок Шахрияра – вот что они приняли за «трубу»! Кости плечевые... пятипалые кисти... огромные ступни... скелет гигантского могучего ископаемого человекоподобного *зверя*.

Адиль рухнул на колени, ткнулся лицом в поклоне в белесый ковер из останков.

– Вы осознаете, *кого мы видим перед собой?* – прошептал Горбаткин в полном смятении. – Это же мегантроп! *Gigantopithecus giganteus!*

– Гигантопитек? – Гектор разглядывал череп существа.

– Полный скелет! И какой экземпляр! Почти четырехметровый! – Горбаткин едва не уронил мобильный.

– В смысле Кинг-Конг? – спросил полковник Гуцин. – Гигантская обезьяна?

– Самый великий и ужасный примат всех времен! О боже... Полный скелет! До сих пор находили лишь их зубы или фрагменты челюстей, строили догадки. – Горбаткин навел камеру на скелет. – А здесь он сохранился целый и невредимый! Боже мой... держите меня семеро... Величайшее открытие в зоологии и палеонтологии! Сенсация! Мы все прославимся на весь мир! Перед нами величайшее... бесценное сокровище!! Профессор Велиантов был прав! Оно стоит миллионы! Скелет тираннозавра продали за сто миллионов долларов. Но тираннозавров много находили. А полного скелета мегантропа еще никто и никогда не видел!

– Я всегда думал, Кинг-Конг – голливудская выдумка, – брякнул полковник Гуцин. – А он доисторический... и хищник к тому же. А в фильме Конг бамбук ел.

– Вы отсталый окостенелый полицейский! – взвился Горбаткин. – Хоть бы раз заглянули к нам в музей, мы же соседи. Я готов сам провести для вас экскурсию, когда вернемся и привезем скелет гигантопитека к нам в альма-ма...

Он осекся, заметив Адиля, вскочившего на ноги.

– Мы обязаны сообщить о находке властям Казахстана, – ответил Гектор. – Наша доля награды станет известной после научной и коммерческой оценки останков.

– А насчет бамбука... Адель Викторовна упомянула китайский грот с разделанными обглоданными останками копытных и фрагментом челюсти мегантропа, – продолжил, стараясь взять себя в руки, Горбаткин. – Я смутно вспоминаю – разные слухи бродили среди зоологов о том открытии. Китайцы его не афишировали. Известно лишь: обглоданные кости, найденные в гроте в горной скале на высоте почти девяносто метров, принадлежали диким вымершим лошадям – *тарпанам*, современникам гигантопитека. Китайский мегантроп охотился на них. В гроте на вершине он устроил свое логово. Мегантроп – истинный примат, а многие приматы, например, шимпанзе – всеядны и охотятся, в том числе, и на своих меньших

собратьев – тоже приматов, и даже на сородичей из враждебных прайдов. Последние особи мегантропа вымерли примерно сто пятьдесят – сто тысяч лет назад уже на памяти наших предков. А до того они миллионы лет сосуществовали рядом... Возможно, охотились и на них, а они на на мегантропов. И в Китае, и на Тянь-Шане водились отдельные особи огромного четырехметрового, весящего более пятисот килограммов создания. В общем-то нашего предка, исходя из теории Дарвина, хотя он из другой ветви приматов.

– Людоед? Демон вашего рода, Шад? – спросил Гектор Адиль. – Твой личный Дэв? Он ископаемый. Вымерший зверь, подобный тираннозавру и мамонту.

– Ты ж образованный парень! – ввернул и полковник Гушин. – Ладно твоя сумасшедшая прабабка Айнур и ее братец Дэв-хан, но ты – полиглот, аристократ уйгурский! И поклоняешься допотопному черепу, словно дикарь, убиваешь людей из-за него!

– Это вы слепые дикари! – оборвал его гневно Адиль. – В Китае веками считают предком своего Дракона. В Египте почитали быка Аписа. В Индии боготворят Ханумана – он тоже примат. Святыни и боги у всех разные. Вам не понять ни меня, ни нас – хранителей и стражей. А я больше не стану метать бисер перед свиньями. Наша великая праматерь выбрала ЕГО себе в мужья, зачала наш род от него – и достаточно!

– Да твои предки просто очень давно наткнулись на его скелет в гроте, – заметил Гектор. – И устроили из пещеры родовое святилище.

– Пусть так! Но это – наше родовое святилище. А у вас, Иванов, родства не помнящих, – Адиль скривил разбитые губы, – и такого нет! Зачем вы явились в мои горы? Грабить и разорять наши святыни? Вывозить тайком найденное? Да вы копайте свою Сибирь, вечную мерзлоту! Ковыряйте свой Балчуг, москвиты! Чего вы лезете на Хан-Тенгри?! Нам не нужны ни ваши ученые, ни авантюристы – искатели кладов. Я не позволю вам забрать моего предка. Выставить его в музейной витрине на потеху зевакам... Я не дам надругаться над ним, совершить святотатство, как над бедной алтайской мумией, над трупом фараона Рамзеса и другими обожествленными чьими-то праматерями и праотцами! Я вас всех прикончу! Вы не отнимете нашу святыню!

– Прекратите орать! – взмолился Горбаткин. – В гроте – резонанс, а кости – хрупкие окаменелости. Любая вещь, даже шум, может

нанести непоправимый урон нашему бесценному открытию.

– Жаль, после смерти вы, бай-аке, уже не сможете вернуть мне мою допа, – Адиль внезапно жестоко безумно улыбнулся полковнику Гущину. – Я ее потерял на пустыре в Липках случайно... Допа – мой талисман. Ее мне вышила Айнур.

– И ты еще станешь нам заливать, что кроме Шахрияра ты никого не убивал? – хмыкнул полковник Гущин. – Заткни фонтан, пацан. Тебя никто не боится.

– Выбираемся отсюда, – скомандовал Гектор. – Вернемся в лагерь и решим, как нам лучше поступить с нашей находкой.

Они медленно покидали грот – храм Темного предка. На пороге Катя оглянулась. Череп гиганта, ощерившись, словно провожал их... следил за ними черными провалами глазниц под выступающими надбровными дугами. Темный предок... Страж Небесной горы... Демон Дэв-хана и Айнур.

Они все сейчас еще полностью не осознают свершившегося. Они оглушены, слишком взволнованы, взбудоражены. Все дальнейшие шаги надо предпринимать лишь на трезвую голову – Гек прав. Они в ответе за сделанное открытие.

– Катя, ты первая идешь назад через расщелину, – объявил Гектор. – За тобой Федор Матвеевич. Затем ты, Сева. Ну, а потом Шад... Я замыкающий.

– Лучше брось меня здесь, – страстно попросил Адиль. – И замуруй проклятую щель. Я встречу смерть у ног Темного предка. А ты, Гектор, запечатаешь меня как Дэва в лампе – вашу общую погибель.

– У тебя впереди суд за убийства, Шад, – ответил Гектор.

Они все вышли из пещеры, вновь очутившись в каменном мешке. Катя глянула на мужа, на связанного Адила Кашгарова. И боком скользнула в расщелину. Их всех ждал большой мир снаружи.

Глава 44

Невидимка

Катя первой выбралась из расщелины. Ее встретил проводник, засыпал вопросами: почему вы долго задержались? Неужели что-то и правда нашли? Где?! Она приложила руку к груди – подождите, дайте отдышаться. Проводник указал в сторону Хан-Тенгри. Заходящее солнце окрасило пик багрянцем, по его склонам из розового гранита будто стекали потоки лавы. В темнеющем небе он рдел гигантским углем в синей золе окрестных вершин.

– Небесная гора гневается, – странным тоном произнес проводник. – Старики говорят: не серди Хан-Тенгри, явится страж Нижнего мира по твою душу. Невидимый и беспощадный.

Из расщелины выполз боком полковник Гущин. Катя отвлеклась на него, но краем глаза видела – проводник направился за валун к привязанной лошади. Гущин, шлепая по воде каменного резервуара, после тьмы расщелины озирался вокруг.

– Воздух чистый... Простор! – Он, окрыленный находкой, повел рукой. – И грот мы отыскали! И теперь прославимся с нашим Кинг-Конгом. Никогда я не чувствовал себя столь хорошо... Катя, ты взгляни – красота кругом! Небесная гора! Ничего нет лучше ее на свете, недаром в сказках охраняют ее ископаемые твари. А сколько еще замечательных мест в мире! А я ничего не видал. Я сейчас в темноте думал – на что я тратил свою прежнюю жизнь? Я вроде и не жил вовсе до сего момента!

Из расщелины показался Горбаткин, сразу схватился за мобильный – проверять видеозапись из грота. Следом вышел Адиль. Он вновь вскинул к лицу связанные руки в молитвенном жесте.

Выстрел!

Пуля попала в связанные кисти Адила, пробив кость у запястья. Брызги крови! Он рухнул в воду озера из камня, крича от боли.

Выстрел! Пуля разбила мобильный в вытянутой вверх руке Горбаткина – он пытаясь поймать сигнал. Сначала, как и все они, орниолог даже ничего не понял. От удара пули он шлепнулся на камни, ударившись копчиком.

– Катя! На землю! Орнитолог! Ложись! – заорал полковник Гущин, толкая с силой Катю за невысокий валун, и упал плашмя сам.

Выстрел! Пуля чиркнула по скале у расщелины.

– Гек! – закричала Катя. – Осторожно!!

Она не могла определить в сгущающихся сумерках, откуда по ним ведут огонь. Прижимаясь к обломкам скалы, повернула голову к расщелине – из нее появился Гектор. В руке его – зажженный файер. Он сумел запалить его у самого выхода, услышав выстрелы. Он метнул файер высоко и далеко в сторону.

Выстрел! Лязг металла! Стрелок-невидимка, напуганный яркой вспышкой, выдал себя Гектору и всем им. Катя, распластавшаяся на земле, подняв голову, заметила тень среди валунов и пней, чуть поодаль от места, где проводник Имин Хислат привязал лошадь. Пользуясь минутным замешательством стрелка, Гектор рванул к валунам.

«А что мы вообще знаем о проводнике? – пронеслось в голове у Кати. – Он явился из тумана. Мы ему всецело доверились из-за Кашгарова. Но напал ли тот? Слишком уж быстро мы его поймали... скрутили... А он грозился нас всех прикончить, даже связанный. Вдруг проводник с ним в сговоре? Если он тоже фанатик Дэв-хана? Они разыграли спектакль на пару и заманили нас всех в ловушку здесь... Но ведь первая пуля ранила самого Кашгарова! – возразил ей внутренний голос. – Ты же видела собственными глазами!»

Выстрел! Выстрел! Лязг металла! Выстрел!

Гектор спрятался за грудой камней. Стрелок-невидимка кучно, прицельно палил по нему, не давая продвинуться ни на метр вперед.

– Помпа у него! Внимание всем! Не высовываться! Катя, осторожнее! – крикнул Гектор.

– Слышим! Ни с чем не спутаешь! – заорал полковник Гущин. – Поняли теперь, кто за нами сюда рванул? Кого мы на Серебрянке не дожали! Кого следователь-черт выпустил! Кто убил их всех, а нам плел небылицы!!

Выстрел! Пуля вырвала кусок мха из камня возле него.

«Ковальчук?! Он здесь? – Катя вжалась в камни, стараясь слиться с ними. Ужас сковал ее – она вспомнила битву на Серебрянке. – Его отпустили, и он поехал за нами. Он сохранил все данные, Гек был прав... Украденное у вдовы тоже припрятал надежно. Гущин тогда

ошибся: раз мы не нашли у Ковальчука вещи Осмоловской, значит, не он ее прикончил. А он просто это укрыл надежно, отдал нам большую часть находок, сохранив главное. Потом собрал все воедино и явился точно к расщелине. Он отравил Краснову – конкурента, он, ограбив, убил вдову, он прикончил гонца – они могли не поладить друг с другом в Шалаево. А нам Ковальчук изначально лгал. Убедил нас на допросе, и мы ему поверили... Он хочет разделаться с нами здесь, в глуши, подобно Дэв-хану!»

Нечто взметнулось в небо, свистя, рассыпая сноп искр. Гектор швырнул зажженную петарду в сторону валунов, скрывавших невидимку. Грохнуло мощно! У них всех заложило уши – эхо подхватило звук взрыва, дробя его о скалы и усиливая стократно. Гектор стремительно бросился к валунам, стараясь опередить оглушенного стрелка.

Все дальнейшее случилось почти одновременно! Выстрел! Яркая вспышка взорвавшейся салютом петарды. Вопль! Вспышка! Язык пламени! В его бликах Катя увидела Гектора, сделавшего два мощных сальто подряд, сокращая расстояние, и ногой сбившего на землю человека в загоревшейся от петарды одежде. Гектор рванулся к нему...

Катя вскочила на ноги – за валунами Гектор голыми руками пытался загасить на визжащем от ужаса противнике пламя. Ружье тот выпустил из рук, вопя от страха. Катя сорвала с себя ветровку – но она не годилась из-за синтетики, содрала через голову хлопковое худи, оставшись в одной майке, и помчалась к мужу. Набросила худи сверху на Ковальчука, валявшегося на земле ничком. Вдвоем с Гектором, тоже сорвавшим с себя толстовку, они быстро потушили пламя. К счастью, огонь опалил лишь толстую брезентовую куртку стрелка, не задев ни его свитера, ни бейсболки с «ушами». Бейсболка сползла на лицо стрелку, закрывая его.

И внезапно... Катя увидела торчащие из-под бейсболки светлые волосы, перетянутые резинкой в короткий хвостик... Она резко нагнулась, сорвала бейсболку с головы поверженного и...

Перед ними была Вероника Заборова... сестра Елены Красновой!

Катя смотрела на нее. Гектор нагнулся, поднял «помпу».

– «Ремингтон», – прошептал он. – У нее восемьсот семидесятый охотничий... с телескопическим прикладом... разборный...

Медленно приблизились Горбаткин и полковник Гуцин. Вероника повернулась и села, отрешенно глядя на свои измазанные сажей руки. Ее лицо почернело от копоти.

– Вы?! – ахнул полковник Гуцин. – Так это, значит, вы все... ее сестра... но как же... Вы устроили нам засаду у грота, расстреливали нас, а остальных... Их всех, выходит, убили вы?! И вы отравили собственную сестру?!

– Ленка не оставила мне выбора, – Вероника воззрилась на них снизу вверх. Взгляд у нее был дикий, остекленевший, речь сбивчивая, отрывистая, она еще не опомнилась от взрыва петарды и страха сгореть заживо. – Она меня вынудила! Она хотела рассказать руководству музея о сокровищах того басмача! Вы же только из пещеры, я следила за вами... Вы отыскиали для меня главное – вход... Вы торчали внутри полтора часа. Шарили в гроте, да? Набивали карманы? Клад внутри? Слитки золотые? Драгоценности? Много награбил в Китае тот чокнутый басмач-националист? Какое добро он перевозил в грот в своем караване на фото?! Бриллианты? Ювелирку? Ленка, сеструха... зараза... она просто сошла с ума! Она перестала слушать меня – старшую сестру! Прекословила мне, возражала! Она хотела известить свой чертов музей, ждала, когда вернется директор, руководство их лаборатории. Она вознамерилась отдать своему зоомузею все, начиная от посылки!! Но у того придурка в Шалаево ее не оказалось! Косоглазый Шахрияр водил за нос Тольку Ковальчука и Ленку, а я... я убила его посыльного. Но Ленку, сеструху, я убивать не хотела! Я ее силилась остановить! Не допустить огласки! Я ее убеждала, уговаривала, умоляла чуть ли не на коленях не быть идиоткой! «Все сокровища грота станут наши с тобой, мы разбогатеем, уедем, сбежим! – твердила я ей. – И к черту всех. К дьяволу выжигу Тольку Ковальчука! И к черту музей!» Но Ленка уперлась! Жаждала поделиться нашим секретом на миллионы со своим начальством, кретинка!

Они слушали истерическое злобное признание, вырванное из ее души контузией от взрыва и животным страхом сгореть заживо. Им даже не пришлось давить на нее... Женщины порой проявляют крайнюю жестокость, но они выказывают и неожиданную слабость, когда судьба, наказывая их, поворачивается к ним спиной, а смерть

заглядывает в лицо. Гектор отдал Кате свой мобильный – единственный оставшийся в рабочем состоянии: снимай ее на камеру.

«Она искренне верит, что в пещере – золото, ценности...» – пронеслось в голове у Кати.

– Елена вам все рассказала? Поделилась сведениями от Ковальчука и найденным ею в архиве музея? – спросила она Веронику. – Вы действовали с ней вместе? Заодно?

– Попробовала бы она мне не признаться! – Вероника вскинула голову. – С детства Ленка мне подчинялась во всем. Поступала по моему. Разве способен Толька-комбинатор сравниться со мной во влиянии на нее? Он ее бросил в юности. Я заставила его отойти в сторону. Он бы ее погубил, сломал ей жизнь. Я ее, девчонку, оградила от него. Они не могли стать полноценной парой. Я ее спасла второй раз – на Камчатке во время нашего отпуска. Мы втроем наблюдали медведей, ловивших в реке лососей, а Ленка... зоолог хренов... сунулась к медведице с медвежатами, и та за ней погналась. Я пристрелила зверюгу из ружья мужа, когда он лишь метался в панике! Я дважды спасла Ленку – от позора, унижения и от гибели. Она помнила свои долги передо мной. Но лишь до тех пор, пока не увидела чертовы снимки, проданные Ковальчуку Шахрияром!

– Сделанные внутри грота? – уточнил сразу Гектор.

– Именно! Сначала все шло у нас гладко. Ленка сразу рассказала мне про объявившегося после долгого времени Тольку Ковальчука и его находку, про его просьбу помочь с розысками пропавшей экспедиции. Показала его снимки – где басмачи везут караваном свое золото, дала почитать мне все записки в своем мобильном. Я сразу поняла – Толька Ковальчук нашел наконец свой Клондайк. Он искал его с юности всю жизнь. Мечтал о большом куше. О миллионах! И дело с кладом в пещере – настоящий верняк, иначе бы он не стал в него вкладываться, суетиться, привлекать Ленку, платить бабло приезжему Шахрияру. А тот ему клятвенно подтвердил – клад басмача в горах никто до сих пор не нашел, иначе бы вся округа знала. Целый он лежит в той пещере, надо лишь ее отыскать. Мы с Ленкой все это вместе обсуждали, мы, сестры, были в то время единым целым. А Толька, лох, и не подозревал, что и я вступила в дело... Ленке даже нравилось его дурить на пару со мной. Но затем Ковальчук переслал ей фотки, привезенные Шахрияром из пещеры. И сеструху мою словно

подменили! Она вдруг объявила мне: «Речь, возможно, идет о величайшем мировом открытии. В гроте – бесценное сокровище, но не то, что Толька и ты, Ника, думаете». Я ее спросила: «А какая еще хрень там?» Она надулась и сразу завиляла: «Мне надо проконсультироваться с руководством музея, когда посылка окажется у меня в руках. Я покажу им фотографии и содержимое, проведем анализ, исследуем...» Дура набитая! Предательница! Она вознамерилась меня кинуть в решающий момент. Ладно Ковальчука своего, но меня! Сестру-спасительницу! – взбешенная Вероника с силой ударила грязным кулаком по земле. – Я в толк не возьму, какую хрень она разглядела на тех чертовых мутных фотках из грота столетней давности?! Я их сама изучала – ничего не поняла. А Ленка все бубнила про величайшее открытие в науке. Я ее честно уговаривала – в пятницу, когда мы встретились, всю ночь у нее дома и половину субботы. Я торопилась – ведь ее руководство скоро возвращалось в Москву. Я колебалась... Жалела ее, дуру... Умоляла ее одуматься. Но она отвергла все мои доводы и просьбы. В нее словно демон вселился – она возжаждала славы ученого, сделавшего открытие мировой важности. «Слава и престиж в науке – не бабло, Ника, – завилла она мне, пыжась. – Но тебе не понять». И тогда я решилась...

– Как вы поступили с сестрой? – спросил полковник Гуцин.

– Я ей еще дала время подумать до утра воскресенья. Приехала снова в наш Красный Железнодорожник к ней на квартиру. Она приготовила завтрак. И по-прежнему стояла на своем. Я поняла – все бесполезно. И я дала ей яд. Прихватила с собой порошок. У меня были таблетки от кротов на участке, я их дома растолкла в ступке. Они и лошадь в момент прикончат, не только сестрицу – считала я, наивная... Подсыпала ей порциями в черный кофе в чашку незаметно. Сама варила его на плите для нас в турке все воскресенье. Затем я уехала, оставила ее, отравленную... Думала – Ленка умрет дома, наглодается еще и своих нейрорептиков. Все вместе ее доконает. А спишут все на суицид. Меня же никто не видел у нее в воскресенье. А в понедельник ее в музее не хватятся, у них выходной. Но сеструха оказалась живучей. Скончалась не сразу. В понедельник даже пришла в музей... напоследок... А я и не ведала...

– Она же собиралась в понедельник ехать в Шалаево, забрать нечто у посыльного Шахрияра, – заметил Гектор. – Не сходятся концы

у вас, Вероника.

– Я! Я должна была отправиться в Шалаево в понедельник! По нашему с ней уговору! – Заборова вновь ударила кулаком по земле. – Единственное, на чем я настояла в воскресенье, и Ленка согласилась: чтобы в Шалаево я одна в понедельник сгоняла на машине – мне ведь с Пахры до Шалаево совсем недалеко – и забрала посылку. Я ее убедила: «Жди меня дома вечером. Мы все с тобой вскроем, рассмотрим вместе. Решим, как быть дальше, что врать Ковальчуку, и насчет твоего музея все обсудим спокойно». Я ей просто вешала лапшу на уши, я же считала – она не доживет до понедельника... И сестра мне уступила поездку – видно, хотела меня успокоить, выказать свое доверие... Тоже напоследок...

Вероника внезапно всхлипнула и вытерла грязной рукой слезы на чумазых щеках. А Катя вспомнила роковой вечер в Никитском переулке. Елену Краснову на асфальте, судорогу боли на ее лице... Она ни словом не упомянула про Веронику... не выдала ее даже перед лицом смерти. Вопрос – догадалась ли она, умирая, что сотворила с ней сестра? Либо восприняла свой приступ следствием естественной причины? Или вообще умирающие не строят уже догадок, лишь пытаются донести самое главное... важное. «Предупредите, скажите...» – шептала Краснова тогда, имея в виду явно свой музей. Возможно, посылая их в Шалаево, она *напоследок* желала, чтобы «доказательство из грота» они забрали либо у курьера, либо у ее сестры Ники и передали в альма-матер. После падения из окна от шока и яда ее сознание путалось. Но еще днем в магазине, чувствуя себя относительно сносно, она намеренно утаила участие сестры в поездке за посылкой и от своего бывшего возлюбленного Ковальчука. Она сама плела собственные интриги и плодила секреты, в душе страстно желая научной славы первооткрывателя. Катя подумала: «Я тоже ошиблась, считая, что она не поехала в Шалаево из-за дурного самочувствия. Нет, Елена подобным образом просто давала своей сестре Нике шанс стать ее прямой соучастницей в предполагаемом мировом открытии. Но *где именно* посылочный хранит привезенное, обе сестры и понятия не имели...»

– Зачем же вы убили гонца Шахрияра в Шалаево? – спросил Гектор.

– Мерзкий подонок меня достал! – лицо Вероники исказилось. – Я приехала на перекресток, он ждал меня на пустыре у развалин. Я знала от Ленки – мы ему ничего не должны платить, с ними всеми рассчитывается лох Ковальчук. Но мерзавец вдруг потребовал с меня двадцать тысяч, хлеба из своего пузыря. Причем только налом требовал, гад. А я не имела при себе ни копейки наличных. Я сказала, что переведу ему на карту, а он заржал, уперся – нет, давай ему нал. Как мне было поступить? Убраться, несолоно хлебавши?! Мы начали с ним лаяться на пустыре, и вдруг он...

– Что? – Полковник Гушин смотрел на нее – грязную, плачущую, злую, скорчившуюся у их ног.

– Содрал с себя портки, оголил жопу и при мне – женщине!! – сел на корточки гадить! – неистово выкрикнула Вероника. – Я дара речи лишилась! Непотребство... неуважение... Стыд! Будто я – пустое место! Я словно ослепла. Схватила подвернувшийся под руку штырь и шарахнула его по башке, чтобы не вонял! Я не собиралась его убивать, поймите, я утратила контроль. А он... ткнулся мордой в землю, захрипел... Я страшно испугалась. Если он оклемается, меня же и заложит. А я ведь уже сеструху отравила... Мне нельзя светиться нигде. Я его ударила несколько раз штырем. Он затих. Я его всего обыскала, но не нашла ни коробки, ни свертка. Я боялась долго торчать на пустыре у трупа. Решила – может, посылка крохотная, он хранит ее в своих шмотках зашитой под подкладку или в обуви. Например, перстень из грота или камешек-сапфир. Я его раздела и разула. Бросила голого на пустыре. Уехала в лес и до темноты обыскивала его тряпки и кроссовки. Ничего не нашла! Утопила барахло и штырь окровавленный в лесной яме с водой.

Полковник Гушин вспомнил слова эксперта о предполагаемом высоком росте убийцы гонца. Эксперт крупно ошибся – удар штырем невысокая Вероника нанесла Омуралиеву по голове, когда он под действием слабительного присел на корточки. Исходя из логики традиционного «мула», его поступок был вполне обычным – он пытался извлечь из себя «посылку» для клиента. Они с Вероникой просто не поняли друг друга...

– А теперь, Вероника, расскажите нам про вдову Осмолдовскую, – попросила Катя. Вежливый, спокойный тон в отношении Заборовой давался ей нелегко. Но им надо быстрее узнать всю правду до конца,

пока Вероника, контуженная взрывом, болтает без умолку, а то еще замкнется в посттравматическом синдроме.

– Ленка отыскала старуху-вдову через музейных крыс. Позвонила ей при мне, спросила: вы запрашивали с музея сто тысяч во время юбилея Велиантова, хотели продать что-то? Не связано ли это с путешествием на Тянь-Шань вашего первого мужа Юрия? Старуха ответила: да, да! И Ленка попросила ее о личной встрече – все обсудить. Она про Осмоловскую честно известила и Тольку, но лишь о телефонном разговоре, но не о нашей с ней поездке в Вороново на следующий день.

– Вы вместе с Еленой посещали Осмоловскую на даче? – быстро вставил полковник Гущин.

– Старуха нас сама просила приехать. А на даче в Вороново объявила: «От первого мужа я сохранила часть его последнего письма...»

– Телеграмму, – поправил полковник Гущин. Они все напряженно, внимательно слушали Веронику.

– Нет, старуха сказала: «часть последнего письма», – упрямо повторила Вероника. – «В нем – прямое указание на место таинственной находки, сделанной дядей моего Юры в тридцать первом году». Ее, мол, жаждал отыскать и Юра, отправился на Тянь-Шань и погиб там. «Я хочу за листок из письма сто пятьдесят тысяч». Услышав, я просто обалдела от ее запросов, жадности. Сто пятьдесят кусков! Я попросила показать нам сначала листок – может, туфта? Подлог? Но старуха уперлась: «Покажу, а вы разглядите и запомните все, оставите меня на бобах, не заплатите. Вы погодите, подумайте, выбор за вами. А то снова зоомузею предложу, раз ажиотаж вокруг всего этого вдруг возник». И мы отчалили с Ленкой из Вороново.

Катя представила себе Осмоловскую – вдову переводчика и затем черного ростовщика. Второй муж вложил в ее сердце алчность и расчет, на ее же погибель.

– После вашего визита ко мне и вопросов, – продолжила Вероника, – я поняла – нужно скорее закончить дела с вдовой. Я к ней нагрянула днем без звонка. Отправилась на перекладных, не на своей машине, на трассе много камер, я в наш первый с Ленкой приезд в Вороново на своей тачке засветилась. Больше не хотела рисковать. Постучалась в калитку. Объявила, что надумала и привезла деньги.

Старуха меня впустила. Усадила в саду за стол, сама отправилась в дом, принесла листок. Но... не отдала мне его. Потребовала уже двести кусков. Я ей: «Уговор был на сто пятьдесят». Я снова взбесилась от ее жадности: я по уши в мужниных долгах, для меня сто пятьдесят тысяч сейчас – большая сумма, а старая стерва набивает цену. Осмоловская глянула на меня искоса и выдала: «Ко мне уже приходили полицейские, спрашивали настойчиво о вашей сестре и архиве первого мужа. Но я им пока ничего не сказала. А в музее мне вчера сообщили – вашу сестру убили». Она пялилась на меня... Она, конечно, догадаться ни о чем не могла, но я покрылась липким потом под ее змеиным взором. Мы же с Ленкой вместе посещали ее, и Ленка от Ковальчука наш визит скрывает, Осмоловская могла проговориться и вам, полиции, и Ковальчуку, если бы он к ней нагрязнул. Ужас сковал меня. Я ей протянула пачку наличных – мол, согласна. Она села к столу пересчитывать, склонилась. Ее седой затылок маячил... Я снова будто ослепла. Схватила садовый железный стул и ударила ее по голове сзади. Она упала, не вскрикнув. Я молотила ее стулом. Приложила пальцы к шее – жива ли, ощутила пульс. И тогда я ударила ее в лицо ножкой стула, похожей на тот штырь с пустыря... достаточно острый, чтобы пробить ей череп.

– Вы угодили ножкой стула Осмоловской в глаз, – хрипло напомнил полковник Гуцин.

Вероника метнула на него взгляд и... внезапно снова всхлипнула.

– Лист из последнего письма Юрия Велиантова при вас? – спросил Гектор. – Отдайте.

– Я его отсканировала на мобильный. И уничтожила, – ответила Вероника.

Катя по ее лицу не могла угадать, лжет она или говорит правду.

– Не могла его касаться после убийства старухи... тошно... И потом, он же – улика против меня. На листке оказался просто рисунок – грубый, дилетантский – горы Хан-Тенгри. И еще цифры. Координаты.

– Широта и долгота, – кивнул Гектор.

– Я не особенно разбираюсь в географии, я проверила по интернету – ввела широту и долготу, оказалось место в Казахстане в Комирши. Я нашла топографа, заплатила ему, и он для меня все

определил точно – ущелье Комирши, горный массив, исток реки Тарим-дарья.

Катя глянула на Гектора – он оказался прав и в этой своей догадке. Юрий Велиантов в письме к молодой жене послал ей координаты места, до которого пытался добраться в поисках грота. Но не смог из-за Айнур и ее семьи.

– В интернете я прочла: ущелье доступно для обычного туризма. Решила ехать искать грот, у меня же имелись координаты, где он находится, про исток речки я собиралась разузнать на месте. Я думала, обойду все окрестности у истока и отыщу мою пещеру с кладом. После вашего визита я поняла – у меня и кроме Ковальчука могут быть конкуренты, уж больно вы интересуетесь, надо спешить. Мы с покойным мужем часто путешествовали – муж любил экстремальный туризм, у меня сохранилось снаряжение, палатка наша. Я добиралась четыре дня – поездом до Алматы с пересадкой в Павлодаре с большим багажом.

– И с разборным помповым «Ремингтоном» в чемодане, – хмыкнул Гектор, кивая на ружье в руках Гущина.

– Ружье муж купил незадолго до смерти, не успел зарегистрировать. Я не избавилась от него, припрятала. Забрала с собой в Комирши – поэтому поехала поездом, на самолете ведь не провезешь ствол в тубусе, – Вероника помолчала. – Я вооружилась против Тольки Ковальчука. Прикидывала шансы в нашей с ним схватке здесь, в горах, у грота, если бы он все же сюда добрался. Вас, ментов, я опасалась, но... не рассчитывала, что вы меня опередите. Я не собиралась уступать сокровища басмача никому. Дважды в жизни меня лишали всего. В юности, когда бандюги прикончили моего благоверного и угрозами отняли у меня наш ночной клуб в Балашихе. Я через пару лет подкараулила их бандитского папика пьяным и сбила своей машиной. Водителя менты не нашли, а мой разоритель подох. – Вероника вдруг ощерилась в жестокой ухмылке. – Но у меня вторично отжали все уже силовики – наш стрелковый тир после смерти моего Валерки. Я в одиночку не в силах выплатить все его долги без дохода... я скоро лишусь особняка на Пахре, останусь ни с чем. Я не просто ищу клад от безделья или скуки, мне позарез нужны деньги!! – истерически заорала Вероника. – Для меня клад – вопрос выживания. Последний мой шанс. Я не желаю сдохнуть нищей в канаве! Я

отравила Ленку ради клада и прикончила еще двоих... И вы спрашиваете – зачем мне ружье?! Я бы убила Ковальчука, как я пыталась расстрелять и вас, узнав главное – где вход туда... в пещеру...

– А вы сами, даже имея на руках точные координаты, вход не нашли? – спросила Катя.

– Нет, – Вероника поникла. – Я здесь торчу больше суток. Про место истока речки узнала еще в Алматы. Редких туристов водят на водопад ниже по склону. Сюда никто не поднимается, Хан-Тенгри здесь виден лишь при особом освещении, редко. Я наняла в Алматы проводника с машиной – добраться до водопада. Мы приехали в Комирши, он довел меня, и я его отпустила. Поднялась одна к источнику в скале. Искала грот! И ничего! Сама судьба надо мной смеялась... гадина... – Вероника всхлипнула. – Или чертова гора меня морочила, водила кругами. Я уже искала сук, где повешусь. И вдруг услышала ваши голоса. Вы брели по склону группой. И я поняла: вы – мой последний шанс. Если вы найдете вход, я вас прикончу, подобно басмачу, грохнувшему тех, других... Ну, я вам все рассказала... Теперь вы откройте мне, ЧТО В ГРОТЕ? Сколько там всего?!

– Вероника, в гроте нет ни золота, ни драгоценностей, – ответила Катя. – Подумайте сами – вы же выследили нас у входа в расщелину, она слишком узкая для ящиков с золотыми слитками.

– А что в МОЕЙ пещере? – Вероника медленно встала с земли. – Ты лжешь! Дрянь! Как же нет ничего?! А зачем вы торчали внутри полтора часа?!

Шум... шорох катящихся камней по склону... Гектор глянул в сторону расщелины, вверх. Но в сумраке ничего уже не различить. Внезапно наверху вспыхнул яркий багровый огонь. Кто-то запалил факел!

Дальнейшее произошло одновременно.

– Эй, вы!!! – крик сверху – горное эхо подхватило его и умножило стократно.

– А где Кашгаров?! – ахнул полковник Гуцин. – Она его подстрелила, он упал в крови...

– Я сама проверю! Внутри все мое! – дико заорала Вероника и... со всех ног бросилась к расщелине, сбив с ног стоявшего на пути Горбаткина.

Гектор легко мог бы догнать ее. Катя видела – он бы ее настиг и остановил без усилий, но он... не отрывал взора от факела наверху.

– Все назад! – приказал он. – Отходим.

Вероника, разбрызгивая воду озера, достигла тайной расщелины и боком протиснулась внутрь. А наверху вспыхнул еще один факел. В багряном свете они увидели Адила Кашгарова у нагромождения камней и обломков скал выше по склону над самой расщелиной. Его левая простреленная рука висела плетью. Но пуля, попав ему в запястье, разорвала веревку, освободив от пут. Окровавленный, раненый, грязный, он, однако, крепко держался на ногах, потрясая зажженным факелом в здоровой руке. Второй факел он воткнул в каменный завал.

– Назад, назад! – Гектор схватил Катю за руку, увлекая за собой и одновременно помогая Горбаткину подняться: – Сева, прочь! Федор Матвеевич, скорее! Имин Хислат, уходи! Лошадь уводи!

– «Держи семейный порох сухим!», – приказала, умирая, мне великая Айнур! – неистово выкрикнул у камней Адиль, размахивая факелом – огненным флагом. – «Если не сможешь защитить – взорви! Замуруй навечно храм Темного предка, куда столетиями мы приходили поклониться!» Я еще до отъезда в Москву припас для всех незваных тварей гостинец!

– Он динамитом напичкал завал камней наверху! Загодя приготовился! – Гектор подхватил Катю в охапку, подтолкнул замешкавшегося Горбаткина. – Быстро! В любое укрытие!

– Остановитесь! – завопил Горбаткин, его уже и полковник Гушин с силой тащил за собой прочь. – Полный скелет мегантропа бесценен для науки! Одумайтесь! Не уничтожайте великое открытие нашего века!

– Это для тебя, червя, он мегантроп! – заорал сверху Адиль. – А для меня Великий дух! Страж Небесной горы и мой праотец! Я не дам вам забрать его! О Великий Темный, я кладу каменную печать! Я иду к тебе! Вместе сейчас взойдем на Небесную гору! Мой род твоих преданных слуг оттуда наблюдает за мной! Вижу вас всех... Тебя, мой Дэв-хан, и Айнур... *в очах души моей!*

Он взмахнул факелом, рассыпая вокруг себя сноп искр, – вспыхнуло в камнях! Дальнейшее снова произошло одновременно в течение нескольких секунд. Топот копыт – проводник на лошади

умчался вниз по склону. Гектор толкнул Катю за ствол упавшей ели в яму под вывороченными корнями. Гуцин ударил застывшего на месте Горбаткина (тот отчаянно пялился на искры огня, пляшущие в темноте) в спину, повергая наземь, и сам грохнулся рядом, таща его за высокий валун. Гектор, убедившись, что они кое-как спрятались, прыгнул в яму и накрыл Катю собой. И в это мгновение Адиль ногой выбил второй факел из каменной щели. Свой факел, словно пылающее копье, он вонзил между двух валунов, где, видимо, и уложил заранее ящик с динамитом или бочку с порохом.

Взрыв!!

Он сотряс горы.

Грохот!

Эхо... Эхо...

Гектор прижал Катю к мокрой земле, защищая своим телом – ждал камнепада, ливня огненного... Но на них полетели ветки елей, сорванные взрывной волной, их обсыпало хвоей.

Шум воды...

Тишина...

Сколько времени прошло – никто не считал. Гектор и Катя медленно выбрались из ямы. В сполохах пожара окрестный пейзаж изменился до неузнаваемости. Не существовало больше складчатой скалы с расщелиной-входом. При направленном взрыве, устроенном Кашгаровым, под тяжестью упавших сверху каменных глыб она обрушилась внутрь каменного колодца, наглухо замуравывая вход в тайный грот. Источник уже не бил струей из гранитной стены, вода сочилась сквозь щели заново образовавшегося от взрыва гигантского нагромождения камней, затопляя завал. Внезапно напор усилился, вода сначала заструилась потоком, забила фонтаном. Взрыв и камнепад изменили старое подземное русло реки, дав начало новому горному водопаду – истоку. Он загасил горевший кустарник, наполнив ночной воздух свежестью и запахом мокрой гари...

Катя, вытирая с лица грязь, крепко прижимаясь к мужу, слушала шум водопада. В ясном безоблачном ночном небе в свете луны выступали из тьмы очертания Небесной горы.

Великий Хан-Тенгри видел на своем веку и не такое. И принимал все.

Глава 45

Перст указующий

Минуло два дня. Они остались в Катиной памяти навсегда.

Ночь, когда они ждали вертолет горноспасателей, вызванный Гектором, а сами пытались докричаться до Адила и Вероники, погребенных под обломками скал. Но лишь тишина отвечала им. Катя с болью думала о женщине, отравительнице сестры и жестокой убийце, подверженной приступам неконтролируемой ярости, поверившей в реальность «клада» до исступления. И об уйгурском принце-Шаде, верном и ужасном слуге Темного предка, процитировавшем внезапно в своем последнем обращении к нему слова Гамлета об «очах моей души». Они теперь покоились вместе в одной каменной могиле. Насколько опасны алчность и легкоеверие? И где грань между *верой* и чистым фанатизмом? Способны ли интеллект и просвещение поставить ему заслон?

Всю ночь они жгли костер – знак для вертолета, но горноспасатели прилетели лишь на рассвете. До их прибытия полковник Гуцин выбросил ружье «Ремингтон», его подхватил и унес мутный поток нового водопада. Гектор и Катя не остановили его. Вертолет смог приземлиться лишь на опушке плохого леса, и горноспасатели добирались до уступа пешком. Затем они все вместе обследовали завал – долго, тщательно, снова окликаая погребенных по именам. Вертолет поднимался в воздух и кружил над местом взрыва, передавая по связи спасателям: никаких следов пропавших людей, огромный завал, он теперь уже останется навечно. В сумерках все поисковые работы прекратили. Гектор, Катя, полковник Гуцин и Горбаткин вместе со спасателями спустились к опушке леса. У вертолета их ждал проводник на лошади, целый и невредимый – и в стельку пьяный. Пока шли, Гектор успел подзарядить свой мобильный и телефон Гуцина через пауэрбанк, хотя его ресурсы тоже находились на пределе. Проводник отправился вниз верхом, а они все погрузились в вертолет горноспасателей, и он доставил их в нижний лагерь. Утром туда нагрянули казахские стражи порядка. Они дотошно допросили их всех об обстоятельствах катастрофы в горах. К счастью, у них

четверых ночью у костра в ожидании вертолета было достаточно времени договориться о своих общих показаниях казахской полиции с минимумом информации о происшедшем и о тайне грота. Полковник Гушин, представившись коллегам официально, сразу передал им видеозапись признания Адила Кашгарова в убийстве Абдулкасимова и инженера Шахрияра. Правда, прежде он лично тщательно отредактировал видео и сильно его сократил. А видеозапись признания Вероники, пересланную ему Гектором, Гушин от казахских коллег утаил. Гектор же вообще стер это видео у себя в мобильном. Катя не вмешивалась, размышляя: они все сейчас невольно оказались на стороне уйгурского принца, охраняя тайну замурованного грота от посторонних? Или ими движут иные причины? Все же они не дома, они – путешественники в чужой стране со своими законами и порядками. Следует проявлять осмотрительность и осторожность. Полковник Гушин, опытный в подобных делах, оставляет за собой право распоряжаться признанием Вероники. Однако им еще неизвестна позиция проводника, свидетеля всего случившегося в горах. Что расскажет он местным полицейским? Уйгур Имин Хислат повел себя мудро: «У меня всю память взрывом отшибло, не помню я вообще ничего», – молвил он стражам порядка, качаясь на нетвердых ногах. После отъезда полиции из лагеря Гектор щедро с ним расплатился и поблагодарил его.

Они быстро свернули лагерь и спешно повезли орнитолога Горбаткина в аэропорт. Казахские силовики скоро свяжутся с коллегами из Киргизии, чтобы узнать подробности об арендованной им машине. Несмотря на видеозапись признания Кашгарова в убийстве Абдулкасимова, орнитолога ожидают долгие и серьезные разборки с правоохранителями сразу двух государств. Его пока не задержали, отпустили, но расслабляться не стоит. Лучше скорее покинуть страну. Гектор прикинул: ближайший к Комирши аэропорт не в Алматы, а на Иссык-Куле в Киргизии. В отличие от Каракола, туда все еще летают прямые рейсы из Москвы, возят туристов на озеро. Им предстоит всем вместе возвращаться на Иссык-Куль, вновь пересекая границу. В пути беспечный Горбаткин о своих проблемах с законом особо не переживал, он оплакивал гибель величайшего открытия века:

– Все пропало! И ни фотографий, ни видео у меня не осталось из-за разбитого пулей телефона!

Гектор утешил его:

– Я отснял несколько фоток внутри грота, дарю тебе, Сева, владей.

Горбаткин испустил вопль восторга, узрев фотографии полного скелета мегантропа. Попросил мобильный Гектора и написал Адели Викторовне, послал ей снимки. Хранительница оссуария ответила лаконично: «Обсудим в музее, возвращайтесь!» Горбаткин, не выдержав искушения, сразу запостил пару фотографий на форум любителей-криптозоологов: проверить реакцию. И расстроился, сник.

– Коменты посыпались: фейк, подстава, – объявил он скорбно. – Не верят! Косные, недалекие...

– Жалкие, ничтожные личности! – голосом Паниковского подхватил Гектор. – Севочка, се ля ви.

– Несмотря на нашу жесткую дискуссию на Симоновом валу, я безмерно благодарен судьбе, подарившей мне встречу с вами. – Горбаткин обвел их всех взглядом в машине. – И возможность найти грот Велиантова и его друзей. Великое открытие все равно состоялось, пусть мир и не узнал о нем.

– Плюс-плюс^[29]. И много sorry за тот мой наезд, – в серых глазах Гектора сверкали искры-чертики. – В качестве компенсации от меня тебе новый ночной «двуглазый».

– Спасибо, буду рад экипировке, я же свою в машине бросил, – вздохнул Горбаткин. – Федор Матвеевич, а за мной для вас, нашего соседа по Никитскому переулку, экскурсия по всей альма-матер. Покажу вам хранилища, куда никогда не ступала нога чужака!

В этот момент у полковника Гущина зазвонил мобильный.

– Федор Матвеевич, вы в отъезде, путаница с часовыми поясами, а у нас новости! – раздался голос криминалиста-эксперта. – Мы наконец-то разобрались с содержимым капсул. Правда, выводы неоднозначные. Везде оказалась не горная порода, а костные останки, окаменелости со следами воздействия огня. Из-за сильных повреждений они не подлежат точной идентификации. Все раздробленно, обожжено огнем. Но мы все же попытались соединить их, понять хотя бы приблизительно, с чем имеем дело.

Они все слушали, затаив дыхание – итак, что же забрал профессор Велиантов из грота?

– Выводы экспертизы? – коротко спросил полковник Гущин.

– Вроде бы части указательного пальца неизвестного примата, – осторожно ответил криминалист-эксперт. – Но, судя по размеру, палец должен принадлежать какому-то гиганту. Совершенно фантастическому существу. Короче, я вас должен огорчить. Перед нами некий розыгрыш. Фейк.

Полковник Гущин поблагодарил коллегу, дал отбой. Они переглянулись. Горбаткин, однако, моментально воспрянул духом.

– Федор Матвеевич, а полиция-сосед не могла бы отдать зоомузею-соседу сей «фейк»? – осведомился он. И Гущин кивнул.

Они добрались до аэропорта среди ночи, купили Горбаткину билет на ближайший утренний рейс до Москвы, а себе – на следующий день. Им еще предстояло уладить дела в Караколе – вернуть арендованный джип, оборудование и расплатиться с хозяевами гостевого дома. Рассвет они встретили на Иссык-Куле. Гектор специально свернул на шоссе вдоль озера. У гостевого дома их ждал заспанный сын хозяев – Гектор списался с ним еще в аэропорту. Он вручил Гектору ключи от своего рыбацкого катера, приспособленного для прогулок туристов, качавшегося у дощатого причала. Сам перегнал джип во двор, оставив их троих на берегу.

– Федор Матвеевич, отдохните. Хозяева завтрак вам готовят. А мы с Катей сплаваем по озеру, – Гектор обнял Катю за плечи. – А нехило мы все прошвырнулись на Тянь-Шань, а, полковник? Пусть и мировая слава первооткрывателей от нас ускользнула.

– Век не забуду нашу поездку, – ответил Гущин.

– Федор Матвеевич, я вам должна теперь сказать одну важную вещь, время пришло, – обратилась к нему Катя. – Я ухожу из полиции. После отпуска в главк я уже не вернусь, я написала рапорт на увольнение. Я решила совсем уйти еще до нашей с Геком свадьбы – это целиком мой выбор. Мы с Геком не можем расставаться даже на час, и я покидаю полицию. Но я не ухожу из профессии. Я по-прежнему останусь криминальным журналистом-обозревателем, только теперь независимым ни от кого. Займусь самостоятельными расследованиями странных, неординарных преступлений, может,

заведу канал или блог о расследованиях. И непременно напишу книгу о нашем путешествии к Небесной горе.

– Свобода, полковник! – Гектор легко поднял Катю на руки. – Вы ощутили ее сладкий вкус в здешних горах? Мы с моей обожаемой женой отныне абсолютно свободные люди. Никто не посмеет нам указывать, что делать, куда ездить, с кем дружить, чьи книги читать, песни петь. Моя жена – смысл моей жизни, я весь в ее власти, я всегда ей во всем помогу. Мы с Катей и вам еще поспособствуем, а? Если возникнет вдруг необходимость. Мое слово вам, полковник.

Гущин молчал. Затем кивнул. Смотрел, как Гектор несет на руках свою единственную драгоценность – жену – к катеру. Они вместе отчалили и поплыли. В катере, наконец-то оставшись наедине, они целовались. Скрылись из виду в озерной дали...

Синева...

Свежесть южного утра...

Простор...

Воля...

Полковник Гущин медленно побрел к гостевому дому. Ради него гостеприимные хозяева спозаранку готовили во дворе лагман. Гущин размышлял о выборе и счастье новобрачных и о Небесной горе, навсегда запавшей в его душу. Впервые ему не хотелось возвращаться домой из отпуска. Если бы воздвиг на склоне лет он свой одинокий шалаш отшельника, спасаясь от окружавшего безумного хаоса, – то лишь у горного водопада с видом на Хан-Тенгри. И с его тайной, отныне надежно сокрытой от всех.

notes

Примечания

1

Билал Назым (1824–1899) – выдающийся уйгурский поэт (*Здесь и далее перевод его стихов Мурата Хамраева*).

Билал Назым.

Титул принца крови у тюркских народов.

4

Шланбой – продажа разбавленных алкогольных напитков
(советский сленг).

Эта история рассказана в книге Т. Степановой «Мойры сплели свои нити».

Архилох – древнегреческий поэт VII века до Рождества Христова.
(Здесь и далее перев. В. Вересаева.)

7

Архилох.

8

Пожалуйста (*англ.*).

9

Дьявол находит занятие праздным рукам (*англ. поговорка*).

Не моя чашка чаю (*англ. поговорка*).

Погребецкий М. Т. (1892–1956) – знаменитый советский альпинист.

История знакомства Кати и Гектора рассказана в книге Т. Степановой «Последняя истина, последняя страсть».

Чингиз Айтматов. «Плаха».

На военном сленге: «прекрасно, хорошо».

Дипротодон – ископаемое животное австралийской мегафауны.

Черный, я черный! (*англ.*)

Архилох (*перевод В. Вересаева*).

Архилох.

Маленькое черное платье! (*фр.*)

Билал Назым (*перев. с уйг. Мурата Хамраева*).

Чужой. Совершенство (*англ.*) – отсылка к фильму Ридли Скотта «Чужой».

Бай-аке – уважительное обращение к старшим у киргизов.

Вся королевская рать (*англ.*).

Ассаламу алейкум, бай-аке! Саламатчылык! – традиционное вежливое приветствие на киргизском, включающее вопрос о здоровье.

Маасалама – до свидания, оставайся с миром (*араб.*).

Насвай – смесь табака с растениями, известью и прочим.

Машряп – уйгурское сообщество мужчин, проживающих рядом, подобное землячеству или клубу.

Пей Веньчжун (1904–1982) – китайский антрополог и палеонтолог.

На военном сленге: «славно», «прекрасно».